Левъ Тихомировъ.

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Монархическая политика.

VII-1238

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 27 августа 1905 года.

Нѣсколько словъ читателямъ.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается моя работа о монархической государственности*). Начатая очень давно, во времена особеннаго подъема интересовъ Русскаго общества къ познанію законовъ человѣческаго существованія, она окончена въ совсѣмъ иную эпоху, всецѣло поглощенную въ жгучіе практическіе вопросы дня.

Какъ всегда неизбѣжно въ такія эпохи, нынѣ всѣ разбились на партіи, враждующія, озлобленныя, въ пылу борьбы обвиняющія другъ друга не только въ дѣйствительныхъ ошибкахъ, но отказывающіяся даже допускать честность и искренность противниковъ, и потерявшія желаніе и способность къ объективности. Въ такое время, сочиненіе, начатое и конченное съ единственной заботой опредѣлить объективную истину въ области изслѣдуемаго принципа, становится внѣ всѣхъ общественныхъ теченій, а потому каждымъ изъ нихъ можетъ быть принято, какъ идущее будто бы противъ него.

Читатели, которые возьмутъ на себя трудъ прочесть мое изслѣдованіе, увидятъ, что оно въ дѣйствительности проникнуто совершенно инымъ духомъ, и не относится къ трудамъ «партійнымъ». Я просто изучаю монархическій принципъ,

---

*) Въ ней не затронута политика, какъ искусство, которое также имѣетъ свою теорію. Но прикладное пользованіе средствами того или иного политическаго принципа составляетъ совершенно особую тему, которую, по ея сложности, даже неудобно разбирать при установкѣ общихъ принциповъ.

который въ политической наукѣ до чрезвычайности не разслѣдованъ.

Невозможно даже сравнить тѣ превосходные труды, которые имѣются въ политической литературѣ по изслѣдованію демократическаго принципа, съ обрывочками мыслей и фактовъ, удѣляемымъ пониманію монархіи, которая (даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о будущемъ) играла такую огромную роль въ прошлыхъ судьбахъ человѣчества. Долженъ же однако имѣть какое-либо глубокое содержаніе принципъ, который былъ способенъ такъ много совершить въ Исторіи?

Вотъ чисто объективный интересъ, который много лѣтъ приковывалъ меня къ моему труду. Справился ли я со своею задачей—это вопросъ, который рѣшать не автору. Но во всякомъ случаѣ я съ такимъ же вниманіемъ и интересомъ работалъ надъ анализомъ учрежденій Римской республики, какъ надъ идеей Московскихъ самодержцевъ, и старался понять идею монархіи совершенно объективно. Я писалъ свою книгу въ Москвѣ такъ, какъ писалъ бы ее въ Нью-Іоркѣ или Парижѣ, если бы былъ Американцемъ или Французомъ.

Но если я не угождаю никакимъ Русскимъ партіямъ, никакимъ силамъ, у власти находящимся, или къ власти стремящимся, то это не значитъ, чтобы я не придавалъ своему труду никакого значенія въ смыслѣ общественной пользы

Во первыхъ, всякая истина, — если автору удалось подмѣтить какія-нибудь ея искорки въ области изслѣдуемаго предмета, непремѣнно такъ или иначе окажется полезна людямъ, если не въ данное время, то въ будущемъ, если не соотечественникамъ автора, то какимъ либо другимъ народамъ. Вовторыхъ, среди партійныхъ раздоровъ, происходящихъ теперь въ Россіи—одной изъ главныхъ причинъ безплодности является недостатокъ политической сознательности. Это самое тревожное противупоказаніе противъ успѣшности и плодотворности той политической работы, къ которой всѣ такъ страстно устремились. Моя же книга зоветъ всѣхъ именно къ политической сознательности въ области государственныхъ принциповъ.

Я вѣрю, что въ различныхъ лагеряхъ, своей враждой раздирающихъ Россію,—есть искреннее убѣжденіе, есть любовь къ общественному благу, и къ родинѣ. А между тѣмъ они, въ своей междуусобицѣ, доходятъ до подрыва не только силъ своей родины, но даже принциповъ общечеловѣческаго блага.

Что же можетъ вывести людей изъ этой междуусобицы, какъ не заговорившій голосъ разума и сознанія?

Этотъ голосъ разума и сознанія моя книга, я вѣрю, не не можетъ до извѣстной степени не вызывать. А поскольку онъ вызывается у людей, постольку междуусобица замѣняется у нихъ творческой работой.

Укажу примѣръ, прямо связанный съ предметомъ моей работы. Теперь—всѣ толкуютъ о монархіи, раздаются голоса за и противъ, раздается ожесточенное отрицаніе и каттегорическое утвержденіе... Но о чемъ же именно идутъ споры? О словѣ ли «монархія» или о какомъ-либо реальномъ учрежденіи? Монархію ли порицаютъ ея противники? Была ли «монархія» именно въ томъ, на что они нападаютъ?

Въ этомъ вопросѣ вся сущность дѣла, а о немъ то и не думаютъ, до такой степени, что даже не знаю, хорошо ли поймутъ мои слова?

Что сказали бы сторонники демократіи, если бы ее отрицали на основаніи практики «охлократіи»? Развѣ критиковать охлократію значитъ критиковать демократію? На этой почвѣ можно сколько угодно ссориться и рѣзаться,—но безъ малѣйшаго толку. Точно также защитникъ охлократіи—можетъ ли быть названъ защитникомъ демократіи? Совершенно наоборотъ,—это несомнѣнно вреднѣйшій человѣкъ для демократіи...

Дѣло въ томъ, что всякій принципъ верховной власти имѣетъ своимъ условіемъ извѣстную, соотвѣтственную ему *организацію націи и государства*. Безъ этого, онъ не только не можетъ дѣйствовать, но иногда просто не существуетъ. Тамъ, гдѣ демократія не организована, и вслѣдствіе этого—дѣйствуетъ не народъ, а случайныя скопища толпы, противорѣчивыя,

озвѣрѣлыя, разрушающія дѣло одна другой—тамъ совершенно нѣтъ демократіи. Есть фальшивая вывѣска, но демократіи нѣтъ, ибо демократія есть правленіе народа, а не случайныхъ кучекъ людей, которыя столь же мало выражаютъ народное правленіе, какъ правленіе единоличное или аристократическое.

Совершенно то же самое примѣнимо и къ вопросу о монархіи. Монархія вовсе не состоитъ въ произволѣ одного человѣка, и не въ произволѣ бюрократической олигархіи. Поскольку все это существуетъ—монархія находится въ небытіи, и странно критиковать ее на основаніи того, что происходитъ тамъ гдѣ ея нѣтъ. Монархія состоитъ въ единоличномъ выраженіи идеи всего національною цѣлаго, а чтобы это могло быть фактомъ, а не вывѣской, необходима извѣстная организація и система учрежденій. Слѣдовательно въ спорѣ о монархіи — прежде всего долженъ являться вопросъ о томъ — была ли она въ данномъ случаѣ или нѣтъ?.. Лишь по рѣшеніи этого, возможно разсужденіе о томъ, хорошо ли было ея дѣйствіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда установлено alibi данаго принципа, дальнѣйшее разбирательство — само собою прекращается, и замѣняется розысканіемъ того, что же было на его мѣстѣ? Какой принципъ, какая комбинація принциповъ?

Полагаю, что на этой почвѣ стихло бы не мало споровъ, и они замѣнились бы совмѣстнымъ исканіемъ осуществленія тѣхъ условій, при которыхъ желательный для насъ принципъ способенъ существовать въ дѣйствительности...

Моя книга приводитъ именно къ опредѣленію условій реальнаго существованія монархическаго принципа. Эти условія могутъ осуществляться различными программами, въ выработку которыхъ я не вхожу. Это дѣло уже не теоріи а практики, искусства, соображенія обстоятельствъ и т. п. Это есть задача государственнаго человѣка, и политическихъ партій. Задача теоріи — указать лишь общія основы существованія и дѣйствія того или иного принципа, и она очень важна, ибо безъ познанія этихъ основъ невозможна никакая разумная практическая программа. Поскольку я правильно понялъ и

установилъ ихъ въ отношенiи монархической государственности, постолько книга моя даетъ и для практики то, чего можно требовать отъ теоретическаго изслѣдованiя.

Дѣло самой практики рѣшать, чѣмъ она хочетъ или можетъ воспользоваться изъ указанiй теорiи. Мое же дѣло, какъ автора настоящей книги, было лишь опредѣлить условiя, при которыхъ монархическiй принципъ возникаетъ и живетъ, и при какихъ онъ уничтожается, каковы учрежденiя, осуществляющiя его идею и способность къ дѣйствiю, и каковы учрежденiя, ведущiя его къ упраздненiю.

Л. Тихомировъ.

12 iюля 1905 г. Виѳанiя.

Государственная Дума 1905 г.

Печатаніе настоящей книги было почти закончено, когда появился Высочайшій Манифестъ 6 августа 1905 г., создавшій въ ряду русскихъ высшихъ государственныхъ учрежденій Государственную Думу, изъ «выборныхъ людей» или представителей народа.

Это новое учрежденіе имѣетъ столь близкое отношеніе къ разбираемой въ V отдѣлѣ системѣ монархическаго управленія, что нельзя не остановиться на нѣкоторой его характеристикѣ.

Послѣ всего сказаннаго у меня о необходимости сочетанной системы управленія (см. главы XXXIV, XXXVIII, XXXIX, XL), излишнее повторять, что Государственная Дума, по основной идеѣ, пополняетъ важный пробѣлъ, доселѣ существовавшій въ нашихъ учрежденіяхъ. Но въ практической постановкѣ ея проявляется двойственность характера.

Съ одной стороны Государственная Дума является, какъ учрежденіе чисто монархическое. Высочайшій Манифестъ 6 августа 1905 года, призывая на законосовѣщательную работу выборныхъ отъ народа людей, оговаривается, что этимъ не ограничивается Царское Самодержавіе.

«Сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о *существѣ самодержавной власти* *), сказано въ

---

*) Статья 1-я перваго раздѣла основныхъ законовъ гласитъ: „*Императоръ Всероссійскій есть Монархъ Самодержавный и неограниченный.* Повиноваться верховной Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ.

Манифестѣ, признали Мы за благо учредить Государственную Думу» и т. д. Присяга членовъ Думы также гласитъ: «Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ передъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, *храня вѣрность* Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому» и т. д.

Исходя, такимъ образомъ, изъ идеи незыблемости монархическаго самодержавія, Манифестъ 6 августа 1905 г. раскрываетъ намѣренія законодателя, упоминая, что, во-первыхъ, еще въ 1903 г. Высочайшая мысль была озабочена «установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни» и «согласованіемъ выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями»; во-вторыхъ, Высочайшая воля рѣшила теперь «призвать выборныхъ людей отъ всей земли русской къ постоянному дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ».

Въ самомъ «учрежденіи» (то-есть уложеніи или уставѣ) Государственной Думы, ей предоставлена еще болѣе широкая компетенція. По статьямъ 34, 54, 55, 56, 57, ей открыты пути законодательной инициативы, по статьямъ 35, 58, 59, 60, 61—дано право запросовъ министрамъ, т.-е. контроля за дѣйствіями исполнительной власти.

Эта широкая компетенція новаго учрежденія сама по себѣ ни мало не противурѣчитъ монархической идеѣ. Какъ сказано въ главѣ XL, общественныя силы въ высшемъ государственномъ управленіи, полезны именно среди функцій законодательныхъ и контрольныхъ. Такимъ образомъ, всю эту сторону новаго учрежденія должно признать строго выдержанной съ точки зрѣнія монархической идеи, приступившей къ созиданію сочетанной системы управленія.

Но переходя къ практическому осуществленію предначер-

таній законодателя, мы не можемъ замѣтить этой выдержанности.

Уставъ Государственной Думы возбуждаетъ немало критическихъ замѣчаній даже съ редакціонной стороны*). Но гораздо важнѣе то, что система выборовъ установлена въ немъ безъ выдержанной принципіально точки зрѣнія.

Высочайшій манифестъ 6 августа созидаетъ чисто *монархическое* учрежденіе. Принятая же уставомъ система выборовъ давая преобладаніе общегражданской идеѣ — тѣмъ самымъ неизбѣжно вводитъ въ Думу зародыши парламентаризма.

Логической посылкой, изъ которой, по мысли законодателя, вытекаетъ учрежденіе Государственной Думы, являются слова манифеста о томъ, что «государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ царя съ народомъ и народа съ царемъ», и что «согласіе и единеніе царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ»... Учредительная разработка этихъ посылокъ, очевидно, должна бы проникнуться національнымъ историческимъ духомъ,

---

*) Такъ, уставъ (учрежденіе) Государственной Думы не достаточно согласованъ даже съ Высочайшимъ манифестомъ. Въ манифестѣ указано на давнее намѣреніе законодателя „согласовать выборныя общественныя учрежденія съ правительственными властями". Въ уставѣ Думы не сдѣлано для этого ничего, хотя, казалось бы, это было достижимо отведеніемъ въ ней какого-либо мѣста представителямъ отъ земскихъ и городскихъ управленій. Съ другой же стороны — уставомъ Думы ей даны такія права, о которыхъ совершенно не упоминается въ манифестѣ (законодательная инициатива и запросы министрамъ).

Будучи поставлена въ тѣсную связь съ Государственнымъ Совѣтомъ, Государственная Дума не согласована и съ этимъ учрежденіемъ. Она подчинена ему, и дѣйствуетъ въ значительной мѣрѣ только черезъ него, а въ то же время облечена правами, которыхъ не имѣетъ самъ Государственный Совѣтъ.

Опредѣленіе компетенціи Государственной Думы приходится разыскивать по различнымъ статьямъ устава, при чемъ общій духъ статьи 1-й и 33-й представляетъ замѣтную разницу. Нерѣдко самыя выраженія устава Государственной Думы не достаточно ясны: что значитъ, напримѣръ, выраженіе „вѣдѣнію Думы подлежатъ *предметы*, требующіе изданія законовъ и штатовъ". Что такое „предметы" и почему они такъ связаны со „штатами", которыхъ въ многихъ случаяхъ можетъ и не быть? Регламентируя непремѣнное раздѣленіе Думы на отдѣлы, и даже предписывая ихъ минимальное и максимальное число, уставъ однако не опредѣляетъ, что именно подлежитъ ихъ вѣдѣнію. Всѣ такія несогласованности и неясности, разумѣется, крайне неудобны въ актѣ столь важнаго значенія.

а потому дать въ составѣ выборныхъ людей именно выразителей нуждъ и мысли русской земли, то есть русскаго народа въ его соціальныхъ слояхъ, гдѣ только и живутъ дѣйствительная мысль и дѣйствительные интересы всякаго народа.

Во главѣ XXXIX настоящей книги указано существенное различіе «монархической» и «демократической» идеи народнаго представительства. Отсылая читателей къ этой главѣ, я лишь кратко напомню, что «монархическое представительство»—по существу національно и создается представительствомъ соціальныхъ слоевъ. Въ примѣчаніи на стран. 207 и 208 приведена приблизительная схема того, какимъ образомъ въ настоящее время могло бы быть выражено сословно-соціальное представительства «всей русской земли». Если намъ требуется то же самое представительство, которымъ единилась земля съ царемъ въ прежніе вѣка, то его можно получить только такой же системой выборовъ, а никакъ не ставя ихъ на почву *общегражданскую*.

Эта послѣдняя, какъ подробно уясняется въ настоящей книгѣ, пригодна лишь для представительства верховной власти народа, а вовсе не для выраженія его духа, желаній и мысли.

Въ уставѣ Государственной Думы усвоена, однако, именно система выборовъ почти всецѣло на основахъ общегражденскихъ. Сдѣлано нѣкоторое исключеніе для крестьянъ (51 депутатъ), и казаковъ (3 депутата). Остальные 358 выборныхъ членовъ думы посылаются народомъ на общегражданскихъ началахъ, по большинству голосовъ, не различая даже русскихъ отъ инородцевъ. Національная идея при этомъ столь же отсутствуетъ какъ и соціальная. Между тѣмъ единеніе царя и народа, которымъ созидалась Россія, имѣло мѣсто именно въ средѣ русскаго народа, а не среди поляковъ, евреевъ, армянъ и т. д. Конечно, *всѣ* подданные могутъ вносить свою лепту въ сокровищницу царскаго законосовѣщанія, но при безсословности выборовъ требуется нѣкоторая пропорціональность, которая, по крайней мѣрѣ, не допускала бы заглушенія русскихъ голосовъ инородческими или даже анти-русскими. Въ принятой уставомъ системѣ выборовъ даже и это не обезпе-

чено. Можно было бы предположить, что численное большинство русскаго народа само собою дастъ ему преобладанiе въ Думѣ, но это возможно было бы только при *всенародномъ* и *прямомъ* голосованiи *). Уставъ же Думы вводитъ *двойную* подачу голосовъ и очень высокiй имущественный *цензъ*, которымъ отъ выборовъ отстраняются огромныя массы русскаго народа и повсюду даются преимущества не русскимъ элементамъ, вообще болѣе богатымъ. Такъ, все городское фабрично-заводское населенiе—то есть сотни тысячъ очень, сравнительно, развитыхъ представителей народа, имѣющихъ весьма важныя и сложныя нужды,—совершенно не допущены къ выборамъ.

Городское представительство попадаетъ въ руки лицъ только состоятельныхъ, такъ что, напримѣръ, по городу Москвѣ, съ ея 1.200,000 населенiемъ, предвидится едва ли болѣе 15,000 избирателей. Но, если этотъ цензъ въ Москвѣ имѣетъ только соцiальные недостатки, то во многихъ губернiяхъ онъ рискуетъ отдать представительство такимъ инородцамъ, какъ нѣмцы, поляки и даже евреи, въ ущербъ русскимъ, составляющимъ большинство. Имущественный цензъ, поставляемый единственнымъ мѣриломъ пригодности человѣка къ Царскому законосовѣщанiю, во многихъ мѣстностяхъ можетъ получить значенiе прямо *антинацiональное*.

Нечего и говорить, что общегражданская система выборовъ, совершенно игнорируетъ законосовѣщательное значенiе высшей церковной iерархiи и духовенства, которое вообще можетъ попасть въ Думу лишь совершенно случайно.

Въ томъ единенiи, которымъ росла и крѣпла Россiя, народъ совершенно иначе являлся на дѣло царскаго законосовѣщанiя.

Конечно, общегражданская теорiя предполагаетъ (см. гл. XXVII), что соцiальное представительство можетъ сложиться

---

*) Вообще ясная политическая идея указываетъ намъ одно изъ двухъ: 1—или *соцiально-сословную* систему представительства, единственно способную выразить народную мысль и желанiя, и единственно охраняющую народную самостоятельность, или 2—*общегражданскую систему*, но тогда уже съ необходимыми для ея смысла условiями, то есть выборами *всенародными* и *прямыми*.

путемъ *партійнымъ*. Но, во-первыхъ, цензъ и система двойныхъ выборовъ мѣшаютъ даже и этому, такъ какъ, напримѣръ, фабрично-заводскіе рабочіе никакими способами не могутъ выдвинуть своихъ выборныхъ. Сверхъ того, заставляя русскій народъ, для выраженія своихъ нуждъ и мысли, прибѣгать къ формированію политическихъ партій, мы тѣмъ самымъ неизбѣжно порождаемъ слой *политикановъ*. А съ появленіемъ этого слоя—непремѣнно должна выдвинуться идея парламентарная.

Сопоставляя такимъ образомъ намѣренія законодателя, выраженныя въ Манифестѣ, и ихъ практическое осуществленіе въ уставѣ Думы, нельзя не видѣть внутренняго противурѣчія, которое, конечно, должно отразиться и на дѣятельности Думы. Но если это случится, то въ ея законосовѣщательную дѣятельность приносится то самое зло, устраненіемъ котораго была озабочена мысль законодателя объ искорененіи *разлада* между выборными и правительственными властями. Было бы, очевидно, совершенно несогласно съ цѣлями законодателя, если бы этотъ разладъ былъ, наоборотъ, привнесенъ и въ среду высшихъ государственныхъ учрежденій.

Въ самомъ Высочайшемъ манифестѣ 6 августа уже теперь предусматривается, что вводимое учрежденіе можетъ потребовать измѣненій. Безъ сомнѣнія, жизнь укажетъ такую необходимость особенно ярко въ отношеніи системы выборовъ членовъ Думы. Не легко будетъ дѣло ея усовершенствованія. Неразработанность монархической государственной идеи и анти-научныя суевѣрія въ отношеніи идеи сословности, которую современная государственная наука разучилась понимать въ ея истинномъ, «соціальномъ», смыслѣ, конечно, будутъ и впредь много мѣшать надлежащему усовершенствованію государственной Думы въ направленіи современныхъ потребностей жизни которыя никогда сильнѣе чѣмъ нынѣ не требовали замѣны общегражданскаго представительства—соціальнымъ.

Если Россіи суждено создать истинное народное представительство, то это возможно исключительно путемъ организаціи соціальныхъ слоевъ и выборами лицъ именно отъ нихъ. И такъ какъ среди членовъ Государственной Думы, во всякомъ слу-

чаѣ, явится не мало людей, которымъ дорого разумное устройство родной земли, а не политиканская карьера, то я позволяю себѣ усерднѣйше обратить ихъ вниманіе на то, что достигнуть истинно *народнаго* участія въ государственной дѣятельности немыслимо иначе, какъ съ совершеннымъ упраздненіемъ идеи *общегражданскаго* представительства, и съ созданіемъ на его мѣсто—*соціально-сословнаго.*

Если же всѣ уроки парламентарныхъ странъ недостаточны, чтобы предохранить Россію отъ тяжелаго искуса и, послѣ періода бюрократической узурпаціи, ей суждено пройти также періодъ политиканской узурпаціи, то дай Богъ, чтобы, ставъ причастными политической жизни, Русскіе, по крайней мѣрѣ, поскорѣе поняли грядущія указанія опыта относительно разумныхъ нормъ народнаго участія въ управленіи.

Л. Тихомировъ.

24 августа 1905 г. Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Нѣсколько словъ читателямъ........................ I
Государственная Дума.............................. VI

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Общее значеніе монархическаго принципа въ политикѣ.

Глава I. Что такое политика........................ 1
Глава II. Общество, государство и верховная власть.... 5
Глава III. Предѣлы дѣйствія государства. „Естественное право“.............................. 9
Глава IV. Монархическая политика.................. 15
Глава V. Свойства различныхъ принциповъ власти...... 17
Глава VI. Первенствующее значеніе монархическаго принципа. Значеніе другихъ принциповъ власти........... 24

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Выработка носителей верховной власти.

Глава VII. Общія соображенія...................... 31
Глава VIII. Династичность и престолонаслѣдіе........ 32
Глава IX. Династическая политика.................. 39
Глава X. Воспитаніе.............................. 44
Глава XI. Царскіе принципы........................ 50

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Отношеніе къ началу этическому и религіозному.

Стр.

Глава XII. Связь верховной власти и религіи 63
Глава XIII. Независимость религіозно-нравственнаго союза 68
Глава XIV. Что такое Церковь 71
Глава XV. Отношеніе государства къ Церкви 77
Глава XVI. Церковная политика. Отдѣленіе Церкви отъ Государства и союзъ ихъ 80
Глава XVII. Исповѣдная политика 85
Глава XVIII. Необходимость религіозной точки зрѣнія для исповѣдной политики 89
Глава XIX. Исповѣдная политика Монархіи 96
Глава XX. Задачи Русской вѣроисповѣдной политики .. 102

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отношеніе къ соціальному строю.

Глава XXI. Связь государства съ соціальнымъ строемъ 109
Глава XXII. Строй сословный и общегражданскій 113
Глава XXIII. Эволюція соціальнаго строя 120
Глава XXIV. Невозможность государства внѣ соціальнаго строя 127
Глава XXV. Правящее сословіе „безсословнаго“ государства 130
Глава XXVI. Строеніе соціальныхъ силъ 134
Глава XXVII. Система „партійной“ связи соціальнаго строя съ государствомъ 137
Глава XXVIII. Монархическая связь соціальнаго строя съ государственнымъ 140
Глава XXIX. Связь соціальнаго строя съ этически-религіознымъ началомъ 148

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Система управленія.

Глава XXX. Предметъ разсужденія 153
Глава XXXI. Царская прерогатива 154
Глава XXXII. Мѣсто монарха въ системѣ управленія .. 160

Стр.

Глава XXXIII. Принципы совершенства управительныхъ органовъ 166

Глава XXXIV. Сочетаніе бюрократическихъ и общественныхъ силъ. Самодержавіе и самоуправленіе 168

Глава XXXV. Бюрократическая узурпація 178

Глава XXXVI. Политиканская узурпація 183

Глава XXXVII. Бюрократія и политиканы 190

Глава XXXVIII. Необходимость сочетанной системы управленія въ монархіи. Принципы общественнаго управленія 194

Глава XXXIX. Монархическая система народнаго „представительства“. Совѣтные люди 201

Глава XL. Бюрократическія учрежденія 210

Глава XLI. Высшія правительственныя учрежденія. Земскіе соборы 213

Глава XLII. Цѣли разумной организаціи управленія.. 227

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Личность, свобода и право.

Глава XLIII. Государство и личность........ 232

Глава XLIV. О правахъ „человѣка“........ 238

Глава XLV. О правахъ и обязанностяхъ 241

Глава XLVI. Система построенія права 244

Глава XLVII. Осуществленіе права........ 249

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Историческія судьбы націи.

Глава XLVII. Національныя цѣли политики........ 256

Глава XLIX. Консерватизмъ и прогрессъ. Жизнедѣятельность........ 262

Глава L. Общія задачи созиданія націи. Развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ 269

Глава LI. Территоріальная политика 274

Глава LII. Экономическая политика 282

Глава LIII. Національно-племенныя отношенія........ 290

Глава LIV. Международное и міровое существованіе націи. Всемірное государство........ 298

Глава LV. Международныя права государствъ........ 306

Общее заключеніе.

Глава LVI. Судьбы монархическаго принципа 314

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
20	23	націю	націи.
21	20	политическа	политическая
21	23	умственя	умствен-
56	15	бо	ибо
88	35 и 36	1904 г.	1894 г.
109	17	Группы различныхъ категорій эти	Эти группы различныхъ категорій
115	9	ни	не
117	25	кризику	критику
118	22	государстваннаго	государственнаго
119	5	„силы“	силы“.
145	28	состоянію	состоянія
149	17	позволяетъ	позволяютъ
149	19	ему	человѣку
185	24	выгодами	выгодамъ
200	14	общество	общества
200	21	правила	правила:
206	11	единство	единеніе
225	39	или такъ или иначе	такъ или иначе
246	10	какъ, въ Римѣ	какъ въ Римѣ
248	17	приводить	приводитъ
248	14	вободы	свободы
250	36	оспоной	основой
270	34	къ верховной власти	верховной власти
271	21	нроизводительности	производительности
305	30	каждаой	каждой
307	21	власги	власти
307	25	идеакрати-	идеократи-
315	36	словъ	слоевъ

ОТДѢЛЪ I.

Общее значеніе монархическаго принципа въ политикѣ.

I.

Что такое политика.

Предметъ разсмотрѣнія нижеслѣдующихъ страницъ составляетъ монархическая политика, то-есть примѣненіе общихъ законовъ политики въ государственной жизни, направляемой монархической верховной властью.

Для этого необходимо, однако, предварительно остановиться на общихъ вопросахъ политики, которые имѣютъ одинаковое значеніе для государствъ всѣхъ образовъ правленія.

Политика, какъ наука, въ обычномъ опредѣленіи, изучаетъ условія и способы осуществленія *цѣлей государства*. Политика, какъ искуство, состоитъ въ приспособленіи къ этимъ условіямъ и пользованіи этими способами для осуществленія цѣлей государства на практикѣ.

Поэтому, разсуждая о политикѣ, мы должны помнить прежде всего то существо государства, изъ котораго вытекаютъ его цѣли.

Въ первой части настоящей книги уже сказано, что государство есть *союзъ членовъ соціальныхъ группъ*, основанный на какомъ либо принципѣ *общечеловѣческой справедливости*, подъ

господствомъ соотвѣтствующей этому принципу *верховной власти.*

Какова же цѣль этого государственнаго союза? Она состоитъ въ осуществленіи тѣхъ самыхъ интересовъ, которые люди имѣютъ, какъ члены соціальныхъ группъ, то есть какъ отдѣльныя личности, члены семействъ, союзовъ трудовыхъ, умственныхъ и т. д., но эти интересы гармонизируются идеей общечеловѣческой. Въ самомъ общемъ опредѣленіи, цѣли государства сводятся къ охранѣ безопасности, порядка, права и свободы. Въ частностяхъ, въ область охраны государства входятъ всѣ интересы человѣка, которые развиваются въ его общественномъ существованіи, или которымъ оно можетъ угрожать; а также интересы самихъ общественныхъ группъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ.

Опредѣленіе и перечисленіе такихъ личныхъ и групповыхъ интересовъ составляетъ задачу соціологіи, философіи, психологіи и религіи. Собственно же политика лишь принимаетъ къ свѣдѣнію и къ исполненію то, что опредѣляется этими источниками познанія человѣческихъ потребностей.

Политика изучаетъ условія и способы удовлетворенія этимъ потребностямъ лишь постольку, поскольку это входитъ въ область компетенціи государства. Говорятъ иногда, что цѣль государства есть «общее благо». Это конечно вѣрно, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что задачи общаго блага шире задачъ государства, и имъ не опредѣляются, а лишь приводятся въ осуществленіе, поскольку это находится въ его полномочіяхъ.

Такое ограниченіе зависитъ отъ самой природы государства' какъ завершенія общества, какъ верховнаго защитника потребностей, созданныхъ и опредѣленныхъ не имъ, а личностью и обществомъ, соціальной средой.

Государство само есть не больше, какъ одна изъ потребностей соціальной среды, и если бы вздумало собою замѣнить соціальную среду, то лишь задушило бы общество, а затѣмъ погибло бы само, какъ паразитъ, задушившій дерево, на которомъ онъ пріютился.

Такимъ образомъ политику правильнѣе опредѣлить не какъ

науку объ общественномъ благѣ, и искусство осуществлять общее благо, но какъ *ученіе объ обязанностяхъ государства въ отношеніи общества и личности*, какъ искусство же политика даетъ систему исполненія этихъ обязанностей.

Отсюда видно, что одинъ изъ основныхъ вопросовъ политики составляетъ правильное опредѣленіе компетенціи государства, т. е. тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно обязано дѣйствовать и тѣхъ границъ, черезъ которыя оно не имѣетъ права переступать въ своемъ вмѣшательствѣ.

Объ этомъ мы скажемъ нѣсколько ниже. Предварительно необходимо опредѣлить то содержаніе политическаго искусства, которое объясняетъ намъ политика, какъ наука.

Политика состоитъ въ примѣненіи государственныхъ силъ къ общественному дѣйствію. Задачи ея состоятъ въ томъ, чтобы произвести наиболѣе могущественное и удачное дѣйствіе при наименьшей затратѣ средствъ, то есть *наиболѣе производительно употребить государственную силу.*

Что должно быть въ наличности для достиженія такого результата? Прежде всего, должно дѣйствовать сообразно природѣ данной силы, дѣйствовать такимъ способомъ, какой ей свойствененъ, а не такимъ, къ которому она непригодна. Во-вторыхъ, требуется движущую силу государства употреблять по возможности исключительно на то, чтобы приводить въ необходимое для нея движеніе всѣ другія общественныя силы, и ихъ заставлять работать, такъ сказать, на государственныя задачи. Въ-третьихъ, должно по возможности не растрачивать имѣющихся государственныхъ силъ, но пріумножать ихъ, для будущей или какой либо экстренной, непредвидѣнной работы, имѣя ихъ для этого всегда въ достаточномъ запасѣ. Для этого, въ-четвертыхъ, требуется сохранять и поддерживать условія, развивающія данную государственную силу, то-есть сохранять и развивать условія, ее порождающія, и бороться противъ условій, ее подрывающихъ. При соблюденіи всего этого и становится возможною задача экономіи силы посредствомъ затраты ея исключительно на такъ называемую «полезную работу».

Какъ извѣстно, во всякомъ механизмѣ—сила тратится на двѣ задачи: преодолѣніе инерціи, тренія и т. п. препятствій, и на «полезную работу», ту, которая составляетъ цѣль механизма. Механизмъ тѣмъ болѣе совершененъ, чѣмъ выше % силы, идущей на полезную работу. Тоже правило опредѣляетъ совершенство государственнаго механизма. Политика должна довести до минимума количество стоящихъ на пути государства препятствій и такимъ образомъ какъ можно большую часть силъ его тратить только на полезную работу.

Эта задача и достигается именно такой политикой, при которой общественныя силы работаютъ на государство, въ его цѣляхъ, а не превращаются въ силы сопротивляющіяся, которыхъ треніе приходится преодолѣвать.

Требуется, слѣдовательно, разумное и искусное отношеніе государства ко всѣмъ имѣющимся въ обществѣ силамъ.

Въ общей сложности, мы можемъ вкратцѣ выразить задачи политическаго искусства, и освѣщающей его науки въ слѣдующихъ тезисахъ.

Политика должна знать силу своего государства и предѣлы его дѣйствія.

Она должна знать содержаніе другихъ соціальныхъ силъ и разумно опредѣлять отношеніе къ нимъ государства.

Она должна знать условія развитія и сохраненія государственныхъ силъ.

Она должна знать, для этого, въ чемъ государству требуется дѣйствовать непосредственно, и въ чемъ оно можетъ или даже обязано дѣйствовать посредствомъ соціальныхъ силъ.

Она, наконецъ, должна знать особенности силы того принципа верховной власти, который поставленъ во главѣ даннаго государства.

II.

Общество, государство и верховная власть.

Въ первой части настоящей книги уже выяснялось, что общество, государство и верховная власть, хотя и неразрывно связанныя въ государственномъ существованіи имѣютъ и свое отдѣльное бытіе. Это особенно должно помнить въ политикѣ.

Верховная власть сама по себѣ не есть ни общество, ни даже государство. Это есть только сила, направляющая дѣйствіе государственнаго союза, необходимаго для объединенія силъ общества. Если нѣтъ общества, не можетъ быть и государственнаго союза. Если нѣтъ государства, не можетъ быть и верховной власти. Съ другой стороны—невозможно создать государство безъ той или иной верховной власти, и невозможно обществу достигнуть сколько-нибудь высокой степени развитія, не найдя для себя рамокъ государственности. Между обществомъ, государствомъ и верховною властью существуетъ тѣсная связь, и въ то же время они всѣ имѣютъ отдѣльное бытіе. Абсолютистскія идеи, упраздняющія общество, столь же ошибочны, столь же противны естественнымъ соціальнымъ законамъ, какъ идеи анархическія или «партикуляристскія», упраздняющія государство. Практически тѣ и другія одинаково вредны, составляя причину смѣшенія предѣловъ дѣйствія общественности и государственности.

Въ силу прямыхъ и непосредственныхъ потребностей, нуждъ и свойствъ личности, въ каждомъ скопленіи людей складываются разнородныя группы, объединяющія ихъ въ совмѣстной жизни и дѣятельности. Сюда относятся семья, различнаго рода общины и союзы трудовые, религіозныя общины и т. д. Чѣмъ развитѣе и разностороннѣе потребности личности, тѣмъ болѣе разнообразны становятся эти основныя ячейки, складывающіяся и полубезсознательно (какъ семья) и по экономической необходимости, даже противъ желанія (какъ трудовые союзы—въ родѣ фабрикъ), и на основѣ высшихъ духовныхъ и умствен-

ныхъ потребностей. Родственныя группы этихъ союзовъ образуютъ болѣе широкіе слои (классы, корпораціи). Вся эта сложная соціальная ткань и образуетъ общество.

Въ разнородныхъ группахъ и слояхъ общества протекаетъ жизнь личности. Ростъ и характеръ общественныхъ отношеній опредѣляетъ дѣятельность личности, свободную лишь постолько, посколько это допускаетъ инерція среды. Въ свою очередь, эта соціальная среда, эта сфера общественности также создается и видоизмѣняется усиліями личностей, приспособляющихся къ условіямъ среды, какъ коралловый рифъ воздвигается работой милліардовъ полиповъ.

Это разслоеніе соціальной среды и появленіе въ ней множества мелкихъ союзовъ, которые даже не будучи организованы сознаютъ свою союзность, составляетъ вѣчный законъ общественности. Чѣмъ развитѣе личность, чѣмъ сложнѣе потребности ея, тѣмъ сильнѣе разслоеніе общества. Въ настоящее время оно несравненно сильнѣе, чѣмъ было, напримѣръ, въ средніе вѣка. На мѣсто прежнихъ сословій, или на ряду съ ними, являются новые классы, новыя группировки. Такъ весь фабрично-заводскій слой населенія уже представляетъ сложнѣйшія ихъ сочетанія. Весь слой населенія, занятый независимыми, свободными профессіями, въ области труда умственнаго или технически-квалифицированнаго, представляетъ группировки не менѣе сложныя.

Въ нихъ союзъ и борьба смѣшаны въ несравненно болѣе запутанныхъ сочетаніяхъ, нежели въ прежнія времена болѣе простой общественности. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вся такъ-называемая «интеллигенція» чувствуетъ и заявляетъ себя однородною, заявляетъ желанія и стремленія единодушно. Но въ той же интеллигенціи кипитъ жгучая борьба направленій и профессіональныхъ интересовъ, при чемъ каждый слой, охватывающій данную профессію или направленіе (партію), чувствуетъ себя на сей разъ уже отдѣльнымъ, особымъ цѣлымъ, готовымъ истребить противника. Точно также весь слой, занятый обрабатывающей промышленностью, иногда является вполнѣ единодушенъ: хозяева, администрація фабрики

и рабочіе—готовы дружно стать за то, что нужно ихъ производству. А въ другое время—слой хозяевъ («капиталистовъ») рѣзко отдѣленъ отъ рабочихъ (представителей труда), и они образуютъ два враждебные лагеря. Но и самъ слой «капиталистовъ» сталъ очень не однороденъ со времени акціонернаго веденія дѣлъ, при которомъ даже самъ рабочій, какъ обладатель акцій, можетъ являться «капиталистомъ». Представители крупнаго капитала являются нерѣдко особой группой (синдикаты), возбуждающей ненависть въ представителяхъ мелкаго капитала. Рабочій классъ точно также представляетъ рядъ слоевъ, иногда сливающихся въ единое цѣлое, иногда жестоко враждующихъ между собой. Въ Англіи Trade Unions'ы образуютъ своего рода аристократію, противъ которой рѣзко возстаютъ толпы чистыхъ «пролетаріевъ». Во Франціи еще недавно рабочіе «профессіоналы» дрались съ рабочими «соціалистами» едва ли не съ большей ожесточенностью, чѣмъ иной разъ дерутся «рабочіе» съ «капиталистами». Это разслоеніе и группировка современнаго культурнаго міра такъ сильны, такъ неудержимы, такъ вытекаютъ изъ самой природы вещей, что повсюду въ Европѣ возникали внѣ закона, и даже въ борьбѣ съ закономъ. Исторія рабочихъ организацій — это исторія борьбы съ закономъ, который лишь вслѣдствіе этой жестокой борьбы убѣждался въ дѣйствительномъ существованіи новыхъ соціальныхъ слоевъ и въ большинствѣ случаевъ призналъ наконецъ ихъ право на жизнь и дѣйствіе.

Соціалистическое отрицаніе государственности появилось болѣе всего вслѣдствіе долгаго отрицанія закономъ того, что неизбѣжно являлось въ жизни и стало реальнымъ соціальнымъ фактомъ. Политическое сознаніе Европы въ этомъ случаѣ обнаружило крайнюю слабость, какъ со стороны государства, такъ и со стороны народа.

Государство, запутанное доктринами XVIII вѣка, долго не умѣло понять своей обязанности ввести въ область своего попеченія вновь явившіяся соціальныя группы, и вмѣсто того явилось ихъ отрицателемъ. Сами же эти группы—вмѣсто того, чтобы понять дѣйствіе государства, просто какъ проявленіе

слабости его сознанія, вмѣсто того, чтобы требовать у государства своего очевиднаго права, хотя дотолѣ еще и не записаннаго въ законѣ, начали отрицать самую идею государства.

Это—историческій образчикъ тѣхъ золъ, которыя появляются, когда государство забываетъ, что его основа есть соціальная среда, и что оно обязано сообразоваться съ ея развитіемъ.

Соціальная среда была до государства и существуетъ при немъ. Это есть фактъ самой природы общественныхъ явленій. Лишь на общественной средѣ, и изъ нея, выростаетъ государство.

Чѣмъ сложнѣе общественность, тѣмъ болѣе въ ней разнородныхъ интересовъ, а стало быть и борьбы. Не создавъ государства, общество, собственнымъ своимъ прогрессомъ, породило бы въ себѣ столько внутренней борьбы, что уничтожило бы само себя, какъ это видно на рабочихъ движеніяхъ, а также на борьбѣ «свободныхъ профессій». На самомъ же дѣлѣ—всѣ эти слои имѣютъ право на существованіе, но точно также не могутъ существовать отдѣльно. Вотъ почему для нихъ всѣхъ одинаково необходимо государство.

Для установки непереходимыхъ рамокъ борьбы отдѣльныхъ силъ и слоевъ выдвигается государство,—организація власти, поставленной выше всѣхъ общественныхъ силъ, и обязанной ихъ регулировать.

Въ какомъ направленіи государство это производитъ,—это опредѣляется принципомъ, положеннымъ въ основу его, то-есть, характеромъ верховной власти, долженствующей организовать его и руководить имъ. Но этотъ принципъ и самъ выростаетъ только изъ общества, есть его созданіе, и не можетъ держаться, когда внутренняя работа общественныхъ силъ перестаетъ ему соотвѣтствовать. Равнымъ образомъ государство не можетъ существовать, если умираетъ общество. Государство, необходимое для общества, не можетъ замѣнить его собою для людей.

Между существованіемъ государственнымъ и общественнымъ есть разница.

Условіе жизни общества есть по преимуществу самодѣятельность личности, свобода ея творчества въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя необходимо нарастаютъ въ общественной эволюціи.

Условіе жизни государства—есть, по преимуществу обязательность. Цѣнность общественной работы заключается въ богатствѣ и разнообразіи творчества. Цѣнность государственной дѣятельности—въ поддержаніи обязательной однородности рамокъ (признанныхъ необходимыми). Низвергая государство и пытаясь собою замѣнить его, общество приходитъ къ анархіи и бурному разложенію. Пытаясь замѣнить собою общество, государство приходитъ къ деспотизму, удушенію всѣхъ живыхъ силъ, а потому и къ собственной смерти въ параличѣ или истощеніи.

Такимъ образомъ общество и государство не исключаютъ и не замѣняютъ, но дополняютъ другъ друга въ единствѣ національной жизни. Верховная же власть, въ своей идеѣ, является представительницей и охранительницей этого единства, дѣйствуя тѣми способами, которые соотвѣтствуютъ силѣ даннаго принципа Верховной власти.

III.

Предѣлы дѣйствія государства. «Естественное право».

Эти обстоятельства—т. е. неизбѣжное существованіе соціальной среды; существованіе личности, нужды которой только и даютъ смыслъ обществу и государству; наконецъ существованіе государства только во имя потребностей личности и общества, — создаютъ понятіе объ *обязанностяхъ* государства, которыми сами собой указываются и его права,и предѣлы его власти и дѣйствія.

Предѣлы дѣйствія государства и его компетенція не могутъ быть опредѣлены характеромъ интересовъ, выдѣляемыхъ въ область его вѣдѣнія. Интересы, отдаваемые подъ охрану

государства, могутъ быть различны и дѣйствительно мѣняются. То, что, при однихъ социальныхъ условіяхъ, не касается государства, становится обязательнымъ для него при другихъ условіяхъ, въ другія историческія эпохи. Нѣтъ никакихъ интересовъ, о которыхъ можно было бы сказать разъ навсегда, что они не касаются государства. Компетенція его указывается совершенно инымъ обстоятельствомъ, а именно обязанностью *служить личности и обществу*, какъ силамъ *самостоятельнымъ*, дѣлать то, что личности и обществу нужно, какъ силамъ *самобытнымъ*, а потому *не дѣлать ничего, уничтожающаго и задушающаго самостоятельность личности и общества.*

Юридически государство имѣетъ всѣ права, но это только потому, что понятіе о юридическомъ правѣ создается самимъ государствомъ. Однако въ природѣ вещей есть нѣчто выше, чѣмъ юридическое право: это право *естественное*, прирожденное, самородное, которое порождаетъ верховную власть, эту властительницу государства, и создательницу юридическаго права.

Эта точка зрѣнія существовала съ древности. Въ XVIII вѣкѣ естественное право было общепризнано, и право общественное или государственное, вообще, въ теоріи признавалось законнымъ лишь до тѣхъ предѣловъ, пока не задѣвало предполагаемыхъ естественныхъ или прирожденныхъ правъ человѣка. Впослѣдствіи, напротивъ, понятіе о естественномъ правѣ было отвергнуто, какъ произвольное и фантастическое. Въ настоящее время къ нему снова начинаютъ возвращаться, и это совершенно справедливо.

Дѣло въ томъ, что «прирожденныя» или «естественныя» права отвергаются, въ сущности, по терминологическому недоразумѣнію. Само собою, съ юридической точки зрѣнія, можетъ существовать лишь то право, которое создано юридическимъ же путемъ, то есть такъ или иначе установлено закономъ. Поэтому если разумѣть подъ «правомъ» только юридическое понятіе, то, конечно, всѣ «естественныя» права суть не больше какъ фантазія.

Но если принять во вниманіе реальность политическихъ

явленій, то нельзя не признать, что—какъ есть «законы природы», несравненно болѣе незыблемые, чѣмъ статьи сводовъ законовъ, такъ есть нѣчто, вытекающее изъ законовъ психологической и соціальной природы, — вполнѣ заслуживающее названія «естественнаго права».

Право юридическое—есть то дозволеніе, та возможность дѣйствія, которая вытекаетъ изъ свода законовъ.

Право же естественное—есть та возможность, которая вытекаетъ изъ природной необходимости, по законамъ психологіи и соціологіи.

Въ этомъ смыслѣ естественное право не только существуетъ, но оно гораздо могущественнѣе юридическаго права. Естественное право возникаетъ само собою, безъ спросу, и лишь потомъ признается закономъ и становится юридическимъ. Но если законъ даже и упорствуетъ, то оно отъ этого не исчезаетъ изъ сознанія людей, какъ право нравственное, неуничтожимое и неотмѣнимое никакими государственными законами.

Понимаемое въ разумномъ, широко научномъ, а не узко юридическомъ смыслѣ, естественное право, прирожденное (т. е. порождаемое самою природою вещей)—не только существуетъ, но оно первичнѣе юридическаго и само порождаетъ юридическое право.

Въ этомъ отношеніи и ученіе объ общественномъ договорѣ (Contrat Social) только по формѣ и по частностямъ фантастично, но по существу глубоко проникло въ природу общественности и политики.

Восходя къ первымъ моментамъ человѣческихъ обществъ, когда еще нѣтъ государства, мы уже въ обычаѣ видимъ отвердѣвающее, формулирующееся *естественное право*: именно—права и обязанности людей, которыя выростали изъ простыхъ поступковъ, подсказываемыхъ природою человѣка и группы лицъ. Изъ этого обычая впослѣдствіи выростало право юридическое.

Но «естественное право» ничуть не исчезаетъ и по возникновеніи государства и писаннаго закона, обсуждаемаго совѣтами и палатами, и утверждаемаго верховной властью, какъ

обязательное руководство граждан къ поведенію. Какъ бы ни было обязательно юридическое право, какими бы угрозами каръ оно ни поддерживалось, но оно всемогуще только до тѣхъ предѣловъ, пока не встрѣчается съ нарастающимъ естественнымъправомъ. Если законъ юридическій пытается раздавить это послѣднее, то всегда самъ оказывается побѣжденнымъ.

Укажу современные этого образчики. Еще недавно право на образованіе считалось абсурдомъ. Государство и общество никому не мѣшаютъ стремиться къ образованію, но на какомъ основаніи это стремленіе можетъ составить право? И однако, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, государства не только признали это, какъ право человѣка, но даже стали вмѣнять ему образованіе въ обязанность.

Какъ это могло случиться? Совершенно понятно. По мѣрѣ того, какъ для множества занятій, и даже для политическихъ и гражданскихъ правъ, сталъ создаваться образовательный цензъ, совершенно неизбѣжно было появленіе идеи права на образованіе. Оно явилось какъ «естественное», вытекающее изъ новыхъ условій, а затѣмъ вошло въ составъ правъ юридическихъ.

Укажу случай болѣе мелкій. Нигдѣ еще законъ, признающій профессіональную тайну для врача, священника, адвоката, не признаетъ ее, кажется, для газетнаго репортера. Но при современныхъ условіяхъ, въ странахъ развитой печати, профессія репортера, по множеству матеріальныхъ и нравственныхъ условій, безусловно требуетъ профессіональной тайны. И вотъ уже теперь судъ избѣгаетъ требовать репортеровъ въ качествѣ свидѣтелей, а когда пробуетъ это—то нерѣдко получаетъ несокрушимый отпоръ. Уважающій себя репортеръ, на Западѣ, скорѣе выдержитъ всѣ штрафы, чѣмъ станетъ давать показанія на судѣ о видѣнномъ имъ происшествіи, если видѣлъ его при исполненіи репортерскихъ обязанностей. Уже сформировалось убѣжденіе, что репортеръ есть агентъ «освѣдомленія» но не агентъ «подавленія». И нѣтъ сомнѣнія, что «профессіональная тайна» станетъ скоро юридическимъ правомъ репортера, какъ она стала раньше юридическимъ правомъ для врача или духовника.

Такихъ случаевъ можно назвать много. Даже «право на трудъ»—столь абсурдное еще и въ настоящее время, можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, стать необходимымъ выводомъ изъ обстоятельствъ, и тогда, конечно, будетъ требовать юридическаго признанія.

Естественное право вытекаетъ изъ природы психологической или соціальной. Поэтому оно, имѣя нѣкоторый неизмѣнный фондъ, измѣняется въ частностяхъ самой эволюціей этого фонда. Оно опредѣляется нравственнымъ сознаніемъ, которое указываетъ не всегда однѣ и тѣ же задачи и права.

Важнѣйшее обстоятельство состоитъ въ томъ, что естественное право не можетъ быть *предусматриваемо* государствомъ. Нѣкоторые говорятъ, что естественное право есть то, которое опредѣляется разумомъ. Но во всякомъ случаѣ—это не разумъ государства, а тотъ, который разлитъ по самому обществу. Естественное право возникаетъ въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ, какъ результатъ ихъ внутренняго самоопредѣленія примѣнительно къ даннымъ внѣшнимъ условіямъ. Это есть самостоятельное созданіе личности и группы лицъ.

Это саморожденіе естественнаго права въ обществѣ именно и дѣлаетъ необходимой связь государства съ обществомъ черезъ посредство верховной власти. Если бы предположить, что государство стало отрицать бытіе общества, игнорировать его существованіе, вообразивъ замѣнить его собою—то подобное государство очень скоро стало бы нравственно «беззаконнымъ».

Его юридическое право постепенно разошлось бы съ постоянно-назрѣвающимъ естественнымъ правомъ, стало бы въ противорѣчіе съ нимъ, и тогда—государство явилось бы учрежденіемъ, возбуждающимъ всеобщій ужасъ и презрѣніе, а затѣмъ неизбѣжно было бы ниспровергнуто.

Это обстоятельство—то есть необходимость для верховной власти быть въ постоянной тѣснѣйшей связи съ *обществомъ*, съ націей, а стало быть и съ *личностью* гражданина—требуетъ особенно яснаго сознанія со стороны монархической верховной власти.

При демократіи—связь общества и государства—поддерживается сама собой, тѣмъ обстоятельствомъ, что одна и та же масса людей составляетъ и націю, и верховную власть. Но при монархіи — такую связь требуется поддерживать *преднамѣренно*, а стало быть Верховная власть должна имѣть *сознаніе* необходимости этого.

Сверхъ того, монархія, представляющая верховную власть нравственнаго идеала, принуждена особенно заботиться о томъ, чтобы онъ постоянно въ ней отражался. Естественное же право именно выражаетъ въ себѣ требованія нравственнаго идеала, возникающія при каждыхъ данныхъ условіяхъ жизни. Эти требованія, слѣдовательно, необходимо постоянно слышать, ощущать.

Въ христіанской монархіи чуткость отношенія къ естественному праву еще болѣе необходима, такъ какъ естественное право для нея особенно неотрицаемо.

Дѣйствительно, признавая источникомъ верховной власти божественную делегацію, мы неизбѣжно признаемъ обязательнымъ уваженіе къ тѣмъ обязанностямъ, которыя возложены на человѣка Божественной Волей. Но эти обязанности — даютъ личности право на все, необходимое для исполненія ихъ. Такое право личности для верховной власти, основанной на делегаціи Бога,—не подлежитъ никакому посягательству. Оно является «естественнымъ» правомъ личности, правомъ, обусловленнымъ не какимъ-нибудь юридическимъ закономъ, но природою связи человѣка съ Богомъ.

Это настолько ясно ощутимо по самой силѣ вещей, что мы во всѣхъ монархіяхъ, дѣйствительно, видимъ особенное уваженіе къ такъ называемой «справедливости», которая именно состоитъ въ соотвѣтствіи съ правдой и правомъ нравственнымъ, а не юридическимъ. Въ аристократіяхъ и демократіяхъ, напротивъ, господствуетъ юридическое понятіе права.

Римъ выработалъ понятіе о юридической природѣ государства и права, хотя сознавалъ существованіе и естественнаго права. Въ Европѣ—ученіе объ «общественномъ договорѣ», съ подкладкой естественнаго права, создано было во времена монархіи,

хотя и положено въ основу республиканскихъ идеаловъ. Но когда власть демократіи начала дѣлаться верховною — ученіе объ естественномъ правѣ стало отвергаться, и въ наукѣ возобладало понятіе о правѣ юридическомъ, какъ единственномъ правѣ. Однако естественное право, признаваемое или отрицаемое наукой, всегда существуетъ, и даже управляетъ правомъ юридическимъ.

IV.

Монархическая политика.

Всѣ народы, въ общихъ чертахъ, имѣютъ одинаковыя потребности, и всѣ государства, поэтому, имѣютъ приблизительно одинаковыя цѣли, которыя различаются не столько по характеру верховной власти ихъ, какъ по обстоятельствамъ внѣшнимъ и внутреннимъ. Монархіи многому могутъ учиться у республикъ и наоборотъ. Въ виду этого естественно спросить себя: можетъ ли существовать какая-то особенная монархическая политика?

Несомнѣнно и непремѣнно.

Несмотря на общность цѣлей и сходство средствъ политики всѣхъ государствъ, различіе между политикой монархіи, аристократіи и демократіи неизбѣжно существуетъ. Это зависитъ отъ различія свойствъ верховныхъ принциповъ. Въ общемъ арсеналѣ политики есть средства дѣйствія, наиболѣе подходящіе для одной формы верховной власти, наименѣе для другихъ.

Для того, чтобы осуществлять цѣли государства наиболѣе дѣйствительно, быстро и экономно—нужно умѣть пользоваться именно той силой, тѣми свойствами,которыя представляетъ данная верховная власть. Пробуя при ней дѣйствовать, по незнанію или недоразумѣнію, такъ, какъ это свойственно какой-либо другой формѣ верховной власти—мы можемъ только истощать и компрометировать свою. Во второй части настоящей

книги, мы видѣли, какимъ роковымъ осужденіемъ легло на судьбы Византіи ея неумѣнье отбросить отъ себя старо Римскій абсолютизмъ, который былъ неизбѣженъ и логиченъ въ Римскомъ Императорѣ, но для Византійскаго самодержца остался лишь плохой традиціей. Точно также и сознательная поддѣлка какой либо формы верховной власти подъ способы дѣйствія другой—не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, и составляетъ лишь признаніе своего безсилія и приглашеніе націи къ измѣненію образа правленія. Государства, сознательно поддѣлывающіяся подъ формы дѣйствія другихъ—неизмѣнно осуждены на гибель. Франція пережила нѣсколько такихъ пробъ за XIX вѣкъ. Попытка Карла X изобразить неограниченнаго монарха, и попытка Луи Филиппа стать «лучшей изъ республикъ»—имѣли одинаковый роковой результатъ.

Всякая форма верховной власти требуетъ нѣкоторыхъ особенностей политики. Поэтому Государственная наука, въ ученіи о политикѣ вообще, должна разсматривать въ отдѣльности «политику чистой монархіи», «политику аристократіи» «политику демократіи».

Направленіе Государственной дѣятельности дается верховной властью. Политика монархическая есть именно политика Монархической Верховной власти въ достиженіи тѣхъ цѣлей, которыя имѣетъ Государственная политика вообще.

«Всякій образъ правленія, говоритъ Чичеринъ *), имѣетъ свои выгоды и свои недостатки, проистекающія частью изъ самой его формы, отчасти изъ способа пользоваться властью».

Способъ правленія, поэтому, тѣмъ искуснѣе, чѣмъ болѣе онъ основанъ на пониманіи особенностей данной Верховной власти. Это относится и къ Монархіи. При чрезвычайныхъ преимуществахъ въ однихъ отношеніяхъ, она имѣетъ и свои, сравнительно съ другими формами власти, слабыя стороны. Возможно лучше и полнѣе пользоваться сильными сторонами, возможно полнѣе парализовать дѣйствіе слабыхъ сторонъ своихъ — въ этой двойной задачѣ лежитъ основа политическаго искусства.

---

*) Чичеринъ. Курсъ Госуд. науки, политика, стр. 126—175.

Сознаніе этого и, какъ результатъ его, стремленіе сочетать различныя формы власти—явилось издревле. Оно дало основу совершенно ошибочному ученію о «сочетанной Верховной власти». Я уже говорилъ въ первой части книги, что сочетанной верховной власти не бываетъ и не можетъ быть. Но это сочетаніе различныхъ принциповъ власти всегда бываетъ необходимо въ управительной области. Для возможности примѣнять его, политика должна знать свойства каждаго изъ этихъ принциповъ.

Такая задача стоитъ и передъ монархической политикой, для которой составляетъ также и вопросъ самосознанія, то есть необходимое условіе политической правоспособности.

V.

Свойства различныхъ принциповъ власти.

Я остановлюсь на томъ анализѣ свойствъ различныхъ принциповъ власти, который производитъ Чичеринъ въ своей «Политикѣ», сравнивая свойства монархіи, аристократіи и демократіи. Это, кажется, наиболѣе обстоятельный анализъ, по поводу котораго лишь мѣстами приходится сдѣлать замѣчанія.

Выгоды монархической власти, по Чичерину, слѣдующія:

1. Ею наилучше обезпечивается единство власти, а изъ единства власти проистекаетъ ея сила. Съ единствомъ власти связана также ея прочность.

2. Монархія, по независимости своей, непричастна духу партій. Монархъ стоитъ внѣ частныхъ интересовъ; для него всѣ классы, сословія, партіи совершенно одинаковы, Онъ, въ отношеніи народа есть не личность, а идея.

3. Въ силу предыдущаго, Монархія наилучше обезпечиваетъ порядокъ. Должно прибавить къ подсчету Чичерина, что Монархъ есть наиболѣе справедливый третейскій судья соціальныхъ столкновеній.

4. Нѣтъ, говоритъ далѣе Чичеринъ, образа правленія, болѣе пригоднаго къ совершенію крупныхъ преобразованій.

5. Крупной личности точно также легче всего проявить, на общую пользу, свои высокія качества именно въ монархіи.

Слабыя стороны монархіи, по Чичерину, состоятъ въ слѣдующемъ.

1. Замѣщеніе власти совершается не по способности а по случайности рожденія. Это ставитъ судьбы народа въ зависимость отъ случайности: можетъ родиться геній, но можетъ родиться и малоспособный. 2. Безграничная власть производитъ плохое вліяніе на некрѣпкую душу. Великая душа сдерживаетъ себя. Слабый человѣкъ, напротивъ, превозносится или становится двоедушнымъ. Противостать искушеніямъ, окружающимъ власть, очень трудно, а когда на престолѣ царствуетъ порокъ, говоритъ Чичеринъ, то и подчиненное общество слѣдуетъ тому же примѣру. 3. Къ искушеніямъ власти присоединяется лесть и ухаживаніе окружающихъ. Монархъ есть источникъ всѣхъ благъ, и ихъ стараются получить лестью и раболѣпствомъ. Эти качества становятся господствующимъ качествомъ придворныхъ и чиновныхъ сферъ. Вокругъ монарха образуется миражъ офиціальной лжи, заслоняющій истинное положеніе дѣлъ. 4. Монархія легко переходитъ въ произволъ. 5. Она легко предпочитаетъ внѣшній порядокъ внутреннему. Отсюда безпорядки въ управленіи: «сверху блескъ, снизу—гниль». 6. Въ случаѣ произвола—право теряетъ огражденіе, и Чичеринъ находитъ, что, даже и помимо злоупотребленій, монархія менѣе охраняетъ право чѣмъ другія власти. 7. Личная и общественная самодѣятельность въ монархіи, по мнѣнію Чичерина, ослабляются, исчезаетъ иниціатива. Монархія все и всѣхъ «опекаетъ» и это ослабляетъ развитіе народа.

Этотъ списокъ «слабыхъ сторонъ» монархіи у Чичерина изложенъ очень картинно и горячо. Необходимо замѣтить однако, что большая часть указываемыхъ «неудобствъ» приписывается «монархіи» чисто по недоразумѣнію. Такъ, напримѣръ, безграничное «опеканье» всѣхъ — есть свойство собственно абсолютизма, а не самодержавной монархіи.

То же самое относится къ предпочтенію «внѣшняго порядка» внутреннему, и къ легкости произвола, со всѣми этого послѣдствіями.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ «слабыхъ сторонъ», указанныхъ Чичеринымъ, сводится собственно лишь къ одной опасности: къ переходу монархіи въ абсолютизмъ т.-е. къ потерѣ ею духа верховной власти. Это дѣйствительно есть наиболѣе частая болѣзнь монархіи, которой слѣдуетъ особенно тщательно оберегаться. Но это не есть свойство здороваго ея существа.

Что касается вопроса о личныхъ способностяхъ и качествахъ монарха—то, при разумномъ строѣ, это гораздо менѣе важно, чѣмъ думаютъ критики монархіи. Преувеличенное значеніе личности возникаетъ у Чичерина только потому, что онъ—какъ и вообще наши государственники—подъ «неограниченной монархіей» способенъ понимать лишь «абсолютистскую», совершенно не разумѣя смысла самодержавной.

Въ отношеніи же сильныхъ сторонъ монархіи, какъ верховной власти, къ нимъ необходимо присоединить еще одну: наибольшую способность единоличной верховной власти давать мѣсто сочетанію принциповъ власти въ управительной системѣ.

Монархія, будучи выразительницей нравственнаго идеала, а не какой либо соціальной силы, во-первыхъ, наиболѣе нуждается въ поддержкѣ со стороны соціальныхъ силъ, а потому легко даетъ имъ мѣсто въ управленіи. Во-вторыхъ, монархія не имѣетъ основанія бояться аристократіи или демократіи, пока является дѣйствительно выразительницей нравственнаго идеала націи, ибо въ этомъ отношеніи ни аристократія, ни демократія не способны ее замѣнить. Если монархіи, въ Исторіи, нерѣдко приходилось обуздывать узурпаторскія стремленія аристократіи или демоса, то совершенно упразднять власть аристократіи или демократіи, то-есть стать на чисто бюрократическую почву—это есть не норма, а только болѣзнь монархіи, ея абсолютизація.

Переходимъ къ свойствамъ и частнымъ особенностямъ аристократической и демократической власти. Чичеринъ даетъ такое опредѣленіе ихъ.

Сильныя стороны аристократіи состоятъ: 1—въ томъ, что хорошо обезпеченный и образованный слой, члены котораго съ молоду привыкаютъ къ государственнымъ дѣламъ, развиваетъ способности къ управленію. 2—недостатокъ способностей у одного члена сословія пополняется способностями другихъ. 3—аристократія лучше всего обезпечиваетъ обдуманность рѣшеній (что не всегда бываетъ у одного лица, а тѣмъ болѣе у массы). 4—аристократія наиболѣе обладаетъ твердостью и постоянствомъ воли. 5—аристократія отличается наибольшей привязанностью къ преданію и историческимъ началамъ. 6—аристократія наиболѣе охраняетъ юридическую законность. 6—она наконецъ въ собственной средѣ находитъ надежныя орудія исполненія своихъ рѣшеній, не имѣя надобности искать ихъ у другихъ.

Къ этимъ подсчетамъ Чичерина должно добавить, что аристократія здоровая, не павшая, высоко развиваетъ въ своихъ членахъ чувство человѣческаго достоинства, идеалъ человѣческой личности, духъ независимости, является образчикомъ рыцарскихъ, благородныхъ чувствъ, вырабатываетъ наибольшее презрѣніе къ пошлости и подлости. Эти качества аристократіи, если даже она и не старается передавать ихъ народу, являются образчикомъ для всеобщаго подражанія, идеаломъ, и этимъ подымаютъ личность въ націю повсюду, гдѣ имѣется аристократическій слой.

Но аристократія имѣетъ и очень слабыя стороны: 1—недостатокъ единства власти и внутренніе раздоры. Отсюда легкость измѣны; слабая партія или низверженный вожакъ готовы стать и демагогами, и даже искать поддержки у иностранцевъ; легки также попытки къ диктатурѣ. 2—духъ корпоративности ведетъ къ узости, неподвижности и эгоизму. 3—аристократія отличается особой неспособностью къ крупнымъ реформамъ. 4—частный интересъ сословія для аристократіи дороже народнаго и государственнаго. 5—для охраны своего господства аристократія старается не давать хода развитію и просвѣщенію народа. 6—аристократія, изъ боязни диктатуры, не даетъ хода высокимъ способностямъ и энергіи даже въ соб-

ственной средѣ. Возвышеніе отдѣльнаго лица, въ заслонъ остальнымъ, страшитъ аристократію. 7—аристократія не только мѣшаетъ развитію народной массы, но боится и ея обогащенія и старается всю экономическую силу захватить себѣ. 8—Аристократія допускаетъ множество злоупотребленій своихъ членовъ насчетъ народа. Притѣсненія ея наиболѣе чувствительны и обидны, вслѣдствіе ея чванства и самомнѣнія.

Что касается демократической власти, то основными ея свойствами Чичеринъ считаетъ свободу и равенство. Относительно свободы нельзя однако не оговориться, что ее можно признать свойствомъ демократіи лишь въ очень условномъ и узкомъ смыслѣ. Собственно свобода личности свойственна демократіи менѣе всего. Ею утверждается лишь та свобода, которая вытекаетъ изъ политическаго равенства, т.-е. право участвовать въ управленіи наравнѣ со всѣми. Каждый человѣкъ въ демократіи есть носитель хотя бы и микроскопически малой доли верховной власти, и въ этомъ смыслѣ не то что свободенъ, а является владыкой, повелителемъ. Онъ политически независимъ ни отъ кого, кромѣ той власти, малую частичку которой составляетъ и самъ. Поэтому, собственно политическа- свобода лежитъ, дѣйствительно, въ идеѣ демократіи.

Послѣдствіемъ этого, какъ говоритъ и Чичеринъ, является просторъ энергіи человѣка, а слѣдовательно вся его умственяная и матеріальная работа достигаетъ высшей степени производительности.

Долгое участіе человѣка въ практикѣ верховной власти, какъ говоритъ Чичеринъ, или—какъ будетъ точнѣе сказать—принципіальная незыблемость его правъ гражданина, возвышаетъ чувство достоинства человѣка, а слѣдовательно повышаетъ нравственный уровень общества. «Раболѣпное, низкопоклонное, трусливое—изгоняется изъ души», какъ выражается Чичеринъ. Это безспорно вѣрно. Не менѣе важно и то, что участіе въ управленіи повышаетъ политическое воспитаніе всѣхъ, возвышаетъ умственный уровень и самостоятельность сужденія. Такъ какъ вопросы обсуждаются и рѣшаются всѣми, то владычествующей точкой зрѣнія становится интересъ общій, всенародный.

Чичеринъ прибавляетъ къ этому еще сомнительный пунктъ, что, въ демократіи, зависимость Правительства отъ народа заставляетъ его «угождать народу», то-есть «заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ его потребностей». Это соображеніе— чисто отвлеченное. Угождать народу и заботиться о его потребностяхъ—двѣ вещи совершенно различныя, и по большей части противоположныя. Наконецъ—«демократія является завершеніемъ общегражданскаго порядка, составляющаго вѣнецъ (?) гражданскаго развитія человѣчества», говоритъ Чичеринъ. Это уже безусловно ошибочная точка зрѣнія, такъ какъ «общегражданскій порядокъ» составляетъ не «вѣнецъ гражданскаго развитія», а только логическій выводъ изъ демократическаго принципа. Если бы демократическій принципъ былъ дѣйствительно высшимъ политическимъ принципомъ, то «общегражданскій порядокъ» являлся бы высшимъ порядкомъ. Но самъ Чичеринъ, начиная обрисовывать слабыя стороны демократіи, прекрасно показываетъ, что она никакъ не можетъ быть названа высшимъ принципомъ верховной власти.

Дѣйствительно: для пользованія верховной властью и рѣшенія сложныхъ государственныхъ вопросовъ, говоритъ Чичеринъ, «нужна способность высшаго разряда. Между тѣмъ демократическое начало равенства устраняетъ начало способности. Всѣ граждане принимаютъ одинаковое участіе въ верховной власти. А такъ какъ высшее развитіе всегда составляетъ достояніе меньшинства, дѣла же рѣшаются большинствомъ, то здѣсь верховная власть вручается наименѣе способной части общества».

Это безусловно вѣрно, и отсюда видно, насколько неосновательно теоретическое утвержденіе Чичерина, будто бы въ демократіи правительство, угождая народу, тѣмъ самымъ «заботится объ удовлетвореніи всѣхъ его потребностей». Понимать и опредѣлять «потребности» столь сложнаго цѣлаго, какъ нація, могутъ лишь «способности высшаго порядка», тогда какъ для угожденія «наименѣе способной части общества» наилучше годятся тѣ самыя низшія качества, которыми держатся придворные куртизаны при монархахъ. Поэтому

на фактѣ—ни въ одномъ демократическомъ государствѣ правительство, принужденное угождать народу, не бываетъ озабочено его наиболѣе важными потребностями, во имя которыхъ народъ нерѣдко долженъ дѣлать жертвы и переносить непріятности въ данную минуту, для того чтобы обезпечить будущее. Указываемый Чичеринымъ примѣръ афинской демократіи, составляющей будто бы высшій образчикъ государства,—имѣетъ совершенно противоположный смыслъ. Достаточно вспомнить, что Афины, какъ демократія, не могли прожить болѣе 200 лѣтъ, а если считать эпоху «расцвѣта» демократіи—то съ нею не могли выдержать и 50 лѣтъ существованія! Конечно такое устройство государства, при которомъ оно не способно жить болѣе сотни лѣтъ—явно безразсудно...

Да и можетъ ли быть иначе? «Сколько бы мы ни набирали людей, не знающихъ дѣла, совокупность ихъ мнѣній не дастъ хорошаго рѣшенія», говоритъ самъ Чичеринъ. «Всего чаще они по незнанію дадутъ предпочтеніе именно тому мнѣнію, которое наименѣе полезно. На массу всего болѣе дѣйствуютъ тѣ, которые умѣютъ низойти къ ея уровню и говорить ея страстямъ. Каждый подаетъ голосъ по своему разумѣнію, и если это разумѣніе невелико, то какое бы ни составилось большинство не разумныхъ,—разумнаго мнѣнія изъ этого не выйдетъ».

Существенный недостатокъ демократіи составляетъ также безграничное господство партій. Борьба партій имѣетъ свои выгоды, но въ ней «все направлено къ тому, чтобы одолѣть противниковъ и для этого не гнушаются никакими средствами. Государственный интересъ замѣняется партійными цѣлями. Организуется система лжи и клеветы, имѣющая задачею представить въ превратномъ видѣ и власть и людей. Если явный подкупъ воспрещенъ, то косвенный практикуется съ полной беззастѣнчивостью. Образуется особый классъ политикановъ, которые изъ политической агитаціи дѣлаютъ ремесло и средство наживы. Они являются главными двигателями и орудіями на политическомъ поприщѣ. Государство становится добычею политикановъ».

«Послѣдствіемъ этого порядка вещей является устраненіе

лучшей и образованнѣйшей части общества отъ политической жизни».

Можно понять, какая страшная потеря это для разумности политики.

Наконецъ «демократическій деспотизмъ—самый ужасный изъ всѣхъ. Всякій, кто не примыкаетъ къ общему теченію, рискуетъ поплатиться и имуществомъ и самой жизнью, ибо разъяренная толпа способна на все, а воздерживать ее некому. Всякая независимость преслѣдуется, всякая своеобразность исчезаетъ». «Я не знаю страны, говоритъ Токвиль, гдѣ было бы менѣе умственной независимости и истинной свободы преній нежели въ Америкѣ». «Результатомъ ничѣмъ не сдержанной воли большинства, продолжаетъ Чичеринъ, является шаткость всѣхъ общественныхъ отношеній». Это отражается и на законодательствѣ и на правительствѣ.

Вообще, Чичеринъ приходитъ къ заключенію, что «такой порядокъ стоитъ въ коренномъ противорѣчіи, какъ съ требованіями государства, такъ и съ высшими задачами человѣчества. Поэтому *демократія никогда не можетъ быть идеаломъ человѣческаго общежитія* *).

VI.

Первенствующее значеніе монархическаго принципа. Значеніе другихъ принциповъ власти.

Какъ уже выяснялось раньше,—монархическій принципъ не всегда можетъ выдвинуться въ положеніе верховной власти. Принципъ верховной власти не спускается къ народу извнѣ, но вытекаетъ извнутри его. Г. Д. Х. въ уже упомянутой брошюрѣ «Самодержавіе» **), очень тонко замѣчаетъ даже, что

---

*) Политика. 175—185.

**) „Монарх. Государст.“ часть III, стр. 138 и 151, примѣчанія. Долженъ оговориться, что въ этихъ ссылкахъ я неправильно назвалъ автора брошюры „*Самодержавіе, опытъ схематическаго построенія этого понятія*“. Этюдъ подписанъ *Д. Х.*, а *не Д. Хомяковъ, какъ я ошибочно обозначилъ его.*

«тотъ или другой внѣшній строй государственнаго зданія отличается одинъ отъ другого не прирожденными практическими преимуществами, а лишь какъ симптомы того внутренняго содержанія строя, который присущъ тому или другому народу». Поэтому, по мнѣнію автора, «главная цѣнность Самодержавія заключается не въ его собственныхъ достоинствахъ, а въ томъ что это оно—симптомъ извѣстнаго духовнаго строя народа». Въ зависимости отъ психологическаго состоянія націи, обусловливаемаго сложнымъ рядомъ причинъ, иногда не можетъ быть другой верховной власти въ государствѣ, кромѣ демократической или аристократической.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда общій комплексъ условій позволяетъ выбирать между различными принципами власти, для постановки одного изъ нихъ въ качествѣ верховнаго, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что изъ нихъ *монархическій есть наивысшій.*

Предшествовавшій обзоръ свойствъ различныхъ принциповъ власти ясно указываетъ, что для роли *верховной власти* наиболѣе подходитъ именно принципъ монархическій.

Аристократія имѣетъ превосходныя и незамѣнимыя качества—но только въ области управительной. Всѣ ея блестящія свойства—въ смыслѣ постановки слоя правящаго—засвидѣтельствованы исторіей.

Но насколько аристократія велика въ роли управительной—настолько слаба она въ роли верховной власти. Ужъ одна неспособность обезпечить сильную власть составляетъ огромный дефектъ. Преобладаніе частнаго интереса надъ общимъ, чрезмѣрная неподвижность, неспособность къ крупнымъ реформамъ и т. д.—все это свойства, несовмѣстимыя съ обязанностями верховной власти. Итакъ—если аристократія иногда, по невозможности примѣнить другой принципъ, и становится въ положеніе верховной власти, то по природѣ своихъ свойствъ, она пригодна лишь къ управительной области дѣйствія. Безъ сомнѣнія, поэтому мы и видимъ въ исторіи крайне мало примѣровъ аристократическихъ республикъ, да и онѣ далеко не таковы, чтобы возбуждать зависть народовъ (Венеція, Польша).

Свойства демократическаго принципа власти, при многихъ достоинствахъ и выгодныхъ сторонахъ, точно также мало пригодны для организаціи *верховной власти.*

Хорошія свойства демократіи возможно примѣнять только въ самыхъ малыхъ республикахъ, да и въ нихъ онѣ парализуются плохими сторонами демократіи. Достаточно вспомнить, что при господствѣ большинства верховная власть неизбѣжно принадлежитъ наименѣе способной части націи.

Недостатки демократическаго дѣйствія весьма смягчаются крѣпкимъ соціальнымъ строемъ, но—лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ демократія способна дѣйствовать непосредственно и прямо. Но непосредственность дѣйствія ея зависитъ отъ того, насколько возможны всенародныя собранія, а потому мыслима лишь въ небольшихъ общинахъ или корпораціяхъ, или же въ предѣлахъ непосредственныхъ классовыхъ интересовъ, то есть по спеціальнымъ слоямъ. Всѣ приложенія непосредственнаго дѣйствія коллективности, въ сколько нибудь крупныхъ націяхъ, не восходятъ выше мѣстныхъ и корпоративныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ—демократія, по природнымъ свойствамъ болѣе пригодна къ дѣйствію въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управительной области, гдѣ государство и можетъ съ выгодой примѣнять этотъ принципъ. Къ числу полезныхъ свойствъ демократіи должно отнести также—способность къ нѣкоторымъ задачамъ контроля. Предусматривать пользу или вредъ какой-либо мѣры—демократія вообще мало способна. Но чувствовать *послѣдствія* этой мѣры—никто не можетъ лучше ея, ибо масса народа испытываетъ всякую мѣру власти непосредственно на себѣ. Точно также всенародное наблюденіе за дѣйствіями чиновниковъ или вообще всякихъ агентовъ власти, если не отличается тонкостью, то чрезвычайно широко. Отъ массы народа труднѣе всего спрятаться. Среди нея всегда ходитъ множество легендъ, сплетень, и искаженій дѣйствительныхъ фактовъ, но въ подкладкѣ этихъ легендъ и искаженій по большей части имѣется нѣкоторый фондъ дѣйствительныхъ основаній. Говорятъ часто «Vox populi—vox stulti», но съ не меньшимъ правомъ говорятъ также «Vox populi—vox Dei».

Прислушиваясь къ нему, власть можетъ очень многимъ воспользоваться для своихъ оцѣнокъ лицъ и учрежденій. А не слыша голоса народа — невозможно имѣть хорошаго государственнаго контроля.

Наконецъ въ демократіи, то-есть въ народѣ причастномъ къ гражданской жизни, во всякомъ случаѣ, всегда живетъ много честности, искренности стремленій. Чувство любви къ людямъ, къ правдѣ, къ отечеству—всегда находитъ мѣсто въ сердцѣ народа, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ вліяніе массы народа на государственное дѣло—приноситъ много пользы, очищаетъ дѣйствіе государственной машины.

Такимъ образомъ, по цѣлому ряду причинъ, вліяніе демократіи въ управительной области во многомъ очень цѣнно. Но попадая въ роль верховной власти демократія становится безсильна.

Въ дѣлахъ сколько-нибудь общегосударственныхъ, и въ государствахъ сколько нибудь обширныхъ—демократія совершенно неспособна къ прямому дѣйствію, и принуждена прибѣгать къ «представительству», которое создаетъ политикановъ, концентрирующихъ въ себѣ все развратное, что только есть порознь въ массѣ народа, въ чиновничествѣ и въ единоличной диктатурѣ. Все же доброе, что природно свойственно демократическому принципу, уже не можетъ тутъ проявляться.

Итакъ—аристократія и демократія, каждая въ своемъ родѣ обладающія прекрасными свойствами въ области управительной, крайне слабы, когда становятся властью верховною.

Наоборотъ всѣ природныя качества единоличной власти—наиболѣе пригодны именно въ роли верховной власти.

Единоличная власть имѣетъ также свои хорошія управительныя свойства (единство, энергію дѣйствія и т. д.), но эти качества подрываются, въ смыслѣ управительномъ, вслѣдствіе ограниченнаго предѣла прямого дѣйствія, доступнаго силамъ одного человѣка. Лишь въ немногихъ случаяхъ единоличнаго дѣйствія необходима именно монархія, такъ какъ диктатора способна выдвигать и демократія и аристократія, при чемъ онѣ выдвигаютъ человѣка за его способности, то-есть даже со зна-

чительнымъ преимуществомъ передъ монархіей. Но именно для задачъ *верховной власти* — всѣ основныя природныя свойства монархіи наиболѣе пригодны, и стоятъ положительно внѣ соперничества, и даже внѣ сравненія, со способностями аристократіи и демократіи.

Свойства, требуемыя отъ верховной власти, совершенно совпадаютъ съ природными свойствами монархіи: прочная власть, единство власти, нахожденіе внѣ партій и частныхъ интересовъ, высокая степень нравственной отвѣтственности, увѣренность въ своей силѣ, дающая мужество на противудѣйствіе всѣмъ случайнымъ вѣяніямъ, способность къ обширнымъ преобразованіямъ и т. д.

Къ этому должно прибавить, что монархія по природѣ своей является представительницей нравственнаго идеала, какъ начала всѣхъ примиряющаго, а это есть дѣйствительно высшій, наиболѣе могучій принципъ примиренія частныхъ интересовъ.

Наконецъ, даже относительная слабость монархіи для непосредственнаго управленія текущими дѣлами—дѣлаетъ ее предрасположенной привлекать къ участію въ государственныхъ дѣлахъ *всѣ* соціальныя силы, то-есть побуждаетъ производить сочетанную управительную власть, а это означаетъ—утилизировать въ государственномъ дѣлѣ лучшія свойства всѣхъ принциповъ власти, не допуская ихъ лишь до вреднаго верховенства.

Взвѣшивая все это, мы легко поймемъ, почему въ исторіи человѣчества монархическое начало играло самую главную роль, и почему человѣчество, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, усваивало для своей государственности именно монархію, какъ власть верховную.

Это сознаніе преимуществъ монархіи въ качествѣ верховной власти—должно составлять основной пунктъ монархической политики, какъ науки и основной пунктъ монархической политики, какъ искусства. Для правильнаго, твердаго, увѣреннаго дѣйствія—ибо только такое дѣйствіе бываетъ успѣшно—монархія должна помнить, что она дѣйствительно

составляетъ высшій изъ всѣхъ принциповъ верховной власти. Не по личнымъ, не по династическимъ интересамъ монархія должна оберегать свое верховное положеніе, а по необходимости своей для государственности данной націи. До тѣхъ самыхъ поръ, пока высокое нравственное сознаніе народа дѣлаетъ монархію возможной—она должна оберегать себя для блага націи, какъ самый высшій принципъ.

Въ послѣднія два столѣтія мы видимъ, что этого самосознанія нерѣдко не хватало у монархіи. Въ то время, какъ представители народнаго самодержавія со страстной, хотя и ошибочной увѣренностью, водворяли повсюду республиканскій принципъ, считая его наивысшимъ, и въ этой увѣренности почерпали огромную силу дѣйствія—мы видѣли, напримѣръ, императора Александра I, который называлъ себя «республиканцемъ»... Мудрено ли, что при такомъ пониманіи относительныхъ достоинствъ различныхъ принциповъ власти, у насъ являлся духъ абсолютизма, и строеніе государства велось совершенно не по монархически?

Въ настоящее время, среди государей Европы, нерѣдка мысль и даже фраза «зачѣмъ мнѣ неограниченная власть»? Это уже выражаетъ полное паденіе монархическаго сознанія. Ясно, что у такого носителя монархической власти созрѣла ложная увѣренность въ преимуществахъ другихъ принциповъ верховной власти, такъ что вопросъ о формѣ правленія сводится только къ личной выгодѣ... Но конечно, при такомъ пониманіи своего значенія —монарха уже нѣтъ.

А если нѣтъ монарха—нѣтъ и монархіи...

И потому то, какъ сказано, основнымъ пунктомъ монархическаго сознанія должно быть правильное пониманіе всѣхъ огромныхъ преимуществъ своего принципа для роли *верховной* государственной власти. Наоборотъ—столь же ясно должно сознавать, что въ области *управительной* монархія наоборотъ держится только широкимъ и искуснымъ сочетаніемъ всѣхъ другихъ принциповъ власти, отнюдь не впадая въ ошибку абсолютизма, ставящаго монарха въ положеніе высшей управительной власти.

Изъ этого сознанія природнаго предназначенія единодержавія къ роли верховной власти, монархическая политика должна приходить къ заботѣ—о выработкѣ достойныхъ носителей верховной власти, о правильномъ отношеніи монархіи къ началу этическому, къ національнымъ соціальнымъ силамъ, и къ принципамъ дѣйствующимъ въ области соціальной и политической жизни. Къ разсмотрѣнію этого мы переходимъ въ слѣдующихъ главахъ.

ОТДѢЛЪ II.

Выработка носителей верховной власти.

VII.

Общія соображенія.

Первая забота государственной политики естественно направляется на то, чтобы поддержать всю высоту и мощь самой верховной власти, являющейся движущей силой государства и правительства. Въ монархіи — такая задача требуетъ выработки личности монарха, и обезпеченія государства непрерывной наличностью носителей верховной власти.

Ни въ аристократіи, ни въ демократіи—эти задачи не представляетъ такого жгучаго значенія, какъ въ монархіи. Непрерывность носителя верховной власти, во всякой коллективности, обезпечена сама собой. Что касается выработки высокаго типа аристократическаго сословія или массы народа, то хотя эти задачи и необходимы, но онѣ достигаются простымъ поддержаніемъ тѣхъ же условій, которыя необходимы и вообще для жизни и дѣятельности аристократіи или демократіи. Въ монархіи, напротивъ, обѣ задачи требуютъ спеціальныхъ усилій и условій, о которыхъ приходится заботиться преднамѣренно.

Сюда относится: воспитаніе будущаго носителя верховной власти; проникновеніе самого монарха принципами царскаго дѣйствія, свойственными государю не какъ человѣку, но какъ царю; наконецъ наилучшее обезпеченіе государства непрерывнымъ преемствомъ власти. Послѣдняя изъ этихъ задачъ—является едва ли не первою по значенію, такъ какъ отъ ея осуществленія значительно зависитъ не только рѣшеніе двухъ первыхъ, но и достиженіе одного изъ главнѣйшихъ достоинствъ монархіи — прочности власти, посредствомъ полнаго предупрежденія всякой борьбы за власть.

Отсюда на первомъ мѣстѣ заботъ Монархической политики должно поставить династичность и правильное престолонаслѣдіе.

VIII.

Династичность и престолонаслѣдіе.

Мы ранѣе подробно останавливались на обрисовкѣ нравственнаго единства, необходимаго между монархомъ и націей. Оно составляетъ первое необходимое условіе, при которомъ власть единоличная способна становиться верховною, порождая, такимъ образомъ, монархію.

Но это единство совершенно закрѣпляется только династичностью.

Сама по себѣ, обыкновенно, лишь геніальная личность способна столь глубоко выражать національный духъ, какъ это потребно при монархической власти. Но форма правленія не можетъ быть основана на такой случайности, какъ геніальность правителя. Поэтому повсюду, гдѣ состояніе народныхъ идеаловъ допускаетъ возникновеніе монархіи, сама собою возникаетъ идея *династичности*.

Это ея необходимое дополненіе.

При соотвѣтственномъ міросозерцаніи, народъ самъ стремится къ монархіи, какъ единоличному выраженію верховной власти правды. Но для достиженія этого требуется, чтобы

для власти всегда имѣлась личность, не возбуждающая никакихъ споровъ и сомнѣній, какъ бы срастаясь съ націей на одной общей задачѣ. Отъ этой личности прежде всего требуются не какіе-либо исключительные таланты, но всецѣлая и безспорная посвященность именно данной миссіи. Такую личность даетъ династія.

Посредствомъ династіи, единоличный носитель верховной правды становится какъ бы безсмертнымъ, вѣчно живущимъ съ націей. Монархически настроенная нація поэтому всегда стремится къ выработкѣ династіи, стараясь жить съ одною царствующею семьей, которая передаетъ своимъ членамъ отъ поколѣнія къ поколѣнію задачу храненія народныхъ идеаловъ точно также, какъ они переходятъ отъ отцовъ къ дѣтямъ въ самой націи. Эта династическая задача, однажды хорошо разрѣшенная, ясно, всѣмъ удобопонятно,—исполняется затѣмъ безъ затрудненій даже въ случаѣ физическаго пресѣченія династіи, которая продолжаетъ тогда свое преемство какъ бы посредствомъ усыновленія другого царственнаго рода, ибо здѣсь физическое преемство важно не само по себѣ, а лишь какъ внѣшнее выраженіе и обезпеченіе духовнаго преемства.

Династичность наилучше обезпечиваетъ постоянство и незыблемость власти, и ея обязанность выражать духъ исторіи, а не только личныя особенности государя. Государь, въ глазахъ монархическаго народа, есть наслѣдникъ одной и той же династіи, какъ бы вѣчно бывшей съ націей. Если даже физически преемство прерывается, то идеально это не допускается, этого перерыва не признаютъ. Династія остается во что бы то ни стало единою.

Въ этомъ отношеніи русская монархія представляетъ очень замѣчательный и поучительный образчикъ постановки династичности. Какъ мы видѣли—у насъ, вслѣдствіе господства родового начала, при возникновеніи государственности, на дѣло верховнаго управленія былъ сразу призванъ цѣлый родъ, цѣлая династія, не одинъ Рюрикъ, но вмѣстѣ со своими братьями. Съ этимъ правящимъ родомъ русская нація родилась, сложилась, выработала всѣ свои основы, съ нимъ она

падала и воскресала, и въ концѣ-концовъ такъ сжилась, что не представляла себѣ своей монархіи безъ этой вѣчной династіи.

Но вотъ въ дѣйствительности она пресѣклась. И что же? народъ прямо не признаетъ этого факта. Въ этомъ отношеніи грамота объ избраніи Михаила Ѳедоровича Романова представляетъ документъ очень любопытный по своему внутреннему смыслу.

Внѣшній историческій фактъ несомнѣнно и завѣдомо для всѣхъ членовъ земскаго собора, и для всѣхъ мѣстныхъ собраній, съ которыми сносились члены земскаго собора, и вообще для всего русскаго народа, сходившагося на эти собранія, состоялъ въ томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ *избранъ* на царство. Могли избрать иного, были и другіе кандидаты. Но грамота объ избраніи Михаила Ѳеодоровича составлена представителями народа такъ, чтобы въ ней было возможно меньше элемента избирательнаго, зависящаго отъ народныхъ желаній, и какъ можно больше преемственнаго, связующаго царя и народъ со всей прошлой исторіей. Грамота, проходя совершенно вскользь по вопросу о степени родства Михаила Ѳеодоровича съ Рюриковичами, подробно перечисляетъ зато всѣхъ нашихъ великихъ князей и царей, даже ранѣе Владиміра Святаго.

Исторически тутъ можно привести не мало критики. Въ грамотѣ упоминается даже «прекрасноцвѣтущій и пресвѣтлый корень Августа Кесаря», отъ котораго при прежнихъ царяхъ легендарно производили Рюрика. Дойдя наконецъ до Ѳедора Іоанновича, грамота не скрываетъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ, только «сродичъ» его, но дѣлаетъ это въ такой формѣ, что получается впечатлѣніе очень прямой наслѣдственности:

«Вcѣ православные крестьяне всего Московскаго государства, отъ мала и до велика и до сущихъ младенцевъ, яко едиными усты вопіяху и взываху, глаголюще: что быть на Владимірскомъ и на Московскомъ, и на Новгородскомъ государствахъ и царствахъ и т. д... Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Руссіи Самодержцемъ прежнихъ великихъ и т. д. Царей, отъ ихъ Царскаго благороднаго корени, бла-

женной памяти и хвалы достойнаго Великаго Государя царя и великаго князя Θедора Ивановича всея Руссіи Самодержца сродичу, благоцвѣтущіе отрасли отъ благочестиваго корени родившемуся—Михаилу Θедоровичу Романову Юрьеву».

И вотъ Михаилъ Θедоровичъ какъ бы входитъ въ прежнюю династію. Въ этомъ кроется глубокій смыслъ и великая сила. Такое постановленіе всего народа, включительно до «младенцевъ» (что фактически и завѣдомо для всѣхъ есть невозможность), это твердое рѣшеніе есть фактъ психологическій, который не менѣе реаленъ, чѣмъ фактъ генеалогіи, ибо благодаря ему преемственность, дѣйствительно, остается духовно-непрерывною.

Государь является преемникомъ всего ряда своихъ предшественниковъ, онъ представляетъ весь духъ верховной власти, тысячу лѣтъ управлявшей націей, какъ сами подданные представляютъ не свою личную волю даннаго поколѣнія, но весь духъ своихъ предковъ, царямъ служившихъ. Духовное единство власти и народа получаетъ тутъ величайшее подкрѣпленіе. Устраняя по возможности всякій элементъ «избранія», «желанія», со стороны народа, и со стороны самого государя, династическая идея дѣлаетъ личность царя живымъ воплощеніемъ того идеала, котораго верховенство нація поставила надъ собой. Государь одновременно и обладаетъ всею властью этого идеала, и самъ ему всецѣло подчиненъ.

Когда выработались династическія традиціи, идея наслѣдственности, своею духовною силой, ставитъ преемство власти выше всякихъ случайныхъ фамильныхъ потерь. Но самая выработка династіи составляетъ трудную историческую задачу, требующую много времени и долголѣтней совмѣстной жизни націи и царствующей фамиліи. Эта необходимость династичности для полнаго развитія идеи монархіи составляетъ одно изъ труднѣйшихъ условій для появленія монархическаго начала у народа, даже способнаго къ его поддержанію.

Мы видѣли въ исторіи Византіи, какой источникъ золъ составляетъ для монархіи непониманіе первенствующаго значенія принципа династичности. Когда принципъ *личныхъ досто-*

инствѣ беретъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, верхъ надъ незыблемостью *династическаго* права, и когда, стало-быть, принципъ *легитимности* подрывается въ націи—монархія, въ сущности, становится уже невозможною, и во всякомъ случаѣ теряетъ возможность развивать свои самыя лучшія силы и стороны.

Если легитимность и династичность подорваны—у всякаго способнаго государственнаго человѣка, или даже у лицъ частныхъ, можетъ являться мысль, что онъ то именно и достоинъ престола, такъ какъ императоръ менѣе способенъ чѣмъ онъ. Но отсюда являются неизбѣжные заговоры, попытки переворотовъ и дѣйствительные перевороты. У императоровъ исчезаетъ чувство безопасности, увѣренность въ прочности власти. А разъ явилось это зло, и такой кошмаръ нависъ надъ трономъ—вниманіе верховной власти неизбѣжно устремляется не столько къ заботѣ о благѣ подданныхъ, какъ къ мысли о своей безопасности.

Особенно зловредныя послѣдствія, въ такомъ состояніи, производитъ малолѣтство наслѣдниковъ престола, какъ это ярко наблюдается въ Византіи. Слабыя руки малолѣтняго автократора не могутъ, конечно, держать власти, и потому честолюбіе заговорщиковъ всегда особенно любило пользоваться моментами перехода власти отъ императора къ его молодому преемнику. Императоры, однако, это предвидѣли—иногда даже по опыту своего собственнаго узурпаторскаго захвата престола. Отсюда у нихъ порождалось стремленіе удалить или обезсилить заранѣе людей, способныхъ явиться конкурентами наслѣдника престола. А такими лицами, конечно, казались именно наиболѣе талантливые люди. Вслѣдствіе этой, совершенно основательной подозрительности, рождалось множество несправедливостей и жестокостей, понижавшихъ нравственный уровень всего верхняго правящаго слоя.

Но самое главное, при слабости наслѣдственности, извращается сама психологическая основа отношеній монарха и народа. А всякая власть — держится главнымъ образомъ на психологическихъ основахъ. Когда онѣ извращены—это, даже

при непониманіи разсудочномъ, все-таки вполнѣ чувствуется и націей и самимъ монархомъ.

Дѣло въ томъ, что представляя въ идеѣ избранника высшей воли, стоящей выше его самого и націи, монархъ, по идеѣ, долженъ быть свободенъ отъ всякаго личнаго стремленія къ власти, и точно также не долженъ быть ею обязанъ никакой человѣческой волѣ. Могутъ быть, конечно, особые исключительные случаи, когда избраніе, жребій или даже захватъ, становятся, по общему національному сознанію, лишь проявленіемъ высшей воли. Но вообще, какъ правило,—и захватъ власти, хотя бы изъ самыхъ чистыхъ побужденій, и народное избраніе—не свободны отъ предположенія личныхъ мотивовъ.

Династичность, напротивъ, устраняетъ всякій элементъ исканія, желанія, или даже просто согласія на власть. Она предрѣшаетъ за сотни и даже тысячи лѣтъ впередъ для личности, еще даже не родившейся, обязанность несенія власти и соотвѣтственно съ тѣмъ ея права на власть. Такая «легитимность», этотъ династическій духъ, выражаютъ въ высочайшей степени вѣру въ силу и реальность идеала, которому нація подчиняетъ свою жизнь. Это вѣра не въ способность личности (какъ при диктатурѣ), а въ силу самого идеала.

Если такой вѣры нѣтъ въ націи, существованіе монархіи уже затрудняется, и тогда она рискуетъ переходить, черезъ диктатуру и цезаризмъ, къ болѣе доступному невѣрующей націи демократизму. Но когда напряженіе идеала, способность вѣры въ него, достаточно сильны въ націи,—идея династичности является столь же неизбѣжно, какъ сама монархія.

Династичность является также лучшимъ средствомъ для сохраненія монархической идеи въ самомъ монархѣ. Она въ высочайшей степени обязываетъ самого монарха быть не тѣмъ, что ему нравится, а тѣмъ, чего требуетъ идеалъ, соединяемый для него съ родовымъ дѣломъ предковъ.

Блюнчли посвящаетъ превосходныя страницы обрисовкѣ того, что должность имѣетъ свой живой духъ, сообщаемый ею человѣку. Человѣкъ, вступающій въ общественную должность, говоритъ онъ, перестаетъ быть просто самимъ собою, и не-

вольно становится тѣмъ, чего требуетъ идеалъ должности. Должность не есть нѣчто только механическое. Ея функціи имѣютъ духовный характеръ. Когда въ какой-либо должности эта жизненность изсякаетъ, замѣняясь одной механичностью, то самая должность гибнетъ, и государство клонится къ паденію. Въ каждой должности есть особый характеръ, особый духъ, оказывающій вліяніе на лицо, ею облеченное. Это психическое воздѣйствіе мѣста всегда чувствуется должностнымъ лицомъ. Такъ, человѣкъ, малодушный отъ природы, невольно становится выше самого себя, дѣлаясь судьей, администраторомъ или генераломъ, стараясь напрягать возможно болѣе тѣ стороны своей душевной силы, которыхъ высота требуется для данной должности.

Это вліяніе «должности» въ высочайшей степени достигается въ монархіяхъ посредствомъ династичности. Много примѣровъ этого представляетъ и наша исторія, въ которой И. Аксаковъ отмѣчалъ «таинственную связь» царя и народа, проявлявшуюся даже въ условіяхъ совсѣмъ необѣщающихъ этого. Эта таинственная связь есть вліяніе *нравственной* силы династичности, въ которой *духъ предковъ, духъ исторіи*, духъ національнаго *цѣлаго*—подчиняетъ себѣ личныя стремленія монарха.

Династичность, вполнѣ созрѣвшая, непремѣнно сопровождается, и должна сопровождаться правильнымъ престолонаслѣдіемъ, возможно яснымъ, общепонятнымъ, простымъ. Безъ этого династичность теряетъ значительную долю своихъ полезныхъ послѣдствій, такъ какъ лишь сокращаетъ но не уничтожаетъ исканіе власти и борьбу за власть.

Въ Византіи созрѣваніе династической идеи больше всего подрывалось тѣмъ рядомъ условій, который мѣшалъ установкѣ правильнаго престолонаслѣдія. Въ Россіи, какъ мы видѣли, полный расцвѣтъ монархической идеи сталъ возможенъ лишь съ той поры, когда установилось понятіе наслѣдства престола по нисходящей линіи царствующей семьи. Точное законодательное опредѣленіе порядка престолонаслѣдія совершилось въ Россіи очень поздно (въ 1797 году), но въ наці-

ональномъ сознаніи, хотя и съ меньшей точностью, этотъ порядокъ (по аналогіи съ обычнымъ семейнымъ правомъ) вполнѣ уже установился со временъ Московскихъ Даниловичей. Нарушенія его бывали только въ предѣлахъ незначительныхъ колебаній, допускаемыхъ и вообще народнымъ семейнымъ сознаніемъ. Рѣзкое исключеніе составили лишь идеи Петра Великаго, которыя однако не имѣли силы побѣдить практику. Послѣ самого Петра императрицей стала его супруга, совершенно подобно тому, какъ и въ домашнемъ быту, по обычному праву, жена домовладыки, по его смерти, можетъ остаться хозяйкой дома.

Однако и тѣ степени колебаній въ правильности престолонаслѣдія, которыя допускаются общимъ семейнымъ правосознаніемъ народа, приносили столько неудобствъ, что въ 1797 году Императоръ Павелъ создалъ точнѣйшій законный порядокъ, не допускающій уже никакихъ перетолкованій, и не оставляющій мѣста никакому выбору между нѣсколькими лицами Царствующаго Дома *).

IX.

Династическая политика.

Огромное значеніе династичности дѣлаетъ необходимою сознательную политику, ее вырабатывающую и сохраняющую. Эта политика, несомнѣнно, должна исходить изъ сознанія, что для Монархіи *нѣтъ такого зла, которое было бы хуже подрыва легитимности.*

Безспорно, есть много случаевъ, когда сохраненіе легитимности покупается цѣной очень тяжкихъ неудобствъ. Такъ,

*) Статьи 5 — 17 „Основныхъ законовъ". Какъ извѣстно, Императоромъ Павломъ установлено престолонаслѣдіе по нисходящей линіи, мужескаго пола, по праву первородства, а по пресѣченіи послѣдняго поколѣнія наслѣдуетъ женскій полъ, по праву заступленія. Съ чисто редакціонной стороны нельзя впрочемъ назвать формулировку нашего закона достаточно простой и общепонятной.

прежде всего,—способности Монарха есть дѣло случайности. Законный наслѣдникъ престола можетъ быть человѣкомъ среднихъ способностей, или даже ниже средняго, тогда какъ какой-либо отдаленный родственникъ его—отличается прямо геніальностью. Можно себѣ представить, наконецъ, случай вырожденія даже всей династіи.

Существуетъ даже мнѣніе о яко бы неизбѣжности вырожденія каждой династіи въ теченіе нѣкотораго неопредѣленнаго періода времени.

Какъ бы то ни было, плохія качества законнаго носителя власти естественно могутъ соблазнять къ попыткамъ нарушенія легитимности. Но тутъ-то и должно помнить принципъ, что во всякое время и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ — лечить монархію посредствомъ нарушенія легитимности — это все равно, что лечить головную боль посредствомъ ампутаціи головы.

Разумная политика династичности должна предвидѣть возможность зла и опасности, и имѣть для нихъ разумныя средства профилактики и леченія.

Прежде всего, для этого, общее устройство управленія должно быть нормально таковымъ, чтобы судьбы государства отнюдь не зависѣли отъ однѣхъ способностей носителя верховной власти. Въ странѣ всегда найдется достаточно способныхъ людей, всегда есть даже люди, которые способнѣе самого геніальнаго Монарха. Идея управительныхъ учрежденій должна быть осуществляема такъ, чтобы способнымъ людямъ былъ даваемъ ходъ, чтобы они не оттирались въ неизвѣстность и бездѣйствіе. Достигается же это—посредствомъ тѣсной *связи Верховной власти съ національными силами* и посредствомъ *сочетанной системы* управительныхъ властей. Вотъ истинный путь политики, которая хочетъ обезпечить страну талантливымъ правительствомъ.

Личныя способности Монарха тутъ не должны имѣть рѣшающаго значенія. Конечно, при плохой системѣ управленія, то есть при господствѣ бюрократіи, страну спасаютъ только личныя способности Монарха. Но, во-первыхъ, при плохой

управительной системѣ даже и способности Монарха спасають страну очень недостаточно. Такъ, напримѣръ, Императоръ Александръ III обладалъ очень исключительными достоинствами правителя. Но господство бюрократической системы, охватившей Россію послѣ 1861 г., во множествѣ случаевъ уничтожало плоды личныхъ талантовъ государя, а по кончинѣ его быстро привело страну къ кризису. Да и при жизни его господство бюрократіи довело до страшнаго упадка нашу Церковь, изуродавало духъ земскаго самоуправленія, подорвало даже боевыя качества арміи. Оно же, наконецъ, понизило уровень способностей самой бюрократіи, такъ что стало уже невозможнымъ находить способныхъ и дѣловыхъ работниковъ администраціи.

Итакъ, при плохой системѣ управленія — никакіе личные таланты Монарха не выручать, и задачей талантливаго Монарха, въ такомъ случаѣ, должно являться употребленіе своихъ силъ не столько на управленіе, какъ на радикальное уничтоженіе укоренившагося зла.

При хорошей же системѣ управленія, даже и недостаточныя личныя способности Монарха легко могутъ быть восполнены талантами его слугъ.

Итакъ, въ разумную династическую политику должно непремѣнно входить такое устройство управительной системы, при которомъ вопросъ о размѣрахъ личныхъ способностей Монарха не становился бы роковымъ «быть или не быть» для самой монархіи.

Что касается исключительныхъ случаевъ болѣзни, которые могутъ случаться въ семьѣ царствующей, какъ и во всякой другой семьѣ — то это вопросъ, который рѣшается, безъ всякаго нарушенія легитимности, на основаніи общихъ правилъ правоспособности человѣка. Въ нашихъ основныхъ законахъ прямо предусмотрѣны случаи «неспособности къ правительству» *).

---

*) „Основные законы“, Раздѣлъ I-й, статья 24. „Законныя причины неспособности къ правительству и опекѣ суть: 1)—безуміе, хотя бы оно было временное; 2)—вступленіе вдовыхъ, во время правительства и опеки, во второй бракъ“.

Можно къ этому лишь добавить, что династическое законодательство должно очень тщательно и ясно опредѣлять условія и формы, необходимыя для того, чтобы фактъ «неспособности къ правительству» могъ быть констатированъ своевременно и внѣ всякихъ сомнѣній для народа.

Но случаи подобнаго рода столь рѣдки въ Исторіи, что оцѣнки формъ правленія на основаніи ихъ совершенно невозможны. Фактъ «временного безумія» верховной власти въ демократіи происходитъ несравненно болѣе часто, и притомъ безъ всякой возможности исправить дѣло и объявить демократическую верховную власть, впавшую въ такое состояніе, «неспособной къ правительству».

Гораздо страшнѣе возможность дегенераціи самой династіи, вслѣдствіе чего въ династическую политику должно входить сознательное попеченіе о предупрежденіи возможности подобнаго несчастія.

Вообще должно замѣтить, что въ смыслѣ научномъ — неизбѣжность вырожденія родовъ есть фантазія. Конечно, бываютъ вырождающіяся семьи. Но это не правило для человѣческаго рода, а исключеніе, и притомъ случаи вырожденія имѣютъ всегда причины, которыя могли бы быть заранѣе устранены. Причины вырожденія семействъ, наблюдаемые врачами, всегда сводятся къ ненормальной жизни ряда предковъ, къ злоупотребленіямъ разнаго рода наслажденіями, къ плохому физическому и умственному воспитанію, къ бракамъ въ слишкомъ тѣсномъ кругѣ брачущихся и т. п. Но предупрежденіе всего этого, при заранѣе обдуманной системѣ, вполнѣ возможно.

Все дѣло сводится къ доброму воспитанію въ средѣ царствующей династіи, къ правильной жизни и къ вопросу о бракахъ. Въ отношеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ исторіи династій извѣстно множество прегрѣшеній. Династическая политика и должна съ ними бороться самымъ серьезнымъ и настойчивымъ образомъ. Останавливаться на подробностяхъ этого нѣтъ надобности, такъ какъ въ общемъ здѣсь требуются тѣ же правила разумнаго воспитанія и жизни, какъ и вообще для всѣхъ людей. Что касается вопроса о бракосочетаніяхъ—

то онъ, быть можетъ, заслуживалъ бы серьезнаго пересмотра.

Дѣло въ томъ, что въ отношеніи браковъ царствующихъ династій борятся два противоположныхъ ряда соображеній. Задача поставить царствующую фамилію возможно выше въ глазахъ подданныхъ—приводитъ къ тому, что браки эти объявляются законными только въ томъ случаѣ, если заключаются въ средѣ какихъ-либо царствующихъ же домовъ. Это ограниченіе повышаетъ августѣйшій характеръ царствующихъ домовъ, и мы даже въ началѣ собственной исторіи видѣли, насколько возвышеніе младшей линіи Рюриковичей было связано съ уваженіемъ къ «царской крови» Мономаховичей, отъ браковъ съ греческими царевнами. Наши основные законы (статья 14) совершенно отнимаютъ право на престолъ у дѣтей, происшедшихъ отъ брачнаго союза лица нашей императорской фамиліи съ лицомъ «не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства».

Однако, при всей политической важности этой точки зрѣнія—нельзя не сказать, что со стороны физіологической въ настоящее время возбуждается много сомнѣній въ практичности такихъ безусловныхъ воспрещеній. Да и съ политической стороны нельзя не вспомнить, что эпоха полнаго созрѣванія монархической идеи въ Россіи, эпоха выработки наиболѣе благоговѣйнаго отношенія къ личности царя—была въ то же время эпохой когда цари избирали супругъ среди подданныхъ. Старинная юридическая точка зрѣнія «а по рабѣ—холопъ» — у насъ вообще далеко не національна, и наиболѣе чтимою царицей Русской Исторіи была даже не «княжна», а «боярышня», Анастасія Романова, которая своимъ бракомъ съ Іоанномъ IV не только не понизила народнаго представленія о правахъ царскаго потомства, но наоборотъ — путемъ «сродства» дала права на престолъ своему собственному, боярскому роду.

Въ отношеніи бракосочетанія царей съ дочерьми подданныхъ—есть множество возраженій второстепеннаго политическаго характера, въ родѣ вліянія родственниковъ царицы и т. п.

Но зло этого рода можетъ происходить при всякихъ условіяхъ, и нельзя сказать, чтобы не могло возникать съ еще худшими послѣдствіями со стороны родственниковъ иностранныхъ принцессъ.

Во всякомъ случаѣ — вопросъ брачный, такъ или иначе составляетъ очень серьезную часть династической политики, которая въ общей сложности имѣетъ цѣлью—поддержать авторитетную и способную династію, внутренне дисциплинированную и проникнутую общностью родовой заботы быть достойнымъ хранилищемъ и разсадникомъ носителей Верховной власти.

X.

Воспитаніе.

Обдуманная система воспитанія будущихъ носителей верховной власти должна бы была составлять важнѣйшую династическую заботу, тѣмъ болѣе, что обстановка, окружающая будущаго владыку милліоновъ людей, неизбѣжно кроетъ въ себѣ множество опасностей для его развитія.

Куртизанство, которое стремится извлекать выгоды путемъ лести, угожденія, потворствованія слабостямъ—можетъ окружать будущаго Царя еще въ его дѣтствѣ. Съ другой стороны немало примѣровъ и обратнаго, грубо ожесточающаго отношенія къ царственному ребенку, быть можетъ даже изъ желанія выставить передъ родителями свое непричастіе куртизанству. Вотъ, напримѣръ, какъ баронъ М. Корфъ описываетъ воспитаніе Николая Павловича, довѣреннаго Императоромъ Павломъ попеченіямъ генерала Ламсдорфа.

«Неизвѣстно, говоритъ баронъ М. Корфъ, на чемъ основывалось то высокое уваженіе къ педагогическимъ способностямъ генерала Ламсдорфа, которое могло рѣшить выборъ Императора Павла... Ламсдорфъ не обладалъ не только ни одной изъ способностей необходимыхъ для воспитанія особы Царственнаго дома, но былъ чуждъ и всего того, что нужно для воспи-

танія частнаго лица. Онъ прилагалъ старанія лишь къ тому, чтобы переломить его (воспитанника) на свой ладъ. Великіе Князья были постоянно какъ въ тискахъ. Они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости и шумливости; ихъ на каждомъ шагу останавливали, исправляли, дѣлали замѣчанія, преслѣдовали моралью и угрозами... Николай Павловичъ особенно не пользовался расположеніемъ своего воспитателя. Онъ, дѣйствительно, былъ характера строптиваго, вспыльчиваго, а Ламсдорфъ, вмѣсто того, чтобы умѣрять этотъ характеръ мѣрами кротости, обратился къ строгости и почти безчеловѣчно, позволяя себѣ даже бить Великаго Князя линейками, ружейными шомполами и т. п. Не разъ случалось, что, въ ярости своей, онъ хваталъ мальчика за грудь или за воротникъ и ударялъ его объ стѣну, такъ что онъ почти лишался чувствъ». Воспитатель очень усердно прибѣгалъ также къ сѣченію дѣтей розгами.

«Вообще, заключаетъ баронъ М. Корфъ, если не смотря на безконечные препоны, положенные развитію его самостоятельности и особенностямъ его характера, если вопреки всѣмъ стараніямъ уничтожить въ немъ исключительность его натуры, опошлить ее и подвести подъ общій уровень — всетаки изъ этого тяжкаго горнила выработалось нѣчто столь могучее, самобытное, геніальное—то конечно Николай всѣмъ обязанъ своей внутренней силѣ» *).

Съ другой стороны, какъ ни правъ баронъ Корфъ въ своемъ порицаніи такой системы воспитанія, нельзя не вспомнить, что у насъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ монарховъ вышелъ именно изъ дѣтей, въ молодые годы испытавшихъ много огорченій и униженій: такимъ былъ Іоаннъ Грозный, такимъ былъ Петръ I. Наоборотъ—изъ дѣтей особенно тщательно и любовно воспитываемыхъ, выходили иногда Монархи безъ воли, какъ напримѣръ Александръ I, любимецъ своей бабушки.

---

*) „Матеріалы и черты къ біографіи Императора Николая I-го“. Статсъ Секретарь баронъ М. Корфъ. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, томъ 98.

Вообще, если дѣло воспитанія и его приспособленіе къ субъективности дитяти представляетъ столько трудностей во всякой семьѣ, то въ семьѣ Царской—оно еще гораздо труднѣе. Понятно, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть никакихъ правилъ единообразно установленныхъ. Можно лишь сказать, что воспитаніе наслѣдника престола есть дѣло столь важное, что Августѣйшимъ Родителямъ слѣдуетъ обращать на этотъ предметъ самое глубокое вниманіе и не жалѣть своего времени, посвящаемаго этому дѣлу.

Въ примѣръ обратнаго можно однако сослаться на того же бар. Корфа. Самъ Императоръ Павелъ любилъ быть съ дѣтьми. Но Императрица относилась къ нимъ иначе. Великій Князь Николай Павловичъ въ раннемъ дѣтствѣ только разъ или два въ день пользовался свиданіями съ матерью. Свиданія продолжались часъ или два. Въ 1798 году, въ теченіе срока отъ 5 Мая до 1 Іюня, Николай Павловичъ провелъ съ матерью не болѣе 6 или 7 часовъ. Въ Ноябрѣ—видѣлся съ нею 15 разъ.

«Вообще, говоритъ баронъ Корфъ, по сохранившимся преданіямъ, Императрица Марія Ѳеодоровна (супруга Императора Павла), этотъ воплощенный ангелъ доброты и милосердія, въ младенческомъ возрастѣ своихъ дѣтей была съ ними *довольно холодна и суха*, находясь сама въ то время въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и бывъ, какъ по вкусу, такъ и обязанностямъ своего сана, *развлечена многочисленными увеселеніями и придворными пышностями, не всегда оставлявшими досугъ для попеченій материнской заботливости*». Лишь впослѣдствіи, оставшись во вдовствѣ—она предалась всецѣло надзору за воспитаніемъ двухъ младшихъ сыновей.

Но если приспособленіе къ индивидуальности ребенка всегда есть дѣло педагогическаго такта воспитателей, то имѣется нѣсколько общихъ условій, одинаковыхъ для всѣхъ субъективностей.

Такъ, на первомъ же мѣстѣ, обязательное условіе составляетъ внимательное религіозное воспитаніе. Ничто не даетъ столь много основъ для развитія качествъ, необходимыхъ для будущаго монарха. Монархъ долженъ знать—что *если въ на-*

родѣ нѣтъ религіознаго чувства—то не можетъ быть и Монархіи. Если онъ лично неспособенъ сливаться съ этимъ чувствомъ народа—то онъ не будетъ хорошимъ монархомъ. Между нимъ и народомъ всегда будетъ протянута завѣса взаимнаго непониманія.

И недостаточно сказать, что для Монарха необходимое религіозное чувство: необходима *та же самая вѣра*—какая одушевляетъ народъ, то же пониманіе, то же ощущеніе. Если Монархъ можетъ,—и это очень полезно—стоять въ отношеніи религіозной сознательности выше народа, то лишь при условіи, чтобы, стоя впереди, онъ находился однако на той же самой почвѣ. У насъ въ Россіи это условіе нерѣдко отсутствовало. Наша правительственная политика, столь разрушительная въ отношеніи Церкви, а потому разрушительная и въ отношеніи основъ народной психологіи, и основъ самой Самодержавной власти — зависѣла въ чрезвычайной степени отъ того, что религіозность царствующихъ особъ нерѣдко носила характеръ не православно-церковнаго, а субъективнаго (протестантскаго) чувства. Конечно, народъ не могъ замѣчать этого непосредственно, и—видя неподдѣльное благочестіе Царя, полагалъ себя въ полной близости съ нимъ. Но на церковной политикѣ религіозный субъективизмъ сказывался очень тяжко, и конечно только вслѣдствіе него наша церковность, въ теченіе 200 лѣтъ, могла двигаться по тому фатальному пути, на который ее поставилъ Петръ Великій.

Чувство и понятіе коллективной религіозности (т. е. православное чувство) никогда не допустили бы реформу Петра продержаться столько времени, къ подрыву вліянія Церкви на народный духъ.

А это чувство православной, церковной, коллективной религіозности выращивается не лекціями учителей Закона Божія, а участіемъ въ церковной жизни.

Вотъ этотъ элементъ необходимо долженъ входить въ воспитаніе Августѣйшихъ дѣтей. Ихъ религіозное воспитаніе должно происходить въ болѣе сердечномъ приходѣ, нежели

дворцовая церковь. Дворцовая церковь болѣе годится для взрослыхъ, сложившихся, людей, чѣмъ для дѣтей, которые нуждаются въ воздѣйствіи на ихъ душу общей молитвы разнородныхъ прихожанъ, богатыхъ и бѣдныхъ, нуждаются въ зрѣлищѣ ихъ общенія и равенства передъ Престоломъ Царя Небеснаго. Какъ ни захудалъ нашъ приходъ, но все же коллективная религіозная жизнь въ немъ есть, а юридическая придавленность его чувствуется взрослыми, но не дѣтьми, которыя этого почти не замѣчаютъ.

Здѣсь мы касаемся одного изъ такихъ пунктовъ воспитанія, которые не зависятъ отъ педагогическаго приспособленія къ индивидуальности ребенка, а имѣютъ общее значеніе. *Вліяніе доброй обстановки* нужно для дѣтей всѣхъ характеровъ, и эту чистую, нравственную обстановку должно необходимо обезпечивать для выработки души будущаго Монарха.

Безъ сомнѣнія, не легко достигнуть этого при дворѣ. Самая могущественная воля здѣсь можетъ принудить скорѣе къ ханжеству и лицемѣрію, чѣмъ къ дѣйствительной чистотѣ. Но Монархамъ не трудно обезпечить для своихъ дѣтей освѣжающее пребываніе въ болѣе тихихъ уголкахъ, въ обстановкѣ природы, въ соприкосновеніи съ чистой обстановкой трудящагося люда, которая способна оставлять благодѣтельное впечатлѣніе на душѣ будущаго Верховнаго Попечителя этихъ трудящихся милліоновъ народа.

Этимъ элементомъ воспитанія обыкновенно и пользуются, но едва ли достаточно, и особенно едва ли съ должной выдержкой и продолжительностью.

Можно сказать вообще, что въ дѣлѣ Царскаго воспитанія огромное значеніе имѣетъ все, дающее знакомство или по крайней мѣрѣ умѣнье находить знакомство съ подданными. Задача непосредственнаго общенія съ подданными всѣхъ званій такъ важна для носителя монархической Верховной Власти, что въ воспитаніи его не слѣдуетъ упускать никакихъ случаевъ развивать способность и охоту къ этому. Незнакомство съ подданными и какъ бы аристократизація принцевъ, окруженіе ихъ преимущественно средой «золотой молодежи»—составляетъ

едва ли не наиболѣе частый недостатокъ воспитанія ихъ. А между тѣмъ у насъ наиболѣе замѣчательными монархами являлись, большею частью, именно тѣ, которые, не бывъ предназначены къ престолу, или будучи оттираемы отъ него преднамѣренно (какъ Петръ I Софіей)—по этому самому имѣли удобства узнавать подданныхъ подальше отъ придворной сферы. Таковъ былъ Николай I, таковъ былъ Александръ III.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что въ большинствѣ царствующихъ домовъ всегда обращали много вниманія на физическое развитіе Наслѣдника престола и развитіе въ немъ мужественныхъ чертъ воина: это — совершенно правильное, эмпирически установившееся требованіе Царскаго воспитанія. Исторія не знаетъ ни одного монарха, который бы принесъ благо своему народу — не отличаясь по крайней мѣрѣ средними качествами мужества. Оно нужно далеко не только потому, что монархъ есть повелитель войскъ, которымъ долженъ внушать почтеніе. Обстоятельство это тоже очень важно. Послѣдніе Бурбоны много пострадали отъ полной утраты военныхъ способностей и даже военныхъ знаній. Но мужество и самообладаніе еще болѣе требуются въ дѣлѣ гражданскомъ, а развитіе того и другого тѣсно связано съ хорошимъ физическимъ воспитаніемъ.

Въ молодомъ возрастѣ оно хорошо соединяется съ военной выправкой, которая полезна и для развитія самообладанія, умѣнья всегда сдерживать свои порывы: это же качество въ высшей степени необходимое. Когда мы думаемъ о томъ, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть каждое слово, каждое движеніе будущаго Царя, какъ много можетъ онъ сдѣлать зла необдуманнымъ, скороспѣшнымъ поступкомъ — то мы поймемъ какъ важна выработка въ немъ съ дѣтства умѣнья владѣть собой, сдерживаться, умѣрять свои рефлексы.

XI.

Царскіе принципы.

Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей Монархической власти въ отношеніи самой себя находится памятованіе *Царскихъ принциповъ* дѣйствія и поведенія.

Тѣ правила, которыя можно назвать «царскими принципами», конечно имѣютъ значеніе и для всякаго человѣка, но ихъ совокупность особенно необходима для носителя Верховной Власти,

Въ этомъ отношеніи нерѣдко подробно региструютъ довольно мелкія правила поведенія, въ чемъ можно упрекнуть и Монтескьё, и нашего Чичерина. Разумѣется, есть, для средняго человѣка, наиболѣе практичныя правила. Такъ весьма полезна осторожность въ словахъ, не спѣшность поступковъ и т. п. Еще Пушкинскій Борисъ Годуновъ наставляетъ сына:

Будь молчаливъ: не долженъ Царскій гласъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ возвѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.

Часто говорится также о привѣтливости въ обращеніи, о щедрости и т. д. Всѣ эти правила, въ частностяхъ, могутъ быть очень мудры, но по большей части не имѣютъ общаго значенія, а иногда даже имѣютъ въ виду Монарха, какъ правителя, а не какъ Верховную Власть. Въ отношеніи этого послѣдняго рекомендуютъ все, что клонится къ поддержанію «августѣйшаго» характера власти, который конечно тѣмъ лучше сохраняется чѣмъ обдуманнѣе поведеніе. Слово не сказанное— рѣдко компрометируетъ. Слово сказанное неудачно — очень способно подрывать авторитетъ. То же относится и къ поступкамъ. Пышный церемоніалъ и этикетъ также основаны на

цѣли какъ можно лучше обезпечить августѣйшую внѣшность власти, ея величіе, ея обдуманность, а, при случаѣ, замаскировать случайную нетактичность. Все, это конечно, нужно, почему и выработано практикой.

Но подобно пріемамъ воспитанія, все это не составляетъ *принципа*.

Многіе монархи нарочно отбрасыввли церемоніалъ и этикетъ, многіе были скупы — и ничего существеннаго не теряли отъ этого въ глазахъ народа. Многіе очень выигрывали тѣмъ, что не хранили молчаливости. Такъ Наполеонъ I-й значительной долей своей репутаціи обязанъ рѣдкой способности кратко и ясно формулировать мысль, опредѣляющую положеніе или столкновеніе. Этой своей способностью онъ пользовался столь же удачно для увеличенія своего престижа, какъ Вильгельмъ Оранскій или императоръ Александръ III пользовались системой молчаливости. Вообще, всѣ такія мелкія правила относятся къ области тактичности, которая требуетъ отъ каждаго человѣка прежде всего умно сообразоваться со своими способностями, пользоваться ихъ сильными сторонами, и прятать подальше слабыя стороны.

Но есть нѣкоторыя правила, которыя составляютъ именно *принципы Монархической власти*, такъ какъ относятся уже не къ пользованію субъективными способностями, а къ общему всѣмъ Царямъ несенію Верховной Власти.

Такъ, одна изъ главнѣйшихъ цѣлей Царскаго воспитанія— выработка самообладанія—потому и важна, что самообладаніе составляетъ безусловно необходимый принципъ носителя Верховной Власти. Безъ самообладанія нельзя достойно нести Верховной Власти, ибо она имѣетъ главной задачею владѣть и управлять всѣми правящими силами. Не управляя собою, нельзя править другими. Демократія потому и мало пригодна въ качествѣ верховной власти, что почти неспособна къ выработкѣ самообладанія.

Итакъ *самообладаніе* должно быть признано за необходимый царственный принципъ.

Чичеринъ не безъ основанія возводитъ въ принципъ то, что онъ называетъ *умѣренностью*.

«Сила власти, говоритъ онъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ государя. Напротивъ умѣренность всегда можетъ быть правиломъ политики. Слабый монархъ и безъ того къ этому склоненъ. Энергическая же власть можетъ сама себя умѣрить: въ этомъ состоитъ высшее ея нравственное достоинство. Не въ преувеличеніи своего начала, а въ восполненіи его недостатковъ заключается требованіе политики имѣющей цѣлью—благо подданныхъ». Это, до извѣстной степени, совершенно вѣрно.

Но главный царскій принципъ, безъ сомнѣнія, составляетъ строжайшее слѣдованіе *долгу*. Величайшее зло, которое можетъ происходить отъ неограниченной власти—это переходъ ея въ произволъ. Въ этомъ случаѣ не имѣетъ большого значенія вопросъ о направленіи произвола: по добротѣ ли сердечной онъ появляется или по жестокости—онъ одинаково вреденъ въ положеніи Царя. Дѣло въ томъ, что Царь, въ правленіи, не долженъ имѣть личныхъ побужденій. Онъ есть исполнитель Высшей Воли. Тамъ гдѣ эта Высшая Воля указываетъ необходимость кары и строгости — Царь долженъ быть строгимъ и карать. Онъ есть лишь орудіе справедливости. Для подданныхъ дается законъ, правила поведенія, и Царь, какъ Верховная Власть, долженъ блюсти за тѣмъ, чтобы это было не пустымъ звукомъ, а фактомъ дѣйствительности. Онъ существуетъ не для того, чтобы дѣлать, какъ ему нравится, не для того, чтобы быть тираномъ или потакать распущенности, а для того, чтобы всѣхъ вести къ исполненію долга. Поэтому онъ и самъ обязанъ быть носителемъ долга. Вотъ величайшій царскій принципъ, при соблюденіи котораго монархъ только и является дѣйствительной Верховной Властью нравственнаго начала.

Потому то всѣ выдающіеся государи ставили такъ высоко свою обязанность долга. Императоръ Николай Павловичъ, для возбужденія страха передъ самой мыслью о ниспроверженіи законнаго порядка—не считалъ возможнымъ дать никакой по-

блажки сосланнымъ Декабристамъ. А между тѣмъ лично онъ, по человѣчеству, ихъ очень жалѣлъ. Поэтому онъ послалъ въ Сибирь Жуковскаго, приказавъ дать всякія облегченія сосланнымъ, но отъ имени самаго Жуковскаго. Государь строжайше приказалъ, чтобы ни одна душа не знала о томъ, что эти льготы дѣлаются имъ самимъ.

Таково истинное сознаніе долга. Царь, будучи добрымъ, представлялъ себя строгимъ и непримиримымъ потому, что это было *нужно*, пока преступники ничѣмъ не заслужили милосердія. Нужно было, чтобы Царя боялись, и онъ отдавалъ себя на жертву упрекамъ въ жестокости, а всю славу доброты дарилъ Жуковскому, лишь бы сохранить для Власти необходимый, по тому времени, грозный престижъ.

Безъ сомнѣнія, людямъ очень пріятно быть добрыми и разливать кругомъ милости. Но для Монарха это значитъ распоряжаться чужимъ добромъ. Тотъ, Кто сотворилъ міръ, можетъ дѣлать что хочетъ, ибо все существующее есть Его собственность. Но Царь земной есть власть делегированная отъ Бога. Онъ обязанъ творить не свою волю, а ту, Которая поставила его на Царство.

Безусловно обязательный для Царя принципъ составляетъ *справедливость*. Онъ не имѣетъ права жертвовать справедливостью ни по личному неудовольствію, ни по милосердію. Іоаннъ Грозный, этотъ замѣчательный теоретикъ Самодержавія, оставилъ Монархамъ правило, которое слѣдовало бы, какъ Царское «зерцало», вывѣшивать въ рабочемъ кабинетѣ Монарховъ:

«Всегда царямъ подобаетъ быть обозрительными: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ. Ко благимъ убо милость и кротость, ко злымъ же ярость и мученіе. Аще ли сего не имѣетъ—нѣсть Царь»...

Съ принципомъ *долга* тѣсно связанъ принципъ *законности*. Какъ недавно высказалъ П. Н. Семеновъ, «самодержавная власть, отъ которой единственно исходятъ законы, сама же первая, издавъ законъ, должна ему подчиняться и охранять до тѣхъ поръ, пока она же не отмѣнитъ или не измѣнитъ его въ томъ же узаконенномъ порядкѣ». Она (власть)

«является ограниченною для самой себя». «Законъ, какъ выраженіе воли верховной власти, есть какъ бы ея совѣсть. Подобно тому, какъ если бы человѣкъ, увлекшись проповѣдью свободы отъ совѣсти, сталъ дѣйствовать отрѣшившись отъ нея и довелъ бы себя этимъ до паденія и гибели, такъ точно Самодержавная власть, если бы она стала сама же первая попирать законы, разстроила бы весь государственный организмъ и довела бы его и себя до гибели».

Милосердіе—есть праздникъ Верховной Власти. Работа же ея и обязанность — это *исполненіе долга, поддержаніе справедливости и закона*. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законная справедливость не совпадаетъ со справедливостью Божественной, является мѣсто для отступленія отъ закона. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это не вредитъ справедливости — есть мѣсто милосердію.

Тотъ же долгъ является Царственнымъ руководствомъ въ устроительныхъ мѣрахъ. Царь есть представитель идеаловъ народа. Царь поставленъ Богомъ не гдѣ то въ отвлеченіи, а на конкретномъ дѣлѣ извѣстнаго опредѣленнаго народа, а слѣдовательно для исполненія задачъ его исторіи, его потребностей, его историческаго труда. Если монархъ вмѣсто того, чтобы исполнять свой долгъ править въ духѣ и направленіи этихъ національныхъ идеаловъ, начинаетъ поступать, какъ ему лично нравится, нарушая ту національную работу, для веденія которой получилъ свою власть — онъ нравственно теряетъ право на власть.

Вопросъ о мотивахъ такого нарушенія долга совершенно безразличенъ. Можетъ быть, Монархъ дѣйствовалъ по добротѣ своей—но во всякомъ случаѣ онъ распоряжался тѣмъ, что ему не принадлежитъ, дѣлалъ то, на что не уполномоченъ содержаніемъ идеала, для служенія которому получилъ власть. Дѣлая то, на что не имѣлъ права, и не дѣлая того, что былъ обязанъ исполнять, онъ самъ лишаетъ себя основы своей власти. *Царь ограниченъ содержаніемъ своего идеала*, котораго осуществленіе составляетъ его *долгъ*. Нарушеніе же обязанности— уничтожаетъ право, связанное съ этой обязанностью.

Вотъ внутреннія причины, по которымъ памятованіе и соблюденіе долга, и совершенное отрѣченіе отъ своего произвола, составляетъ первый и главный царскій принципъ, ибо отступленіе отъ него потрясаетъ самую основу монархической власти.

За слабостью соблюденія этого принципа — страна всегда погружается въ величайшія бѣдствія, ибо она можетъ жить только правильной эволюціей своихъ жизненныхъ функцій, руководство которыми составляетъ обязанность Царя. Онъ есть какъ бы машинистъ, слѣдящій за ходомъ этой одухотворенной машины, и обращаться съ ней произвольно не можетъ, ибо это значитъ лишь спутать всѣ части механизма, а затѣмъ и взорвать всю машину.

Какъ исполнитель долга Верховной власти, Монархъ есть выразитель духа своего народа. Отсюда вытекаетъ еще важный царственный принципъ: *сознаніе своей безусловной необходимости для націи.* Безъ этого сознанія—нѣтъ Монарха.

Необходимость Монарха для націи есть, дѣйствительно, величайшая истина при тѣхъ условіяхъ, когда монархія возможна, то есть когда народъ выше всего ставитъ этическій принципъ. Въ этомъ случаѣ нація не можетъ обойтись безъ Царя. Это фактъ, и Царь долженъ быть въ томъ увѣренъ.

Разумѣется, Царь необходимъ лишь въ томъ случаѣ, если творитъ свой долгъ, а не свой произволъ. Но при соблюденіи этого правила—онъ безусловно необходимъ, и поэтому ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ опасностяхъ, ни при какихъ соблазнахъ, не можетъ упразднить своей Верховной Власти.

На это не разъ указывалось въ Россіи различными выдающимися выразителями политической мысли. Карамзинъ писалъ Александру І-му: «Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти: иной не имѣешь. Можешь все, но не можешь законно ограничить ее».

«Самъ монархъ, писалъ М. Н. Катковъ, не могъ бы умалить полноту правъ своихъ. Онъ властенъ не пользоваться

ими, подвергая тѣмъ себя и государство опасностямъ, но онъ не могъ бы отмѣнить ихъ, если бы и хотѣлъ».

Дѣло, однако, при этомъ вовсе не въ волѣ народа. Монархъ, по смыслу своей идеи, даже и при волѣ на то народа, не можетъ ограничить своей власти, не совершая тѣмъ, вмѣстѣ съ народомъ, беззаконнаго (съ монархической точки зрѣнія) coup d'Etat. Ограничить самодержавіе—это значить упразднить верховную власть нравственно религіознаго идеала, или, выражаясь языкомъ вѣры, упразднить верховную власть Божію въ устроеніи общества. Кто бы этого ни захотѣлъ, монархъ или народъ, положеніе дѣла отъ этого не измѣняется. Совершается переворотъ, coup d'Etat. Но если народъ, потерявши вѣру въ Бога, получаетъ, такъ сказать, право бунта противъ Него, то ужъ монархъ ни въ какомъ случаѣ этого права не имѣетъ, бо онъ, въ отношеніи идеала, есть только хранитель, dépositaire власти, довѣренное лицо.

Въ отношеніи идеала, монархъ имѣетъ не права, а обязанности. Если онъ, по какимъ-либо причинамъ, не желаетъ болѣе исполнять обязанностей, то все, что можно допустить, по смыслу принципа, есть отреченіе отъ престола. Только тогда, въ качествѣ простого гражданина, онъ могъ бы, наравнѣ съ другими, стремиться къ антимонархическому coup d'Etat. Но упразднить собственную обязанность, пользуясь для этого орудіями, данными только для ея выполненія, это, конечно, составило бы актъ величайшаго превышенія права, какое только существуетъ на землѣ.

Въ исторіи Французской Монархіи очень свѣтлую страничку составилъ отказъ послѣдняго Бурбона, графа Шамбора, принять корону Франціи цѣной отказа отъ бѣлаго знамени. Знамя здѣсь являлось символомъ. Трехцвѣтное знамя выражало идею власти народа. Бѣлое съ лиліями—власть короля. Графъ сказалъ—что вполнѣ убѣжденъ въ необходимости Парламента; онъ сказалъ, что сохранитъ всѣ свободныя учрежденія, но исключительно по своему убѣжденію въ ихъ пользѣ, а не давая никакихъ обязательствъ конституціоннаго характера. Франція, уже готовая принять его при Макъ Магонѣ, уже готовившая

ему встрѣчу — не согласилась на бѣлое знамя — и графъ Шамборъ рѣшилъ остаться эмигрантомъ. Едва ли что поддержало во Франціи такъ сильно монархическую идею, какъ этотъ отказъ послѣдняго Бурбона поступиться тѣмъ, что припринадлежитъ не ему, а Монархической Верховной Власти.

Этотъ фактъ необходимости Монарха для націи опредѣляетъ вообще цѣлый рядъ основныхъ правилъ поведенія.

Необходимость Монарха для націи обусловливается вѣрностью самой націи духу, признающему нравственный идеалъ за высшій принципъ. Если въ націи этого духа нѣтъ—Монархъ становится излишенъ и невозможенъ, и ему остается лишь удалиться съ мѣста, такъ сказать нравственно опустѣлаго. Оно тогда—ниже его, недостойно его. Но пока нація хранитъ свой нравственный духъ — передъ монархомъ выростаетъ еще два принципа поведенія.

Во первыхъ—онъ долженъ имѣть возможно тѣснѣйшее и *непосредственное общеніе съ націей*, безъ чего для него совершенно невозможно быть выразителемъ ея духа.

Это общеніе весьма важно даже и въ цѣляхъ управительныхъ. Чичеринъ приводитъ прекрасныя въ этомъ отношеніи слова Екатерины II статсъ секретарю Попову.

Поповъ однажды выразилъ Императрицѣ свое изумленіе передъ тѣмъ безусловнымъ повиновеніемъ, которое она умѣетъ внушать окружающимъ...

«Это не такъ легко, какъ ты думаешь, отвѣчала Императрица. Во первыхъ—мои повелѣнія не исполнялись бы съ точностью, если бы не были удобны къ исполненію. Ты самъ знаешь съ какой осмотрительностью я поступаю при изданіи своихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа. Когда я увѣрена въ общемъ одобреніи—тогда выпускаю я мое повелѣніе—и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не принаровлено къ обычаямъ, и когда въ ономъ я бы слѣдовала одной моей волѣ. Во вторыхъ, ты ошибаешься, когда думаешь, что вокругъ меня дѣлается все только мнѣ

угодное. Напротивъ — это я, которая стараюсь угождать каждому сообразно съ заслугами, достоинствомъ и т. д.».

Это дѣйствительно «золотыя слова», какъ выражается Чичеринъ, но въ нихъ выражена лишь часть существа дѣла. Екатерина хорошо дѣлала, вникая въ то, во что можно было вникнуть при тогдашнемъ соціальномъ строѣ. Она черезъ людей передового дворянства угадывала духъ націи. Въ этомъ проникновеніи духомъ націи вся суть монархическаго дѣла.

Но въ условіяхъ жизни свободнаго народа—монарху возможно гораздо болѣе широко вникать въ духъ націи, подсказывающій необходимость тѣхъ или иныхъ мѣръ, или указывающій невозможность другихъ. Для этого недостаточно опрашивать окружающихъ. Тутъ нужна цѣлая система способовъ общенія.

При этомъ должно замѣтить, что обязанность монарха выражать духъ націи, вовсе не означаетъ непремѣннаго выполненія всего, что кажется ея волею. Это ошибка лишь слабыхъ правителей, не умѣвшихъ войти въ духъ народа.

Говоря о волѣ націи, необходимо разграничивать дѣйствительную волю и кажущуюся. Дѣйствительную волю націи, то, чего народъ дѣйствительно желаетъ, но не всегда умѣетъ формулировать—составляютъ требованія, вытекающія изъ его духа. Только ихъ осуществленіемъ онъ можетъ быть дѣйствительно удовлетворенъ. Лишь такое исполненіе текущихъ потребностей и желаній народа, которое сообразно съ его духомъ—удовлетворяетъ прочно, и даетъ основу для дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія принятыхъ мѣръ.

Но нація далеко не всегда способна выразить, что именно нужно для такого прочнаго удовлетворенія ея желаній. Подъ вліяніемъ случайностей, ее пугающихъ, раздражающихъ, сбивающихъ съ пути ея чувство или разсужденіе—нація можетъ выставлять требованія, совершенно несообразныя и несовмѣстимыя съ ея же дѣйствительными желаніями. Это особенно легко случается подъ вліяніемъ партійной агитаціи, подсовывающей народу требованія, которыя повидимому выражаютъ

его желанія, а на дѣлѣ совершенно имъ противорѣчать. Легче всего такой обманъ и самообманъ происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ какими-нибудь обстоятельствами приведенъ въ состояніе дезорганизованной массы.

Вотъ въ подобныхъ случаяхъ монархъ обязанъ умѣть удержаться на почвѣ духа націи, и смѣло стать противъ ея кажущейся воли. Онъ должен употребить весь свой авторитетъ для того, чтобы не допустить націю до шага, въ которомъ самъ же народъ будетъ горько раскаиваться впослѣдствіи, когда замѣтитъ, что онъ вовсе не этого желалъ достигнуть и ошибся въ формулировкѣ своего желанія.

Монархъ болѣе всего и нуженъ для того, чтобы иногда—властно *осуществить* назрѣвшее, дѣйствительное желаніе націи, выработанное въ ней ея духомъ, а иногда столь же властно *не допустить* націю до роковой ошибки въ опредѣленіи своего дѣйствительнаго желанія, не допустить мѣры, которая минутно кажется народу его требованіемъ, а въ дѣйствительности лишь подсказана ему или страстью или партійной агитаціей, въ противность истинному содержанію народнаго духа.

Такая роль и такая способность воплотить въ себѣ то, что составляетъ дѣйствительное желаніе націи, свойственна лишь геніальной личности. Но присутствіе геніальной личности есть дѣло случая. Монархическая идея стремится усвоить эту геніальность самому учрежденію. Монархическое верховенство—есть возможное въ конституціонныхъ формахъ достиженіе того, чтобы государствомъ завѣдывалъ *геній націи*. Вотъ что должно наиболѣе памятовать монархамъ, и самимъ народамъ. Задача монарха—не въ томъ, чтобы выражать собственно свою волю или желаніе, а въ томъ, чтобы выражать работу генія націи.

И вотъ почему—монархъ весь въ своемъ долгѣ. Вотъ почему онъ иногда обязанъ осуществить видимое желаніе націи, иногда обязанъ ни за что не допускать его осуществленія, какъ бы шумно ни раздавалось требованіе. Для того же, чтобы быть способнымъ къ исполненію этого долга—для того, чтобы уловить требованіе генія націи — монархъ долженъ быть, во-

первыхъ, связанъ со всѣмъ прошлымъ націи, которое, по династическому духу можетъ столь хорошо ощущать въ собственныхъ предкахъ, и во-вторыхъ—находиться въ постоянномъ тѣснѣйшемъ общеніи съ организованными силами націи, постоянно заботясь о томъ, чтобы нація была соціально организована, и не превращалась въ толпу, ибо лишь въ организованной націи способенъ жить и говорить ея духъ.

Но такая роль царя была бы совершенно невозможна, если бы его личность не была *абсолютно неприкосновенна*. И вотъ почему обязательнымъ царскимъ принципомъ должно быть поставлена безусловное поддержаніе *неприкосновенности Царской Особы*.

Въ нашихъ законахъ, статьи 241, 242, 243 Уложенія о наказаніяхъ—созданы совершенно правильнымъ сознаніемъ этой политической истины.

Въ нихъ «священная особа Государя Императора» охраняется отъ всякихъ покушеній смертной казнью всѣхъ виновныхъ, при чемъ не дѣлается никакихъ разграниченій въ степеняхъ преступности. Большое или малое насиліе, покушеніе исполненное или замышленное, или хоть простое знаніе и недонесеніе о какомъ-либо изъ такихъ преступленій, наказуются совершенно одинаково смертною казнью.

Безъ свободы и неприкосновенности монарха—не можетъ быть монархіи. Она неизбѣжно искажается, если начинается хоть малѣйшее потрясеніе этой свободы и неприкосновенности. А посему—никакихъ степеней ни въ характерѣ преступленія. ни въ причастности къ нему не можетъ быть. Даже самая малѣйшая степень уже безусловно недопустима. Только такимъ способомъ можетъ быть предупреждена возможность появленія самой мысли о преступленіяхъ противъ личности монарха.

Дѣло въ томъ, что эти преступленія, физически, слишкомъ легки. Какъ человѣкъ—Монархъ можетъ быть предметомъ покушеній со стороны всѣхъ недовольныхъ: его можетъ стараться убить и фанатикъ какой-либо идеи, одинъ за существованіе крѣпостного права, другой за уничтоженіе крѣпостного права, одинъ за недостаточное поддержаніе господствующаго племени,

другой за недостаточность правъ инородцевъ, словомъ за все, что вздумается кому-либо. Монарха можетъ стремиться умертвить или низвергнуть и недовольный придворный, ждущій себѣ лучшаго положенія при другомъ царѣ, и какой-нибудь проворовавшійся мошенникъ, который смертью царя ищетъ спастись отъ наказанія и т. д. И вотъ именно эта легкость покушеній противъ единоличнаго носителя верховной власти требуетъ безусловной, безпощадной кары за нихъ. Снисхожденіе къ виновнымъ въ такомъ преступленіи—составляетъ небреженіе о самой монархіи.

Это однако, по множеству причинъ, нерѣдко забывается монархами, изъ дѣйствительной кротости или изъ желанія показать великодушіе, или во избѣжаніе нареканій въ личномъ мщеніи и т. д. Но каковы бы ни были побужденія, заставляющія забывать охрану неприкосновенности царской—они глубоко ошибочны.

Когда верховная власть—какая бы то ни было—дѣлается предметомъ насильственныхъ покушеній—государство становится невозможнымъ. А посему всѣ такія покушенія, при всякомъ образѣ правленія, справедливо преслѣдуются, какъ высшее изъ преступленій. Но въ отношеніи монарха—оно должно быть наказуемо даже строже, чѣмъ въ демократіи.

Въ демократіи, государственная воля принадлежитъ большинству народа, такъ что ограждена огромною силою. Подчиненіе народа прямымъ насиліемъ—почти невозможно. Совсѣмъ иное положеніе монарха. Онъ, какъ человѣкъ, представляетъ силу самую малую. Его легко убить, возможно захватить въ плѣнъ, и на все это достаточно злого желанія даже самаго небольшого числа, самыхъ ничтожныхъ людей. Посему неприкосновенность личности монарха должна быть охраняема строжайшей карою, такъ чтобы малѣйшая мысль о покушеніяхъ противъ царя становилась въ высшей степени опасна, а потому трудно осуществима уже съ первыхъ подготовительныхъ шаговъ.

Помимо всего указаннаго, должно поставить еще одинъ царскій принципъ, вытекающій изъ всей совокупности того зна-

ченія, которое монархія имѣетъ въ жизни націи, избравшей единоличную власть своимъ верховнымъ государственнымъ принципомъ.

Этотъ принципъ состоитъ въ постоянномъ стремленіи вести свою власть по пути *прогрессивной эволюціи*.

Въ первой части книги указывалось (стр. 117—118), что монархія имѣетъ, въ идеѣ, три проявленія (самодержавіе, деспотизмъ и абсолютизмъ), и что въ исторической дѣйствительности они смѣшиваются въ различныхъ комбинаціяхъ. Такимъ образомъ въ одной и той же монархіи можетъ возникать эволюція прогрессивная, т.-е. переходъ отъ низшей формы въ высшую, и наоборотъ изъ высшей въ низшую (регресивная эволюція). Прогрессивная эволюція, напримѣръ, переходъ отъ абсолютизма къ самодержавію, ведетъ монархію къ усиленію и расцвѣту. Регрессивная эволюція—къ упадку или даже гибели.

Посему постояннымъ принципомъ царскимъ должно являться, какъ сказано, направленіе своей верховной власти на путь прогрессивной эволюціи; т.-е. къ чистому самодержавному виду.

ОТДѢЛЪ III.

Отношеніе къ началу этическому и религіозному.

XII.

Связь верховной власти и религіи.

Мы выше указывали, что одной изъ главнѣйшихъ задачъ политики должно быть сохраненіе и развитіе источниковъ той силы, которая порождаетъ верховную власть даннаго государства. Для монархіи, въ этомъ отношеніи, прежде всего необходимо, чтобы народный духъ сохранялъ то же содержаніе, которое её породило, а именно былъ полонъ идеальнаго элемента, подчиняющаго общественную жизнь нравственному идеалу.

Монархія возникаетъ съ такимъ содержаніемъ народнаго духа и кончается съ его уничтоженіемъ. Первая задача ея состоитъ, стало быть, въ томъ, чтобы помочь націи сохранять и развивать это духовное содержаніе. Это составляетъ первую задачу и обязанность, какъ въ отношеніи націи, такъ и въ отношеніи самой монархіи, ибо свое нравственное содержаніе верховная власть почерпаетъ изъ націи. Когда оно есть въ націи,—оно передается неизбѣжно верховной власти; изсякая въ націи,—столь же неизбѣжно изсякаетъ и въ верховной власти.

Отсюда является важность вопроса о правильномъ отношеніи монархической политики къ религіознымъ вѣрованіямъ и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя ими создаются и объединяютъ религіозную жизнь націи.

Эта часть политики всегда и существуетъ, во всѣхъ монархіяхъ, независимо отъ характера религіи народа. Въ зависимости отъ чистоты религіознаго сознанія народа, монархъ иногда является верховнымъ жрецомъ націи (какъ римскіе императоры). Въ магометанствѣ калифы и падишахи также представляютъ въ себѣ если не главное, то центральное истолкованіе велѣній вѣры. Огромное значеніе государственно церковныхъ отношеній въ христіанскихъ монархіяхъ указано во второй части книги.

Но простая констатировка этого факта еще не много уяснила бы для политики. Существенный вопросъ состоитъ въ томъ, можетъ ли государственная политика имѣть какую нибудь сознательную тенденцію въ отношеніи вѣрованій и религіозныхъ учрежденій націи, или же она только пассивно принимаетъ фактъ ихъ существованія, и ограничивается поддержкой ихъ?

Фактически мы видимъ въ исторіи, что никогда монархія такой пассивной ролью не ограничивается. Достаточно вспомнить Константина Великаго, Владиміра Равноапостольнаго, Англійскаго Генриха VIII, а у насъ—припомнить церковную реформу Петра Великаго. Какъ бы ни оцѣнивались перевороты, произведенные тѣмъ или другимъ изъ нихъ—историческій фактъ состоитъ въ томъ, что Монархическая власть не держитъ себя пассивно въ отношеніи религіи и религіозныхъ учрежденій.

Общечеловѣческое сознаніе совершенно признаетъ неизбѣжность и законность этого факта. Его законность признаютъ не только политики, но и люди вѣрующіе, и сами представители религіозныхъ учрежденій. Задачи политики, какъ науки, состоятъ стало быть въ томъ, чтобы указать разумныя основы для направленія политическаго искусства въ дѣлѣ исповѣдной политики монархій.

Эти разумныя основы опредѣляются указаннымъ выше принципомъ монархіи заботиться *о прогрессивной эволюціи* монархической Верховной Власти, то-есть о томъ, чтобы она развивала чисто самодержавный характеръ, не ниспадая ни въ деспотизмъ, ни въ абсолютизмъ, а напротивъ подымаясь отъ послѣднихъ къ чистому самодержавію.

Національныя вѣрованія, и создаваемые на нихъ почвѣ національные религіозные союзы или учрежденія, имѣютъ огромное вліяніе на прогрессивный или регрессивный ходъ эволюціи монархіи.

Разумная вѣроисповѣдная политика требуетъ, поэтому, *союза Верховной Власти съ тѣми ростками религіознаго сознанія народа, которые ведутъ къ истинной религіи.*

Такіе ростки имѣются у всякой націи. Нѣтъ человѣческой расы или націи, которая въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ не находила бы хоть искры истины, а пребывала бы лишь въ безысходномъ заблужденіи. Эта доля истины въ національныхъ вѣрованіяхъ и составляетъ ростки прогрессивной религіозной эволюціи, которая можетъ быть и задавлена, и развиться до торжества надъ заблужденіемъ. Разумная вѣроисповѣдная политика монархіи требуетъ всегда, при всякой вѣрѣ, у всякаго народа—быть на сторонѣ именно того, что въ данномъ строѣ національныхъ вѣрованій составляетъ движеніе прогрессивной эволюціи религіознаго сознанія народа.

Но что такое прогрессивная эволюція религіознаго сознанія?

Она составляетъ движеніе отъ низшихъ ступеней религіознаго сознанія къ высшимъ.

На низшихъ его ступеняхъ человѣкъ признаетъ за *первоисточникъ* жизни что-либо такое, что на самомъ дѣлѣ составляетъ явленіе производное. Это стадія *«языческая»*, это «любленіе твари паче Бога», въ какія бы философскія системы оно ни облекалось, выражаетъ мутность религіознаго сознанія и неизбѣжно ведетъ къ дальнѣйшимъ заблужденіямъ.

Высшая ступень религіознаго сознанія признаетъ за первоисточникъ бытія, за единственный принципъ жизни, Бога истиннаго, личнаго, абсолютнаго, имѣющаго нравственное существо: это стадія *христіанства*—полнаго познанія Бога.

Различные зерна и элементы этихъ состояній религіознаго сознанія—имѣются вездѣ: есть элементы истиннаго сознанія у языческихъ народовъ, какъ есть элементы язычества въ націяхъ номинально христіанскихъ.

Недостатокъ глубины и тонкости политическаго сознанія,

составляютъ причину того, что люди нерѣдко не понимаютъ отношенія между истиной *религіозной* и истиной *политической*. Между тѣмъ, отношеніе это самое прямое. Для политики имѣетъ значеніе не само по себѣ то обстоятельство, что одно религіозное сознаніе истинно (т.-е. приводитъ къ дѣйствительному Богу), а другое—ложно, но *этическія послѣдствія этого*. Связью между политикой и религіей является нравственность. Политика такимъ образомъ связана съ религіей элементомъ этическимъ, вытекающимъ изъ вѣроисповѣднаго.

Монархія высшаго типа (самодержавнаго) нуждается для своего сохраненія и развитія въ томъ, чтобы въ націи существовалъ абсолютный нравственный идеалъ, не подчиненный, не утилитарный, а *верховный*. Монархическая власть, въ качествѣ верховной, признается и поддерживается только той долей націи, или той частью національной души, въ которой живетъ *сознаніе верховенства нравственнаго начала надъ всѣми остальными*.

Вотъ по какой причинѣ въ своей исповѣдной политикѣ монархія должна стремиться къ поддержанію именно *такихъ* элементовъ національной души, и о связи именно съ ними.

Итакъ въ отношеніи вѣроисповѣдной политики можно поставить два правила:

1. Монархическая верховная власть можетъ держаться лишь на почвѣ національной религіи, но при этомъ

2. Она должна всѣми силами благопріятствовать прогрессивной эволюціи религіознаго сознанія націи, т.-е. приближенію души націи къ истинному, дѣйствительному Богу.

Первое правило обычно наблюдается въ исторіи. Но второе соблюдается очень рѣдко. До него возвышаются лишь немногіе великіе правители, какъ Константинъ. Банальные правители и банальныя политическія системы никогда не понимаютъ этого правила, изъ за мелочныхъ управительныхъ соображеній. Низшее религіозное сознаніе кажется болѣе удобнымъ для управительныхъ задачъ минуты. При немъ болѣе легко добиться дисциплины, избавиться отъ докучливой оппозиціи и т. д.

Но эти соображенія очень ошибочны, потому что, изъ за этихъ временныхъ или кажущихся удобствъ, монархія лишаетъ себя способовъ развитія въ истинно верховную власть, или низводитъ изъ положенія верховнаго къ абсолютизму, или деспотизму, а затѣмъ и къ уничтоженію.

Упомянутый управительный соблазнъ происходитъ отъ того, что при высшихъ состояніяхъ религіознаго чувства этика націи независима отъ политики. Она въ источникѣ связана съ Богомъ, земной власти не подчиненнымъ, а въ религіозныхъ учрежденіяхъ (церкви) нація составляетъ особый отъ политики строй, въ вѣроисповѣдномъ отношеніи государству тоже неподчиненный. Между тѣмъ при низшихъ состояніяхъ религіознаго чувства и сознанія, религія и политика могутъ сливаться въ нѣчто единое и неразрывное.

Сама по себѣ эта послѣдняя точка зрѣнія есть—языческая, но она проявляется и въ христіанской государственности, въ томъ числѣ была и остается сильна и въ Россіи. Вообще же въ исторіи монархій существуетъ три типа отношеній государства къ религіи:

1. Превращеніе верховной государственной власти въ центръ религіи. Тутъ происходятъ различныя степени обожествленія монарха. Наиболѣе типично такое отношеніе въ языческихъ государствахъ. Въ христіанскихъ же оно проявляется въ различныхъ степеняхъ такъ называемаго цезаропапизма,

2—Полную противоположность этому типу государственно-религіозныхъ отношеній составляетъ подчиненіе государства церковнымъ учрежденіямъ. Сюда относятся различныя формы жрецократіи, іерократіи, папоцезаризма. Здѣсь въ сущности нѣтъ монархической власти,

3—Третій типъ отношеній составляетъ *союзъ государства съ церковью*, который достигается подчиненіемъ монарха религіозной идеѣ и личной принадлежностью къ церкви, при независимости его государственной верховной власти. Это можно назвать истиннымъ выраженіемъ теократіи, (а не іерократіи), то-есть владычествомъ Бога въ политикѣ посредствомъ царя, Богомъ (а не церковной властью) делегированнаго.

Въ разсужденіи о монархической политикѣ нѣтъ надобности подробно останавливаться на іерократическомъ способѣ государственно-религіозныхъ отношеній, такъ какъ іерократія не совмѣстима съ монархіей: это одна изъ формъ аристократіи. Что касается двухъ другихъ типовъ, то лучшіе образчики слиянія религіи и политики даютъ языческія страны, а союзныхъ отношеній—монархіи православныя. Въ этихъ послѣднихъ только и возможно сохраненіе независимости религіозно-этическаго начала отъ государственнаго, безъ разрыва между церковью и государствомъ.

XIII.

Независимость религіозно-нравственнаго союза.

Для того, чтобы нравственное начало могло оказывать свое благодѣтельное вліяніе на политическія отношенія, необходимо чтобы источники зарожденія и созрѣванія этики были *независимы отъ государства.* Государство есть область принужденія. Этическое начало, по существу, самобытно и свободно. Оно также создаетъ дисциплину, но совершенно особую, добровольную, свободно на себя налагаемую. Подчиненіе морали государству есть просто на просто непониманіе и отрицаніе морали.

Въ настоящее время создано понятіе о «свѣтской морали», которой даже обучаютъ въ школахъ. Но эта свѣтская мораль—составляетъ замѣну дѣйствительнаго нравственнаго чувства разными суррогатами его, въ родѣ дисциплины, страха передъ наказаніемъ, правильно понятого интереса и т. п. Въ мысли о возможности замѣнить мораль этими суррогатами проявляется низменное пониманія этики и политики.

Дѣйствительное и самое главное значеніе этики въ томъ, что она создаетъ самую *личность* человѣка. Для государства нужно не только извѣстное поведеніе гражданъ, но и то, чтобы въ нихъ была развита личность, ибо творческое начало

въ обществѣ составляетъ не какой нибудь политическій механизмъ и не власть, а личность. При захирѣніи личности—хирѣетъ все общественное и культурное творчество, а слѣдовательно и само государство лишается средствъ силы и дѣйствія.

Но развитіе личности совершается не по приказу или наставленію какихъ бы то ни было государственныхъ вѣдомствъ или властей, а свободно, самобытно. Все что можетъ сдѣлать государство для развитія личности—это не мѣшать ей, не уничтожать требуемыхъ ею для себя условій, наконецъ даже помогать тому, чтобы эти условія были въ наличности. Но указать пути развитія, предписать его цѣли—это не дѣло государства. Оно въ этомъ не компетентно, ибо совершенно наоборотъ—работа развитія личности указываетъ цѣли и пути развитія государства. Личность есть первоисточникъ общественной жизни, она сама создаетъ общество и государство, она есть живая сила общества и государства.

Вотъ этого и не сознаетъ та политически и нравственно близорукая точка зрѣнія, которая думаетъ создать «свѣтскую», «государственную мораль». Указанные суррогаты морали могутъ давать извѣстныя привычныя правила поведенія, но не создаютъ личности. Напротивъ—подчиняя мораль политикѣ—они убиваютъ (на сколько могутъ) личность, которая можетъ выращивать истинную мораль только изъ себя, изъ своего содержанія, а отъ внѣшнихъ силъ (какъ государство) способна получать только дрессировку.

Разумная государственная политика, помнящая источники силы государства, состоитъ въ томъ, чтобы никакъ не подрывать самобытнаго существованія источниковъ, изъ которыхъ растетъ личность человѣка, источниковъ нравственнаго элемента.

Что касается монархической политики—то для нея это особенно обязательное правило.

Монархія есть верховная власть нравственнаго идеала. Единоличная власть способна быть верховною только тогда, когда нація ставитъ нѣкоторый всеобъемлющій нравственный идеалъ

надъ своимъ политическимъ творчествомъ, то есть выше государства. Если Монархія начнетъ работать надъ подчиненіемъ морали политикѣ, подчинять нравственное начало государству—она тѣмъ самымъ отнимаетъ у нравственнаго начала его верховенство, а стало быть уничтожаетъ и себя какъ силу верховную.

Все это дѣлаетъ обязательнымъ для Монархіи — хранить самостоятельность тѣхъ религіозныхъ учрежденій, въ которыхъ нація живетъ духовно, своимъ религіозно нравственнымъ содержаніемъ.

О тѣсной связи морали и религіи мы не разъ говорили. Всеобъемлющій нравственный идеалъ можетъ давать только вѣрованіе. Но религіозное вѣрованіе всегда создаетъ какую либо религіозную общину, церковь. Современная политика признаетъ право на свободу совѣсти. Но свобода личнаго вѣроисповѣданія отнюдь не исчерпываетъ потребности человѣка въ религіозной независимости отъ государства. Вѣрованіе всегда приводитъ къ сплоченію въ нѣкоторую коллективность, и право этой коллективности (церкви) на свободное существованіе гораздо болѣе важно для человѣка, нежели личная свобода совѣсти. Свобода совѣсти есть пустой звукъ, если она не дополнена свободой коллективнаго существованія въ тѣхъ нормахъ, которыя человѣку указываетъ его вѣроисповѣдная совѣсть.

Именно въ этой колективности и развивается свободно, самобытно, то нравственное чувство, которое столь необходимо для развитія личности. Независимость отъ государства тѣхъ источниковъ, въ которыхъ зрѣетъ этика — имѣетъ своимъ логическимъ послѣдствіемъ необходимость независимости Церкви. Разумное государство вообще должно считать правиломъ для себя—уваженіе къ этой независимости. Для Монархіи же это болѣе важно и обязательно, чѣмъ для какой бы то ни было другой верховной власти.

Нормальная установка отношеній государства и Церкви имѣетъ для монархіи важность, передъ которой блѣднѣютъ всѣ другіе вопросы государственно-общественныхъ отношеній.

Это есть установка *обязательнаго* на почвѣ *нравственной*. Это есть то, по степени достиженія чего монархическая верховная власть осуществляетъ свою идею *господства нравственнаго идеала*. Пока отношенія верховной власти къ Церкви остаются хоть приблизительно правильны, монархическое начало успѣваетъ справляться даже съ дезорганизацій другихъ отраслей соціальной жизни, но съ потерей этого своего жизненнаго нерва—неизбѣжно лишается способности поддержать даже превосходно, въ другихъ отношеніяхъ, выработанный соціальный строй.

XIV.

Что такое Церковь.

Разумная политика основывается на принятіи всякой силы таковой, какъ она есть. Это относится и къ церкви. Можно ее отрицать, можно ее игнорировать, но, вводя Церковь въ планъ своего строенія, государство должно брать ее такою, какова она есть, въ собственномъ самосознаніи и идеалѣ. Поступая иначе, политика можетъ только вредить Церкви, искажая ее, и вредить государству, связывая его съ силой фальсифированной, лишенной внутренняго смысла, а стало быть иллюзорной и безполезной, или даже вредной.

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, что такое есть церковь, по *религіозному* самосознанію, входитъ въ составъ обязательнаго пониманія политики, и особенно монархической.

Съ точки зрѣнія чисто политической, голосъ религіознаго самосознанія можетъ казаться какъ бы «иностраннымъ». Въ немъ рѣчь и забота идетъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ привыкла заботиться политика. Точно также и съ высоко религіозной точки зрѣнія заботы «міра сего» кажутся столь же «иностранными», даже ничтожными. Но—при появленіи какихъ либо отношеній между этими двумя мірами,—каждый изъ нихъ долженъ принимать другой въ той природѣ, съ тѣми интере-

сами, въ томъ построенін, какой тотъ имѣетъ. Всякія другія отношенія были бы не реальны, не разумны.

Итакъ, что же такое Церковь, по ея сознанію? Я въ этомъ отношеніи могу лишь вкратцѣ повторить формулировку, которую уже дѣлалъ подробнѣе въ другомъ сочиненіи, при спеціальномъ разсмотрѣніи этого предмета *).

Съ точки зрѣнія духовнаго самосознанія, общественность не создаетъ достаточно гармонической среды для существованія личности, ибо люди не могутъ создать въ своемъ обществѣ организующаго начала съ безусловнымъ характеромъ. Это зависитъ отъ того, что въ человѣкѣ есть *духовный элементъ*, не самобытный, а связанный съ Богомъ. Тамъ, гдѣ самъ человѣкъ является организующимъ элементомъ, т.-е. въ политикѣ, онъ не можетъ поставить во главу угла строенія духовный элементъ, зависящій не отъ него, а отъ Бога. Но человѣческое строеніе выходитъ при этомъ неполнымъ, не испомѣщающимъ личность всецѣло, и потому не даетъ ей удовлетворенія. Полное испомѣщеніе личности возможно лишь въ строѣ, гдѣ организующимъ элементомъ является Богъ.

Этимъ строемъ является *церковь*, которая не сливается съ соціальнымъ строемъ, и является общественностью *надъ-соціальной*.

Различіе между соціально-политической средой и церковной опредѣлятся тѣмъ, что организаціонное начало въ обществѣ— есть человѣческая личность, элементъ психологическій. Организаціоннымъ же элементомъ Церкви является Богъ, Личность Божественная, элементъ духовный. Въ первомъ случаѣ цѣли опредѣляются человѣкомъ, во второмъ случаѣ—Богомъ. Въ обществѣ человѣкъ работаетъ на себя, въ Церкви является Божьимъ домостроителемъ. Такимъ образомъ церковь представляетъ коллективность совершенно своеобразную.

Въ церковномъ строѣ человѣкъ приводится къ коллективной жизни духовной природою своей. Духовные дары въ лю-

*) *„Личность, Общество и Церковь“*. Первоначально напечатано въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (1903 г. № 10). Засимъ отпечатано отдѣльно, какъ V выпускъ „Религіозно-Философской Библіотеки“ (1904 г.).

дяхъ *различны*, а между тѣмъ цѣлью святости поставлена полнота совершенства. Она оказывается, такимъ образомъ, недостижима иначе какъ *совмѣстной* духовной жизнью.

Апостолъ Павелъ хорошо объясняетъ это въ посланіи къ Коринѳянамъ (I-е, 12—14). «Дары, говоритъ онъ, различны, но духъ одинъ и тотъ же, и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же, и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ». Безъ дара не остается никто. «Каждому, говоритъ Апостолъ дается проявленіе Духа на пользу: одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ, иному вѣра, тѣмъ же Духомъ, иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ, иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, *раздѣляя каждому особо*, какъ ему угодно. Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло, такъ и Христосъ». При этомъ «не можетъ сказать глазъ рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны»... Всѣ другъ въ другѣ, стало быть, духовно нуждаются. Интересы членовъ тѣла Христова солидарны. «Страдаетъ ли одинъ членъ — страдаютъ съ нимъ всѣ члены, славится ли одинъ членъ—съ нимъ радуются всѣ члены (27).

Эта необходимость солидарности и взаимопомощи — составляетъ законъ для жизни духовной, для ея полноты.

Всесторонней святости отдѣльный человѣкъ не имѣетъ. Но при взаимопомощи каждый можетъ пользоваться плодами дара, имѣющагося у другого члена Церкви, почему легче освящается и самъ. «Служите, говоритъ Апостолъ Петръ, другъ другу тѣмъ даромъ, какой получили, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Божіей» (I. 10).

Эта взаимопомощь въ духовной жизни составляетъ причину, по которой для христіанъ нужна отъ государства не только *свобода совѣсти*, но *свободное коллективное существованіе*, какъ членовъ церкви. Но есть еще другая сторона религіозной жизни, связывающая христіанъ, и ставящая передъ государствомъ довольно сложный вопросъ.

Въ цѣляхъ христіанства, заключается *всемірная задача* высочайшей религіозной важности. Именно въ церкви вырабатывается изъ среды всего рода человѣческаго Тѣло Христово, коего членами являются отдѣльныя личности. Отсюда для христіанина является обязанность дѣятельнаго участія во всемірно-исторической миссіи церкви, безъ чего нельзя пребыть живымъ ея членомъ.

Такимъ образомъ, религіозная коллективность выходитъ за національные и территоріальные предѣлы каждаго отдѣльнаго государства. Стѣсненіе свободы или независимости этого всемірнаго коллективнаго бытія подрывало бы религіозную жизнь каждой отдѣльной личности.

Съ политической точки зрѣнія этотъ всемірный характеръ церкви можетъ казаться неудобнымъ, какъ бы уменьшающимъ всецѣлую преданость гражданъ тому государству, котораго членами они состоятъ. Но такое воззрѣніе весьма ошибочно. Конечно патріотизмъ христіанина не можетъ быть абсолютнымъ, но за то онъ привноситъ къ идеѣ національной идею всемірную, всечеловѣческую, а слѣдовательно очищаетъ, повышаетъ и расширяетъ національную идею.

Это такая важная услуга развитію народа, что въ сравненіи съ нею блѣднѣетъ та польза которую оказываетъ своему народу и государству «абсолютный патріотизмъ», не знающій въ мірѣ ничего выше отечества.

Во всемъ, что касается интересовъ оправдываемыхъ, справедливыхъ—христіане, въ своей церкви, всепреданно служатъ отечеству, и лишь въ томъ, гдѣ отечество грѣшитъ противъ высшей правды, христіанинъ не можетъ быть ему усерднымъ слугой. Но съ точки зрѣнія здравой политики, это не есть явленіе вредное для государства. Напротивъ для него очень полезно содержать элементы, воздерживающіе его отъ несправедливости и эксплуатаціи относительно остальныхъ частей человѣчества, такъ какъ государства обыкновенно, именно вступая на этотъ путь, кладутъ начало собственной своей гибели.

Такимъ образомъ «условный патіотизмъ» христіанскихъ

подданныхъ можно считать, болѣе полезнымъ съ точки зрѣнія широкой политики, чѣмъ «безусловный патріотизмъ», свойственный въ сущности лишь народамъ, находящимся въ состояніи варварства. Условный христіанскій патріотизмъ совершенно аналогиченъ тому «условному» же патріотизму, который порождается всѣми великими идеями, научными или нравственными, ибо онѣ неизбѣжно получаютъ тоже «общечеловѣческій» характеръ, а потому уже не допускаютъ человѣка приносить въ жертву отечеству высшія нравственныя требованія или принципы общечеловѣческаго блага.

Универсализмъ церкви особенно совмѣстимъ съ идеей монархіи, представляющей верховенство этическаго начала. Та монархія, которая, понимая свою идею, умѣетъ привнести всечеловѣческое пониманіе блага и справедливости въ свою міровую политику, тѣмъ самымъ является сотрудницей церкви, а потому пріобрѣтаетъ вдвойнѣ преданныхъ и усердныхъ гражданъ въ христіанахъ. Исторія показала примѣръ этого еще у Константина Великаго. Московская Русь этому же обязана была своимъ крѣпкимъ единствомъ духа и преданностью государству населенія, не знавшаго даже словъ «народность» и «патріотизмъ», но обладавшаго чувствомъ народности и любовью къ отечеству несравненно больше чѣмъ теперь: а вырабатывались эти чувства именно на почвѣ единства задачъ политическо національныхъ и церковно христіанскихъ.

Итакъ, политика можетъ принять христіанскую церковную идею, какъ вполнѣ совмѣстимую съ государственными интересами.

Но является далѣе вопросъ: въ какихъ внѣшнихъ формахъ выражается христіанская коллективность, то есть та церковь, съ которою государство должно стать въ союзныя отношенія?

По внѣшности она имѣетъ всѣ соціальные элементы. Въ ней есть *народъ* (міряне, вѣрующіе), есть руководящій слой *священства* разныхъ степеней, есть высшій слой *епископовъ*, которыхъ совокупность представляетъ Церковную власть. Въ церкви есть даже *старшій епископъ* (Патріархъ, Папа и т. д.)

и высшая власть—*Соборъ*. При извращеніи церковности, изъ этихъ элементовъ можетъ выростать власть почти неотличимая отъ соціально-политической. Но въ нормальномъ состояніи церковную коллективность одинаково ошибочно было бы представлять себѣ теократической монархіей, или іерархически - аристократической республикой, или демократической общиной.

Въ церкви, личности представляютъ лишь части одного Тѣла Христова.

Сообразно природѣ и цѣлямъ этой коллективности, церковный строй расположенъ такъ, чтобы члены его были живыми членами тѣла Христова. Въ юридическомъ смыслѣ, въ церкви нѣтъ начальства и власти; и всѣ другъ другу подчиняются въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны даромъ Христа.

Членъ церкви даже самый малый, остается разумною, а не безсловесною овцой. Сверхъ того, какъ бы ни былъ онъ малъ—онъ все таки есть носитель какого-нибудь дара, какой-нибудь силы Христовой, и зачѣмъ нибудь нуженъ для другихъ, хотя бы и болѣе сильныхъ и высокопоставленныхъ.

Это сознаніе выразилось въ томъ, что вся жизнь, вся дѣятельность церкви совершается въ теснѣйшей совмѣстности всѣхъ членовъ.

Такъ какъ власть въ церкви принадлежитъ только Христу, а Христосъ дѣйствуетъ въ цѣлостной церкви, то соборное начало проникаетъ церковный строй. При чемъ должно замѣтить, что идея соборности состоитъ не въ преобладаніи *большинства*, а въ полномъ *единогласіи всѣхъ*.

Сущность соборности не во внѣшней формѣ собранія, а во внутреннемъ духовномъ единеніи общей мысли и воли. Но потребность единенія естественно издревле приводила къ *общимъ собраніямъ* и рѣшеніямъ. Она же выразилась въ *избраніи* лицъ священнаго сана.

Но смыслъ этихъ избраній не въ томъ, чтобы представить «общественную волю», а въ сохраненіи полной совмѣстности, духовной слитности вѣрующихъ.

Оставаясь разумными, а не безсловесными овцами, міряне

подчиняются Христу, а не людямъ. Точно также и епископъ подчиняется Христу, а не общественной волѣ. Всѣ они обязаны охранять волю Христа, живущаго во всей совокупности вѣрующихъ, а не въ одномъ священствѣ. Такова идея церкви, которую посланіе восточныхъ патріарховъ *) и въ новѣйшее время указало Римско-католикамъ, говоря что «у насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло церкви, то есть самый *народъ*» (Пар. 17).

Таково содержаніе церковности, которое необходимо знать политикѣ для того, чтобы съ нимъ сообразоваться. Желая быть въ союзѣ съ церковью, государство должно искать этого союза въ *цѣлой* церковной коллективности.

XV.

Отношеніе государства къ Церкви.

Какъ мы видѣли выше, для *государства* вообще практическое значеніе имѣетъ не непосредственно религія, а порождаемый ею нравственный элементъ общества. Безъ этого послѣдняго государство не въ состояніи существовать и исполнять свои функціи, и это его заставляетъ въ высшей степени дорожить религіей. Мало того: для государства, глубоко и разумно сознающаго свои интересы, весьма важенъ становится даже вопросъ объ *истинной религіи*, о томъ, чтобы народъ вѣровалъ въ истиннаго Бога, ибо высота этики вполнѣ зависитъ отъ того, истинною ли вѣрою порождается она или ошибочною.

Эта потребность государства въ *этикѣ* приводитъ его къ необходимости уважать *религію*, а такъ какъ религія невозможна

---

*) „Окружное посланіе единой святой, соборной и Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ“. Спб. Синод. Тип. 1850 г.

безъ церкви, безъ религіознаго союза, то отсюда—государство принуждено столь же цѣнить и существованіе *Церкви*.

Каковы же могутъ быть отношенія государства къ Церкви? Это, можно сказать, самый сложный и деликатный вопросъ политики.

Церковь совершенно необходима для государства, поскольку ему нужна этика, но она можетъ существовать только будучи *самостоятельною*, неподчиненной никому, кромѣ своего Владыки—Христа. Безъ этого она перестаетъ быть соборомъ духовнымъ, перестаетъ рождать ту высокую этику, изъ-за которой она и дорога для государства. И мало того, что Церковь должна быть самостоятельною: она въ извѣстныхъ отношеніяхъ ставитъ государству обязательныя для него нормы.

Нуждаясь въ самостоятельномъ существованіи Церкви и въ то же время встрѣчаясь съ нею во многихъ дѣлахъ, соприкасающихся съ государственнымъ строеніемъ, монархія, очевидно, должна во всѣхъ такихъ случаяхъ строить государственное дѣло на основѣ, даваемой Церковью.

Дѣйствіе Церкви, съ точки зрѣнія интересовъ государства, сводится въ широкомъ смыслѣ къ воспитанію личности.

Церковь воспитываетъ народъ, даетъ ему высшее нравственное міросозерцаніе, указываетъ цѣли жизни, права и обязанности личности, и вырабатываетъ самую личность примѣнительно къ достиженію этихъ цѣлей жизни, исполненію обязанностей и пользованію правами. Эту работу Церковь выполняетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой остается сама собой, подчиненной своему собственному, а не какому либо иному духу и, наконецъ, имѣя въ своемъ распоряженіи необходимые способы дѣйствія. Для этого она должна быть самостоятельною и вліятельною силою націи. Только какъ таковая она и можетъ быть нужна для государства, а, стало-быть, государство, желая пользоваться благами, создаваемыми Церковью, принуждено по необходимости сообразоваться съ ея совѣтами, а не пытаться передѣлывать ее по своему.

Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ государственное строеніе приходится, по необходимости, основывать на той

живой, самостоятельной организаціи народа, которую создаетъ Церковь. Но эта организація, по существу духовная — переходитъ однако и въ область соціальную, гдѣ у ней являются интересы правовые и экономическіе.

Дѣйствіе Церкви проникаетъ очень глубоко въ національный организмъ, приходя къ дѣйствію множества учрежденій, по существу уже соціальныхъ, но соприкасающихся съ Церковью. Церковь, посредствомъ прихода, посредствомъ семьи, различныхъ общинъ (какъ монашескія и другія), школы, посредствомъ множества временныхъ соединеній вѣрующихъ стремится нравственно очистить и освятить каждый актъ жизни человѣка. Не входя въ дѣла чисто мірскія, она соприкасается съ ними, стараясь воспитывать въ нихъ личность христіанина.

Но государство не можетъ отказаться отъ собственнаго *верховенства* во всемъ, что касается отношеній гражданскихъ, политическихъ, экономическихъ и т. д. Повсюду,— гдѣ церковный союзъ переходитъ отъ чисто духовной и мистической области въ сферу отношеній общественныхъ, государство не можетъ отказаться отъ верховнаго надъ ними владычества, и самый святой или іерархически высокій членъ Церкви есть такой же *подданный* государства, какъ наиболѣе грѣшный, невѣрующій, или даже отлученный отъ Церкви гражданинъ.

Въ какихъ же формахъ возможно совмѣстить существованіе двухъ этихъ союзовъ, изъ которыхъ каждый въ своей области не можетъ и не долженъ отказаться отъ верховенства? Это было бы совершенно невозможно, если бы самыя области дѣйствія обоихъ не были по *существу* различны. Область дѣйствія Церкви — есть «Царствіе Божіе», которое «не отъ міра сего.

Какъ справедливо говоритъ проф. Н. Заозерскій *), «Церковь, въ смыслѣ юридическомъ, должна быть мыслима, какъ соціальный порядокъ параллельный или соподчиненный соціальному порядку, называемому государствомъ, но не подчинен-

---

*) О церковной власти. 1894 г.

ный ему, и тѣмъ менѣе входящій въ составъ его». Ибо «соціальный порядокъ Церкви аналогиченъ соціальному порядку государства, но не только не тождественъ, а и разнороденъ до противоположности». «Цѣль іерархіи есть возможное уподобленіе Богу и соединеніе съ Нимъ». Задача церковной іерархіи — «направить жизнь членовъ Церкви соотвѣтственно высшимъ и нормальнымъ требованіямъ духовной природы». Сфера дѣйствованія церковной власти—есть «духовный міръ человѣка, человѣческая душа... Возраждающая сила Церкви оказываетъ помощь душѣ человѣка въ ея борьбѣ съ грѣховными стремленіями». Къ этому назначенію призвана церковная власть. Міръ, съ его политическими, экономическими и т. д. стремленіями,—не ея область: здѣсь дѣйствуетъ государство. Но зато никто кромѣ Церкви не имѣетъ власти въ ея области дѣйствія.

Хотя нравственныя требованія отражаются и въ сферѣ стремленій политическихъ, экономическихъ и т. д., но, въ виду существенной противоположности основныхъ областей вѣдѣнія Церкви и государства, при желаніи легко избѣжать столкновеній въ пограничной области, тѣмъ болѣе, что противоположность ихъ существа не есть противоположность враждебная, а лишь выражаетъ двѣ различныя стороны одного и того же человѣческаго существованія, долженствующія быть гармонически связанными.

XVI.

Церковная политика. Отдѣленіе Церкви отъ Государства и союзъ ихъ.

Мы уже видѣли выше, что смѣшеніе Церкви, и государства въ единое цѣлое одинаково искажаетъ и государство и церковь.

Созданіе цезаропапизма—уничтожаетъ духовность церкви и

создаетъ принудительное господство тамъ, гдѣ можно господствовать только добровольно, свободнымъ воспріятіемъ духовнаго вліянія.

Истинная Церковь есть та, въ которой царствуетъ Богъ, и воля Божія. Но Господь столь могуществененъ, что если бы Онъ желалъ дѣйствовать внѣшнимъ принужденіемъ, то легко всѣхъ бы заставилъ поступать по Своей волѣ, безъ всякаго начальства, законовъ, штрафовъ, тюремъ и т. п. Разъ только Церковь прибѣгаетъ къ системѣ внѣшняго принужденія,—она уже этимъ однимъ фактомъ показываетъ, что перестаетъ руководствоваться волей Божіей, т. е. перестаетъ быть Церковью.

Съ другой стороны и государство при этомъ искажается, ибо вмѣсто своей реальной задачи—обязательнаго поддержанія нормъ простой *справедливости*—переходитъ къ невозможной задачѣ принудительнаго поддержанія *святости*, беретъ на себя, на свои слабыя силы, то, что создаетъ только Всесильный Богъ.

Ложность всякаго папоцезаризма столь же велика, какъ ложность цезаропапизма и какого бы то ни было обожествленія государства или государственной Верховной власти. Съ религіозной точки зрѣнія—это есть идея антихриста, который есть «сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ, или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога» (*Ѳес. II, 2—3,4*). Съ государственной же точки зрѣнія это есть система упраздненія высшаго этическаго идеала и замѣна его низшимъ, т. е. преступленіе государства передъ націей.

Естественнымъ выходомъ изъ такихъ противорѣчій кажется *отдѣленіе церкви отъ государства*. При этомъ государство не беретъ на себя излишней и непосильной обузы—руководить религіозными отношеніями. Оно снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія Церкви, предоставляя слѣдить за ними самимъ ея членамъ. Для государства остается тогда лишь слѣдить за дѣйствіями церкви съ такой же точки зрѣнія,

какъ за дѣятельностью всякой другой корпораціи, т.-е. пресѣкать въ ней все, нарушающее общіе для всѣхъ граждань государственные законы, не дѣлая никакого различія между нарушителями закона, будутъ ли это вѣрующіе или невѣрующіе, духовные или свѣтскіе.

Но эта система правильна, и даже единственно возможна, лишь въ томъ случаѣ, когда нація, которою держится государство, не имѣетъ общаго вѣрованія. Когда нѣтъ возможности связать государство съ вѣрою, то понятно, что приходится мириться съ фактомъ. Но если отдѣленіе церкви отъ государства исходитъ изъ преднамѣренной тенденціи отрѣзать политическія отношенія отъ воздѣйствія религіозно-этическихъ, то это система крайне вредная для націи, для развитія народа и общественныхъ отношеній.

Если же въ государствѣ имѣется вѣрующая нація, то такъ называемое отдѣленіе церкви отъ государства—составляетъ даже простое недоразумѣніе, а въ дѣйствительности выражаетъ лишь *демократическій* союзъ церкви и государства. Дѣйствительно, церковь при этомъ не исчезаетъ въ *націи*, она дѣйствуетъ на душу и сознанье того народа, который именно и составляетъ Верховную Власть въ государствѣ. Слѣдовательно, Церковь при этомъ отдѣляется лишь отъ системы управительныхъ государственныхъ учрежденій, но не отъ самой верховной власти, а черезъ эту послѣднюю (т. е. самодержавный народъ) воздѣйствуетъ косвенно и на управительныя учрежденія.

При такомъ условіи и въ такомъ смыслѣ, система «отдѣленія» церкви отъ государства—во всякомъ случаѣ болѣе разумна, нежели папоцезаризмъ или цезаропапизмъ. Но тутъ мы должны признать неточнымъ выраженіе «отдѣленіе церкви отъ государства», ибо здѣсь имѣется лишь отдѣленіе ея отъ управительныхъ учрежденій.

Въ демократіяхъ, по чрезвычайной трудности для народа большого государства непосредственно слѣдить за управительными учрежденіями, почти нѣтъ другого способа установить *союзъ церкви и государства*, какъ посредствомъ этого яко бы

отдѣленія. Сверхъ того, въ демократіи, и самое государство, по идеѣ, управляется не этическимъ началомъ.

Но въ монархической политикѣ, основанной на верховенствѣ этическаго начала, и имѣющей внѣшнимъ органомъ личность Монарха, отношенія Государства къ Церкви, могутъ и должны быть установливаемы на единственной нормальной почвѣ *союза.*

Этотъ союзъ нуженъ особенно для Монархія, такъ какъ Церковь есть та среда, въ которой воспитывается міросозерцаніе, указывающее человѣку абсолютное господство въ мірѣ верховнаго нравственнаго начала т. е. именно основной принципъ монархіи.

Міросозерцанія, при которыхъ нравственное начало является элементомъ производнымъ и потому подчиненнымъ, вообще принижаютъ людей. Нѣтъ ни одного государственнаго дѣятеля который бы не понималъ необходимости извѣстной нравственной дисциплины для существованія общества. Но тѣ практическія правила нравственнаго поведенія, по которымъ гражданинъ не грабитъ, не убиваетъ, повинуется когда нужно, и когда нужно отстаиваетъ право своей личности,—лишаются твердой основы при отсутствіи религіознаго чувства и религіознаго міросозерцанія.

Они держатся тогда или на ничѣмъ не просвѣщаемомъ инстинктѣ или же на основаніяхъ соображенія общественной пользы. Но инстинктъ—дѣло непрочное у существа разсуждающаго, а общественная польза понятіе условное, о которомъ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе.

Отъ такого хаотическаго состоянія нравственнаго чувства націи страдаетъ вообще государственная идея, ибо ставить обязательнымъ государство можетъ лишь то, что народомъ сознается, какъ дѣйствительно обязательное. Демократическій принципъ еще справляется съ этимъ ибо, пока въ обществѣ сохраняется сила большинства, остается возможно демократическое государство. Но монархическое начало власти—при исчезновапіи абсолютнаго нравственнаго идеала—немыслимо.

Этотъ рядъ обстоятельствъ приводитъ Монархію къ сознательному исканію союза съ Церковью.

При этомъ является двойная задача: для Монархіи нужно сохранить свое верховенство во всей области государственныхъ отношеній, въ которыя входитъ церковная организація. Для Церкви—въ свою очередь необходимо сохранить свою верховную власть въ области духовной. Во всей же области соціальной взаимныя отношенія Церкви и государства опредѣляются желаніями и потребностями церковной организаціи, поскольку ихъ признаетъ удовлетворимыми Государство, и требованіями Государства, поскольку имъ способна подчиниться Церковь.

Такъ рождается «церковное право» и государственные законы о Церкви: эти взаимоотношенія вырабатываются исторіей совмѣстнаго жительства Церкви и Государства, и измѣняются при надобности согласнымъ дѣйствіемъ Государственной и Церковной властей.

Эта система союза Государства и Церкви характеризуетъ исторію православныхъ царствъ, преемственно перешедшую отъ Византіи къ Россіи. Что тутъ дѣло не обходится безъ недоразумѣній и даже ссоръ — это совершенно естественно, но въ общей сложности практика почти 2000 лѣтъ вполнѣ доказала возможность такой системы союза.

Что касается до ссоръ или недоразумѣній, то должно замѣтить, что онѣ являются тѣмъ легче, чѣмъ больше Монархія отклоняется отъ Самодержавнаго типа, а Церковь отъ своего истиннаго Православнаго типа.

Объединяющимъ элементомъ Монархіи и Церкви является болѣе всего *народъ*. Народъ есть тѣло Церкви. Въ свою очередь Монархъ есть выразитель народныхъ идеаловъ и вѣры. Если Монархъ дѣйствительно неразрывенъ съ народомъ, если онъ не превращается во власть абсолютную или деспотическую, и если въ то же время Церковь не заболѣваетъ клерикализмомъ и іерократіей, то есть не выбрасываетъ изъ себя народа,—то отношенія государственно-церковныя будутъ оставаться вполнѣ союзными и гармоничными. Если же Монархъ

или Іерархія отдѣляются отъ народа—то между ними неизбѣжны столкновенія именно *за обладаніе народомъ.* Именно на этой почвѣ и происходили въ Исторіи всѣ столкновенія Государства и Церкви.

Такимъ образомъ для возможности союза Государства съ Церковью, передъ Монархіей является посильная забота о томъ, *чтобы Церковь оставалась истинною коллективностью всего своего состава—іерархіи, священства и мірянъ, и чтобы сама Монархія не заболѣвала ни абсолютизмомъ, ни деспотизмомъ.* Въ способствованіи этому—лежитъ вся сущность правильной церковной политики Монархіи.

Но кромѣ политики собственно *церковной*, передъ Монархіей открывается еще задача правильнаго построенія *исповѣдной* политики.

XVII.

Исповѣдная политика.

Государственно церковныя отношенія всегда приходится устанавливать при томъ усложняющемъ условіи, что граждане и подданные государства являются *не единовѣрными.*

Въ Монархіяхъ великихъ, какъ, напримѣръ, Россія, это условіе является въ самыхъ сложныхъ формахъ. У насъ не менѣе трети населенія принадлежитъ къ числу разныхъ иновѣрцевъ, не только христіанскихъ исповѣданій, но и не христіанъ. Да и сами православные представляютъ не однородныя вѣрованія, при чемъ часть ихъ отъединилась даже въ особую церковь (старообрядцы Австрійскаго священства), а множество другихъ лицъ, внѣшне принадлежа къ Православной Россійской Церкви, въ дѣйствительности представляютъ множество отклоненій отъ ея вѣрованій, до полнаго отсутствія всякихъ религіозныхъ вѣрованій.

Какимъ образомъ Государство должно относиться ко всему этому множеству своихъ иновѣрныхъ гражданъ и подданныхъ? Въ отношеніи всѣхъ, принадлежащихъ къ православной Церкви—

Монархъ легко можетъ поддерживать требованія, которыя имъ ставитъ Церковь. Онъ въ этомъ случаѣ не вступаетъ на путь какого либо насилія совѣсти, такъ какъ даже ставя обязательныя требованія—держится на почвѣ вѣрованій самихъ же этихъ лицъ. Такъ, напримѣръ — государственное требованіе отъ чиновниковъ, чтобы они не забывали церковной молитвы или участія въ таинствахъ—есть то же самое требованіе, которое они слышатъ отъ своей Церкви, отъ уважаемыхъ ими ея членовъ, своихъ духовниковъ, своихъ отцовъ, друзей и т. д. Требованіе государства въ данномъ случаѣ мотивируется тѣмъ, что Государь не можетъ считать вѣрнымъ себѣ слугой и благонадежнымъ исполнителемъ долга — такого человѣка, который не исполняетъ своего долга даже относительно Бога.. Это разсужденіе вполнѣ понятно совѣсти самого лица, къ которому оно обращено.

Но если это лицо не вѣритъ въ Бога, или въ святость Церкви, къ которой принадлежитъ Монархъ? Очевидно—отъ такого лица невозможно требовать исполненія правилъ вѣры которой оно не раздѣляетъ... Множество лицъ принадлежатъ къ инымъ исповѣданіямъ, и входятъ въ государственный союзъ вовсе не на религіозныхъ основаніяхъ, а на какихъ либо иныхъ. Какъ должно Государству ставить себя въ отношеніи всѣхъ ихъ? Въ рѣшеніи этого вопроса и состоитъ *вѣроисповѣдная политика.*

Искать его рѣшенія можно двумя путями:

1. *Совершенно отрѣшить политику государства отъ связи съ религіей*, и устанавливать исповѣдную политику на какихъ либо общихъ политическихъ или философскихъ основаніяхъ;

2. *Почерпнуть* разумные способы государственнаго отношенія къ иновѣрцамъ *изъ ученія своей собственной вѣры.*

Историческое рѣшеніе исповѣдной политики, вообще говоря, держалось второго пути. Наиболѣе распространенное современное рѣшеніе — основано, напротивъ, на отдѣленіи Церкви и вѣры отъ Государства, т. е. на стремленіи поставить Государственныя отношенія внѣ связи съ отношеніями исповѣдными.

Такое рѣшеніе исповѣднаго вопроса, однако, уничтожаетъ самый Монархическій принципъ, ибо онъ основанъ на государственномъ верховенствѣ этическаго начала, которое способно вытекать въ видѣ нѣкотораго «императива» только изъ религіи.

Если состояніе народныхъ вѣрованій таково, что религія уже не можетъ освѣщать государственныхъ отношеній,—то для Монархіи нѣтъ мѣста.

Естественно, что Монархія всегда и искала руководства для своей исповѣдной политики въ предписаніяхъ самой же религіи. Но и въ этомъ случаѣ передъ нею можетъ быть два пути: можно, во первыхъ, опредѣлять исповѣдную политику согласно указаніямъ Церкви, съ которой государство находится въ союзѣ; во-вторыхъ, можно извлечь изъ вѣроученія какіе либо общіе принципы, которые прилагать къ исповѣдной политикѣ по собственному разсужденію государственной власти. Такими принципами являются 1) *религіозная свобода*, 2) *вѣротерпимость*, 3) *справедливость*.

Всѣ они дѣйствительно заключаются въ содержаніи истинной религіи, но дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не составляетъ *основы* вѣры; а всѣ являются лишь *выводами* изъ этихъ основъ. Основу же вѣроисповѣднаго этическаго начала, которое въ лицѣ Монарха ставится владыкой государственныхъ отношеній, составляетъ связь человѣка съ истиннымъ Богомъ. Изъ этой связи проистекаетъ и подчиненность человѣка, и его свобода. Истолкованіе свободы и подчиненности можно дѣлать правильно лишь при безошибочномъ пониманіи самой основы, а таковое пониманіе—живетъ лишь *въ Церкви*.

Является посему вопросъ—почему же государство, вмѣсто прямого пути—освѣдомленія у Церкви, вмѣсто опредѣленія своей политики самой основой вѣры, принимаетъ высшимъ принципомъ лишь частные выводы, которые можно дѣлать правильно, но можно дѣлать и ошибочно?

Очевидно, такая политика можетъ у государства являться лишь при желаніи избавиться отъ вліянія Церкви, т. е.—значитъ или замаскированно нарушить съ нею союзъ, или даже поставить свое мнѣніе выше Церковнаго.

Постановка исповѣдной политики на основаніи «справедливости», «вѣротерпимости» или «свободы совѣсти»—означаетъ, что государство—для своего руководства избираетъ верховенство не самой вѣры, не самой Божіей Воли, а лишь нѣкоторыхъ философскихъ и религіозныхъ принциповъ, которые оно само находитъ истиннымъ выраженіемъ вѣры. Но государство въ этомъ случаѣ превышаетъ свои права. Религіозную истину, ея смыслъ, можетъ опредѣлять только Церковь. Государство—какъ учрежденіе политическое, можетъ открыто выйти изъ союза съ Церковью, если не считаетъ ея руководство разумнымъ и полезнымъ для себя. Но оставаться въ союзѣ съ Церковью, признавать на словахъ её изъяснительницей религіозной истины и въ тоже время фактически присваивать самому себѣ право опредѣлять, что такое религіозная свобода, или терпимость, или справедливость—это, очевидно, есть дѣйствіе либо недомыслія, либо лицемѣрія.

И однако на такой путь вступаютъ иногда даже люди умные, совершенно искренніе. Образчикъ представлялъ покойный Владиміръ Соловьевъ *). Но у Владиміра Соловьева было при этомъ извиняющее обстоятельство, котораго не можетъ быть у государства, находящагося въ союзѣ съ церковью. Соловьевъ, именно, въ эту эпоху, не видѣлъ конкретной церкви. Онъ откровенно заявлялъ, что не находитъ—гдѣ именно церковь, и что должно считать ея голосомъ?.. При

---

*) Вопросъ о государственной исповѣдной политикѣ разсматривался мною въ началѣ 90-хъ годовъ. въ спорѣ съ Владиміромъ Соловьевымъ, такъ что теперь я повторяю ту же самую аргументацію. Она я полагаю—не осталась безъ вліянія на моего оппонента, хотя къ сожалѣнію—онъ въ этомъ не пожелалъ сознаться. Такъ какъ его сочиненія изданы, мои же статьи нѣтъ—то я привожу библіографическую справку объ этой полемикѣ. Въ 1893 г. В. Соловьевъ помѣстилъ въ іюньской книжкѣ „Вѣстн. Европы“ статью „Историческій Сфинксъ“ (этотъ сфинксъ—Россія или точнѣе русское православіе). Я возразилъ въ статьѣ „Къ вопросу о терпимости„ („Русское Обозрѣніе“ іюль 1893 г.). Соловьевъ возразилъ мнѣ черезъ 9 мѣсяцевъ въ томъ же „Вѣстникѣ Европы“ (апрѣль 1904 г.) статьей „Споръ о справедливости“. Я отвѣчалъ статьей „Два объясненія“ („Русское Обозрѣніе“, май 1904 г.). Онъ отвѣтилъ статьей „Конецъ спора“ („Вѣстн. Европы“, іюля 1894 г.), и я заключилъ полемику статьей „Въ чемъ конецъ спора“, („Русское Обозрѣніе“, августъ 1894 г.).

такомъ положеніи—конечно, за ненахожденіемъ церкви, приходится устраиваться на основаніи собственнаго разумѣнія смысла вѣроученія. Но государство не можетъ сказать, что не знаетъ гдѣ церковь. Если оно дѣйствительно не видитъ церкви—то обязано честно прекратить союзъ съ фантомомъ или фикціей, а затѣмъ руководствоваться въ отношеніи исповѣданій не какими-нибудь принципами «религіозной свободы» или «справедливости»—а тѣми же гражданскими принципами, какіе опредѣляютъ въ данномъ государствѣ свободу мысли, слова и корпорацій.

Если же монархія желаетъ пользоваться выгодами отъ союза съ церковью—то должна признать и существованіе церкви, со всѣми проистекающими отсюда послѣдствіями.

Попытки же рѣшать исповѣдную политику на основаніи самовольно принятыхъ полурелигіозныхъ, а въ дѣйствительности философскихъ принциповъ—создаютъ только противорѣчія и путаницу политики.

XVIII.

Необходимость религіозной точки зрѣнія для исповѣдной политики.

Дѣло въ томъ, что для, такъ сказать, «регуляціи»» вопросовъ вѣры нельзя опираться на принципы юридическіе или философскіе, а необходимо исходить изъ религіозной же точки зрѣнія. Иначе не будетъ обезпечена даже самая вѣротерпимость или религіозная свобода. Владиміръ Соловьевъ, философъ и христіанинъ, попытался установить государственную политику на началѣ религіозной свободы, но лишь запутался въ безысходныхъ противорѣчіяхъ.

Онъ строилъ свою аргументацію на формулѣ: «Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ». Это, говоритъ онъ, минимальное требованіе христіанства, совпадающее съ требованіемъ естественной справедливости.

Мы, не можемъ желать чужого насилія надъ нашей вѣрой: стало-быть—не должны себѣ позволять насилія надъ другими. Мы въ отношеніи каждой личности, культа и народности должны «уважать ихъ право на существованіе и свободное развитіе».

Не желая никакихъ стѣсненій для себя, мы въ христіанскомъ государствѣ, не должны имѣть ихъ для другихъ. Нужна не одна свобода совѣсти, но также свобода исповѣданія, проповѣди, прозелитизма. Нужна такая свобода не для однихъ признанныхъ, уже сплотившихся, культовъ, но и для всякаго личнаго убѣжденія и вѣрованія. Очевидно, что на тѣхъ же логическихъ основаніяхъ, на эту, свободу и свободное развитіе имѣетъ право не только вѣра, но и невѣріе, хотя бы невѣрующіе сплотились въ систематически борющееся противъ христіанства общество. Всѣ эти разсужденія, говоритъ В. Соловьевъ, «легко примѣнить и къ правамъ народностей». Противъ всѣхъ стремленій культовъ и народностей къ свободному развитію, христіане, имѣютъ право противопоставить только свое исповѣданіе, проповѣдь и мученичество. Никакихъ «принудительныхъ мѣръ» не допускается.

Такъ В. Соловьевъ опредѣлялъ исповѣдную политику «христіанскаго государства».

Но если государство не должно дѣлать никакихъ различій между вѣроисповѣданіями и народностями, то оно должно стать вѣроисповѣдно и національно безразличнымъ. Это выводъ неизбѣжный, отъ котораго совершенно тщетно старался уйти В. Соловьевъ. Дѣйствительно, съ такой исходной точкой зрѣнія, монархія, не только принудительно, а вообще никакими облегченіями, поощреніями, не имѣетъ права поддерживать своихъ единовѣрцевъ, ибо всякое преимущество, имъ данное, столь же нарушаетъ равноправность, какъ и мѣры принужденія. Вѣдь мы не можемъ желать, чтобы другіе имѣли болѣе удобствъ дѣйствія, нежели мы? Стало-быть—и своимъ единовѣрцамъ мы не должны давать никакихъ преимуществъ. «Христіанское государство» при этомъ оказывается просто государствомъ либерально безразличнымъ къ вѣрѣ. Абсурд-

ность философско-этическаго принципа, приводящаго къ такимъ выводамъ, не трудно однако видѣть на рядѣ аксіоматически ясныхъ вопросовъ гражданской и религіозной жизни человѣка.

Имѣетъ ли, напримѣръ, русская армія право побѣждать непріятеля въ сраженіи?

Вѣдь мы не можемъ желать себѣ, чтобы другіе насъ разбили? Значитъ русская армія не смѣетъ побѣждать враговъ.

Имѣетъ ли право христіанскій миссіонеръ желать искорененія язычества?

Опять нѣтъ. Вѣдь мы не можемъ желать, чтобы наша вѣра была искоренена другими? Стало-быть—мы не можемъ дѣлать такой непріятности и для другихъ...

Ошибочные выводы, къ которымъ пришелъ В. Соловьевъ, зависятъ отъ того, что онъ взялъ отрицательную формулу, которой и хотѣлъ опредѣлить положительное дѣйствіе. Отрицательная формула годится лишь для указанія того, чего не нужно дѣлать. Но и отдѣльные люди, и тѣмъ болѣе государственная власть должны именно дѣйствовать, и для этого требуютъ руководства положительныхъ принциповъ. Та же формула, которую привелъ В. Соловьевъ, имѣется въ Евангеліи въ положительномъ видѣ, и—сразу совершенно иначе освѣщаетъ вопросъ.

Въ Евангеліи сказано: «И такъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними». (Матѳ. 7. 12).

И вотъ сразу приходится подумать, чего христіанинъ долженъ желать самому себѣ и чего самому себѣ онъ не долженъ желать?

Но развѣ мы себѣ желаемъ только свободы, только невозбранности исполненія всего, что вздумаемъ? Всякій здравомыслящій человѣкъ желаетъ нѣкоторыхъ положительныхъ благъ, а не одного отсутствія стѣсненій. Свободное развитіе есть не столько личное наше желаніе, какъ условіе, законъ, поставленный Богомъ. Основное же желаніе христіанина есть его душевное спасеніе. Христіанинъ желаетъ, чтобы никто ему въ этомъ не

помѣшалъ, но охотно желаетъ помощи со стороны людей и условій, и въ этомъ отношеніи часто желаетъ ограниченія своей свободы.

Свобода имѣетъ свои опасности, и христіанинъ самъ молится, чтобы Богъ промыслительно допустилъ кому-нибудь или чему-нибудь стѣснить нашу свободу въ томъ, гдѣ она отдаетъ насъ во власть грѣху. Сообразно съ этимъ христіанинъ, вообще говоря, не можетъ пожелать и ближнему свободы, *несоразмѣрной съ его способностью ею пользоваться.* Мы, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже обязаны ограничивать чужую свободу, и позволяемъ это себѣ въ отношеніе тѣхъ, кого любимъ. Значитъ ли это, чтобы государство могло или должно было приводить къ «спасенію», къ истинѣ, насиліемъ или поощреніями? Конечно нѣтъ. Вѣротерпимость есть предписаніе самой вѣры. Но произвольно опредѣлять точный смыслъ терпимости мы не можемъ, въ силу общаго правила, которое указываетъ,— что ученіе вѣры правильно усвоивается лишь въ толкованіи Церкви. Къ этому источнику пониманія терпимости и должно обращаться государство, управляемое православнымъ монархомъ. Забота его, при уясненіи вопроса о терпимости, состоитъ не въ отысканіи для этого философскихъ соображеній, а въ томъ, чтобы слышать дѣйствительный голосъ Церкви, мѣстной и вселенской, и лишь потомъ оно можетъ привносить къ нему свои политическія поправки, на которыя имѣетъ полное право.

Этимъ же путемъ единственно достижима *религіозная свобода* въ государствѣ. Владиміръ Соловьевъ полагалъ ее достигнуть путемъ равноправности исповѣданій. Онъ выражалъ сожалѣніе, что «принципъ равноправности исповѣданій, сдѣлавшійся закономъ во всѣхъ другихъ образованныхъ странахъ, еще не вошелъ въ наше законодательство» *), и выражалъ мнѣніе, что «вопросъ о вѣротерпимости, будучи по существу (?) вопросомъ междуцерковнымъ или междуисповѣднымъ, можетъ

*) Со времени Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г., онъ почти вошелъ въ наше законодательство.

быть окончательно рѣшаемъ только на основаніи *общеобязательнаго принципа справедливости»*.

Но рѣшать вопросъ о вѣротерпимости такимъ образомъ, это значитъ отрѣшаться отъ христіанской точки зрѣнія. Для христіанина вопросъ о вѣротерпимости есть вопросъ *религіозныхъ обязанностей* его собственныхъ и его Церкви. Всѣ же таковые вопросы христіанинъ рѣшаетъ на основаніи той Воли Божіей, которая ему открыта въ вѣроученіи. Если же мы признаемъ, что вопросъ вѣротерпимости долженъ быть рѣшаемъ не на основаніи вѣроученія, но лишь на основаніи «принципа справедливости», то мы поставимъ государство внѣ вѣроученія, предлагаемъ ему признать, что ученіе Христа, Будды, Магомета и т. д. одинаково проблематичны, одинаково недостаточны для твердаго рѣшенія вѣроисповѣдной политики.

Эта точка зрѣнія во всякомъ случаѣ не годится для монархіи. Если для нея нѣтъ высшаго безспорнаго принципа истины, то—она не можетъ быть и верховной властью. Если народъ охладѣваетъ къ религіи вообще или раздробленъ на различныя религіозныя общества, и объединяется только политически, то, конечно, государство становится внѣисповѣднымъ, и вопросъ вѣротерпимости для него является «междуисповѣднымъ», но тогда не можетъ быть и монархіи.

Сверхъ того при такой постановкѣ дѣла не можетъ быть и *религіозной свободы.*

Равноправность исповѣданій требуетъ, чтобы государство, его законъ, его практика, его мѣропріятія одинаково относились ко всѣмъ исповѣданіямъ христіанскимъ и нехристіанскимъ, нынѣ существующимъ или имѣющимъ возникнуть посредствомъ работы «личнаго религіознаго убѣжденія» и отсюда—поворождающагося сектанства. Для того, чтобы государство могло себя такъ держать, оно должно быть выведено, какъ государство, какъ законъ и власть, изъ связи съ опредѣленнымъ исповѣданіемъ. Но при этомъ мы ставимъ государство *общимъ судьей всѣхъ исповѣданій*, подчиняемъ религію государству.

Различныя отношенія и столкновенія между разными исповѣданіями рѣшаетъ государство, поставленное внѣ ихъ, имѣ-

ющее своимъ руководствомъ лишь свое соображеніе о «справедливости» и «государственной пользѣ». При этомъ государство не теряетъ ни права, ни особенно возможности, репрессіи во всѣхъ случаяхъ, когда интересы исповѣданія противорѣчатъ, по мнѣнію государства, интересамъ гражданскимъ и политическимъ.

Такимъ образомъ политика государства *можетъ* влiять на исповѣданія. Ихъ же вліянія, оно напротивъ, не можетъ и не должно испытывать. Такое государство не можетъ не стать практически атеистическимъ, ибо Воля Божія ему неизвѣстна и руководства къ поведенію не даетъ. А предписанія экономистовъ, медиковъ, полководцевъ и т. д. совершенно ясны и опираются на «объективныя» данныя «научной истины». Поэтому, во всѣхъ сферахъ своего вліянія на жизнь народа государство будетъ руководствоваться соображеніями этого послѣдняго порядка.

Но какъ же можетъ при этомъ удержаться религіозная свобода? Религіозную свободу даетъ вѣротерпимость, но вѣротерпимость, основанная на вѣрѣ, основанная на преклоненіи передъ волей Божіей, которая выше насъ и нашихъ личныхъ оцѣнокъ чужой вѣры. Государство же, отрѣшенное отъ религіи, даетъ не вѣротерпимость, а развѣ равноправность исповѣданій.

Но смѣшеніе вѣротерпимости и равноправности исповѣданій—есть огромная ошибка. Равноправность предполагаетъ только одинаковость правъ, а вовсе не тѣ или иные ихъ размѣры. Равноправность можетъ быть и при всеобщей одинаковой стѣсненности, при всеобщемъ безправіи. Когда говорятъ о вѣротерпимости, это непремѣнно указываетъ извѣстные размѣры религіозной свободы. Они могутъ быть большими или меньшими, смотря по тому, какая вѣра обѣщаетъ вѣротерпимость. Равноправность же ничего не обѣщаетъ, кромѣ того, что если будутъ топтать въ грязь одну вѣру, то и другая вѣра не получитъ лучшей участи. Такимъ образомъ равноправность не имѣетъ никакого яснаго отношенія къ религіозной свободѣ.

А когда эту равноправность гарантируетъ государство, поставленное внѣ исповѣданій, а тѣмъ самымъ *и выше ихъ*, то общую участь всѣхъ исповѣданій и всякой религіи не трудно предвидѣть. Сегодня государство, на основаніи культурныхъ и медицинскихъ соображеній, приметъ мѣры противъ обрѣзанія у евреевъ, завтра, во имя женской эмансипаціи, воспретитъ многоженство магометанъ, потомъ, изъ соображеній народнаго здравія, воспретитъ православнымъ посты, во избѣжаніе зараженій уничтожитъ богомолье къ св. иконамъ и мощамъ и т. д. Монашество, конечно, можетъ быть признано нарушающимъ интересы государства своимъ безбрачіемъ. Само богослуженіе можетъ быть признано, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, вредною гипнотизаціей народа, да и личная келейная молитва можетъ быть подвергнута очень сильнымъ подозрѣніямъ... Все это не предположенія, а факты. Политика Комба явилась лишь слабымъ намекомъ на то, чего можетъ ждать религіозная свобода отъ внѣисповѣднаго государства.

Конечно нарушеній вѣротерпимости и въ христіанскомъ государствѣ было множество. Но это зависитъ отъ религіозной неразвитости, отъ того, что дѣятели вѣры сами недостаточно проникнуты ея истиннымъ духомъ.

Обязанность каждаго состоитъ въ томъ, чтобы вести къ повышенію религіознаго сознанія. Но странно даже говорить о безрелигіозномъ государствѣ, какъ охранѣ религіозной свободы. Охранять религіозную свободу можно лишь уважая религію, ставя источникъ религіи—связь человѣка съ Божествомъ—выше нашихъ условныхъ соображеній о пользѣ или справедливости. А такое уваженіе въ государствѣ можетъ явиться только тогда, когда оно находится само подъ вліяніемъ Церкви.

Тутъ нѣтъ выбора: либо вліяніе религіи на государство, либо подчиненіе религіи соображеніямъ государства.

Для возможности религіозной свободы, необходимо, чтобы вопросы, касающіеся душеспасенія населенія страны, государство не рѣшало по *своимъ* соображеніямъ (ибо оно въ этомъ не компетентно и на это отъ Бога власти не полу-

чило), а по соображеніямъ Церкви. Безъ этого со стороны государства неизбѣжно является въ отношеніи вѣры произволъ, вредный для всѣхъ исповѣданій.

Еще болѣе вреденъ этотъ произволъ самой монархіи, основанной на идеѣ «Божественной делегаціи». Какъ сказано было выше (часть II-я, стр. 26), «делегація власти отъ Божества получаетъ серіозный политическій смыслъ только въ томъ случаѣ, когда она (монархія) не абсолютна, но нравственно ограничена, то-есть когда имѣетъ нѣкоторыя ясныя и общеизвѣстныя инструкціи для себя. Для этого же необходимо ясное религіозное міросозерцаніе народа, и учрежденіе Церкви, которая будучи религіозно выше царя, по этому самому получаетъ возможность служить ручательствомъ за дѣйствительность Божественнаго избранія царя для управленія дѣлами земной власти».

XIX.

Исповѣдная политика Монархіи.

На основаніи изложеннаго, единственно правильной вѣроисповѣдной политикой Монархіи можно признать такую, при которой Монархъ устанавливаетъ религіозную свободу своихъ иновѣрныхъ подданныхъ не иначе, какъ въ постоянномъ соглашеніи по сему предмету съ своей Церковью.

Неосновательно было бы возражать противъ этого указаніемъ на какія либо проистекающія отъ этого неудобства. Неудобства есть во всемъ. Но каждый принципъ имѣетъ свои требованія, которыхъ нельзя нарушать, не подрывая его самого. Монархъ—по самому смыслу своего принципа, не можетъ отказаться отъ обязанности поддерживать *истинную вѣру*. Онъ не можетъ объявить, что не знаетъ, какая вѣра содержитъ въ себѣ истину, ибо если онъ этого не знаетъ, то не можетъ быть и выразителемъ высшей правды въ государственномъ дѣлѣ. Если же Монархъ вѣритъ въ истину, то не можетъ

присваивать себѣ того Божественнаго Разума, который по Божьей Волѣ пребываетъ лишь въ Церкви. Какъ сынъ, а не господинъ Церкви, онъ можетъ принимать истину только въ толкованіи Церкви. Слѣдовательно—поддерживая «справедливость» въ исповѣдной политикѣ, онъ принужденъ искать уясненія содержанія ея въ церкви. Желая защищать «вѣротерпимость» и «свободу вѣры»—онъ тоже принужденъ искать опредѣленія точнаго ихъ содержанія у своей Церкви.

Это есть логика самаго положенія вещей, изъ которой нельзя выйти безъ подрыва монархическаго принципа.

Стоя на этой, нравственно-законной, точкѣ зрѣнія, Монархъ не беретъ на себя отвѣтственности за опредѣленіе сложныхъ и трудныхъ вопросовъ вѣроисповѣднаго характера, и подходитъ къ ихъ разрѣшенію съ точки зрѣнія не своихъ правъ, а своего долга. Иначе онъ дѣйствовать не можетъ, ибо въ отношеніи религіозной истины Монархъ прежде всего связанъ исполненіемъ долга. Власть, данную ему на служеніе Богу, онъ не можетъ употреблять на служеніе своимъ философскимъ умствованіямъ, и остается властью неоспоримой и неотвѣтственной только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ свой долгъ.

Вступая же на путь философскаго опредѣленія границъ свободы и вѣротерпимости—Монархъ вошелъ бы въ область, гдѣ не имѣетъ авторитета, и гдѣ каждый имѣетъ возможность его оспаривать на основаніи какихъ либо иныхъ философскихъ разсужденій.

Только въ Волѣ Божіей Монархъ почерпаетъ неоспоримый авторитетъ, который не умаляется, если даже философы найдутъ рѣшеніе Монарха несогласнымъ съ ихъ мнѣніями. Но авторитетъ Монарха, напротивъ, подрывается, если члены его Церкви найдутъ, что онъ рѣшаетъ вопросы вѣры несогласно съ вѣрою...

Отвѣтственность въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе велика, что разсужденіе Монарха выражается въ дѣйствіи.

Разсужденіе философа имѣетъ право быть свободнымъ, потому что его ошибка не влечетъ никакихъ практическихъ послѣдствій. Не таково положеніе Монарха, а потому его рѣшеніе

должно быть основано на авторитетѣ, на требованіи долга. Религіозный же авторитетъ и указаніе религіознаго долга Монархъ, какъ и всѣ вѣрующіе—находитъ въ Церкви.

Этотъ выводъ неоспоримъ, но противъ него можетъ явиться возраженіе, что это осуждаетъ исповѣдную политику Монархіи на нетерпимость. Множество голосовъ скажутъ: развѣ не по согласію съ Церковью истребляли огнемъ и мечомъ еретиковъ, горѣли костры инквизиціи и т. д.

Все это, конечно, было. Но смыслъ историческихъ фактовъ должно понимать правильно.

Религіозныя войны, гоненія иновѣрныхъ и еретиковъ—все это есть лишь одно изъ проявленій насильственной борьбы за мнѣнія. Гоненія за вѣру производились далеко не только по согласію съ «Церковью». Не Церковь совѣтовала устраивать «факелы Нерона», не Церковь совѣтовала магометанамъ истреблять гяуровъ и Японскимъ язычникамъ искоренять христіанъ съ жестокостью, неизвѣстною и древнимъ Римлянамъ. Но меньшія ли жестокости совершало человѣчество и вообще въ борьбѣ за мнѣнія политическія? Нашъ современный «вѣкъ разума», эра свободы, равенства и братства, открылись въ самой цивилизованной странѣ Европы такими массовыми убійствами, какихъ не видывали даже и жесточайшія религіозныя гоненія. Подъ топоромъ Парижской гильотины, подъ разстрѣломъ Ліонской картечи, въ Нантскихъ «потопленіяхъ» и т. д. погибли сотни тысячъ благороднѣйшихъ жертвъ политическаго фанатизма.

Подобныя же избіенія мы видѣли во Франціи временъ Коммуны, и кто скажетъ, что не увидимъ ихъ завтра въ Россіи?

Насильственное и кровопролитное истребленіе «иномыслящихъ» характеризуетъ не религію, а *борьбу людей за мнѣнія.* Сами религіозныя гоненія всегда имѣли своею побудительною причиною государственныя соображенія. Если мы создадимъ *внѣцерковное* и *внѣисповѣдное* государство—мы этимъ не уничтожимъ борьбы за мнѣнія, и преслѣдованій на этой основѣ.

Отстранить государство отъ вліянія Церкви—вовсе не значитъ обезпечить его терпимость.

Борьба за мнѣнія всегда происходила по преимуществу на почвѣ интересовъ національныхъ, соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ. Менѣе всего ее вызывали религіозныя вѣрованія сами по себѣ.

Религія приводила къ гоненіямъ и жестокостямъ только потому, что религіозное вѣрованіе совпадало съ интересами соціальными, политическими, національными, экономическими. Если мы отстранимъ государство отъ религіи, то развѣ мы уничтожимъ борьбу этихъ интересовъ? И не все ли равно, какимъ идеократическимъ знаменемъ прикроется эта борьба? Отстранимъ ли мы Государственную власть отъ этой борьбы? Конечно нѣтъ, да она и не имѣетъ права устраняться отъ нея? Верховная власть не есть нѣчто чуждое обществу и государству; въ отношеніи элемента идеократическаго и нравственнаго она содержитъ тоже самое, что и нація. Она обязана исполнять государственными средствами задачи, возникающія въ націи, и достигать осуществленія того, что предполагается или опредѣлилось, какъ національный интересъ. Итакъ, совершенно естественно, что Верховная власть участвуетъ въ той борьбѣ мнѣній, которая возникаетъ въ націи. Если эта борьба получала религіозный характеръ, Верховная власть точно также принимала въ ней участіе.

По самой природѣ государства иначе и быть не можетъ, хотя цѣль Верховной власти при этомъ всегда составляетъ примиреніе и сдержка борьбы въ извѣстныхъ границахъ. Даже прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, Государство имѣетъ примирительныя цѣли. Насколько же оно при этомъ уважаетъ и допускаетъ религіозную свободу, это зависитъ отъ ясности религіозной идеи, воодушевляющей Верховную власть (т. е. Монарха или народъ).

Многочисленныя религіозныя преслѣдованія, происходившія въ Исторіи, зависѣли именно отъ неясности религіознаго сознанія, отъ того, что голосъ вѣры заглушался голосомъ интересовъ національныхъ, общественныхъ и политическихъ. Но гдѣ же, все таки, голосъ вѣры можетъ быть услышанъ Монархомъ лучше, какъ въ *Церкви*?

Голосъ Церкви не можетъ указать Монарху религіознаго безразличія, не можетъ посовѣтывать ему равенства отношенія къ истинѣ и заблужденію, или одинаковаго отношенія къ различнымъ степенямъ заблужденій. Но голосъ Церкви никогда не подскажетъ Монарху и презрѣнія къ вѣрѣ—хотя бы и чужой, если только эта вѣра не имѣетъ характера «бѣсовскаго», *антиэтическаго*, и слѣдовательно, даже съ точки зрѣнія философской или политической, не имѣетъ права на свободное допущеніе къ развращенію націи.

Голосъ Церкви никогда не покидалъ почвы вѣротерпимости, и если въ этомъ отношеніи монархи слышали отъ іерархіи обратные голоса, то этого не должно смѣшивать съ *голосомъ Церкви*.

Монархи далеко не такъ часто слыхали, въ Исторіи, голосъ Церкви, какъ имъ казалось...

Церковь не есть іерархія, не есть демократическая община. Она есть совокупность христіанъ, объединенныхъ вѣрой, іерархіей и таинствами. Голосъ этой-то Церкви, въ единеніи ея іерархіи и паствы, въ ея единеніи съ другими частями Вселенской Церкви, и съ «прежде почившими отцами и братіей» съ Апостольскихъ вѣковъ и по наши—вотъ какой церковный голосъ «непогрѣшимъ» въ своихъ указаніяхъ Верховной власти этическаго начала въ Государствѣ.

Но гдѣ въ исторіи монархи достаточно думали о томъ, чтобы слышать голосъ этой единой истинной Церкви? Это бывало не часто, минутами, и вотъ почему вѣроисповѣдная политика пеструтъ такими жестокостями и несправедливостями.

Задачею Монарха, въ цѣляхъ правильной исповѣдной политики, должно быть поддержаніе истиннаго строя Церкви—то есть Церкви самостоятельной, соборной, независимой отъ мірской власти, и связанной со вселенскимъ православіемъ.

Когда Монархъ имѣетъ передъ собою такую Церковь—для него не трудно улаживать всѣ отношенія государства и церкви, нетрудно достигать и вѣротерпимости.

Истинная Церковь въ существѣ своемъ духовна. Элементъ матеріальный въ ней невеликъ. Церковь начинаетъ превра-

щаться въ общину соціальную, экономическую, политическую, только когда она извращается возобладавшимъ духомъ іерократіи или демократіи. Въ ней, тогда развиваются организаціи и функціи, одинаковыя съ соціальными или государственными, а потому приходящія въ столкновенія съ государственными учрежденіями. Въ этомъ случаѣ для Верховной власти становится крайне труднымъ или даже невозможнымъ разграничить области дѣйствія. Тѣ же не духовные интересы приводятъ іерархію или народъ и въ столкновеніе съ иновѣрцами.

Но истинная Церковь есть союзъ духовный, не отъ міра сего. Ея члены—какъ граждане государства, живутъ въ общесоціальныхъ учрежденіяхъ и подчиняются государству. Чисто же церковныя дѣла, аналогичныя соціальнымъ и политическимъ немногочисленны. У Церкви есть свой судъ въ отношеніи клира, но онъ, на подобіе другихъ профессіональныхъ судовъ, безъ труда можетъ быть допущенъ государствомъ. Судъ надъ міряпами—поскольку онъ касается вѣры—точно также не можетъ стѣснять государство, ибо это совершенно спеціальная дисциплина. Имущественныя интересы вѣрующихъ, какъ церковной общины, невелики: они относятся къ потребностямъ богослуженія, или къ какимъ либо убѣжищамъ благотворительнымъ или посвященнымъ монашеской жизни, дѣлу образованія или миссіи. Все это очень несложно, если только ни церковь, ни государство не извращаютъ своей природы.

Извращеніе же это появляется обычно лишь при господствѣ іерократіи, которая создаетъ «князей церкви», пышныхъ владѣтелей феодаловъ, или землевладѣльцевъ, и коммерсантовъ, которые имѣютъ цѣлую организацію своихъ подручныхъ, точно также чѣмъ нибудь владѣющихъ—и все это требуетъ себѣ привилегій, особыхъ законовъ, неподсудности государству и т. п. Но насколько государственный интересъ и христіанская обязанность монарха требуетъ отъ него быть послушнымъ сыномъ Церкви, настолько же онъ, какъ Монархъ, долженъ страшиться іерократіи, клерикализма и всякаго погруженія церковной организаціи въ мірскіе интересы *).

*) Въ настоящее время очень много говорятъ о воскрешеніи прихода. Это, дѣйствительно, необходимая задача. Но къ сожалѣнію—ее уже съ самаго нача-

Среди возраженій противъ вліянія Церкви на Монархію иногда слышатся жалобы также на устарѣлый канонъ, не соотвѣтствующій условіямъ текущей жизни. Но Церковь, свободно живущая, имѣетъ и канонъ гибкій. Если Церковная коллективность связана и изуродована давленіемъ свѣтской власти или іерократіи, ея канонъ не можетъ сохранять живого духа. Когда же она живетъ истинными законами своего соборнаго вселенскаго бытія—канонъ постоянно оживотворяется разъясненіями, дополненіями, примѣненіемъ вѣчнаго принципа къ измѣнчивымъ условіямъ времени...

Когда все это имѣется—Монархъ получаетъ отъ Церкви самыя правильныя указанія относительно текущей исповѣдной политики Государства, а въ то же время находится въ единеніи со всѣмъ народомъ своимъ, образующимъ Церковь, и составляющимъ самую крѣпкую опору его власти въ Государствѣ.

XX.

Задачи Русской вѣроисповѣдной политики.

Въ заключеніе не излишне бросить взглядъ на задачи желательной вѣроисповѣдной политики въ современной Россіи.

Въ предыдущихъ частяхъ и главахъ книги, подробно указаны какъ ненормальности положенія православной церкви въ

ла расположены поставить на ложную почву, стремясь создать изъ церковнаго прихода какую то первичную единицу соціальной и политической организаціи. Это было бы полное извращеніе прихода, какъ церковной единицы. Приходъ долженъ быть первоячейкой коллективной религіозной жизни — а не жизни административной или экономической. Только при этомъ условіи онъ можетъ входить полноправнымъ членомъ въ епархіальную организацію. Только при этомъ государство можетъ дать ему должную свободу, и не мѣшаться въ его дѣла. Если же приходъ станетъ низшей государственной общиной, то онъ неизбѣжно долженъ быть подчиненъ государственной же власти, долженъ исполнять то, что нужно для государства, выбирать своими представителями не наиболѣе святыхъ, а наиболѣе ловкихъ житейски и т. д. Это мысль крайне ложная, грозящая подорвать духовный характеръ церкви во всей массѣ вѣрующихъ.

Россіи, такъ и основы ея нормальнаго устройства. Съ точки зрѣнія государственной политики необходимо исправить ошибки, которыя совершались 200 лѣтъ въ отношеніи православной церкви, но эта задача, теоретически столь ясная, чрезвычайно усложнилась на практикѣ.

Какъ извѣстно, въ началѣ 1905 г. возникла мысль о возстановленіи въ Россіи патріаршества, и о созывѣ собора епархіальныхъ епископовъ. Этотъ проектъ возстановленія правильной церковности, насколько извѣстно изъ опубликованныхъ свѣдѣній, грѣшилъ чрезвычайной поспѣшностью, вслѣдствіе которой, вѣроятно, не были приняты во вниманіе очень существенныя стороны дѣла. Отцы св. Синода, быть можетъ представляли себѣ задачи возстановленія правильнаго строя Церкви болѣе простыми, нежели онѣ суть въ дѣйствительности, или, быть можетъ, не хотѣли упустить «благопріятнаго» момента, когда правительственная власть, въ лицѣ предсѣдателя комитета министровъ, С. Ю. Витте, соглашалась помочь преобразованію. Какъ бы то ни было, св. Синодъ ходатайствовалъ о «*созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденіе перемѣнъ въ церковномъ управленіи*». Государь Императоръ отложилъ исполненіе этого преобразованія, по неудобству совершать его въ столь тревожное время, при чемъ обѣщалъ въ благопріятное время «*созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія* *).

---

*) Въ № 14 „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" 1905 г. опубликовано:

По Всеподданнѣйшему докладу святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи, Его Императорскому Величеству благоугодно было въ 31 день марта сего года собственноручно начертать:

„Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе Помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе, и созвать соборъ Всероссійской Церкви, для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія".

Дѣйствительно, въ самый разгаръ столь несчастной войны, приводящей всѣ умы въ какое то ненормальное состояніе, немыслимо представить себѣ хладнокровное, всестороннее обсужденіе столь запутаннаго вопроса, какъ нашъ церковный, въ которомъ всецерковному единству приходится побѣдить множество разъединеній. Епископатъ, монашество, «бѣлое» священство и міряне до прискорбія разбились въ ненормальномъ церковномъ существованіи, и среди нихъ накопилось столько взаимныхъ жалобъ, недовѣрія, соперничествъ, что неосторожное рѣшеніе, упустившее изъ виду какую либо опасность раздоровъ—могло бы имѣть самыя тяжкія послѣдствія, расколы и т. п. Высочайшее рѣшеніе—отложивши дѣло до болѣе благопріятнаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяя задачи преобразованія, и вызывая на обсужденіе и рѣшеніе дѣла дѣйствительно авторитетную силу «собора Всероссійской Церкви» (а не собора епархіальныхъ епископовъ)—на всѣхъ этихъ пунктахъ поставило вопросъ на правильную почву.

Вскорѣ послѣ этого былъ опубликованъ г. М. Новоселовымъ листокъ «Къ русскимъ людямъ» (№ 8), въ которомъ выставлялись слѣдующія «положенія», которыя безусловно правильно, по мнѣнія моему, указываютъ слабыя стороны проекта св. Синода:

1) Возстановленіе правильнаго строя Русской Церкви, говоритъ авторъ, можетъ быть, по праву и нравственному авторитету, исполнено только Помѣстнымъ Соборомъ Русской

Опредѣленіе св. Синода отъ 1-го апрѣля 1905 г.

„По Указу Его Императорскаго Величества святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. Синодальнаго оберъ-прокурора отъ 1 сего апрѣля за 2333. По Высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему на всеподданѣйшемъ докладѣ св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленія.

Справка. Во исполненіе Высочайшей воли, объявленной св. Синоду 13 минувшаго марта объ изъятіи вопроса объ управленіи Россійской церковью изъ особаго совѣщанія комитета министровъ и передачѣ онаго на разсмотрѣніе св. Синода, былъ составленъ Всеподданнѣйшій докладъ и повергнутъ на Высочайшее Государя Императора благовоззрѣніе. Приказали: означенное Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе всеподданнѣйше воспринять къ свѣденію, о чемъ и напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Церкви, правильно составленнымъ. т.-е. съ должнымъ совѣщательнымъ участіемъ священства и міряпъ.

2) Нынѣ существующія учрежденія по церковному управленію не могутъ исполнить этой задачи Помѣстнаго Собора, какъ по неимѣнію на то каноническаго права, такъ и потому, что учрежденія эти именно и подлежатъ ревизіи, и переустройству со стороны Собора, а посему никакъ не могутъ быть признаны компетентными для саморевизіи и самоизмѣненія.

3) Вопросъ объ избраніи патріарха можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ по выработкѣ Помѣстнымъ Соборомъ «Уложенія» о Церкви Русской, сообразно которому только и можетъ управлять Церковью патріархъ и всякая другая исполнительная власть Церкви.

Но съ другой стороны, простое откладываніе созыва Помѣстнаго Собора также нельзя признать исчерпывающимъ задачу. Ненормальность положенія Церкви столь сознана, столь мучительна для всѣхъ, что мысль—«дѣло отложено», при всей необходимости этого, крайне трудно переносима, и вызываетъ опасенія, что «благопріятный случай» уже можетъ и не повториться. Между тѣмъ, созывъ Помѣстнаго Собора, по самой сложности предстоящаго ему дѣла, требуетъ предварительной подготовки, которая сберегла бы время и силы Собора на его прямую соборную работу. Упомянутый листокъ поэтому, совершенно справедливо указываетъ, что въ ожиданіи Собора слѣдовало бы утилизировать время на эту подготовительную работу, вполнѣ возможную и теперь.

«Чтобы, безусловно-необходимое дѣло созванія Помѣстнаго Собора не было похоронено или не затянулось-бы сверхъ нужды, необходимо немедленное образованіе Соборнаго Подготовительнаго Совѣщанія, составленнаго изъ нѣсколькихъ епископовъ опытнѣйшихъ архимандритовъ, настоятелей трудовыхъ и духовно благоустроенныхъ монастырей, священниковъ, извѣстныхъ канонистовъ и мірянъ, особенно заявившихъ усердіе къ дѣламъ Церкви—для совершенія подготовительной къ Собору работы.

«Это Соборное Подготовительное Совѣщаніе должно быть

поставлено внѣ вѣдомствъ, въ непосредственномъ сношеніи съ Верховной Властью и епископами Русской Церкви, должно имѣть право затребованія ото всѣхъ вѣдомствъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскихъ, всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ для уясненія наличнаго положенія дѣлъ Церкви, ея отношеній къ властямъ гражданскимъ, къ иновѣрцамъ, къ православнымъ церквамъ иноземныхъ державъ.

«Соборное Подготовительное Совѣщаніе должно также принимать всѣ заявленія или объясненія членовъ Русской Церкви, относящіяся къ работамъ предстоящаго Собора.

«Соборное Подготовительное Совѣщаніе, какъ органъ не какого-либо изъ существующихъ вѣдомствъ, а будущаго Помѣстнаго Собора, должно докладывать о ходѣ своихъ работъ Государю Императору, извѣщать епископовъ Русской Церкви, а равно публиковать отъ времени до времени извѣстія о ходѣ работъ къ свѣдѣнію всего православнаго клира и мірянъ.

«Такое центральное Соборное Подготовительное Совѣщаніе не устраняетъ возможности и желательности мѣстныхъ епархіальныхъ совѣщаній (подъ предсѣдательствомъ епархіальныхъ архіереевъ), направляющихъ свои работы въ Совѣщаніе главное.

«По завершеніи подготовительныхъ работъ Совѣщанія, имѣютъ съѣхаться въ Москвѣ, по должномъ сношеніи съ Верховною Властью, епископы Русской Церкви, коимъ Соборное Совѣщаніе сдаетъ всѣ свои труды и доклады,—послѣ чего Отцы-Архипастыри приглашаютъ къ совѣщательному участію въ своихъ работахъ намѣченныхъ лицъ изъ бѣлаго духовенства и мірянъ,—и съ Божіей помощью открываютъ Помѣстный соборъ Русской Церкви».

Именно таковъ, мнѣ кажется, былъ бы *правильный* *) путь преобразованія, тѣмъ болѣе что съ момента учрежденія «Подготовительнаго Соборнаго Совѣщанія» Русскій православный міръ могъ бы считать Всероссійскій Церковный Соборъ уже

*) Г. Новоселовъ, въ упомянутомъ листкѣ, явился вѣрнымъ выразителемъ мыслей многочисленныхъ православныхъ людей Москвы, въ то время горячо обсуждавшихъ возникшіе проекты церковнаго возрожденія.

какъ бы начавшимъ свое существованіе, а за время подготовительной работы—могли бы выясниться и придти къ соглашенію множество противурѣчивыхъ стремленій, порожденныхъ въ нѣдрахъ Русской церкви продолжительной эпохой ея разстройства.

Но мысль о Соборномъ Подготовительномъ Совѣщаніи получила особенное значеніе вслѣдствіе того, что положеніе Церкви еще болѣе усложнилось съ появленіемъ Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г. коимъ дарованы широкія права свободы всѣмъ инославнымъ христіанамъ, а православнымъ разрѣшено свободно покидать свою вѣру.

Это облеченіе правами инославныхъ, при сохраненіи прежней несамостоятельности Православной Церкви—конечно, ставитъ ее въ самое затруднительное положеніе, а съ точки зрѣнія Государственной политики получилось положеніе очень сложное.

Прежде всего нельзя упускать изъ виду, что вѣроисповѣдное законодательство Православнаго Царства, представительницей котораго являлась до сихъ поръ Россія, совершалось съ Константина Равноапостольнаго, а у насъ съ Владиміра Равноапостольнаго, въ непрерывномъ *взаимномъ соглашеніи* между властью Государственной и Церковной. Это всегда было ихъ *общее* дѣло. Измѣненія исповѣднаго законодательства производилось также всегда съ совѣтомъ Церковной власти.

Въ настоящее время такого совѣщанія не происходило, такъ какъ нельзя, конечно, считать мнѣнія отдѣльныхъ іерарховъ равносильнымъ голосу Церкви. Вѣроисповѣдный вопросъ былъ рѣшенъ Комитетомъ Министровъ, а въ результатѣ явилась реформа, вслѣдствіе которой, при дезорганизаціи Русской православной церкви, православные попали въ самое невыгодное положеніе среди прочихъ исповѣданій Имперіи. Но такое положеніе членовъ Церкви, именуемой закономъ «господствующей» и тысячу лѣтъ находившейся въ союзѣ съ государствомъ—приноситъ чрезвычайную сложность въ государственно-церковныя отношенія.

Эти отношенія требуютъ теперь пересмотра и новаго опредѣленія. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что съ точки

зрѣнія Государственной пользы, слѣдовало бы употребить всѣ старанія, чтобы при этомъ сохранить союзъ съ Церковью и не допустить появленія разрыва съ нею...

Но въ этихъ цѣляхъ вопросъ о созваніи Помѣстнаго Собора Русской Церкви, получаетъ столь жгучее значеніе, что вопросъ о неудобствахъ времени для этого созыва совершенно блѣднѣетъ. Какъ ни неудобно время для созыва Собора, но неудобство неопредѣленныхъ отношеній между Церковью и государствомъ—страшнѣе. Поэтому учрежденіе указаннаго Подготовительнаго Соборнаго Совѣщанія становится дѣломъ совершенно неотложнымъ.

Это въ настоящее время и можно считать центральнымъ запросомъ нашей исповѣдной и церковной политики, ибо обсуждать частности можно будетъ лишь тогда, когда на Помѣстномъ Соборѣ будутъ выяснены и установлены самыя основы современныхъ отношеній Государства и Церкви.

ОТДѢЛЪ IV.

Отношеніе къ соціальному строю.

XXI.

Связь государства съ соціальнымъ строемъ.

Какъ мы видѣли, государство съ соціальной точки зрѣнія, есть лишь послѣднее дополненіе и завершеніе той сѣти мелкихъ союзовъ, въ которые складываются люди при совмѣстной жизни. Это множество группъ и цѣлыхъ слоевъ ихъ образуетъ то, что называется *строемъ соціальнымъ*. Въ немъ переплетаются слои и группы, созданныя всѣми возможными условіями и интересами, по которымъ только люди вступаютъ между собою въ союзъ. Здѣсь имѣются группы территоріальныя, члены которыхъ связаны между собою единствомъ пребыванія въ одной мѣстности. Кромѣ территоріальныхъ группъ, имѣются группы профессіональныхъ интересовъ, основанныя на трудовомъ началѣ, или на отправленіи какой либо функціи, созданной общественной жизнью, или сплотившіяся на какомъ либо совмѣстномъ преслѣдованіи духовныхъ интересовъ. Но и люди различныхъ группъ, имѣютъ общіе интересы, вслѣдствіе чего и самыя эти группы связываются между собой, или же группы различныхъ каттегорій эти имѣютъ нужду

въ союзѣ. Наконецъ одна и та же личность можетъ принадлежать одновременно къ очень различнымъ группамъ...

Чѣмъ сильнѣе творчество націи, духовное и трудовое, тѣмъ больше образуется этихъ группъ, тѣмъ онѣ развитѣе и сплоченнѣе. Чѣмъ сложнѣе эта соціальная организація—тѣмъ сильнѣе творчество народа, такъ какъ каждая личность находитъ удобнѣйшую среду творчества именно въ этихъ группахъ.

Государственная организація, объединяющая націю на общихъ обязательныхъ всему народу нормахъ, не должна уничтожать соціальной организаціи, такъ какъ и создается собственно для помощи соціальнымъ силамъ. Если бы государство заглушало ихъ работу и замѣняло ее своей работой, лишенной свободы и личной инициативы, то оно являлось бы убійцей націи, а затѣмъ и самоубійцей, такъ какъ по захирѣніи націи—умираетъ и государство. Источники силы государства— всѣ въ націи и въ свободномъ ея творчествѣ.

Такимъ образомъ, для всякаго государства необходимъ здоровый соціальный строй. Другими словами, нужно такое сложное разслоеніе націи, которое охватывало бы всѣ формы ея творчества, и давало людямъ возможность коллективной взаимопомощи въ каждомъ видѣ его. Но такое разслоеніе было бы безплодно, если бы не сопровождалось организаціей каждой группы а также извѣстнымъ сплоченіемъ и организаціей однородныхъ группъ.

Это здоровое состояніе соціальнаго строя особенно необходимо для монархическаго государства. Забота о соціальномъ строѣ характеризуетъ всѣ эпохи процвѣтанія монархій, которыя всегда относятся къ нему крайне бережно, стараются не ломать его, а именно на немъ воздвигать свои государственныя построенія. По этому поводу и говорятъ о природной сословности монархическихъ націй. Она характеризовала и Россію.

Почему являлось такое отношеніе? Потому что монархія была проникнута истинно монархическимъ духомъ: она сознавала себя общенаціональнымъ представителемъ. Она еще не была абсолютистской, не чувствовала себя только центральной

управительной силой, но сознавала—что Монархъ есть представитель всей націи, какъ выразитель ея верховнаго идеала.

Въ настоящее время политика иначе относится къ соціальному строю. Хотя вообще въ современномъ цивилизованномъ государствѣ не отрицается право гражданъ на организацію союзовъ и корпорацій, но въ основѣ политическихъ отношеній кладется исключительно *строй общегражданскій*.

Строй сословный отрицается. Хотя современное государство знаетъ, что нація разслоена на отдѣльные классы и группы—но не хочетъ имѣть дѣла съ ними, упраздняетъ даже самое слово «сословіе» и въ политическихъ отношеніяхъ признаетъ только отдѣльныхъ гражданъ, которые по большинству голосовъ создаютъ государство и правительство.

Эта идея *общегражданскаго строя* въ настоящее время завоевала всѣ умы. Онъ считается высшимъ звеномъ развитія идеи государства и основой *свободы*. Строй сословный объявленъ синонимомъ подневольности гражданъ и реакціонности своихъ сторонниковъ. Но теорія общегражданскаго строя не сознаетъ, что она создана собственно борьбой демократической идеи противъ монархической. Дѣйствительно, осужденіе сословного строя произносится ему совмѣстно съ «неограниченной» монархіей.

«Сословный порядокъ, говоритъ Б. Чичеринъ, составляетъ естественную принадлежность неограниченной монархіи, гдѣ отдѣльные интересы имѣютъ каждый свою организацію, и надо всѣми возвышается объединяющая ихъ власть. Но онъ (сословный порядокъ) неумѣстенъ въ конституціонномъ правленіи, гдѣ представительство должно выражать не раздѣльные интересы сословій, а общій всѣмъ интересъ государства».

Это объясненіе, какъ всѣ формулировки Б. Чичерина, чрезвычайно умно, почему изъ него и легко замѣтить, въ чемъ ошибка общегражданской теоріи государственной власти.

Какъ видимъ изъ словъ Б. Чичерина, въ сословномъ государствѣ «общій всѣмъ интересъ государства» нимало не былъ забытъ: только онъ представляется монархомъ, его «объединяющей всѣхъ властью». Стало быть въ монархическомъ го-

сударствѣ можно, безъ вреда для «общаго всѣмъ интереса», допустить, чтобы каждый отдѣльный интересъ (сословный) имѣлъ свою собственную организацію. Если же упразднить монархію, то приходится построить государство такъ, чтобы «общій всѣмъ интересъ государства» не уничтожался частными интересами. И вотъ почему народное представительство при этомъ направляется къ цѣли выражать не «раздѣльные интересы сословій», а общій государственный интересъ. Для этого же нужно устранить представительство сословій, и вмѣсто него создать общегражданское представительство, общегражданскіе выборы, общегражданское голосованіе, вообще— упразднить государственное значеніе сословій и вмѣсто него создать общегражданскій строй.

Такимъ образомъ сущность вопроса о строѣ сословномъ и общегражданскомъ, и о ихъ историческомъ спорѣ, сводится къ вопросу о томъ—что должно поставить верховной властью: монарха или демократію? Что касается до вопроса о «свободѣ»— то онъ прямого отношенія къ дѣлу вовсе не имѣетъ, а косвенно появляется лишь потому, что предполагается, будто бы «свобода» несовмѣстима съ монархіей и неизбѣжно вытекаетъ изъ демократіи.

Но должно замѣтить, что соображенія относительно несовмѣстимости свободы съ монархіей относятся только къ абсолютистскому (или деспотическому) типу монархіи. Въ отношеніи монархіи истинной, самодержавной, эти соображенія по малой мѣрѣ не доказаны, да наука государственнаго права даже и не анализировала различныхъ монархическихъ типовъ, сливая ихъ подъ общимъ наименованіемъ «неограниченной монархіи». И—не совершивъ этой обязательной для науки работы, государственное право и политическая практика однако рѣшаются, во имя созданія «общегосударственнаго интереса», исчезающаго съ упраздненіемъ монархіи,—исключить изъ новаго государства необходимое для него представительство сословій.

Между тѣмъ въ дѣйствительности—это означаетъ разрывъ между государствомъ и соціальнымъ строемъ. А вся реальная

жизнь націи совершается въ соціальномъ строѣ, такъ что если мы у него отнимаемъ вліяніе на государство—то тѣмъ самымъ отнимаемъ это вліяніе и у націи

Этотъ рядъ обстоятельствъ показываетъ, что современное ученіе о сословномъ и общегосударственномъ строѣ требуетъ серьезнаго пересмотра.

XXII.

Строй сословный и общегражданскій.

Коренная ошибка государственной науки, въ ученіи о сословномъ и общегражданскомъ строяхъ (или порядкахъ), состоитъ въ томъ, что она анализируетъ ихъ съ точки зрѣнія чисто юридической. Въ различныхъ формахъ общественнаго строя усматривается только юридическій порядокъ явленій, которому соотвѣтствуетъ и извѣстная форма государственности. Возьмемъ вкратцѣ изложеніе этого ученія у Б. Чичерина *).

Согласно ученію Лоренца Штейна, по юридическому строенію общества, послѣдовательно развивается три порядка: *родовой*, *сословный* и наконецъ *общегражданскій*.

Когда первый теряетъ преобладающее значеніе—онъ не исчезаетъ вполнѣ, а хранитъ свои остатки въ слѣдующемъ, его смѣнившемъ. Такъ, съ наступленіемъ строя сословнаго, родовой не исчезаетъ, а только ослабѣваетъ, и держится въ сословномъ, въ видѣ нѣкоторыхъ остатковъ своихъ, способныхъ ужиться съ господствомъ новаго строя. Такъ точно и сословный строй, когда проходитъ его время, не вполнѣ исчезаетъ, а сохраняется, поскольку совмѣстимъ съ господствомъ строя общегражданскаго. Появленія же какого-либо новаго строя, послѣ общегражданскаго, ученіе Лоренца Штейна уже не допускаетъ, и Б. Чичеринъ горячо споритъ противъ возможности соціалистическаго строя, именно на томъ основаніи что

*) Б. Чичеринъ. Курсъ Госуд. Науки. Соціологія, глава III.

творчество уже вполнѣ исчерпано появленіемъ строя общегражданскаго.

Въ чемъ же особенности этихъ послѣдовательныхъ порядковъ?

Родовой строй, говоритъ Чичеринъ, основанъ на преобладаніи кровныхъ союзовъ. Ими опредѣляется не только гражданскій, но и государственный строй. При этомъ и гражданскій, и государственный строй находится въ зависимости отъ физіологическихъ союзовъ. Разложеніе родового строя пораждаетъ сословный, которому также соотвѣтствуетъ извѣстный государственный строй. Сословный строй основанъ на преобладаніи «частнаго интереса», каковые интересы организуются въ касты или сословія (жреческое, военное, гражданское). Государство, при этомъ господствѣ частнаго интереса, слабо и подпадаетъ подъ вліяніе гражданскаго общества, или даже поглощается имъ. По слабости государства въ обществѣ является взаимное порабощеніе. «Эти формы взаимной зависимости, говоритъ Чичеринъ, можно обозначить общимъ названіемъ крѣпостного права, которое составляетъ характеристическую принадлежность сословнаго порядка».

Наконецъ въ общегражданскомъ строѣ «значеніе лица опредѣляется уже не принадлежностью его къ тѣмъ или инымъ частнымъ союзамъ, физіологическимъ или группирующимся около извѣстнаго интереса. Оно пользуется полнотою права само по себѣ, какъ разумно свободное существо, а такъ какъ, въ этомъ качествѣ, всѣ люди равны, то начала опредѣляющія начала общегражданскаго строя—суть свобода и равенство». Государство при этомъ «выдѣляется и образуетъ свой собственный строй, который въ свою очередь воздѣйствуетъ на гражданское общество, полагая предѣлъ господству частныхъ силъ и порабощенію однихъ другими».

«Именно этимъ *выдѣленіемъ политической области* устанавливаются въ гражданскомъ порядкѣ начала свободы и равенства».

Совершенно понятно, что при такой точкѣ зрѣнія—сословный строй долженъ быть разсматриваемъ, какъ невозмож-

ный для развитыхъ странъ, и во всякомъ случаѣ какъ реакціонный. Но дѣло въ томъ, что разсматривать общественность и государственность только какъ извѣстную организацію правовыхъ отношеній—ошибочно.

Что поняли бы мы въ Церкви, если бы разсматривали ее съ юридической точки зрѣнія, съ предвзятой мыслью, будто бы Церковь есть извѣстная система построенія права? Что поняли бы мы въ арміи, если бы примѣнили къ ея изученію ту же предвзятую мысль? Но ничуть ни болѣе реально наше понятіе и объ общественности, если мы предвзято рѣшимъ, будто бы ея сущность состоитъ въ извѣстной организаціи правовыхъ отношеній.

Сущность общественности проявляется въ законахъ и явленіяхъ соціальныхъ, которыхъ верхнимъ слоемъ служатъ явленія политическія, государственныя. Отношеніе между общественностью и государственностью въ дѣйствительности опредѣляется законами соціальными, почему и должно быть изучаемо на основаніи этихъ послѣднихъ, и на ихъ же основаніи регламентируемо политическимъ искусствомъ.

Реальное построеніе государственныхъ, политическихъ отношеній получается лишь въ томъ случаѣ, если мы производимъ его на основаніи изученія законовъ соціальныхъ явленій. Юридическія же явленія только сопровождаютъ ихъ, а не опредѣляютъ, и наоборотъ сами опредѣляются ими. Когда мы это забываемъ—то подчиняемъ явленіе первоисточное явленію производному, то есть одновременно и ошибаемся и насилуемъ жизнь. Такое вліяніе и производитъ владычество юридической точки зрѣнія на теорію Государственной науки и политическую практику.

Явленія юридическаго порядка, повторяю, всегда сопровождаютъ всякія общественныя явленія, и порождаются ими. Такимъ образомъ анализъ общественности съ юридической точки зрѣнія имѣетъ свой смыслъ и свою пользу. Но объяснять общественность и государственность, наблюдая па самомъ дѣлѣ только юридическое ихъ строеніе—совершенно невозможно, и создаетъ искаженное представленіе о дѣйствительности.

Даже идея экономическаго матеріализма (Маркса-Энгельса) несравненно глубже и правильнѣе объясняетъ строеніе общественности и государственности, нежели идея юридическая.

Для того, чтобы понять общественность и государственность и ихъ отношенія, мы должны знать *почему* и *для чего* возникаютъ онѣ. Въ этомъ отношеніи экономическая идея все-таки нѣчто объясняетъ. Но юридическія отношенія не составляютъ ни причины, ни цѣли общественныхъ явленій, и хотя связаны съ причинами и съ цѣлями общества, и государства, но не составляютъ ихъ сущности.

Почему возникаетъ напримѣръ родовой строй? Развѣ какъ послѣдствіе правовыхъ отношеній? Развѣ для того, чтобы создать извѣстную систему права? Конечно нѣтъ. Причины возникновенія родового строя состоятъ въ условіяхъ совмѣстной жизни размножающейся семьи, перерастающей центръ сцѣпленія, какой способенъ дать патріархальный строй. Для уясненія условій совмѣстной жизни нужно изучать соціальные законы. Извѣстная система права является при развитіи родового строя, но самъ родъ возникъ вовсе не вслѣдствіе системы права. Создавая ее, родовичи имѣютъ конечно цѣль дать своей жизни извѣстныя рамки, но не созданіе права есть ихъ цѣль, а желаніе путемъ права прочнѣе закрѣпить достиженіе своихъ соціальныхъ цѣлей.

Точно также и при возникновеніи государственности ни причины, ни цѣли не состоятъ въ юридическихъ отношеніяхъ.

Причины возникновенія государства кроются опять же въ соціальныхъ законахъ, въ тѣхъ потребностяхъ, которыя имѣютъ соціальныя группы при ихъ взаимоотношеніяхъ. Цѣли при этомъ сводятся къ удовлетворенію совмѣстныхъ потребностей. Въ процессѣ построенія государства непремѣнно возникаетъ извѣстное право, но оно составляетъ не цѣль, а лишь одно изъ орудій для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ обществомъ при созиданіи государства.

Такимъ образомъ уясненія сущности соціальныхъ и государственныхъ явленій—мы должны искать въ анализѣ свойствъ и потребностей, почему, напримѣръ, экономическая теорія все-

таки реальнѣе нежели юридическая. Экономическая теорія усматриваетъ очень важную часть потребностей, а невѣрна лишь потому, что не видитъ самой центральной силы общественной организаціи.

Я уже говорилъ въ первой части книги, что такой основной силой и опредѣлителемъ общественности является, психологическая природа людей (см. часть I-я, главы II и III), а не условія экономическія и вообще не какія бы то ни было внѣшнія, матеріальныя условія. Эти психологическія основы дѣйствительно порождаютъ идею права а стало быть имѣютъ юридическія послѣдствія, но никакъ не исчерпываются правовой идеей и не въ ней состоятъ. Мы поэтому не можемъ понять общества и государства путемъ анализа однихъ юридическихъ отношеній. Намъ требуется изучать непосредственно тотъ рядъ явленій которыя называются соціальными и политическими и не посредствомъ юридическихъ понятій уяснять ихъ, а наоборотъ — путемъ уясненія соціально-политическихъ явленій приходить къ пониманію юридическихъ отношеній.

Только такимъ путемъ мы можемъ правильно опредѣлить истинную природу отношеній государства къ обществу, а стало быть и къ личности.

Ученіе «общегражданскаго строя» — это собственно есть государственно-правовая варьяція на общую тему Гегелевской формулы развитія.

Не входя въ историческую кризику этой теоріи, достаточно сказать, что она опровергнута самой дѣйствительностью «общегражданскаго строя». То, что сулитъ эта теорія — не сбывается, то чего она не допускаетъ, является.

«Родовой порядокъ, говоритъ Чичеринъ, упрочивая внутреннее единство общества, ведетъ къ подчиненію внѣшнихъ элементовъ: онъ основанъ на рабствѣ. Сословный напротивъ ведетъ къ внутреннему разобщенію и къ борьбѣ частныхъ силъ, результатомъ которой является подчиненіе слабѣйшихъ сильнѣйшимъ: онъ держится крѣпостнымъ правомъ. Наконецъ въ общегражданскомъ порядкѣ всякое принудительное подчиненіе упраздняется... Юридическая свобода здѣсь равная для

всѣхъ, всѣ подчиняются одному и тому же закону». Въ родовомъ строѣ было единство физіологическое, которое не соотвѣтствуетъ духовному естеству человѣка, почему и распадается въ сословномъ строѣ. Наконецъ въ общегражданскомъ строѣ оно опять возстановляется, но уже какъ единство высшее, не физіологическое а духовное... «Такое отношеніе единства къ различіямъ, говоритъ Чичеринъ, составляетъ отличительную черту высшей ступени развитія, которая состоитъ въ сведеніи разнообразія къ высшему единству, при сохраненіи должной самостоятельности частей. Такой порядокъ вполнѣ отвѣчаетъ природѣ идеи обоихъ союзовъ—гражданскаго и государственнаго, а потому его (т. е. общегражданскій строй) слѣдуетъ признать *окончательной формой общежитія*». «Ни о какомъ новомъ общественномъ строѣ, имѣющемъ установиться въ будущемъ—не можетъ быть и рѣчи»...

Такъ выходитъ по теоріи. Но не успѣла эта «окончательная форма» установиться въ европейскомъ государствѣ, какъ уже явилось именно новое ученіе, съ которымъ пришлось бороться и самому Чичерину. Это ученіе объявило не менѣе логически, что сущность историческаго процесса общежитія составляетъ вовсе не идея объединенія «гражданскаго» и «государстваннаго» союзовъ въ «высшемъ единствѣ» — а «борьба классовъ». Эта соціалистическая идея, развитая вдобавокъ на тѣхъ же основаніяхъ Гегелевской діалектики, какъ и ученіе Лоренца-Штейна, дала у Маркса и Энгельса совершенно противоположную схему Исторіи, возвѣстивъ *новый* общественный строй, возможность котораго отрицаетъ теорія общегражданскаго строя. «Фантазировать можно сколько угодно», замѣчаетъ на это Чичеринъ... Но къ несчастью для его теоріи не однѣ «фантазіи» (если такъ называть экономическую теорію), но и дѣйствительная жизнь дала несомнѣнные факты, опровергающіе теорію общегражданскаго строя.

Эта теорія осудила сословія, объявила всеобщее равенство. Но самъ Чичеринъ признаетъ, что фактически въ общежитіи возникло еще большее неравенство, и еще большее подчиненіе слабѣйшихъ сильнѣйшимъ. Какъ же могло это возникнуть?

Чичеринъ говоритъ, что ужъ въ этомъ виноватъ не гражданскій порядокъ. «Гражданскій порядокъ устанавливаетъ только форму, въ которой проявляется свободное взаимодѣйствіе силъ, но не замѣняетъ самой дѣятельности этихъ силъ. Онъ даетъ форму, а остальное должны додѣлывать сами эти «силы». Должно сказать, что это уже само по себѣ показываетъ сочиненность, не реальность строя, который ничего дѣйствительнаго не даетъ. Но если онъ самъ ничего не создаетъ, то что же дѣлаютъ частныя «силы», которымъ общегражданская теорія разрѣшаетъ дѣйствіе?

Онѣ—въ лицѣ соціализма—предначертываютъ себѣ программу, которая должна совершенно уничтожить «государство» столь «логически» и «гармонически» развившееся. Пока не было этого благодѣтельнаго «общегражданскаго строя»—этого «высшаго единства»—общественныя силы терпѣли и общество и государство, и не считали ихъ столь вредными, что бы ихъ требовалось уничтожить. А «окончательную форму общежитія», достигнувшую полнаго совершенства, общественныя силы объявили подлежащей уничтоженію, когда еще не успѣли засохнуть чернила на ученыхъ трактатахъ Лоренца Штейна...

Отъ этого протеста самихъ общественныхъ силъ, коимъ отведено мѣста жительства въ общегражданскомъ строѣ, нельзя отмахнуться фразой, что соціалисты—фантазёры и невѣжды... На ряду съ фантазерами и невѣждами, среди нихъ есть ученые и глубокіе умы, не менѣе авторитетные, чѣмъ Лоренцъ-Штейнъ или Чичеринъ...

Да и не одни соціалисты опровергаютъ фактически теорію общегражданскаго строя. Сословія объявлены ею внѣ государства. Но общественныя силы организуются въ новыя сословія: рабочіе объединяются въ профессіональныя организаціи, очевидно убѣдившись, что не «свобода» общегражданскаго строя, а сплоченность и подчиненность «сословій» обезпечиваютъ потребности и дѣйствительную свободу гражданъ. Въ такія же организаціи складываются и капиталисты. И мало того—что эти новыя «сословныя организаціи» возникаютъ и развиваются—онѣ стремятся вліять на государство, захватить

его въ свои руки. Не простымъ «гражданиномъ» стремится быть рабочій въ государствѣ, но именно *рабочимъ*, точно также и капиталисты стремятся захватить государство именно какъ «буржуа». Все это уже не «фантазіи», а историческіе факты, ознаменовавшіе эпоху «общегражданскаго строя» немедленно по ея установкѣ, и притомъ столь ярко, что на мѣсто теоріи общегражданскаго строя явилась новая теорія классового государства. Это такое яркое фактическое опроверженіе теоріи общегражданскаго строя—что едвали нужно входитъ въ въ историческую критику ея, и доказывать, что и въ отношеніи прошлой исторіи человѣчества она столь же не соотвѣтствуетъ фактамъ, какъ въ отношеніи современности.

Это несоотвѣтствіе теоріи съ дѣйствительностью—происходитъ именно потому, что она изучаетъ не дѣйствительную общественность и государственность, а лишь нѣкоторыя ихъ тѣни и отраженія, ставя свой анализъ на почву чисто юридическую.

На самомъ дѣлѣ—общественность и государственность можно понимать и должно изучать лишь на почвѣ соціальныхъ законовъ. Не «гражданскій порядокъ» должно анализировать, а «соціальный строй». При этомъ всё построеніе общественно-государственныхъ отношеній, опредѣленіе государственныхъ задачъ, обезпеченіе свободы и порядка—являются передъ нами совершенно въ иныхъ формахъ и формулахъ.

XXIII.

Эволюція соціальнаго строя.

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ понятіе и терминъ «гражданскій» порядокъ, предрѣшающій исключительно юридическую природу общества. Посмотримъ на «соціальный строй», который, какъ дѣйствительное реальное явленіе, не уничтожается ни при какихъ теоріяхъ, имѣющихъ какую либо частичную долю истины, такъ что съ этимъ терминомъ мы не теряемъ изъ виду ни «общегражданскихъ» явленій, указываемыхъ теоріей

«гражданскаго порядка», ни явленій, указываемыхъ теоріей «борьбы классовъ».

Соціальный строй дѣйствительно заключаетъ въ себѣ явленія, отмѣчаемыя и той, и другой теоріей, но не исчерпывается ими. Онъ конечно представляетъ очень сложную эволюцію, и не одинаковъ въ различныя эпохи или фазисы развитія общества. Но если мы желаемъ дать какія либо основы классификаціи соціальнаго строя, то должны назвать двѣ основныя формы его, которыя въ свою очередь имѣютъ вторичныя подраздѣленія. Это именно: 1. *Простой соціальный строй* и 2. *Сложный соціальный строй.*

Первый представляетъ союзъ и нарастаніе группъ *однородныхъ*, второй—группъ *разнородныхъ*. Въ исторической соціальной эволюціи, конечно, происходитъ движеніе отъ простого соціальнаго строя ко все болѣе сложному.

Однородныя группы простого соціальнаго строя отличаются, такъ сказать, универсальностью своихъ функцій, то есть способностью группы удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Такая группа составляетъ какъ бы цѣлое замкнутое, маленькое общество. Группы сложнаго строя, напротивъ,—спеціализированныя на разныхъ функціяхъ, посему, и не однородны, а весьма разнообразны.

Понятно, что такой составъ группъ, изъ которыхъ слагается соціальный строй, имѣетъ непосредственное вліяніе и на способы какъ ихъ взаимнаго, междугруппового сцѣпленія, такъ и на характеръ ихъ отношеній къ государству, составляющему ихъ общее объединеніе.

Строй патріархальный и родовой—относится къ первому отдѣлу. Строй сословно-корпоративный—ко второму.

Въ общей сложности можно поставить такую схему развитія соціальнаго строя:

1. *Простой соціальный строй*, представляющій два главные фазиса развитія—

а) *Патріархальный*,

б) *Родовой*,

2. *Сложный соціальный строй*, начинающійся съ

а) *Наслѣдственно и принудительно сословнаго*, который можно назвать *простымъ сословнымъ*, и переходящій въ

б) *Свободно сословный или сложно сословный соціальный строй*.

Наиболѣе типичное выраженіе простого соціальнаго строя даетъ бытъ патріархальный. Бытъ родовой уже представляетъ нѣкоторое разслоеніе, а въ очень развитой формѣ почти переходитъ въ сословный, такъ какъ въ немъ высшіе родовичи образуютъ аристократію, а остальная масса родовичей—плебсъ. Въ свою очередь первыя фазисы простого сословнаго строя очень сходны съ развитымъ родовымъ, да иногда и происходятъ изъ него *).

Безъ сомнѣнія—патріархальный строй характеризуется подчиненіемъ личности группѣ. Права личности въ немъ обезпечены очень прочно, но не какъ личности, а какъ члена семьи. Этотъ характеръ отношенія къ личности отражается и въ строѣ родовомъ, а если сословный строй происходитъ изъ разложившагося родового—то подобное же отношеніе къ правамъ личности переходитъ и въ строй сословный. Итакъ, правовыя отношенія, подмѣчаемыя теоріей «общегражданскаго порядка», до извѣстной степени существуютъ въ соціальномъ строѣ, но они далеко не такъ просты и однообразны, и для независимости и свободы личности нѣкоторыя формы родового строя представляютъ гораздо больше простора нежели «общегражданскій строй». Едва ли въ этомъ отношеніи кавказскій горецъ позавидуетъ Лондонскому «докэру».

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что первичныя формы группъ соціальнаго строя не уничтожаются при дальнѣйшемъ усложненіи его. Такъ семья остается и при послѣднихъ сложнѣйшихъ состояніяхъ его. Такъ и родовое начало, какъ справедливо указываетъ Чичеринъ, сохраняется въ характерѣ наслѣдованія... Особенно въ первыхъ фазисахъ сословнаго строя вліянія родового очень сильны. Посему, когда мы говоримъ о «сословномъ» строѣ—то дѣйствительно можетъ являться мысль о его непримѣнимости къ современнымъ условіямъ. Но это относится лишь къ «наслѣдственно-сословному» строю.

*) Сословный строй происходитъ также изъ завоеванія.

Сословный строй, на которомъ выросли всѣ современныя государства, произойдя изъ родового, сохранилъ одну важную черту его: наслѣдственность профессіи. Если подъ «сословностью» разумѣть только ту форму профессіональнаго разслоенія, при которой сословная принадлежность наслѣдственна, а слѣдовательно—принудительна и обязательна, то подобный строй, конечно, не согласуется ни съ современнымъ развитіемъ личности, ни съ условіями экономическими, ни съ задачами государственными. Но если подъ общимъ терминомъ «сословнаго строя» разумѣть такой,—въ которомъ государство строится на спеціализированныхъ группахъ, а не на отдѣльныхъ личностяхъ, то подобный строй составляетъ не только потребность нашего времени, а даже фактъ политической жизни, но только въ замаскированной формѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, напоминаю поэтому, что говоря о государственно-сословномъ строѣ я разумѣю государство, поставленное въ связь съ современной формой сословности, т. е. въ видѣ «свободно-сословнаго» строя.

Современныя культурныя страны, по дѣйствительной соціальной конструкціи своей представляютъ именно этотъ послѣдній—свободно сословный строй. Вопросъ научной политики состоитъ въ рѣшеніи того, должна ли эта свободная сословность имѣть и нынѣ государственное значеніе?

Прямая связь между ними безусловно необходима. Вникая въ законы соціальнаго строя, мы даже видимъ, что связь его съ государствомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сложнѣе самъ соціальный строй. Чѣмъ болѣе просты и однородны соціальныя группы, чѣмъ болѣе универсальны ихъ функціи, чѣмъ болѣе велика способность каждой отдѣльной группы къ самоудовлетворенію—тѣмъ менѣе нужно имъ государство, и—когда оно возникаетъ — тѣмъ менѣе широка компетенція. предоставляемая ими государственной власти. Напротивъ чѣмъ болѣе усложняется соціальный строй, чѣмъ болѣе спеціализированы его отдѣльныя группы, чѣмъ болѣе онѣ нуждаются во взаимной помощи, чѣмъ болѣе необходимо имъ взаимное сотрудничество, а слѣдовательно—чѣмъ возможнѣе

ихъ взаимная эксплуатація—тѣмъ нужнѣе для общества становится государство, и тѣмъ шире дѣлается компетенція, предоставляемая обществомъ верховной власти.

Это несомнѣнный соціальный и историческій законъ.

Патріархальный бытъ совсѣмъ не знаетъ государственности. Ея зачатки видитъ лишь строй родовой, который и развиваетъ государственность въ различныхъ направленіяхъ: монархическомъ, аристократическомъ или демократическомъ, въ зависимости отъ условій, которыя могутъ выдвигать ту или иную идею верховной власти. Бытъ сословный уже совершенно невозможенъ безъ государства, даже въ самыхъ первыхъ своихъ фазисахъ. Онъ же создалъ наилучшіе доселѣ образчики государственности. Бытъ свободно сословный, въ высшемъ его развитіи—въ еще большей степени требуетъ государства, но доселѣ не нашелъ наиболѣе соотвѣтствующихъ себѣ государственныхъ формъ.

Это послѣднее обстоятельство создано сложнымъ рядомъ причинъ, въ числѣ которыхъ для монархіи особенно важно помнить ея собственное перерожденіе въ абсолютизмъ, съ проистекшимъ отсюда бюрократизмомъ, и съ отсюда появившейся оторванностью отъ соціальнаго строя, въ такую эпоху, когда соціальному строю нужнѣе чѣмъ когда либо требовалось государство.

Эпоха, предшествовавшая появленію такъ называемаго общегражданскаго строя, состояла въ разложеніи наслѣдственно сословнаго строя. Онъ разлагался подъ вліяніемъ двухъ категорій явленій: во-первыхъ, усиленное умственное развитіе огромный прогрессъ знаній и развитости личности—создалъ могущественныя прослойки лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ, и множествомъ профессій развившихся на основѣ умственнаго труда. Во-вторыхъ,—это же чрезвычайное развитіе, ума и знаній, въ соединеніи съ колоніальной политикой (имъ же порожденной), создали небывало быстрое развитіе сложной промышленности, совершенно разбившей прежнія рамки наслѣдственно сословной профессіональности, и совершенно съ нею несовмѣстимой. Несовмѣстимость эта обусловливается не-

обходимостью свободы труда, и свободнаго подбора лицъ по способностямъ къ профессіи.

Прежнія сословныя рамки совершенно не вмѣщали этого могучаго разнообразія промышленнаго и умственнаго творчества. Сословность, въ смыслѣ профессіональной группировки, ничуть не исчезла: напротивъ—новыя группы стали еще сплоченнѣе, чѣмъ прежнія, еще болѣе нуждались во внутренней организаціи, и внутри ихъ еще болѣе проявлялась не одна солидарность, но также и антагонизмъ, взывавшій къ посредничеству государства. Но для возможности этого требовалось поставить государство въ связь уже не съ прежними, отживающими и уже почти не существующими сословіями, а съ новыми кипящими жизнью группами, «классами», какъ ихъ стали называть.

Вводя ясную терминологію въ явленія соціальнаго строя, можно назвать «классомъ» тотъ слой, ту группу, которая по внутреннему своему сцѣпленію обособилась отъ прочихъ, но существуетъ только фактически, еще не признанная государствомъ. Сословіе есть та же самая группа, тотъ же самый слой, но получившій государственное признаніе и соотвѣтственную законную организацію. Въ эпоху, предшествовавшую «общегражданскому строю», государство именно стало въ такое нелѣпое положеніе, что нормировало жизнь тѣхъ классовъ, которые уже почти не существовали въ дѣйствительности, и не только игнорировало новые классы, дѣйствительно существовавшіе, но даже мѣшало ихъ организаціи и самостоятельной нормировкѣ отношеній даже ихъ внутренними силами.

Другой рядъ серьезнѣйшихъ требованій представила государству необходимость обезпеченія *правъ личности.*

Дѣло въ томъ, что при установкѣ отношеній различныхъ формъ соціальнаго строя къ государству, съ развитіемъ и усложненіемъ соціальнаго строя получаетъ все большее значеніе отношеніе государства къ *личности.*

Здѣсь вопросъ состоитъ не собственно въ свободѣ и не въ правахъ личности, взятыхъ самихъ по себѣ. Каковы бы ни были размѣры свободы и правъ, требуемыхъ личностью—они

въ простомъ соціальномъ строѣ охраняются по преимуществу самими же соціальными группами. Охрана эта столь полна, сколько требуетъ развитость личности. Но чѣмъ болѣе усложняется соціальный строй, чѣмъ болѣе специализируются его отдѣльныя группы—тѣмъ менѣе становится ихъ способность къ всесторонней охранѣ свободы и правъ личности своихъ членовъ. Если даже личность родового строя болѣе развита, чѣмъ личность сословного—то во всякомъ случаѣ сословіе неспособно ея охранить такъ полно, какъ родъ. Это зависитъ отъ меньшей универсальности функцій сословія.

Въ свободно сословномъ строѣ необходимость государственной охраны свободы и правъ личности становится еще болѣе настоятельна, но еще болѣе трудна и сложна, такъ какъ при этой задачѣ государства его отношеніе къ группѣ и къ личности могутъ приходить въ столкновеніе. При простомъ соціальномъ строѣ—государство почти не имѣетъ отношенія къ личности. Его компетенція относится къ области лишь междугрупповыхъ отношеній. При сложномъ соціальномъ строѣ—личность требуетъ охраны государства, можно сказать, на каждомъ шагу, ибо ея сословная (профессіональная) группа можетъ ее охранять лишь очень односторонне.

При такомъ огромномъ развитіи матеріально-экономическихъ силъ, и при такомъ поднявшемся запросѣ на охрану свободы и правъ личности—Государство этого періода оказалось погруженнымъ въ полное безсиліе. Монархія, въ теченіе вѣковъ регулировавшая жизнь націй наслѣдственно-сословнаго строя—въ это время была окончательно охвачена бюрократическимъ маразмомъ—прямымъ послѣдствіемъ своего перерожденія въ абсолютизмъ.

Въ то время, когда государству, руководимому Монархіей, потребовалась самая живая связь съ соціальнымъ строемъ, чтобы удовлетворить его новымъ потребностямъ и поставить государственное дѣйствіе въ соотвѣтствіе съ дѣйствительно существующими соціальными силами и потребностями ихъ—въ это время Верховная Государственная Власть оказалась внѣ всякаго соприкосновенія съ націей, охваченная фатальнымъ бюрократическимъ «средостѣніемъ».

Такова была совокупность причинъ экономическихъ, нравственныхъ и политическихъ, вслѣдствіе которыхъ рухнула Европейская Монархія, и понадобилось строить новое государство, которое уже поставлено было на почву демократическую, и получило исходнымъ пунктомъ «общегражданскій строй», при всей своей фальшивости имѣвшій то оправданіе, что дѣйствительно, за паденіемъ Монархіи, приходилось создать въ государственной власти какое либо представительство «общаго интереса» *).

XXIV.

Невозможность государства внѣ соціальнаго строя.

Вся неудачность новаго государства общегражданскаго строя проистекла именно изъ идеи отдѣлить политическій строй отъ соціальнаго. По самой природѣ общественности, *Государство должно воздвигаться на соціальномъ строѣ.* Иначе оно неизбѣжно будетъ поработителемъ націи, какія бы «либеральныя» формы мы ему не придавали. По закону общественности всякій человѣкъ живетъ не изолированно а въ системѣ группъ, съ которыми связанъ многоразличными интересами. Одинъ человѣкъ жить не можетъ и не хочетъ. Хотя пребываніе въ соціальной группѣ естественно связываетъ произволъ человѣка, но за то даетъ ему и силу. Въ своихъ стремленіяхъ и требованіяхъ онъ только тогда представляетъ силу, съ которой всѣмъ приходится считаться, когда за плечами его стоитъ значительное количество его единомышленниковъ. Нахожденіе въ соціальномъ строѣ—во первыхъ, даетъ человѣку кровные

*) Не излишне вспомнить, что самъ Лоренцъ Штейнъ, котораго трудамъ обязана существованіемъ теорія „общегражданскаго строя", былъ однако монархистъ, и ожидалъ отъ Монархической Верховной власти регуляціи борьбы классовъ. Онъ же былъ сторонникомъ широкаго самоуправленія общественныхъ группъ, мѣстныхъ, корпоративныхъ и т. д.

Но все это совершенно невозможно при „выдѣленіи" политической области изъ соціальной.

реальные интересы, во вторыхъ, придаетъ силу его требованіямъ, а стало быть увеличиваетъ его *самостоятельность*, чѣмъ и гарантируетъ его *свободу*.

Если бы мы строили государство не на соціальномъ строѣ то мы бы поставили надъ этими самостоятельными организаціями и группами людей—такую страшную силу, которая ихъ неизбѣжно подавила бы и разрушила.

Но съ разрушеніемъ этихъ мелкихъ группъ у всѣхъ людей была бы отнята возможность всякаго самостоятельнаго опредѣленія и достиженія своихъ интересовъ. Тогда и всякая самостоятельная дѣятельность личности была бы уничтожена. Все опредѣляло бы государство, обязательно, принудительно.

Какія бы мы ни давали «права» всенародному множеству гражданъ, оторванныхъ другъ отъ друга, и въ видѣ ничтожныхъ пылинокъ охваченныхъ организаціей всесильнаго государства—они имѣютъ только право участвовать въ *организаціи власти*, да еще право требованія отъ власти совершенія тѣхъ или иныхъ дѣлъ. Но если даже предположить, что государство дѣйствительно будетъ исполнять эти требованія—все таки *творчество націи* будетъ совершаться не ею а *властями*.

Но эта бюрократически—соціалистическая мечта несетъ съ собою смерть націи. Тогда уже никто *самъ* ничего не будетъ дѣлать, вслѣдствіе чего люди потеряютъ и способность самостоятельно что либо устраивать, а потерявъ ее—утратятъ даже способность догадываться о томъ, что умно и что безумно въ области общественнаго творчества. Сверхъ того государство, работая за гражданъ, никогда и ничего не можетъ совершить съ такой любовью, вниманіемъ, страстью, какія даетъ личное исполненіе своего излюбленнаго дѣла.

Платонъ и Кампанелла мечтали, устраивать даже браки путемъ выбора подходящихъ паръ государственными властями. Но не лучше ли подберутся брачныя пары при свободномъ отысканіи людьми женъ и мужей чѣмъ при соединеніи ихъ усердіемъ государственныхъ чиновниковъ? Не будутъ ли счастливѣе эти брачныя пары—при свободномъ подборѣ, не окажется ли у нихъ семьи болѣе чистыми, болѣе прочными?

Но люди любятъ также свою идею, свой трудъ въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, они любятъ тотъ или иной образъ жизни, и когда созидаютъ все это сами, то созидаетъ страстно, самоотверженно, энергично. Ихъ созданіе выходитъ велико, красиво, удобно. А изъ милліоновъ такихъ мелкихъ созданій самостоятельнаго творчества людей растетъ человѣческая культура—въ милліонахъ проявленій—въ наукѣ, въ учрежденіяхъ, въ искусствѣ, техникѣ, во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ и т. д. и т. д.

Все это созидается только *свободно*, только по *своему выбору увлеченію, идеѣ*. Все это создается только тогда, когда человѣкъ имѣетъ возможность выбрать себѣ подходящихъ товарищей, чтобы съ ними жить по своему.

Соціальная группа, слой, классъ, сложившіеся такой свободной работой членовъ націи, имѣютъ право на представительство въ государствѣ, на то, чтобы ихъ мысль, потребность, желаніе отражались въ государственной дѣятельности. Это же возможно лишь тогда, когда представителями націи въ государствѣ являются сами группы, сословія, въ лицѣ посланныхъ *ими* людей. Касается ли дѣло общественнаго управленія—оно должно создаваться не дезорганизованной толпой «общегражданъ», а ихъ организованными соціальными группами. Потребуется ли государству услышать голосъ «націи», «земли»—этотъ голосъ долженъ быть выраженъ представителями соціальныхъ группъ. Только при этомъ условіи люди націи, тѣ самые, которые думаютъ, работаютъ и создаютъ все, чѣмъ сильна и красна страна, будутъ основой государства, и государство будетъ думать ихъ мыслью, исполнять то, что требуется для націи. Непосредственный голосъ соціальныхъ группъ долженъ быть вдохновителемъ государства. Только при этомъ государство можетъ быть дѣйствительнымъ завершеніемъ національной организаціи, и орудіемъ ея творчества, а слѣдовательно и само оставаться могучимъ и творческимъ.

Источникъ государственной силы—только въ личности, и въ созидаемомъ ею соціальномъ строѣ. По мѣрѣ задушенія соціальнаго строя, исчезаетъ живая сила государства, безъ ко-

торой оно непремѣнно рухнетъ. Оно такъ ослабѣваетъ, что его низвергаетъ всякій внѣшній врагъ. Это самое обычное наказаніе государства, забывшаго свое назначеніе служить соціальному строю. Но если внѣшняго врага нѣтъ, то явятся враги внутренніе. Огромная сила государства, лишеннаго своего смысла—охранителя соціальной самостоятельности, становится простымъ миражемъ, и протестующія группы непремѣнно оказываются сильнѣе громаднаго государства, потерявшаго живой духъ.

XXV.

Правящее сословіе «безсословнаго» государства.

Вліяніе соціальнаго строя на государство настолько неизбѣжно по самой природѣ вещей, что проявилось и въ государствѣ, явившемся съ мыслью «выдѣлить» политическій строй изъ соціальнаго. Но это вторженіе соціальнаго строя въ государство явилось въ формахъ изуродованныхъ: въ видѣ особеннаго соціальнаго слоя «политикановъ».

Выдѣленіе государства въ особый порядокъ—было въ теоріи вполнѣ выдержано у Руссо. Онъ строилъ свое государство на *общенародной волѣ*, и не иначе, какъ на общенародной, то есть предполагалъ, что въ каждомъ гражданинѣ, кромѣ его личныхъ или групповыхъ желаній, есть частичка общей народной воли *). И вотъ только эту частичку Руссо допускалъ къ политикѣ.

*) При извѣстномъ пониманіи этого термина, Руссо можно признать совершенно правымъ: именно, если считать эту частичку „народной воли"—выраженіемъ „національнаго духа". Руссо совершенно правъ, что только на этомъ „національномъ духѣ" долженъ созидаться *Souverain*—верховная власть. Но при этомъ Руссо долженъ бы быть монархистомъ, ибо граждане сами могутъ выдѣлить изъ себя такого *Souverain* только въ самыхъ малыхъ республикахъ, гдѣ возможно непосредственное правленіе народа. Въ государствахъ большихъ—это можно создать только посредствомъ монарха.

Требуя всеобщихъ голосованій, онъ въ то же время требовалъ, чтобы гражданинъ при этомъ отнюдь не присоединялся къ какой бы то ни было группѣ, а голосовалъ за себя. Поэтому Руссо совершенно не допускалъ партій, требовалъ ихъ уничтоженія.

Но всѣ эти требованія отвлеченной теоріи—не могли осуществиться. Государство сразу стало организовываться партіями, не было ни одного правительства, которое могло бы отрицать партіи, потому что само ими держалось. Впослѣдствіи появились уже и теоретическіе защитники партій.

И понятно, что партіи совершенно неизбѣжны и необходимы, если государство отстранено отъ *прямой* связи съ соціальнымъ строемъ. Народъ естественно организованъ только въ соціальныхъ группахъ, и если имъ не позволяютъ посылать своихъ представителей для организаціи государства народъ уже этимъ не можетъ завѣдывать, и дѣло попадаетъ въ руки спеціально посвятившихъ себя на то партій. Дѣйствительную же силу партій составляютъ «профессіональные политиканы», которые такимъ образомъ и связываютъ «общество», «народъ», «соціальный строй» съ выдѣленнымъ изъ него государствомъ. Захвативъ государство, они становятся господами націи.

Это совершенно особый «классъ», спеціализировавшійся на томъ, что отнято у соціальнаго строя: на вдохновленіи политики, на организаціи правительства и его дѣйствія. Природа государственно-общественныхъ отношеній сказалась въ организаціи этого класса, а зародился онъ въ той массѣ учениковъ французской «философіи» XVIII вѣка, которой историческое повтореніе составляетъ современная русская «интеллигенція». Между абсолютистко-бюрократическимъ государствомъ и соціальнымъ строемъ, націей, образовалась пустота. Государство потеряло способность исполнять свою функцію объединителя соціальнаго строя, и образовавшуюся между ними и обществомъ пустоту заполнилъ элементъ внѣсословныхъ «философовъ», носителей не творческой идеи своихъ сословій, отъ которыхъ они отбились, а общаго недовольства

государствомъ, общаго исканія новыхъ формъ государственныхъ отношеній.

Какъ извѣстно «cahiers» избирателей Національнаго Собранія 1789 г. были далеко не революціонны, и, требуя реформъ, всѣ стояли за сохраненіе монархіи. Но въ воспитанникахъ «философіи» громко говорила классовая идея, и они произвели революцію столь противную требованіямъ націи, что этотъ переворотъ можно было провести лишь неслыханнымъ терроромъ партійной диктатуры. Переворотъ состоялъ въ томъ, что новый классъ политикановъ, уничтоживъ короля, занялъ опустѣлое мѣсто между государственнымъ механизмомъ и народомъ.

Политиканство имѣетъ множество вредныхъ послѣдствій для народной жизни, въ числѣ которыхъ можно отмѣтить подрывъ творчества и тѣхъ выразителей ума и совѣсти народа, которые единственно заслуживаютъ названія «интеллигенціи» въ благородномъ смыслѣ этого слова.

Наиболѣе умные и чуткіе люди народа, въ тѣсной связи съ его жизнью, вырабатываютъ его идеалы, его самосознаніе, дѣлаютъ выводы творчества народнаго генія. Это мыслители, ученые, изобразители народной души, проповѣдники правды, знанія, пробудители и воспитатели высоты личности... Но эти люди остаются солью земли только при *свободномъ* вдохновеніи, при *безкорыстномъ* творчествѣ, при отсутствіи всякой *принудительности* своей проповѣди и своего вліянія. Погружаясь въ политиканство, такой человѣкъ теряетъ развивающее значеніе, и дѣлается можетъ быть тѣмъ вреднѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ въ истинѣ своей вѣры.

Въ «партіяхъ» же мысль и совѣсть работаютъ уже не по свободному вдохновенію, а въ рамкахъ программъ, въ цѣляхъ достиженія *предвзятыхъ* результатовъ. Выводы ума и совѣсти передаются народу также ужъ не на свободное убѣжденіе каждаго человѣка, а въ видѣ *обязательныхъ* мѣропріятій. Этотъ-то переходъ слоя мыслящаго, чувствующаго и, вырабатывающаго въ вольномъ творчествѣ умъ, совѣсть и самосознаніе націи,—къ работѣ административной, обязательной, предрѣшенной для самого «интеллигента» и принудительной для народа—задушаетъ творчество и опошляетъ его.

Въ политическомъ же отношеніи партійное владычество *профессіональныхъ политикановъ* составляетъ классовую узурпацію народной власти.

Это «сословіе» партійныхъ дѣятелей въ отношеніи своей политической роли очень сходно съ бюрократіей, составляетъ совершенно такое же «средостѣніе» между Верховной Властью и подданными и такъ же захватываетъ въ свои руки государство и народъ. Какъ только совершился разрывъ между государственной властью и соціальнымъ строемъ, появленіе той или иной узурпаціи неизбѣжно.

Съ точки зрѣнія монархической политики необходимо понимать, что слой политикановъ, имѣющій функціей обнаруженіе и формированія такъ называемой «народной воли», для управленія государствомъ, а также — посредствомъ своихъ различныхъ партій—связывать соціальный строй съ политикой,—есть необходимое орудіе *демократическаго* государства.

Съ монархіей онъ не совмѣстимъ. Онъ упразднилъ монархію во Франціи XVIII вѣка, и ея упраздненіе составляетъ его природную тенденцію повсюду, гдѣ онъ развивается. Идея «общегражданскаго строя», «выдѣленія» политическихъ отношеній изъ общенародной жизни въ соціальномъ строѣ, вредная и вообще для государственности, не допускаетъ возможности истинной монархіи.

А потому не выдѣлять политику изъ соціальнаго строя должна разумная монархическая система, но тѣснѣйше связывать оба ряда явленій, неразрывныхъ въ жизни націи. И только исполняя эту роль, монархія можетъ остаться на высотѣ задачъ верховной власти.

XXVI.

Строеніе соціальныхъ силъ.

Какимъ образомъ можно или должно связывать соціальныя силы (классы, сословія и т. п.) съ государствомъ? Для опредѣленія этого требуется вспомнить самое строеніе соціальныхъ силъ.

Въ обществѣ человѣческомъ дѣйствуютъ одновременно двѣ противоположныя силы—диференціація и интеграція, идетъ разслоеніе общественныхъ элементовъ на группы, но въ то же время и ихъ объединеніе. Всякая дѣятельность, матеріальная или духовная, сплачиваетъ однородные элементы въ группы и слои, а тѣмъ самымъ разъединяетъ группы и слои противоположныхъ интересовъ. Въ предѣлахъ своихъ классовыхъ интересовъ они находятся между собою въ антагонизмѣ и—до извѣстной степени—во враждѣ. Но въ то же время эти антагонистическіе слои имѣютъ и нѣкоторый общій интересъ, который ихъ связываетъ. Не слѣдуетъ забывать, что самая диффеpенціація людей происходитъ только потому, что при такой спеціализаціи лучше идетъ ихъ «общее дѣло».

Если антагонизмъ спеціализировавшихся силъ дойдетъ до забвенія интересовъ общаго дѣла, то оно гибнетъ ко вреду и гибели всѣхъ диффеpенцировавшихся силъ.

Для примѣра возьмемъ фабрику. Возникновеніе фабрики вмѣсто кустарной мастерской было возможно и неизбѣжно только потому, что она болѣе выгодна для обѣихъ сторонъ—для труда и капитала. Разъединеніе труда и капитала въ двухъ отдѣльныхъ соціальныхъ классахъ возможно (и неизбѣжно) было только потому, что общее дѣло, т.-е. производство, при этомъ становится болѣе энергическимъ, а стало быть болѣе выгоднымъ для обѣихъ сторонъ *). Итакъ, фабрика нужна какъ хо-

*) Средній заработокъ русскаго фабричнаго рабочаго считаютъ около 150 руб. въ годъ. (См. напр. „Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности за 1897 г.“ Спб. 1700 г.). Средній заработокъ кустаря едва ли превышаетъ 60 руб. (См. В. В. „Очерки Кустарной промышленности въ Россіи“, Спб. 1886 г.).

зяину, такъ и рабочему. Но въ то же время интересъ накопленія капитала антагонистиченъ интересу увеличенія заработной платы. Въ интересахъ накопленія капитала получается стремленіе взять съ рабочаго возможно больше труда, и дать возможно меньшую долю общей прибыли; въ интересахъ заработной платы—взять ея какъ можно больше, и работать какъ можно меньше. Отсюда возникаетъ борьба.

Эта борьба имѣетъ свой соціальный разумный смыслъ, потому что о своихъ интересахъ внимательнѣе всего можетъ позаботиться заинтересованная сторона. Но борьба станетъ безумна для обѣихъ сторонъ, если дойдетъ до подрыва общаго дѣла, т.-е. самаго производства, въ отношеніи процвѣтанія котораго хозяинъ и рабочій уже не антагонисты, а союзники. Въ этомъ отношеніи между ними (съ точки зрѣнія соціальнаго разума) идетъ не борьба, а кооперація.

Такъ, если мы возьмемъ двѣ фабрики одного производства, то онѣ являются конкурентами, и каждая должна заботиться о томъ, чтобы ея продуктъ оказывался возможно лучше и дешевле. Въ этой задачѣ хозяинъ и рабочіе на каждой фабрикѣ являются союзниками между собой, и антагонистами другой фабрики. Такимъ образомъ хозяева обѣихъ фабрикъ союзники между собою, какъ представители одного класса (капиталъ), но антагонисты, какъ представители разныхъ группъ (предпріятій). Точно также и рабочіе, будучи связаны съ рабочими другой фабрики интересомъ классовымъ, являются, по предпріятію, ихъ антагонистами, въ союзѣ съ капиталистами.

Этотъ образчикъ сложности разслоенія и объединенія бросаетъ свѣтъ на сложность соціальной группировки въ цѣлой странѣ, гдѣ имѣется такое множество разслоеній по занятіямъ, раздѣляющихъ людей на классы, сословія и группы, одновременно—различные по своимъ интересамъ, но и необходимые другъ для друга, борящіеся между собою, но и взаимно содѣйствующіе.

Если бы мы предоставили этому сложному сплетенію борящихся и взаимодѣйствующихъ интересовъ приходить въ

равновѣсіе только «свободно», т.-е. безъ всякой высшей примирительной силы, то мы получили бы самое хаотическое междуусобіе, въ которомъ, конечно, рано или поздно взяли бы верхъ сильнѣйшіе, съ водвореніемъ порядка, но и съ чрезвычайнымъ пониженіемъ культурности общества.

Это пониженіе культурности явилось бы потому, что борьбой внутреннихъ силъ было бы уничтожено множество ростковъ свободнаго разслоенія. Всё очень мелкое и слабое было бы совсѣмъ подавлено. Интересы бы разбились опять на главные, основные слои, подобные средневѣковымъ сословіямъ, которые и замкнулись бы въ своей внутренней организаціи и дисциплинѣ. Потребность имѣть численную силу и крѣпкую внутреннюю дисциплину понудили бы каждое сословіе не допускать чрезмѣрно свободной разслоенности, которая уменьшала бы сословное единство. Такъ—говорю для примѣра—быть можетъ, съ побѣдою хозяевъ, отчленилось бы промышленное сословіе, изъ двухъ слоевъ: хозяевъ, крѣпко сплоченныхъ, и подчиненныхъ взаимной дисциплинѣ, и рабочихъ, приведенныхъ въ обязательное подчиненіе (аналогичное крѣпостному состоянію). Но при этомъ внутри промышленнаго сословія уже не возможно стало бы современное разслоеніе, по свободному почину всѣхъ его членовъ. Это было бы возвращеніемъ къ средневѣковому сословному строю.

Или, если предположить соціалистическій исходъ интеграціи,—получилось бы коммунистическое государство, съ закрѣпощеніемъ всѣхъ гражданъ, подъ знаменемъ цѣлаго общества, котораго судьбами руководило бы отчленившееся «сословіе», руководящій слой «делегатовъ», или какъ бы ихъ тогда ни называли *). Это было бы общество еще болѣе простое, съ упраздненіемъ всякой дальнѣйшей дифференціаціи, а потому съ полнымъ подавленіемъ творчества соці-

*) Неизбѣжность такого исхода я подробно анализирую въ книжкѣ „Демократія либеральная и соціальная", къ которой и отсылаю читателей, желающихъ провѣрить мое убѣжденіе о неизбѣжности такого исхода соціалистическаго строя.

альнаго, умственнаго и промышленнаго, и съ неизбѣжнымъ постепеннымъ одичаніемъ.

Посему то, интегрирующую силу должно искать никакъ не въ «свободной борьбѣ» соціальныхъ силъ, а въ *государствѣ*, стоящемъ выше всѣхъ ихъ, но въ то же время одинаково всѣхъ ихъ поддерживающемъ, въ ихъ законныхъ стремленіяхъ, и подавляющемъ всё эгоистическое, вредящее цѣлому обществу.

XXVII.

Система «партійной» связи соціальнаго строя съ государствомъ.

Но для того, чтобы государство было способно къ такой роли, оно должно охватывать интересы и силы соціальнаго строя, быть какъ нибудь съ ними связано. «Общегражданскій строй» надѣется дать такую роль государству его современнымъ построеніемъ.

Государство, во-первыхъ, «выдѣляется» въ особую «политическую» область, т.-е. разъединяется съ соціальнымъ строемъ; во-вторыхъ, государство созидается всенароднымъ, внѣсословныхъ представительствомъ, при чемъ силы соціальнаго строя получаютъ право сами созидать политическія партіи, которыя, получая вліяніе въ государственной области, могутъ приносить въ него требованія соціальнаго строя.

Такова теоретическая идея. Но она совершенно не рѣшаетъ задачи.

Отдѣляя государство отъ соціальнаго строя, мы предоставляемъ свободу безконечнаго разслоенія классовъ, точно также и объединенію въ нихъ какихъ угодно группъ. Этимъ доводится до крайней степени соціальная борьба, со владычествомъ побѣдившихъ. Но такъ какъ государство, выдѣленное въ особую силу, препятствуетъ этому владычеству, то со стороны борящихся классовъ является, стремленіе захватить въ

свои руки само государство, и превратить его въ «классовое» государство.

Мысль о томъ, будто бы государство всегда было классовымъ, и будто бы вся исторія есть исторія борьбы классовъ, явилась именно въ наше время, при томъ «общегражданскомъ строѣ», который думалъ выдѣлить государство въ особую область, какъ общее достояніе всѣхъ классовъ. Это обстоятельство очень характеристично. При сословномъ строѣ—никто не считалъ государство владычествомъ одного сословія, но всѣ чувствовали въ немъ нѣкоторое общее объединеніе.

Въ XIX вѣкѣ напротивъ явилось государство, которое не безъ основаній назвали «буржуазнымъ», государствомъ «третьяго сословія», т.-е. капиталистическаго. Противъ него выдвинулась идея столь же сословнаго—«рабочаго» государства, и даже самый путь захвата государства «пролетаріатомъ» намѣченъ тотъ же, какимъ слѣдовали «буржуа», т.-е. созданіе большинства рабочаго представительства, а засимъ—«рабочая диктатура».

Итакъ, «партійное» представительство ничуть не дало способности государству объединять всѣ классы. Общегражданскій строй, безсильный объединять соціальные элементы въ какомъ либо соглашеніи, побудилъ всѣхъ ихъ къ классовому сплоченію и создалъ стремленіе каждаго класса захватить государственную власть всецѣло въ свои руки.

Причины этого двояки.

Во-первыхъ, на почвѣ избранія народныхъ представителей выросъ политиканскій слой, захватившій это дѣло въ свои руки, и ставшій между соціальнымъ строемъ и государствомъ совершенно такъ же, какъ бюрократическое «средостѣніе» становится между монархомъ и народомъ. «Партіи», изъ которыхъ состоитъ политиканское сословіе, имѣютъ свое собственное существованіе, свои собственные интересы, вовсе не тождественные съ интересами избирателей. Депутатъ какъ только онъ собралъ голоса (чѣмъ всецѣло обязанъ партіи, а не народу), уже въ дальнѣйшей правительственной дѣятельности зависитъ отъ партіи, а не отъ избирателей. Поэтому соціальный инте-

ресъ пробивается къ государству очень слабо при партійномъ представительствѣ.

Вовторыхъ, сложные интересы соціальныхъ группъ и слоевъ невозможно выразить ариѳметическимъ подсчётомъ голосовъ. Арѳметическое представительство, если бы оно даже было сдѣлано идеально, нимало не выразитъ въ государствѣ дѣйствительнаго, живого соотношенія интересовъ соціальнаго строя.

Депутаты, посланные въ правительство народомъ, своимъ числомъ, допустимъ покажутъ, что $^1/_{10}$ часть населенія живетъ «капиталомъ», $^1/_{10}$ умственнымъ трудомъ, $^8/_{10}$—физическимъ трудомъ. Если, при такомъ соотношеніи силъ, 80 депутатовъ будутъ подавать голосъ за мѣры въ пользу рабочихъ, то даже союзъ 10 депутатовъ отъ капиталистовъ и 10 отъ «интеллигенціи»—будетъ безсиленъ спасти обѣ группы отъ подавленія рабочими. Но если палата, при такомъ составѣ, задушитъ капиталъ и умственный трудъ,—то погибнутъ и сами рабочіе.

Задача «интеграціи интересовъ» вовсе не въ томъ, чтобы дать большинству политическую власть. Это можетъ даже погубить общество, въ которомъ меньшинство не менѣе нужно, чѣмъ большинство, да меньшинство иногда даже сильнѣе большинства, и способно побѣдить его, въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до борьбы. Правда, политическая мысль давно измышляетъ способы такъ устроить голосованье, чтобы и меньшинство получало свое представительство. Но это вовсе не то, что нужно. Въ соціальномъ строѣ не одно «меньшинство», а сотни разныхъ оттѣнковъ меньшинства и большинства. Сверхъ того, если бы даже всѣ они были представлены въ Палатѣ, то и это не рѣшаетъ задачи создать интегрирующую власть.

Идеальное содержаніе обобщающихъ, «интегрирующихъ» принциповъ національной жизни созидается только свободной мыслью и чувствомъ лучшихъ представителей умственнаго и нравственнаго творчества націи во всѣхъ ея классахъ и слояхъ. Государственнымъ же *органомъ интеграціи можетъ быть*

лишь *верховная власть*, которая должна для этого подвести не ариѳметическій подсчетъ интересовъ, а тотъ живой подсчётъ ихъ соціальной необходимости, который не выражается цифрами численности разныхъ группъ, а становится ясенъ лишь при свѣтѣ цѣли: *общенаціональное процвѣтаніе*.

Въ обязательномъ соглашеніи всѣхъ около этой цѣли и заключается роль Верховной власти, Souverain, того «всенароднаго духа» (или, какъ Руссо выражался, «воли») который одинъ умѣетъ понять общенаціональный интересъ.

Такой органъ не можетъ быть составленъ изъ самыхъ выборныхъ, которыхъ прямая задача—выражать частные, *групповые* интересы, и которые, поэтому, совсѣмъ не годятся для роли «интегрирующей». Отъ того, что представители разнородныхъ «партійныхъ» интересовъ собраны въ одной комнатѣ—они вовсе не дѣлаются представителями интереса «національнаго».

И вотъ мы, дѣйствительно, видимъ, что палаты депутатовъ—тѣмъ хуже представляютъ національный интересъ, чѣмъ лучше представляютъ интересы партійные. Государство общегражданскаго строя поэтому стало повсюду орудіемъ *ослабленія* національнаго единенія и *обостренія борьбы классовъ*, уже доводящей современныя націи до разложенія. Противъ же этой идеи разложенія выдвигается лишь идея *соціализма*, который долженъ упразднить борьбу, но лишь уничтоживъ саму свободу, и всѣхъ заковавъ въ рамки общаго порабощенія, и общее единообразіе существованія.

XXVIII.

Монархическая связь соціальнаго строя съ государственнымъ.

Идею общегражданскаго порядка, при свѣтѣ опыта двухъ послѣднихъ столѣтій, нельзя не признать самой неудачной пробой построенія новаго государства при переходѣ прежняго

«простого сословнаго» общества въ общество «сложно-сословное».

Старое государство ничуть не ошибалось, связывая себя съ сословной жизнью націи. Но самыя сословія стали уже не прежнія, а между тѣмъ абсолютистская идея разобщила государство и общество, и отняла у Монархіи способность почуять интересы новыхъ соціальныхъ группъ. Отъ этого она и пала. Парламентское же государство неспособно къ объединительной роли. Эта роль по преимуществу монархическая. Но для этого монархическая политика должна и въ сложно-сословномъ обществѣ дѣлать то же самое, что дѣлала въ простомъ сословномъ. Ея великое преимущество передъ парламентарнымъ государствомъ именно въ томъ, что монархія не имѣетъ, въ своей идеѣ, тѣхъ препятствій къ устроенію сложно-сословнаго общества, какія имѣетъ парламентарная система.

Монархія не имѣетъ передъ собой задачи формировать «народную волю», такъ какъ сама представляетъ органъ національной воли. Поэтому монархія не имѣетъ надобности заниматься безплоднымъ ариѳметическимъ подсчетомъ голосовъ, стоящихъ за тотъ или иной интересъ. Она можетъ всецѣло посвятить свое вниманіе вопросу о томъ, что имъ *всѣмъ вмѣстѣ* необходимо для гармоническаго дѣйствія?

Для этого монархіи нужно лишь *знаніе* многоразличныхъ интересовъ соціальныхъ группъ. А это лучше всего узнается отъ нихъ самихъ, не черезъ посредство партій, а непосредственно отъ членовъ ихъ. Сверхъ того—не допуская борьбы за верховную власть, не допуская политиканамъ возможности явиться для этой цѣли на завоеваніе «народной воли», монархія тѣмъ самымъ не даетъ представителямъ «умственной работы націи» возможности перерождаться въ «политиканствующую интеллигенцію», вслѣдствіе чего свободное творчество этихъ представителей національнаго генія можетъ безпрепятственно обнаруживать объединяющія начала соціальной жизни.

Всё это даетъ монархіи особенныя средства для связи соціальнаго строя съ государствомъ, что и должно составлять одну изъ главнѣйшихъ ея заботъ.

Каковы же на это способы?

Прежде, всего необходимо заботиться о поддержаніи здороваго соціальнаго строя, то-есть такого, при которомъ необходимое разслоеніе націи на слои и группы, производится безъ помѣхъ, но и безъ доведенія этого до разрыва, до забвенія общности интересовъ. Средства для этого даетъ организація этихъ слоевъ и группъ. Здѣсь вопросъ не въ простой свободѣ союзовъ и корпорацій, каковая хотя и необходима, но имѣетъ отношеніе скорѣе къ личнымъ правамъ. Соціальная организація, во всѣхъ ясно обозначившихся классахъ, должна быть государственно *обязательною.*

Ложная теорія современнаго государства заставила организацію рабочихъ складываться только свободно въ необязательные «рабочіе союзы». Но изъ этого получается рядъ вредныхъ послѣдствій. Въ организаціи состоятъ лишь тѣ рабочіе, которые съумѣли сплотиться. Остальные стоятъ внѣ союза. Отсюда происходитъ между обоими лагерями рабочихъ борьба, насильственныя дѣйствія организованныхъ противъ неорганизованныхъ, которые, въ горячкѣ борьбы, объявляются измѣнниками «своимъ» противъ «враговъ»—хозяевъ *).

Вражда между этими лагерями доходитъ до того, что напримѣръ французскіе организованные рабочіе являются для англійскихъ организованныхъ рабочихъ братьями, а свои англичане—если не примкнули къ организаціи—измѣнниками, разбойниками и негодяями!

Такъ порождается крайнее извращеніе соціальнаго чувства, которое требуетъ, чтобы люди, вмѣстѣ живущіе и трудящіеся,

---

*) Ненависть организованныхъ рабочихъ къ неорганизованнымъ, и тѣмъ мѣшающимъ въ борьбѣ, нерѣдко доходитъ до страшной степени. „Никакой сантиментализмъ не можетъ смягчить отношенія тредъ-юньеновъ къ Skab'амъ, говоритъ Сюлливанъ, одинъ изъ наиболѣе развитыхъ вожаковъ рабочаго движенія въ Америкѣ, мы не протянемъ имъ масличной вѣтви, *мы не прольемъ ни одной слезы надъ ихъ участью* и какое бы несчастье ихъ ни постигло—*мы не почувствуемъ къ нимъ состраданія*". Американскимъ судамъ не разъ приходилось разбирать дѣла, возбуждавшіеся противъ союзовъ рабочими, попавшими въ „черные списки". Всѣ жестокости тредъ юньенистовъ, замѣчаетъ Вигуру—непростительны, но понятны... *(Л. Вигуру „Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ". СПБ. 1900 г.).*

сознавали себя братьями. Вмѣсто этого возникаетъ «всемірная классовая солидарность», которая разрушаетъ солидарность цѣлостныхъ соціальныхъ организмовъ. Изъ классовъ вырабатывается нѣчто въ родѣ рабочаго «еврейства», т.-е. слои, только пользующіеся націями, среди которыхъ живутъ, но утратившіе всякую съ ними нравственную связь.

Система свободныхъ рабочихъ союзовъ имѣетъ еще и то вредное послѣдствіе, что будучи сплочены между собою, и насильственно дѣйствуя противъ другихъ людей, они не поддаются укладыванью въ понятіе «юридическаго лица», такъ что обиженнымъ (даже своимъ членамъ) нѣтъ противъ нихъ защиты *). Дѣйствуя солидарно между собою, союзы рабочихъ разныхъ государствъ—не отвѣчаютъ однако за свои дѣйствія ни передъ однимъ изъ нихъ.

Развитіе такихъ отношеній и чувствъ, конечно, подготовило бы разрушеніе человѣческихъ обществъ, которыя бы стали уже невозможны иначе, какъ въ видѣ соціалистическаго рабства, насильственнымъ сплоченіемъ замѣняющаго дѣйствіе угасшей нравственной солидарности. А между тѣмъ такая ненормальная разъединенность происходитъ только вслѣдствіе бездѣйствія интегрирующихъ государственныхъ силъ.

Зародыши солидарности имѣются повсюду, не только между различными слоями рабочихъ, но даже между самими рабочими и хозяевами. Эти ростки солидарности пробиваются, даже при бездѣйствіи государства, во тѣхъ случаяхъ, когда заинтересованныя стороны пробуютъ замѣнить борьбу соглашеніемъ. Исторія профессіональнаго рабочаго объединенія богата поучительными попытками найти способы соглашенія рабочихъ съ хозяевами. Таковы различныя системы «камеръ соглашенія»

---

*) Англійскіе тредъ-юньены избѣгаютъ признанія себя юридическими лицами даже внутри страны, и именно потому, говорятъ извѣстные Сидней и Беатриса Веббъ, что признаніе тредъ-юньена юридическимъ лицомъ „дало бы возможность каждому недовольному члену или считающему себя обиженнымъ постороннему лицу привлекать тредъ-юньемъ къ судебной отвѣтственности“. *„Теорія и практика англійскаго тредъ-юньенизма“, томъ II, стр. 435.*

и третейскаго суда *). Эти попытки нерѣдко давали превосходные результаты и на многіе десятки лѣтъ водворяли соціальное примиреніе въ очагахъ ожесточенной борьбы, стачекъ, забастовокъ и поголовныхъ расчетовъ...

Отмѣчу характеристическое обстоятельство, что соціальный миръ, какъ показала практика, достигается именно не ариеметическимъ подсчетомъ силъ и голосовъ, (какъ дѣлаетъ партійная практика общегражданской теоріи), а отысканіемъ удобопріемлемаго обѣими сторонами *соглашенія*.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей этого движенія, самъ фабрикантъ, Мунделла, прекрасно описываетъ, одинъ такой случай. Во время жестокаго періода стачекъ, хозяева рѣшились было прогнать всѣхъ рабочихъ, чтобы лишить стачечниковъ помощи отъ работающихъ товарищей и привести рабочихъ къ повиновенію. «Мы знали, что это значитъ, говоритъ Мунделла, это значило выбросить на улицу все населеніе. Намъ опротивѣло все это, и нѣкоторымъ изъ насъ пришла въ голову мысль испробовать лучшія средства»... Отсюда и возникли камеры соглашенія. Первоначально, въ камерѣ, по привычкѣ, пытались рѣшать и достигать мира большинствомъ голосовъ, изъ чего выходила лишь новая борьба и вражда. Наконецъ, говоритъ Мунделла, «мы сказали себѣ: *не будемъ больше считать голосовъ*. Попытаемся достигать *соглашенія*—и мы дѣйствительно всегда его достигали»... У нихъ было рѣшено совсѣмъ не прибѣгать къ баллотировкѣ, а доходить до единогласнаго соглашенія всѣхъ представителей хозяевъ и рабочихъ. Это характеристическій образчикъ того, въ чемъ разгадка задачи соціальнаго міра: въ исканіи *справедливости*.

Другое характеристическое обстоятельство, въ исторіи классовой борьбы и профессіональной организаціи XIX-го вѣка

---

*) Ихъ подробно обрисовываетъ, между прочимъ, г. А. Зотовъ, въ своей прекрасной книгѣ „*Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности*“ *СПБ. 1902 г.* Г. А. Зотовъ, если не ошибаюсь, самъ фабрикантъ Владимірской губерніи, а предметъ изслѣдованія изучалъ въ Англіи, не только теоретически, но и личными изслѣдованіями. Его мнѣнія для Россіи поэтому особенно авторитетны.

состоитъ въ обнаруженіи фиктивности теоріи свободы, какъ основы организаціи. Это нетрудно было бы предвидѣть и теоретически (см. «Монархическая Государственность» часть І-ая). Построеніе общества на принципѣ «свободы» невозможно, и совершенство соціальнаго строя состоитъ лишь въ томъ, чтобы скрѣпляющее его принужденіе не переходило границъ, и оставляло достаточное мѣсто свободѣ, какъ элементу развитія личной силы.

Исторія борьбы промышленныхъ классовъ въ XIX вѣкѣ явилась всецѣло подтвержденіемъ этого. Юридическая свобода труда постоянно оказывалась фикціей: соціальныя силы ее отрицали. Рабочіе ничѣмъ не могли быть удержаны отъ насилій и принужденія не только въ отношеніи членовъ своихъ организацій, но и въ отношеніи тѣхъ, которые не хотѣли къ нимъ примыкать. То же самое должно сказать и относительно хозяевъ. Такимъ образомъ государство «общегражданскаго строя», отрекшись отъ своей обязанности регулировать дѣйствіе соціальныхъ силъ—этимъ лишь вынудило соціальныя силы дѣлать нелегально, съ крайней жестокостью, произволомъ и пристрастіемъ то, что должно бы было совершать безпристрастно и планомѣрно само государство.

Съ точки зрѣнія разумной соціально-государственной политики, личности, принадлежащія къ извѣстному обособленному слою—какъ, напримѣръ, рабочіе даннаго производства, *должны* имѣть внутреннюю организацію: не только тѣ изъ нихъ, которые этого желаютъ, а *всѣ* принадлежащіе къ данному слою. Никто не имѣетъ права не признавать членомъ даннаго «цеха» или «сословія» человѣка, который по самому занятію своему въ него вошелъ. Самимъ фактомъ соціальнаго состоянію своего, люди должны имѣть и права, и обязанности членовъ «сословія». Точно также отдѣльная единица производства, какъ фабрика, самымъ фактомъ своего соціально-экономическаго единства, должна составлять для государства нѣкоторую «общину», съ должной внутренней организаціей, съ извѣстными правами и обязанностями всѣхъ разнородныхъ членовъ ея.

Разнородность слоевъ, принадлежащихъ къ промышленнымъ

единицамъ, рабочихъ, администраціи, техниковъ, хозяевъ—требуетъ того, чтобы каждый изъ этихъ слоевъ былъ организованъ въ *особую* корпорацію, но чтобы точно также имѣлась и *общая* для всѣхъ ихъ организація, объединяющая ихъ въ томъ, гдѣ они являются сотрудниками одного цѣлостнаго дѣла. Права хозяина и рабочихъ должны быть одинаково ограждены, не только наказаніями за произволъ и узурпацію, но созданіемъ внутренней организаціи, обезпечивающей возможность ихъ постояннаго соглашенія. Монархія современнаго періода должна понять смыслъ и тенденцію фактовъ соціальнаго строя, и сознательно, планомѣрно, повести ту сложную соціальную организацію, въ которую новыя «сословія» даже сами собою, вопреки разобщающаго ихъ закона «общегражданскаго строя», стремятся войти.

Естественно, что при этомъ является много частныхъ вопросовъ: какіе именно слои должно признать уже подлежащими сословному или корпоративному объединенію, сколько времени нужно пробыть работникомъ данной профессіи, чтобы стать членомъ ея сословія, въ какой мѣрѣ сохраняются имущественныя и иныя права члена прежней корпораціи, при переходѣ въ новую и т. д. Опредѣленіе всего этого составляетъ задачу соціальнаго законодательства, мѣняющагося по мѣрѣ измѣненія обстоятельствъ. Точно также постоянной задачей соціальнаго законодательства должно являться соблюденіе должной мѣры обязательности и свободы во взаимоотношеніяхъ личности и группы. Это есть вопросъ мудрости законодательства, которая получаетъ могущественную помощь отъ практики самаго соціальнаго строя, постоянно указывающаго внимательному государственному уму, въ чемъ нужно усилить дѣйствіе свободы и въ чемъ упрочить расшатывающуюся обязательность.

Государственное попеченіе о стройности дѣйствія соціальнаго строя, такимъ образомъ, само собою создаетъ нравственную связь между группами соціальнаго строя и государствомъ, и объединяетъ ихъ на наиболѣе жгучихъ для населенія вопросахъ о средствахъ къ существованію. Но дѣло не ограничивается нравственной связью.

Когда, разумной политикой государства, силы соціальнаго строя приводятся въ организованное состояніе—онѣ же естественно дѣлаются ячейками организаціи мѣстнаго управленія, непосредственно связаннаго съ такими задачами государственнаго попеченія, какъ судъ, полиція, общественное благоустройство, просвѣщеніе и т. д.

Мѣстное управленіе, для организаціи котораго теперь съ такимъ трудомъ и безпринципностью отыскиваются выборные цензы, при организованности соціальныхъ группъ—наилучше складывается изъ ихъ представителей, подъ общей регуляціей «служилыхъ» элементовъ государственной власти. Точно также въ центральномъ государственномъ механизмѣ—при всѣхъ вопросахъ, и во всѣхъ учрежденіяхъ, требующихъ народныхъ «совѣтныхъ людей»—организованныя общественныя группы и сословія наиболѣе правоспособны поставлять освѣдомленныхъ людей, служащихъ истинными выразителями нуждъ и мнѣній націи.

Такимъ образомъ, организуя соціальный строй, государство тѣмъ самымъ приготовляетъ способы введенія его и въ свою систему управленія страной.

Въ предыдущихъ строкахъ, связи государства съ соціальнымъ строемъ обрисованы преднамѣренно на наиболѣе сложныхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ области фабричной промышленности. Примѣненіе той же политики несравненно проще въ сферѣ земледѣльческаго населенія, разслаивающагося менѣе сложно. Населеніе, представляющее «свободныя профессіи», то-есть области труда умственнаго и художественнаго—не менѣе удобно укладывается въ задачи попеченія государственной политики, поскольку дѣло касается ремесла (а не личнаго свободнаго творчества).

XXIX.

Связь соціальнаго строя съ этически-религіознымъ началомъ.

Забота о поддержаніи здороваго соціальнаго строя необходимо приводитъ къ связи его съ системой государственнаго управленія.

Та же забота о здоровомъ и прочномъ развитіи соціальныхъ силъ требуетъ ихъ связи съ учрежденіями, которыя являются хранителями начала этическо-религіознаго.

Выше было сказано, какъ тѣсна связь монархическаго принципа съ этическимъ и религіознымъ. Монархія должна заботиться о томъ, чтобы дѣйствіе этого принципа всегда поддерживалось и въ сферѣ учрежденій соціальнаго строя. Въ этихъ послѣднихъ протекаетъ жизнь народа, совершается его воспитаніе, и тотъ духъ, который проникаетъ людей въ средѣ ихъ, имѣетъ неотразимое вліяніе на дѣйствіе соціальныхъ учрежденій.

Въ соціальномъ строѣ первенствующее мѣсто занимаютъ интересы матеріальные и экономическіе, которые не могутъ не влiять на человѣка, на его стремленія и требованія отъ жизни. Но эти интересы матеріальнаго существованія—создаютъ изъ жизни арену борьбы, создаютъ наибольшее количество вражды въ человѣческой средѣ. Солидарность соціальная—слишкомъ «эгоистична», а вырабатываемая ею дисциплина—внѣшняя, механическая.

Самый источникъ нравственной силы человѣка, способной давать свободную внутреннюю дисциплину—кроется лишь въ этикѣ и религіи.

Всѣ остальныя воспитательныя средства, какими располагаетъ общество, только распредѣляютъ нравственную силу, порождаемую религіей, могутъ ее разумно сберегать и направлять или безплодно расточать и даже заглушать, но не порождаютъ.

Какъ уже выяснялось раньше, человѣкъ своей духовной стороной возвышается надъ обществомъ, какъ процессомъ органическимъ, такъ что общество *въ самомъ себѣ* не имѣетъ достаточнаго авторитета для личности. Лишь Божественное руководство человѣкъ способенъ признать, какъ абсолютно правое. Поэтому внѣ религіи нѣтъ источника сознательной и добровольной дисциплины. Само по себѣ общество можетъ развивать дрессировку, да принудительную дисциплину, которыя однако, при всей необходимости, все таки вредно отзываются на личности. Лишь одна религія способна одновременно и сохранять независимость личности, и приводить ее къ добровольному подчиненію.

Дѣло въ томъ что религія охраняетъ свободу человѣка въ самой глубинѣ его души, и этимъ даетъ ему возможность развитія силы своей личности. Внутренняя духовная свобода позволяетъ вырабатываться въ человѣкѣ силамъ, которыя потомъ идутъ на повышеніе уровня общества, позволяетъ представленіе ему личностью болѣе высокихъ запросовъ. А въ то же время личность, познавшая, что наиболѣе дорогая ему жизнь—находится *внутри его*—не относится къ общественному міру съ той страстностью и преувеличенностью требованій, которыя своими революціонными порывами способны подрывать спокойное развитіе соціальнаго міра.

Человѣкъ религіозный, во первыхъ, уважаетъ Волю Божію, проявляющуюся въ законахъ соціальнаго міра, во-вторыхъ, вслѣдствіе болѣе глубокаго самопознанія, чувствуетъ химеричность мечты о полнотѣ земного счастья, въ третьихъ наконецъ онъ, въ своей общественной заботѣ, любитъ болѣе конкретныхъ людей, чѣмъ отвлеченныя схемы «человѣчества».

Онъ поэтому борется со зломъ по преимуществу тамъ, гдѣ оно является реально, то-есть—вокругъ себя, въ сферѣ своего непосредственнаго вліянія на людей... Вслѣдствіе этого, въ соприкосновеніи съ дѣлами общественными, онъ вліяетъ гораздо глубже. Его общественная дѣятельность по преимуществу обращается на оздоровленіе и повышеніе тѣхъ соціальныхъ группъ, въ которыхъ онъ непосредственно живетъ.

Религіозная личность поэтому является наиболѣе оживляющимъ и оздоровляющимъ факторомъ соціальныхъ силъ, въ самыхъ корняхъ ихъ. Этимъ вліяніемъ приходится особенно дорожить, и стараться сохранить его присутствіе для общества и государства. Воздѣйствіе религіи на людей и ихъ дѣла есть главнѣйшее средство къ созданію и поддержанію гармоніи между личностью и обществомъ, безъ отупляющаго преклоненія передъ обществомъ, но и безъ дерзкаго стремленія всё переломать въ немъ по отвлеченнымъ схемамъ. Религіозная личность, вообще говоря, есть сила *здоровой эволюціи*, и по природѣ—антиреволюціонна.

Такимъ образомъ, заботясь о здоровомъ состояніи соціальнаго строя, и съ этой цѣлью поддерживая его естественныя группы, возникающія по законамъ органическимъ, политика должна заботиться и о томъ, чтобы всѣ эти соціальныя группы находились подъ возможно большимъ воздѣйствіемъ религіознаго духа, возможно болѣе были имъ проникнуты. Отсюда необходимость связи между соціальнымъ строемъ и строемъ духовнымъ. Этотъ строй находится въ Церкви.

Связь между соціальнымъ и церковнымъ строемъ вообще, въ исторіи, поддерживалась главнѣйшимъ образомъ посредствомъ церковнаго прихода, участія духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія (школьномъ), а также различными правами и даже обязанностями, которыми облекали епископовъ, а отчасти и священниковъ, въ различныхъ отрасляхъ мѣстнаго и даже общегосударственнаго управленія. Но не всѣ формы такой связи, однако, могутъ быть признаны удачными и цѣлесообразными.

Какъ идеальное правило цѣлесообразныхъ отношеній между церковью и соціальнымъ строемъ, можно считать такую ихъ постановку, при которой церковь получаетъ возможно болѣе легкій и широкій доступъ во всѣ отрасли соціальнаго строя, но не съ юридически-обязательной, а съ нравственной властью. Это правило легче формулировать, чѣмъ осуществить, потому что совершенно необязательное постановленіе церкви и духовной власти, добровольно принимаясь обществомъ, полу-

часть характеръ принудительный. Избѣжать этого невозможно тѣмъ болѣе, что во множествѣ случаевъ человѣкъ самъ требуетъ для себя принужденія, какъ мѣры, предохраняющей его отъ паденія. Это замѣчается и въ области общественныхъ отношеній. Человѣкъ, добровольно принимая нравственныя обязанности, перѣдко самъ же вырабатываетъ принудительныя мѣры, которыя въ случаѣ нравственнаго разслабленія, должны его поддержать на томъ пути, который онъ избралъ для себя, какъ нравственно-обязательный.

Всё, чего можно желать и достигнуть для сохраненія чисто-нравственнаго вліянія церкви,—это не вводить церковныхъ учрежденій въ число гражданскихъ.

Въ этомъ отношеніи—предоставленіе епископату и священству правъ совѣщательныхъ въ дѣлахъ соціальныхъ и гражданскихъ — допустимо и полезно. Обязательное же участіе въ этихъ дѣлахъ — напротивъ недопустимо, какъ это, впрочемъ, значится и въ канонѣ православной церкви *). Присутствіе епископа въ учрежденіяхъ государственнаго или мѣстнаго управленія очень полезно на чисто совѣщательныхъ началахъ. Въ смыслѣ необязательнаго контроля—полезно даже право епископа требовать у гражданской власти справокъ по ея дѣятельности, и дѣлать ей свои по сему поводу замѣчанія и представленія. Но всякая *обязательность* этого контроля была бы очень вредна.

Въ идеѣ религіозно-нравственнаго вліянія лежитъ обязанность епископа вести учительство, и это даетъ ему право знать все теченіе дѣлъ христіанскаго общества. Но принимать или не принимать во вниманіе указанія епископа — должно быть юридически всецѣло во власти лица, къ которому обращены его увѣщанія и совѣтъ.

Иначе—нравственная власть епископа превратилась бы въ гражданскую.

То же самое должно сказать о приходѣ, къ реорганизаціи

---

*) Шестое правило свят. Апостоловъ гласитъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ *да не пріемлетъ на себя мірскихъ попеченій*. А иначе да будетъ изверженъ отъ священнаго чина“.

котораго теперь столь многіе, и вообще справедливо, стремятся. Приходъ конечно долженъ быть преобразованъ по общему церковному типу, то-есть его члены должны быть дѣйствительными, живыми членами своей духовной общины, имѣть право и возможность участія во всѣхъ ея дѣлахъ, въ избраніи своего пастыря, въ попеченіи о нуждахъ храма, или благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ прихода. Но приходъ, облеченный административными правами и обязанностями—уже не есть духовный союзъ. Онъ былъ бы обязанъ ловить преступниковъ, собирать подати, долженъ бы былъ погрузиться въ борьбу партій по гражданскимъ выборамъ. и т. п. Это была бы смерть прихода, какъ «духовнаго союза»...

Подобно церкви вообще, приходъ, его храмъ,—должны быть мѣстомъ, гдѣ люди, только что ссорившіеся на борьбѣ «гражданскихъ интересовъ», могли бы сойтить въ общей молитвѣ, въ нравственномъ единеніи, въ общемъ памятованіи вѣчныхъ цѣлей жизни. Тутъ они должны получить возможность опомниться, сказать каждый себѣ: «не хорошо мы поступали» и протянуть другъ другу руку...

Задача государственной политики, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить церковному строю всю его самостоятельность, не порабощать его нигдѣ и ни въ чемъ, но въ то же время не втягивать въ строй гражданскій. Должно облегчить церковному строю возможность всюду нести свою проповѣдь, свое наставленіе, свое одобреніе и укоръ, но нигдѣ не сливать его съ гражданскими учрежденіями. Нарушеніе этого вредитъ и гражданскому и церковному строю и, сверхъ того, уже не допускаетъ возможности со стороны власти давать церковному строю необходимую для него свободу и независимость отъ государства.

ОТДѢЛЪ V.

Система управленія.

XXX.

Предметъ разсужденія.

Ученіе объ управленіи составляетъ обширную часть государственной науки, такъ какъ управленіе связано со всею дѣятельностью государства по осуществленію его цѣлей.

Предметомъ разсужденія нижеслѣдующихъ страницъ является, однако, не вся эта безпредѣльная область, а лишь часть ея. Какъ въ общихъ задачахъ управленія, такъ и въ способахъ ихъ осуществленія, всѣ государства представляютъ много не только сходства, но даже полнаго тождества, и монархическая государственность въ этомъ отношеніи не отличается отъ другихъ. Въ нижеслѣдующихъ страницахъ намъ должно опредѣлить лишь самое построеніе органовъ управленія, и соотношеніе управительныхъ принциповъ, какъ это вытекаетъ изъ существа монархическаго принципа. Короче говоря: намъ нужно выяснить лишь систему управленія монархіи.

На первомъ планѣ здѣсь передъ нами становится вопросъ о мѣстѣ самого монарха, какъ верховной власти, въ общей системѣ управленія государства. Въ этомъ же отношеніи прежде всего должно разграничить два различныхъ проявленія дѣятельности монарха, которыя я обозначу, какъ 1—дѣйствіе *по царской прерогативѣ* и 2—дѣйствіе по *монархической конституціи**).

---

*) Я употребляю здѣсь слово „конституція" не въ смыслѣ „ограниченія" монархической власти, а въ прямомъ смыслѣ слова, то-есть какъ правильное, закономѣрное построеніе учрежденій. Монархическая конституція — значитъ система правильно организованныхъ учрежденій, созданныхъ монархіей, какъ властью верховною.

XXXI.

Царская прерогатива.

Дѣйствіе по царской прерогативѣ обусловлено самымъ существомъ верховной власти, внѣ всего конституціонно-условнаго, и можетъ быть названо также дѣйствіемъ по царскому естественному праву.

Бываетъ дѣйствіе по «праву», установленному въ правильныя юридическія нормы. Можетъ быть, наоборотъ, дѣйствіе по «прерогативѣ», хотя и не противное праву, но находящееся внѣ его. Дѣйствіе по прерогативѣ свойственно лицу или учрежденію, въ силу какихъ-либо исключительно ему принадлежащихъ особенностей, допускающихъ или требующихъ такого исключительнаго права. Царское дѣйствіе по прерогативѣ характеризуется тѣмъ, что можетъ совершаться внѣ законныхъ установленныхъ нормъ, сообразуясь только съ обязанностью *дать торжество правдѣ высшей, нравственной, Божественной.*

Для объясненія этого представимъ себѣ моментъ самаго зарожденія государства, когда верховная власть явилась для устроенія государства, но еще не успѣла его организовать. Въ этотъ моментъ верховная власть заключаетъ въ самой себѣ все управленіе, на ней лежитъ вся цѣлостная обязанность поддержанія правды. Власть въ ней не раздѣлена: она ставитъ законъ, судитъ за его нарушеніе, приводитъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Въ то же время, будучи верховенствомъ нравственнаго начала, монархическая власть не знаетъ ничего себѣ неподсуднаго, разъ только въ данномъ обстоятельствѣ или столкновеніи, такъ или иначе, замѣшанъ интересъ нравственный. Обязанность царя поддержать правду, а не какія-либо частныя узаконенія, которыхъ еще и нѣтъ. Никакое дѣйствіе, по существу противунравственное, не можетъ ссылаться на то, что законъ его не воспрещалъ. Никакой окончательности рѣшенія или давности нарушенія права,

вообще ничего условнаго, еще не создано. Равнымъ образомъ нѣтъ такого частнаго права, которое могло бы, утверждаясь на самомъ себѣ, отрицать вмѣшательство дѣйствія государственной власти. Такого личнаго права еще никто не получалъ. Царь, какъ верховная власть нравственнаго начала, смотритъ за всѣми самъ, и никакія отношенія общественныя, семейныя, личныя, не могутъ уклониться отъ надзора нравственнаго начала, государственно-олицетвореннаго въ царѣ.

Засимъ начинается правильное устроеніе государства, котораго цѣли состоятъ въ томъ, чтобы эту общую задачу верховной власти осуществить при посредствѣ системы законовъ и учрежденій. Государство тѣмъ болѣе совершенно, чѣмъ полнѣе въ немъ достигнута эта цѣль. Простой глазомѣръ верховной власти, дѣйствіе по совѣсти, замѣняется дѣйствіемъ ею направляемыхъ и устанавливаемыхъ законовъ и учрежденій государственныхъ, и введенныхъ въ государство общественныхъ учрежденій, роль же верховной власти приводится къ тому, чтобы стать силой только направляющей и контролирующей.

Но полное совершенство учрежденій никогда недостижимо. Если бы даже представить себѣ, что въ какую-либо данную минуту система законовъ и учрежденій безусловно справедливо предусматриваетъ способы охраны и возстановленія правды, то во всякомъ случаѣ — жизнь измѣняется. Естественное право, новыя требованія обстоятельствъ и совѣсти расходятся съ законами и учрежденіями, которые опять дѣлаются отсталыми и несовершенными. Если даже государственныя реформы успѣютъ быстро возстановить соотвѣтствіе между новой жизнью, законами и учрежденіями,—то все же это сдѣлается не раньше, чѣмъ несоотвѣтствіе обнаружится на практикѣ. Но въ эти моменты, пока несоотвѣтствіе еще не устранено, государство принуждено, поддерживая свой законъ, тѣмъ самымъ поддерживать *нравственное беззаконіе*. Въ эти моменты—государство, съ точки зрѣнія своихъ благородныхъ и высокихъ цѣлей, какъ бы *не существуетъ*.

И вотъ въ эти моменты верховная власть обязана снова

дѣлать то, что дѣлала, когда еще не успѣла построить государства: должна дѣлать сама, и по усмотрѣнію совѣсти, то чего не способно сдѣлать государство.

Но такъ ли рѣдко случаются эти моменты? Конечно, почти невозможно представить, чтобы законъ и государство всецѣло разошлись съ требованіями жизни. Но въ отдѣльныхъ пунктахъ государственной жизни несоотвѣтственность закона и учрежденій съ требованіями дѣйствительности замѣчаются въ большей или меньшей степени всегда.

Сверхъ того, какъ бы ни былъ совершененъ и современенъ законъ, онъ устанавливаетъ лишь среднія нормы справедливости, а люди живутъ конкретными нормами, которыя постоянно бываютъ то выше, то ниже средней. Во многихъ случаяхъ законная справедливость, поэтому не совпадаетъ, со справедливостью нравственной.

Но въ отношеніи такихъ случаевъ—государство и законъ, съ точки зрѣнія идеала, опять какъ бы не существуетъ. Если то, что государство дѣлаетъ, оказывается справедливо для другихъ, но не для меня, то я имѣю право жаловаться, что государство для меня не существуетъ. А оно обязано существовать для всѣхъ. Здѣсь опять открывается для верховной власти задача возстановить справедливость лично, своею прерогативою. Такимъ образомъ дѣйствіе царя по прерогативѣ верховной власти — неустранимо съ принципіальной точки зрѣнія, и не можетъ быть поставлено ни въ какія рамки. Въ силу принципіальной невозможности уволить верховную власть отъ ея обязанности поддержать правду, она въ потребныхъ случаяхъ должна имѣть прерогативу личнаго дѣйствія по совѣсти, а подданные должны имѣть право апелляціи царю по поводу какихъ бы то ни было запросовъ и столкновеній между собою или съ законными государственными учрежденіями.

Если царь есть верховная власть нравственнаго начала— эта его обязанность, и вытекающая изъ нея прерогатива совершенно неустранима. Нашъ Іоаннъ Грозный превосходно формулировалъ свое сознаніе безграничія своихъ обязанностей, когда сказалъ: «Вѣрую, яко о всѣхъ своихъ согрѣше-

ніяхъ судъ ми пріяти, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дать отвѣть, аще моимъ несмотрѣніемъ согрѣшаютъ».

Для уясненія укажу примѣръ болѣе понятный нашимъ современникамъ.

Съ чѣмъ воспрещено обращаться на судъ общественнаго мнѣнія? Такого предмета нѣтъ. Нечестный поступокъ, непослушаніе сына, деспотизмъ отца, обманъ довѣрія и т. д. Нѣтъ такихъ интимныхъ дѣлъ, которыя бы иногда не рѣшались выносить «на судъ общественнаго мнѣнія», «общественной совѣсти».

Но царь—въ своемъ истинномъ смыслѣ—есть именно величайшій органъ этой «общественной совѣсти». Онъ есть высшій представитель правды, и вездѣ, гдѣ эта правда затронута, вездѣ, гдѣ человѣкъ ее ищетъ—онъ долженъ имѣть доступъ къ царю со своею нуждой и жалобой.

Эта основная функція верховной власти этическаго начала. Конечно, полнота осуществленія этой функціи фактически невозможна. Даже въ области законнаго управленія — царь не въ состояніи ни провѣрить, ни исправить и милліонной доли тѣхъ обидъ и несправедливостей, которыя готовы прихлынуть къ трону въ жалобахъ ищущихъ правды. Никогда онъ не въ состояніи разобраться въ милліонахъ и ложныхъ жалобъ, клеветнически искажающихъ правду, подъ видомъ ея исканія. Это, конечно, совершенно ясно, точно такъ же, какъ и «общественная совѣсть» не въ состояніи разобраться въ большинствѣ столкновеній, выносимыхъ на ея судъ. Но можетъ ли она отвергнуться отъ ищущихъ правды? Это *нравственно невозможно*, недозволительно. Точно такъ же это невозможно и для царя.

Но помимо невозможности для верховной власти уклониться отъ исполненія своей обязанности защищать не только законъ, но и правду, царская прерогатива дѣйствія не въ силу закона юридическаго, а въ силу закона нравственнаго,—имѣетъ для общества и государства не менѣе благодѣтельное значеніе, какъ и наилучше скомбинированная система законнаго управленія.

Дѣло въ томъ, что величайшее обезпеченіе справедливыхъ междучеловѣческихъ отношеній, величайшее обезпеченіе общества отъ проступковъ и преступленій составляетъ не законъ, не кара, не власть наблюдающая,—а всенародная *вѣра въ правду*, ея святость и ея всемогущество. Если бы эти чувства были достаточно горячи въ людяхъ—общество могло бы жить даже при отсутствіи закона и власти. Поэтому—совершенно немыслимо, съ точки зрѣнія государственной пользы, замѣнить въ людяхъ чувство правды чувствомъ законности. Народъ, въ которомъ произошла бы эта метаморфоза, можно считать совершенно безнравственнымъ. Онъ станетъ жить по правилу: «воруй, да не попадайся». Такіе люди безъ малѣйшаго стѣсненія будутъ совершать всѣ мошенничества, всѣ обиды, всѣ притѣсненія, если для этого возможно скомбинировать законные недосмотры, а законъ никогда не можетъ предусмотрѣть всѣхъ ухищреній человѣческой взаимной эксплуатаціи. При потерѣ людьми чувства правды и развитіи въ нихъ готовности на преступленіе всякую минуту, когда они считаютъ себя гарантированными отъ наказанія закона—человѣческое общество превращается въ адъ. Для замѣны дѣйствія угасшей совѣсти, приходится все больше развивать силы государства, да и то безплодно, потому что общая безсовѣстность охватываетъ одинаково и самихъ агентовъ власти.

Вообще уваженіе къ правдѣ и вѣра въ нее — для общественной и государственной жизни значатъ, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ разумные законы и организація власти. Поэтому, давая *законности* многочисленные органы, каковые представляетъ система государственнаго управленія, нельзя оставить безъ органа и *правду*, справедливость по существу.

Такимъ органомъ абсолютной правды и является верховная власть въ своей прерогативѣ дѣйствія по существу правды.

Этому непосредственному дѣйствію верховной власти, фактически, не можетъ достаться много мѣста въ дѣлѣ возстановленія справедливости, по самой ограниченности силъ человѣческихъ. Не много окажется случаевъ, когда ловкій эксплоататоръ закона будетъ этимъ путемъ разоблаченъ и наказанъ;

немного случаевъ, когда по закону обездолѣнный человѣкъ будетъ, внѣзаконнымъ дѣйствіемъ царя, спасенъ отъ гибели... Но такіе случаи будутъ, и въ каждаго обиженнаго они вливаютъ вѣру въ правду, а въ ловкаго преступника спасительный страхъ—что его закономъ прикрытое преступленіе можетъ быть разоблачено, и что не спасутъ тогда виновнаго никакія «давности» и «окончательности» рѣшеній...

Въ цѣломъ же народѣ царская прерогатива рѣшенія по совѣсти поддерживаетъ сознаніе того, что *правда выше закона*, что законъ только и святъ—какъ отблескъ правды.

Съ точки зрѣнія монархической политики, легче пожертвовать даже добрымъ управленіемъ, чѣмъ этимъ народнымъ преклоненіемъ передъ абсолютной правдой. Поэтому царская прерогатива дѣйствія по совѣсти совершенно неустранима въ монархіи. Тамъ, гдѣ она исчезла—монарха, какъ верховной власти, уже нѣтъ.

Но ставя такъ высоко принципіальное и нравственное значеніе царской прерогативы, монархическая политика должна не менѣе ясно сознавать, что оно велико только *принципіально*; *практически* же главнѣйшее значеніе для государства имѣетъ правильное устройство управленія. Царь—хотя бы и самый геніальный изъ людей—все-таки человѣкъ, существо ограниченныхъ силъ. Безпредѣльное большинство нуждъ, требованій, столкновеній, жалобъ — изъ которыхъ сплетены междучеловѣческія отношенія, не могутъ доходить до трона, и если бы царскій день былъ равенъ по производительности труда цѣлому году, то все-таки царь и за цѣлый годъ не въ состояніи бы былъ совершить того, что государство обязано совершать въ теченіе каждаго дня. Прямое дѣйствіе царя можетъ быть лишь столь малымъ по размѣрамъ что вся забота монарха должна быть направлена на организацію дѣйствія передаточнаго, то есть на созданіе закона и учрежденій.

Къ этому предмету мы и переходимъ.

XXXII.

Мѣсто монарха въ системѣ управленія.

Въ построеніи управленія государствомъ, для монархической власти всего важнѣе помнить и сохранять свое собственное мѣсто, то есть мѣсто верховной власти, а не простой управительной.

Мы уже видѣли (часть I-я, глава VI-я), что верховная власть составляетъ связь націи и правительства. Образуя вмѣстѣ съ націей государство, верховная власть организуетъ правительство, то-есть систему управительныхъ учрежденій. Члены націи, будучи подданными въ отношеніи верховной власти, суть граждане въ отношеніи государства и правительства.

Допущеніе тенденцій поставить націю въ подданство правительству, лишить ее правъ гражданства, крайне ошибочно. Именно верховная власть, то-есть въ данномъ случаѣ монархъ, должна служить охраной самостоятельности націи, и поддерживать *служебное* значеніе правительственныхъ учрежденій. Они поддерживаютъ то, что юридически обще-обязательно для гражданъ, но и сами составляютъ силу подчиненную. Граждане исполняютъ поддерживаемыя правительствомъ общеобязательныя нормы поведенія лишь въ силу повиновенія верховной власти, которая приказываетъ подданнымъ исполнять требованія закона, а правительству приказываетъ слѣдить за этимъ исполненіемъ.

Повиновеніе подданныхъ верховной власти также не есть повиновеніе рабское, но свободное, потому что верховная власть, какого бы то ни было типа, есть ничто иное, какъ то верховное начало, которому нація сама, по собственному своему психологическому состоянію, рѣшила подчиняться, какъ высшему объединяющему и властвующему принципу. Источникъ верховной власти находится въ духѣ націи, который является поэтому поддержкой самой верховной власти, основ-

ной силой ея существованія и властвованія. Повинуясь верховной власти, нація въ сущности повинуется самой себѣ, это есть подчиненіе добровольное, сознательное и охотное.

Вслѣдствіе такихъ внутреннихъ отношеній между верховной властью и націей, для монарха совершенно необходимо хранить и обезпечивать самостоятельную жизнь націи, такъ какъ монархъ есть ея представитель, и только какъ представитель ея—становится властью государственно-верховною.

Притомъ же, организуя элементъ принудительности, монархъ передовѣряетъ его охрану правительственнымъ учрежденіямъ лишь постольку, поскольку на это не хватаетъ силъ націи, не съорганизованной посредствомъ государственныхъ учрежденій. Но вездѣ, гдѣ общественныя силы способны сами поддерживать самостоятельно общеобязательныя нормы—дѣйствіе правительственныхъ учрежденій излишне, не нужно, а стало быть и вредно, такъ какъ безъ нужды разслабляетъ способность націи къ самостоятельности.

Такимъ образомъ, организуя систему управленія, монархическая власть имѣетъ и обязанность, и интересъ давать въ этой системѣ мѣсто *общественнымъ силамъ* во всю широту того, что онѣ способны охранять непосредственно.

Обыкновенно говорятъ, что управленіе общественное получаетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда подвѣдомственные ему интересы не имѣютъ общегосударственнаго значенія. Съ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ вообще интересовъ, не имѣющихъ общегосударственнаго значенія, почти не существуетъ. Въ дѣйствительности, общественное управленіе должно получать мѣсто тамъ, гдѣ общественныхъ силъ хватаетъ на *непосредственное* дѣйствіе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда общественныя силы принуждены прибѣгать къ дѣйствію *передаточному*—уже нѣтъ разумнаго мѣста общественному самоуправленію, и управленіе должно переходить въ вѣдѣніе общегосударственнаго правительства.

Итакъ, въ организаціи управленія, задачу монарха составляетъ сохраненіе за общественнымъ управленіемъ всей области

вѣденія, доступной силамъ самоуправленія. Но это общественное управленіе не можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣчто находящееся внѣ государства. Напротивъ, это одна изъ областей государственнаго управленія, точно также подвѣдомственная верховной власти, какъ и учрежденія бюрократическія, «служилыя», и во многихъ случаяхъ поставляется въ непосредственную связь съ послѣдними. Это сочетаніе силъ общественныхъ и бюрократическихъ въ общей системѣ управленія уже само по себѣ упрочиваетъ положеніе монарха, какъ власти верховной.

Къ этому же долженъ вести *способъ участія монарха въ управленіи.* Его роль—не министерская, а царственная. Le Roi regne mais ne gouverne pas. Эту формулу писатели конституціонной школы превращали нерѣдко въ смѣшную и ничтожную, предоставляя монарху, какъ царственной силѣ, только формальность утвержденія мѣръ, да пышность представительства. Но истинный смыслъ этой формулы совсѣмъ иной.

Роль царственная, какъ верховная, состоитъ въ управленіи управительными силами, ихъ направленіи, ихъ контролѣ, судѣ надъ ними, измѣненіи ихъ персонала и устройства. Монархъ приводитъ въ движеніе управительную машину, а не превращается въ нее самъ. Если задачей управительнаго искусства является, вообще, *произведеніе наибольшаго количества дѣйствія съ наименьшей затратой силы,* то это правило особенно важно соблюдать въ отношеніи употребленія силы самой верховной власти.

Монархическое искусство въ управленіи тѣмъ выше, чѣмъ больше монархъ посвященъ лично *царственной* задачѣ своей, и чѣмъ меньше ему приходится тратить силы на непосредственно управительную работу. Построеніе правящаго механизма тѣмъ болѣе совершенно, чѣмъ рѣже при немъ приходится монарху покидать свою роль капитана корабля, и лично браться за руль и становиться кочегаромъ. Менѣе чѣмъ кто либо, монархъ можетъ забывать законъ предѣла дѣйствія силы, и законъ раздѣленія труда. (См. часть I-я, гл. X). Прямое

употребленіе силъ монарха состоитъ въ томъ, чтобы онъ несъ на себѣ обязанности *верховной власти*, все направляющей и котролирующей. Но никакихъ силъ не можетъ хватить одному человѣку на личное завѣдываніе всѣмъ управленіемъ, тѣмъ болѣе, что при этомъ исчезало бы раздѣленіе труда, безъ котораго невозможно хорошее управленіе, и исчезалъ бы необходимый за нимъ контроль.

Полезная работа верховной власти состоитъ поэтому не въ личномъ управленіи, а въ томъ, чтобы привлечь на управительную работу всѣ силы, какія имѣются для этого въ государствѣ, достодолжно скомбинировать ихъ и слѣдить за общимъ ходомъ пущенной такимъ образомъ государственной машины.

Еще Монтескье, разсуждая о порчѣ (corruption) монархіи, дѣлалъ предостереженіе монархамъ *):

«Подобно тому, какъ демократіи губятъ себя, когда народъ отнимаетъ у сената, магистратовъ и судей ихъ функціи, такъ и монархіи портятся, отнимая мало-по-малу прерогативы сословій или привилегіи городовъ. Въ первомъ случаѣ является деспотизмъ массы, во второмъ — деспотизмъ одного человѣка».

«Обстоятельство, погубившее Цинскую и Сунскую династіи, говоритъ одинъ китайскій авторъ, состояло въ томъ, что не ограничиваясь, подобно древнимъ царямъ, лишь общимъ наблюденіемъ, единственно достойнымъ верховной власти, государи пожелали всѣмъ управлять непосредственно сами». «Китайскій авторъ, замѣчаетъ Монтескье, указываетъ намъ здѣсь причину порчи почти всѣхъ монархій».

«Кардиналъ Ришелье, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, находя быть можетъ, что онъ слишкомъ принизилъ (avili) государственныя сословія, прибѣгъ, для поддержанія Государя, къ доблестямъ его самого и его министровъ, и требовалъ отъ нихъ столько высокихъ качествъ, что поистинѣ развѣ Ан-

*) Montesquieu „De l'esprit des lois", кн. VIII, гл. 7.

тель могъ бы обладать такой бдительностью, пониманіемъ, твердостью и знаніями. Едва ли можно надѣяться, чтобы отъ сего момента и до конца монархіи нашелся хоть одинъ разъ такой Государь съ такими министрами» *)....

То что Монтескье говоритъ о государственныхъ сословіяхъ, относится одинаково ко всѣмъ органамъ управленія. Монархъ долженъ оставаться властью верховною, и только при этомъ онъ получаетъ возможность хорошо организовать власти управительныя.

Что же должно соблюдать для отправленія Монархомъ функцій именно верховной власти? Прежде всего, онъ долженъ сохранять универсальность власти. Управительная техника, для лучшаго дѣйствія, создаетъ специализацію разныхъ властей, ихъ такъ называемое раздѣленіе. Но это относится только къ властямъ управительнымъ. Власть верховная по существу универсальна, и заключаетъ въ себѣ всѣ проявленія власти (см. Часть I-я, гл. IX). Какъ лучъ свѣта, она лишь въ призмахъ управленія раздробляется на нѣсколько отдѣльныхъ, различныхъ по качеству проявленій.

Обычно считается три вида специализированныхъ властей: законодательная, исполнительная и судебная. Нѣкоторые считаютъ особой разновидностью власть контролирующую, но, въ сущности, это есть одно изъ проявленій власти исполнительной. Какъ бы однако ни опредѣлять число специализированныхъ властей, всѣ онѣ сливаются во едино во власти верховной, т. е. при монархическомъ правленіи—въ Особѣ Монарха: онъ есть высшій законодатель, высшій контролеръ, судья и исполнитель. Онъ делегируетъ свою власть различнымъ органамъ государственнаго управленія (при чемъ делегируетъ её уже большей частью въ специализированномъ видѣ), но остается единственнымъ источникомъ всякой власти, сохраняя не только право, но и возможность, во всякое время, лично принять на себя исполненіе каждой управительной

*) Тамъ же, книга V, глава XI.

функціи, законодательной, судебной или исполнительной, если бы это оказалось нужнымъ.

Излишнее доказывать, что Монархъ имѣетъ на это право. Какъ власть верховная—онъ имѣетъ всѣ права. Но совершенство правительственнаго механизма требуетъ, чтобы Монархъ всегда сохранялъ и возможность такого непосредственнаго принятія на себя любой управительной функціи. Когда эта возможность фактически исчезаетъ, органы управленія становятся узурпаторскими и деспотическими. Итакъ управленіе должно строиться такъ, чтобы въ обычномъ порядкѣ—государственный механизмъ функціонировалъ возможно болѣе самъ, лишь подъ общимъ наблюденіемъ Монарха. Но, какъ только дѣйствіе правительственнаго механизма начинаетъ въ какомъ либо пунктѣ ослабѣвать и фальшивить — Верховная Власть должна имѣть возможность немедленно замѣтить это и непосредственно вступиться въ дѣло, для исправленія хода машины.

Для обезпеченія такого участія Монарха въ управленіи, вся система правительственныхъ учрежденій должна быть построена такъ, чтобы сходилась, во всѣхъ своихъ отрасляхъ—законодательной, судебной и исполнительной, къ Верховной Власти, какъ общему центру, легко доступная его контролю и воздѣйствію.

Отъ этого контроля и, при случаѣ, непосредственнаго вмѣшательства верховной власти не должна быть изъята ни одна отрасль управленія. Но непосредственное участіе въ управленіи для Верховной власти всегда ограничено самой силой вещей. По физической невозможности управлять всѣмъ одному—развивается система передаточной власти. Это совершенно нормально и необходимо даже для того, чтобы Монархъ, въ случаѣ надобности, нашелъ силы и время вступиться лично въ какую нибудь отрасль управленія, не будучи подавляемъ всѣми остальными частями его.

Итакъ можно установить правила: 1 — чтобы ни одна изъ отраслей управленія не была принципіально изъята отъ *возможности* непосредственнаго вмѣшательства Верховной

власти; 2—чтобы, въ нормальномъ ходѣ управленія, возможно большая часть дѣлъ была передовѣриваема правительственнымъ органамъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ законности веденія дѣлъ, и съ законной *отвѣтственностью* всѣхъ инстанцій управленія; 3—чтобы для самой Верховной власти была обезпечена *полнота освѣдомленія*, и внимательное, *компетентное обсужденіе* и возможно болѣе безошибочное *рѣшеніе* въ отношеніи всѣхъ вопросовъ управленія и всѣхъ нуждъ національной жизни; 4—чтобы, наконецъ, въ самомъ построеніи управительныхъ органовъ были соблюдены принципы совершенства ихъ дѣйствія.

ГЛАВА XXXIII.

Принципы совершенства управительныхъ органовъ.

Правила совершенства дѣйствія управительныхъ органовъ, въ большинствѣ своемъ, такъ прочно выработаны практикой, и уяснены теоріей управленія, что нѣтъ надобности останавливаться на подробномъ о нихъ разсужденіи. Ихъ, по большей части, достаточно лишь упомянуть.

Во главу ихъ должно поставить *законность* дѣйствія учрежденій. Законъ—плодъ продолжительной практики и многосторонняго разсужденія—въ большинствѣ случаевъ правильнѣе и практичнѣе указываетъ, что должно дѣлать, нежели даже самое проницательное личное усмотрѣніе. Но, самое главное: законъ даетъ для всѣхъ ясно указанные и заранѣе всѣмъ извѣстные способы дѣйствія, и тѣмъ обезпечиваетъ прочный порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ людей и учрежденій. Въ общественныхъ же отношеніяхъ — нѣтъ блага выше порядка.

Каждая дѣйствующая власть должна быть вооружена достаточными *полномочіями*. Безъ этого нельзя дѣйствовать ни обдуманно, ни энергично.

Ни одна власть не должна имѣть возможности *произвола*.

Какъ для взаимнаго ограниченія возможнаго произвола

властей, такъ для тонкости и энергіи дѣйствія ихъ — онѣ должны быть *спеціализированы*. Это достигается принципомъ *раздѣленія* властей.

Раздѣленіе и спеціализація власти производится для совершенства дѣйствія въ различныхъ направленіяхъ: 1—по способу проявленія власти—она дѣлится на законодательную, судебную и исполнительную; 2—по предмету вѣдѣнія, очень разнообразно раздѣляется на министерства, вѣдающіе задачи общественнаго порядка, задачи экономическія, задачи защиты государства и т. д.; 3—по широтѣ дѣйствія: общегосударственное управленіе, мѣстное, спеціальное.

Каждая власть должна быть построена сообразно цѣлямъ своего спеціальнаго дѣйствія, при чемъ все, требующее обсужденія, достигается наилучше при *коллегіальности* учрежденія, все требующее исполненія—наилучше достигается *единоличіемъ* власти.

Получая достаточныя полномочія, каждая власть должна быть *отвѣтственна* за свои дѣйствія, и дѣйствовать подъ надлежащимъ *контролемъ*.

Совершенство дѣйствія учрежденій и агентовъ власти требуетъ *дисциплины и іерархической подчиненности* ихъ, но съ непремѣнной *осмысленностью* исполненія своего долга. Эта осмысленность состоитъ въ томъ, чтобы подчиненный, не менѣе начальника, понималъ самый духъ своего долга, и въ силу этого, въ потребныхъ случаяхъ, могъ брать дѣйствіе на свое усмотрѣніе и отвѣтственность, не взирая на іерархическую дисциплину и даже, въ крайнемъ случаѣ, вопреки ей.

Безъ этой осмысленной преданности высшему долгу, дисциплина и іерархическая подчиненность иногда становятся величайшимъ источникомъ развращенія агентовъ власти и полной негодности учрежденій.

Менѣе общепризнанно, но несомнѣнно, какъ указывалось уже въ настоящемъ изслѣдованіи,—что Монархіи свойственно, въ системѣ управленія, пользоваться искуснымъ сочетаніемъ силъ *аристократическихъ* и *демократическихъ*.

Въ связи съ этимъ, управительная система Монархіи должна

представлять сочетаніе учрежденій *бюрократическихъ* и *общественныхъ*. На этомъ пунктѣ, мы остановимся ниже болѣе подробно.

Въ заключеніе должно сказать, что раздѣленные и спеціализированные органы управленія должны имѣть всегда *единый центръ*, не въ видѣ только Верховной власти, но именно также *управительный* центръ, объединяющій ихъ, и отвѣтственный передъ Верховной властью. Для фактической, возможности такой отвѣтственности, необходимъ высшій контролирующій центръ, непосредственно подчиненный Верховной власти, и связывающій Верховную власть съ цѣлостнымъ государствомъ: то есть, съ одной стороны, съ правительственной системой, съ другой—съ націей.

XXXIV.

Сочетаніе бюрократическихъ и общественныхъ силъ. Самодержавіе и самоуправленіе

По невозможности прямого дѣйствія верховной власти дальше довольно ограниченныхъ предѣловъ, возникаетъ власть передаточная въ видѣ іерархіи лицъ и учрежденій, образующихъ нисходящую лѣстницу *бюрократіи*. Эти служилые, чиновничьи органы передаточнаго управленія необходимы во всякомъ государствѣ. Но они дѣлаются крайне зловредны, если узурпируютъ саму верховную власть, принимая роль ея представительства.

Такую роль бюрократія можетъ принимать особенно въ Монархіи, такъ какъ въ демократіи узурпація верховной власти совершается иначе: тамъ являются *политиканы*, такъ называемые «представители народной воли». Они и въ демократіи обыкновенно сливаются съ чиновничествомъ, т. е. чи-

новничество вербуется изъ среды политикановъ. Но эти двѣ разновидности «профессіоналовъ политики», будучи родственны по духу и государственной роли, являются въ монархіи типичнѣе всего въ формѣ властвующей *бюрократіи*, а въ демократіи въ формѣ *партійнаго политиканства.*

Узурпаторскія наклонности этихъ служебныхъ силъ верховной власти составляютъ зло, которое можетъ губить государство, и съ которымъ поэтому верховной власти (всякаго вида) должно постоянно бороться, не только въ смыслѣ искорененія уже явившейся узурпаціи, но главнѣе всего въ смыслѣ ея предупрежденія.

Дѣйствительнѣйшимъ средствомъ этой политической профилактики является все, освобождающее силы верховной власти для «прямого» дѣйствія, по слабости котораго и является узурпація со стороны служебныхъ силъ. Въ демократіи лучшимъ средствомъ для этого является возможно болѣе расширенное самоуправленіе народа. Монархія богаче такими средствами (по большей своей способности къ контролю), но въ числѣ ихъ и для нея необходимо привлеченіе къ управленію общественныхъ силъ. т.-е. *сочетаніе бюрократическихъ силъ съ общественными.*

Въ монархіяхъ здоровыхъ это сочетаніе всегда практикуется, и начинаетъ падать или даже совершенно отрицаться, когда монархія заболѣваетъ недугомъ абсолютизма. Сливая понятіе о правительствѣ и верховной власти, абсолютизмъ далѣе сливаетъ понятіе о правительствѣ и бюрократіи, и въ концѣ концовъ отождествляетъ самодержавіе съ бюрократическимъ управленіемъ.

Въ виду крайней важности вопроса мы остановимся подробнѣе на разсмотрѣніи абсолютистскаго ученія, сливающаго понятія о самодержавіи и бюрократическомъ управленіи.

У насъ, въ Россіи, въ 1899 году, происходила высоко-поучительная въ этомъ отношеніи оффиціальная переписка, причемъ одно важное вѣдомство выдвинуло цѣлую диссертацію о яко бы несовмѣстимости самодержавія съ самоуправленіемъ. Эта записка была потомъ опубликована за границей, и я вос-

пользуюсь ею для обрисовки теорiи нашихъ бюрократовъ-абсолютистовъ въ ихъ собственной аргументацiи *).

Авторъ Записки положительно утверждаетъ, что *самодержавiе несовмѣстимо съ самоуправленiемъ.*

Онъ оговаривается, что не отрицаетъ права на существованiе и самоуправленiе такихъ союзовъ, которые имѣютъ свои частноправовые интересы, какъ ученыя и учебныя корпорацiи, благотворительныя общества, торговыя компанiи и т. д. Онъ допускаетъ и сословное самоуправленiе, но лишь до тѣхъ поръ, «пока сословiя выполняютъ свое прямое назначенiе,

---

*) Записка эта издана въ 1901 г. въ Штутгардтѣ, подъ заглавiемъ „Самодержавiе и земство".

Мимоходомъ не могу не выразить автору Записки два личныхъ упрека. Во-первыхъ, онъ называетъ меня „революцiонеромъ", что и неправда, и едва ли прилично въ офицiальной запискѣ, возражать противъ которой у меня не было возможности. Во-вторыхъ, авторъ слишкомъ тенденцiозно пользуется моей брошюрой „Конституцiоналисты въ эпоху 1881 года" для своей борьбы противъ земства. Я вовсе не говорилъ, чтобы земства были какимъ-то специфическимъ пристанищемъ конституцiонализма, и совершенно убѣжденъ, что среди самой бюрократiи 1881 года стремленiя къ конституцiи были по малой мѣрѣ столь же сильны.

Относительно же самодержавiя и самоуправленiя вотъ что я писалъ въ то же самое время:

„Верховная власть абсолютизма, создаетъ противоположность между государствомъ и обществомъ, и различаетъ управленiе государственное, съ одной стороны, и самоуправленiе общественное съ другой. Предполагается, что это силы взаимно ограничивающiя, такъ что чѣмъ развитѣе „государство", тѣмъ уже „самоуправленiе", и наоборотъ. Чистая монархическая идея едва ли совмѣстима съ такими разделенiями.

„Разсматриваемое со стороны, общества, все государство есть не что иное, какъ окончательно довершенная организацiя нацiональнаго самоуправленiя. Здѣсь нѣтъ противоположенiя, есть лишь дополненiе.

„Когда появляются между государствомъ и обществомъ ненормальныя ощущенiя взаимнаго отчужденiя,—это вѣрный знакъ, что бюрократiя заняла несоотвѣтственно широкое мѣсто въ управленiи, вытѣсняя общество изъ государства и такимъ образомъ препятствуя верховной власти находить государственно дѣйствующiя силы въ самой соцiальной организацiи нацiи. Но само по себѣ *самоуправленiе, т.-е. предоставленiе верховною властью общественнымъ группамъ непосредственно завѣдывать дѣлами въ предѣлахъ ихъ компетенцiи, прямо вытекаетъ изъ монархической идеи".*

(Единоличная власть, какъ принципъ государственнаго строенiя) стр. 127. Москва, 1897 г.).

занимаются исключительно своими собственными дѣлами, пока одному изъ нихъ не ввѣряются административныя функціи по отношенію къ другимъ или всѣмъ вмѣстѣ». Въ этомъ случаѣ Записка считаетъ ихъ стремленія къ самоуправленію «не опасными для центральной власти» *).

Но за сими предѣлами, самоуправленіе, по теоріи нашей бюрократіи, становится опаснымъ для самодержавія.

Самодержавная монархія, по этой теоріи, не должна допускать призванія мѣстнаго населенія въ лицѣ нѣкоторыхъ его элементовъ, или же въ лицѣ его уполномоченныхъ, къ участію, въ предѣлахъ закона, *въ дѣлахъ государственнаго управленія.* Это возможно будто бы лишь для конституціоннаго государства. «При конституціонномъ устройствѣ, мѣстное самоуправленіе только форма для децентрализаціи. Все управленіе государствомъ отъ верху до низу проникнуто началомъ *народовластія.* Однородность всѣхъ органовъ управленія, центральнаго и мѣстнаго, выдержана вполнѣ и повсемѣстно. Въ государствѣ же самодержавномъ противоположеніе мѣстнаго самоуправленія правительству или (?) верховной власти неизбѣжно въ томъ смыслѣ, что здѣсь означенная власть основана на одномъ принципѣ — единой и нераздѣльной волѣ Монарха, неограниченной самостоятельной дѣятельностью народныхъ представителей; а мѣстное самоуправленіе—на другомъ принципѣ—самостоятельной дѣятельности выбранныхъ населеніемъ представителей его, дѣйствующихъ лишь подъ надзоромъ Монарха и лицъ, Имъ назначенныхъ» (стр. 27).

Итакъ, мы видимъ, что абсолютистскій бюрократизмъ всецѣло проникнутъ увѣренностью, будто бы «правительство» и «верховная власть»—одно и то же и, доказывая «противоположеніе» «самоуправленія» и «бюрократіи»—убѣжденъ, что до-

---

*) Ревнивый абсолютистскій духъ бюрократіи хорошо виденъ въ этой оговоркѣ. Но дворянство у насъ имѣло широчайшія административныя права въ отношеніи другихъ сословій, имѣло въ своихъ рукахъ всю мѣстную полицію и т. д. Неужели это было столь „опасно" для самодержавія? И не явились ли у насъ „опасности" для самодержавія, наоборотъ, только съ того времени, когда упразднилось сословное самоуправленіе и замѣнилось бюрократическимъ?

казалъ противоположеніе самоуправленія самой верховной власти! Этимъ путемъ идетъ вся аргументація, основанная на доказательствахъ, что «органы самоуправленія и органы бюрократическіе совершенно разнородны, одни другимъ противоположны» (стр. 21).

Полномочія, предоставляемыя верховной властью органамъ бюрократическимъ и органамъ самоуправленія—глубоко различны—говоритъ Записка. Первые не имѣютъ самостоятельности, они только строгіе выполнители предначертаній высшей власти. Статья 712 «Устава о службѣ гражд.» гласитъ: «каждый низшій чинъ долженъ принимать приказанія отъ предпоставленнаго надъ нимъ старшаго, и исполнять ихъ въ точности».

Органы же самоуправленія, напротивъ, должны быть самостоятельны. Ихъ постановленія могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы, но производятся самостоятельно, безъ прямыхъ указаній правительственныхъ органовъ.

Самоуправленіе требуетъ децентрализаціи. Съ бюрократіей же тѣсно связана централизація.

Бюрократія основана всецѣло на началѣ назначенія и іерархической подчиненности. Самоуправленіе основано на началѣ выборномъ.

Отмѣчая эту разницу въ характерѣ бюрократическихъ и общественныхъ учрежденій, авторъ Записки совершенно справедливо говоритъ, что было бы безполезно стремиться придать самоуправленію характеръ бюрократическихъ учрежденій. Каждое учрежденіе хорошо только по своему, и, передѣлавъ его подъ типъ другого, мы получимъ нѣчто никуда не годное. «Земство, лишенное самостоятельности, руководимое во всѣхъ подробностяхъ предписаніями уставовъ и указаніями администраціи — не имѣетъ ровно никакого значенія. Для цѣлей управленія оно окажется не только не нужнымъ, но прямо вреднымъ». При отсутствіи самостоятельности, само земство не можетъ имѣть, сверхъ того, и интереса къ порученному ему дѣлу. «Интересъ этотъ обусловливается возможностью проводить въ жизни свои взгляды, устраивать мѣстные по-

рядки согласно собственному желанію, а этихъ-то условій и не будетъ, разъ земству придется дѣйствовать только по предписанію» (стр. 174).

Итакъ, разнородность характера учрежденій бюрократическихъ и самоуправительныхъ неустранима.

А между тѣмъ, гласитъ теорія бюрократизма, «только при условіи однородности началъ въ устройствѣ высшихъ и низшихъ инстанцій, центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, получается дѣйствительное единство управленія, государство является дѣйствительно хозяиномъ въ дѣлѣ этого послѣдняго (управленія). Только при этомъ условіи мѣстные органы могутъ быть надежными исполнителями предначертаній властей центральныхъ и, въ свою очередь являются для нихъ «своими», а не чужими».

Поэтому въ самодержавной монархіи самоуправленіе не можетъ быть допущено.

«Каждое учрежденіе хорошо въ строѣ ему соотвѣтствующемъ, и непригодно въ строѣ ему не отвѣчающемъ. Въ конституціонномъ строѣ земства могутъ быть превосходнымъ средствомъ управленія: тамъ онѣ составляютъ одно звено въ цѣпи, скованной изъ одного металла. Тамъ ихъ положеніе вполнѣ опредѣленно, они будутъ дѣлать свое дѣло, не забѣгая впередъ, и не опасаясь ежеминутно за свое существованіе. Тамъ впереди ихъ, въ центральныхъ органахъ, есть ихъ же представители, и потому къ предначертаніямъ этихъ органовъ они всегда будутъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, будутъ усердными исполнителями ихъ распоряженій. Въ свою очередь центральныя представительныя учрежденія будутъ всегда чутко прислушиваться къ желаніямъ органовъ мѣстныхъ. Совершенно въ иномъ положеніи стоитъ и всегда (?) будетъ стоять земство въ государствѣ самодержавномъ. Здѣсь по своему строю такія учрежденія рѣзко отличаются отъ всего, что кругомъ ихъ, и что выше ихъ. Здѣсь они олицетворяютъ *иное* начало, а отсюда безконечныя недоразумѣнія, предупрежденія, пресѣченія, пререканія, столкновенія, репрессивныя мѣры и т. д. Правительство, бюрократія, не до-

вѣряютъ земству, земство — правительству. Земство, весьма естественно, желаетъ оказать вліяніе на дѣятельность законодательную, которая такъ тѣсно связана съ дѣятельностью мѣстной. Правительство видитъ въ этомъ поползновеніе на свои прерогативы. Правительство желаетъ осуществить на мѣстахъ то или другое мѣропріятіе: земство усматриваетъ посягательство на свои права, на свою самостоятельность. Правительство видитъ предвзятую мысль и отказываетъ. Правительство даетъ распоряженіе: земство становится ему въ оппозицію скрытую или открытую» и т. д... Въ концѣ концовъ «являются недоразумѣнія, пререканія, внушенія, упадокъ земской дѣятельности и параллельно съ тѣмъ—оппозиція земствъ правительству и настойчивыя требованія конституціи въ серьезныя для правительства минуты (стр. 198, 199).

Конечный выводъ автора состоитъ, поэтому, въ томъ, что «правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ» (стр. 211).

Итакъ, по теоріи абсолютистской бюрократіи, приходится выбирать одно изъ двухъ: либо монархію, насквозь бюрократизированную, либо замѣну монархіи демократіей, если мы вздумаемъ допустить самоуправленіе. Нельзя было бы произнести монархіи болѣе строгаго приговора, если бы только уродливое искаженіе ея въ зеркалѣ абсолютистскаго бюрократизма было сколько-нибудь сходно съ дѣйствительной самодержавной монархіей. На самомъ дѣлѣ это зеркало отражаетъ лишь образъ самой бюрократіи, выдающей себя за «самодержавіе».

Ложность бюрократической теоріи, отрицающей возможность самоуправленія при Монархіи, основана на непониманіи основъ государственности. Эта теорія смѣшиваетъ Верховную власть и Правительство, а потому при Монархіи не допускаетъ въ управительной области другого принципа, какъ единоличный. Въ дѣйствительности, Верховная власть можетъ организовать

правительство на какомъ угодно принципѣ: такъ въ Римѣ— демократія устраивала правительство сначала на аристократическомъ началѣ, а потомъ на началѣ единовластія. Впрочемъ, въ виду полной разъясненности этого пункта въ моей книгѣ, не буду входить въ повторенія.

Бюрократическая теорія, отождествляя правительство съ самой бюрократіей, полагаетъ сверхъ того, что управленіе бюрократическое спеціально свойственно Самодержавной Монархіи. Это совершенно ошибочно. Въ правительствѣ, при любой формѣ Верховной власти сочетаются самые различные принципы власти. Что касается бюрократіи, то она свойственна вовсе не одной Монархіи, а всякому государству. Во Франціи, при Республикѣ, бюрократія развилась даже сильнѣе, чѣмъ при Монархіи. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, классической странѣ демократическаго самоуправленія, оно заполонено чиновничествомъ, которое, правда, имѣетъ политиканскій характеръ, но въ значительной части своей чисто бюрократично. Да и невозможно не видѣть совершенной неизбѣжности, и даже необходимости, бюрократіи во всякой сложной государственности, которая нигдѣ не можетъ обойтись безъ этой системы передаточныхъ властей.

Почему же демократія можетъ пользоваться бюрократіей, а Монархія не можетъ пользоваться общественнымъ управленіемъ?

Бюрократическая теорія говоритъ, будто бы нужна непремѣнная однородность управительныхъ учрежденій сверху до низу, отъ центра до мѣстныхъ дѣлъ, и что лишь при этомъ «*Правительство, бюрократія*» можетъ быть «хозяиномъ»... Да, если задача Верховной власти состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать «бюрократію» повсюду «хозяйкой», то, само собою, нужно повсюду насадить только ее, и изгнать изъ Государства всѣ остальныя правительственныя силы... Но кому же нужно, чтобы бюрократія стала всеобщей «хозяйкой» и владычицей? Во всякомъ случаѣ это не нужно ни верховной власти, ни правительству, ни государству, ни народу. Нужно это только для самой бюрократіи, да и то лишь въ *личныхъ* интересахъ.

А въ общественныхъ и государственныхъ интересахъ всевластіе бюрократіи—есть всеобщая гибель, между прочимъ и потому, что при этомъ сама бюрократія совершенно развращается и превращается въ организацію произвола и хищничества.

Указанная записка обрисовываетъ безпрерывныя столкновенія земства съ бюрократіей и правительствомъ, и даже съ верховною властью, происходившія у насъ. Какъ картина историческая—эта обрисовка сдѣлана совершенно вѣрно. Но политическій смыслъ ея совсѣмъ иной.

Столкновенія земства съ администраціей, правительствомъ и верховной властью происходили у насъ именно потому, что съ 1861 года Россія все болѣе подпадала узурпаціи бюрократіи, такъ что общественное управленіе затиралось ею и въ правительствѣ, и передъ верховной властью. Но съ точки зрѣнія здравой и разумной теоріи управленія — допущеніе такого захвата бюрократіи было не болѣе какъ прискорбной, можетъ быть роковой, ошибкой.

Авторъ записки говоритъ, что правительство всегда оказывается на сторонѣ бюрократіи, вслѣдствіе чего земство теряетъ довѣріе къ правительству, приходитъ къ систематической оппозиціи, и въ результатѣ, обратно, вызываетъ къ себѣ недовѣріе правительства... Но почему все это такъ сложилось? Авторъ записки рисуетъ идиллическую картину отношеній самоуправленія и бюрократіи въ конституціонныхъ странахъ, думая, будто бы въ нихъ нѣтъ такихъ же столкновеній между префектами и муниципальными совѣтами и т. д. Но эти столкновенія есть вездѣ. Разнородность принциповъ бюрократіи и самоуправленія вызываетъ ихъ неизбѣжно, и въ этомъ нѣтъ бѣды. Бѣда же въ томъ, что у насъ правительство оказывается непремѣнно на сторонѣ бюрократіи. Почему же это? Потому что оно само всецѣло захвачено бюрократіей. Это, однако, вовсе не обязательно при монархіи, и напротивъ, даже ненормально. Авторъ записки говоритъ: «земству естественно желать провести какую-нибудь законодательную мѣру», такъ какъ мѣстныя и государственныя дѣла тѣснѣйше связаны.

Но почему же это естественное желаніе у насъ оказывается невозможно удовлетворить? Вина сваливается бюрократіей на самодержавіе, которое здѣсь именно не при чемъ. Истинный виновникъ—бюрократическое всевластіе, которое захватило въ свои руки и законодательство.

Но это вовсе не связано съ принципомъ самодержавія.

Для верховной власти ничуть не нужно, чтобы иниціатива законодательныхъ проектовъ исходила исключительно изъ чиновныхъ сферъ. Для самодержавной монархіи совершенно все равно, кто подастъ мысль законодателю. Это можетъ, по смыслу принципа, сдѣлать каждый подданный, ибо никому даже и теперь не воспрещено подать на Высочайшее имя записку или даже всеподданнѣйшее прошеніе о произведеніи той или иной реформы. Если изъ этого въ настоящее время, фактически, ничего не можетъ выйти, то не вслѣдствіе принципа самодержавія, а вслѣдствіе узурпаціи законодательства бюрократіей. Бюрократія фактически лишила законодательной иниціативы даже самого монарха, такъ что самъ государь, по установившимся обычаямъ, если желаетъ провести какую-нибудь мѣру—долженъ поручать частнымъ образомъ кому-либо изъ «подлежащихъ» бюрократическихъ властей возбудить этотъ вопросъ яко бы самостоятельно...

Такимъ образомъ, бюрократія, если бы пожелала быть откровенной до конца—должна была бы сказать, что по ея идеѣ, съ самодержавіемъ несовмѣстимо не только народное самоуправленіе, но даже самостоятельная власть самого монарха...

Но это не есть идея «монархическаго строя». Это есть политическое воспроизведеніе типа того плохо поставленнаго частнаго хозяйства, гдѣ параличный владѣлецъ только нанимаетъ прислугу, да платитъ ей, а затѣмъ уже всѣмъ домомъ правитъ эта челядь...

Если въ результатѣ такого узурпаторскаго всевластія бюрократіи между народомъ и властью является недовѣріе, ссоры и т. д., то причина этого не въ «самоуправленіи», а въ томъ, что такое государственное устройство нарушаетъ всѣ

принципы здоровой государственности, и болѣе всего принципы самодержавной монархіи.

Государство есть ничто иное, какъ *нація, объединяемая верховной властью.* Правительство есть сила только служебная. А оно, при бюрократической государственности, становится «хозяиномъ» въ отношеніи государства: и націи, и самой верховной власти. При такой «конституціи», разумѣется, «довѣріе» исчезаетъ. А такъ какъ нація все-таки существуетъ, то въ ней мало-по-малу и является мысль—взять дѣла въ свои руки непосредственно, т.-е. стать верховной властью...

Это положеніе составляетъ лишь образчикъ того, какъ бюрократическая узурпація можетъ губить монархію. Совершенно также губитъ демократію политиканство.

ГЛАВА XXXV.

Бюрократическая узурпація.

Опасныя стороны бюрократіи хорошо указаны Чичеринымъ Она, говоритъ Чичеринъ, «была главной устроительницей новаго государства», но «изъ удобнаго орудія власти она можетъ превратиться въ *самостоятельное тѣло, имѣющее свои собственные интересы* и становящееся между монархомъ и народомъ. Интересъ бюрократіи состоитъ въ томъ, чтобы неограниченно властвовать въ административной сферѣ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что обществу дается какъ можно меньше способовъ дѣйствовать самостоятельно а отъ монарха скрывается истинное положеніе дѣлъ. Черезъ это все переходитъ въ руки чиновничества. Самая воля монарха, при видимомъ самовластіи, становится отъ него (чиновничества) въ зависимость». Въ результатѣ, «сверху водворяется господство оффиціальной лжи, а внизу царитъ полный произволъ».

Это формулировка вѣрная, но не исчерпываетъ глубины предмета. Бюрократія со стороны технической составляетъ безспорно, наиболѣе совершенную систему передаточной власти. Это

именно потому, что въ ней наиболѣе развиты свойства механизма: правильная передача полученнаго импульса съ верху лѣстницы іерархіи до низу, спеціализація, дѣловитость, безпрекословная дисциплина передаточныхъ колесъ и приводовъ и т. д. Но эти достоинства имѣютъ очень опасную отрицательную сторону: уничтоженіе личности служащаго, поставленіе служебнаго долга выше долга совѣсти, принпженія самостоятельнаго разсужденія о благѣ людей, и отечества, принпженіе всякаго живого духа въ интересахъ совершенства механизма.

Но можно себѣ представить, какимъ очагомъ всеобщаго развращенія можетъ являться этотъ бездушный механизмъ, если станетъ надъ народомъ *высшей* властью?

Не должно забывать, что чиновникъ—чѣмъ больше у него заглушено самостоятельное, внѣ приказа начальства, помышленіе объ общественномъ благѣ,—тѣмъ болѣе свободно думаетъ о личныхъ интересахъ, и эта привычка самостоятельно, не по приказу, думать только о *своемъ* интересѣ можетъ вырабатывать страшнаго эгоиста, готоваго на всякое хищничество и злоупотребленіе, если къ тому представляется возможность.

Сближеніе «чиновника» съ «людьми», поддержаніе въ чиновникѣ гражданскаго и человѣческаго духа—составляетъ поэтому настоятельную необходимость для того, чтобы бюрократическій механизмъ не превращался, дѣйствительно, въ бездушную и равнодушную къ людямъ машину, чуждую всѣхъ человѣческихъ чувствъ.

Для борьбы съ этими недостатками бюрократіи и нужна сочетанная система властей. Другое средство составляетъ тщательное обезпеченіе верховной власти отъ захвата органами управленія, для чего ей нуженъ нѣкоторый универсальный органъ, соединяющій въ себѣ всѣ власти (законодательную, судебную, исполнительную, контролирующую), способный быть ея орудіемъ для надзора за спеціализированными властями («вѣдомствами»).

Россія, ставшая такой же классической страной бюрократизма, какъ Америка—политиканства, лучше всѣхъ другихъ

государствъ показываетъ, какъ сильна становится *бюрократическая узурпація*, при подрывѣ должныхъ обезпеченій контроля верховной власти. Сошлюсь въ этомъ отношеніи на отзывы П. Н. Семенова, близко и долго изучавшаго дѣйствіе русскихъ учрежденій. *).

Полная система усовершенствованной бюрократіи была въ Россіи завершена съ учрежденіемъ министерствъ, при чемъ верховная власть была постепенно поставлена въ положеніе, какъ бы «Премьера», но съ безграничной властью. Всѣ дѣла всѣхъ министерствъ рѣшаются яко бы самой верховной властью, но за дѣйствительностью хода дѣлъ она можетъ судить лишь по докладамъ самихъ же министровъ.

Отсюда образовалась система фактической безконтрольности и безотвѣтственности управительныхъ учрежденій.

И вотъ какъ характеризуетъ послѣдствія этого П. Н. Семеновъ **):

«Когда бюрократія, говоритъ онъ, успѣетъ оградить себя отъ надзора, она характеризуется четырьмя главными отрицательными свойствами: она разсматриваетъ и рѣшаетъ всякое дѣло не съ точки зрѣнія пользы государственной, а съ точки зрѣнія того поста, на которомъ ей досталось данное дѣло въ руки; во-вторыхъ, она постоянно заботится и изощряетъ свои способности и изобрѣтательность въ томъ, чтобы въ каждомъ дѣлѣ отклонить отъ себя въ немъ отвѣтственность; для этого, въ-третьихъ, она изощряется въ придумываніи способовъ обхода законовъ и установле-

---

*) П. Н. Семеновъ. „Самодержавіе какъ государственный строй“, СПБ., 1905 г. Это изслѣдованіе печатано на правахъ „рукописи“, то есть не существуетъ для публики. Нельзя объ этомъ не пожалѣть, такъ какъ соображенія автора о желательномъ построеніи нашего управленія въ высшей степени заслуживаютъ вниманія, и особенно въ настоящее время, когда вся Россія толкуетъ о реформахъ, но по недостатку знаній представляетъ ихъ себѣ только въ Европейскомъ конституціонномъ смыслѣ. Между тѣмъ П. Н. Семеновъ исходитъ изъ мысли, что „*настоящій прогрессъ Россіи—въ усовершенствованіи своего историческаго строя*“. Въ этой рукописи замѣчательна *критика* существующихъ учрежденій, которая по тонкости указанія ихъ недостатковъ, положительно не имѣетъ себѣ равной въ литературѣ.

**) Цитирую съ небольшими сокращеніями.

ній, чтобы, напримѣръ, направить дѣло помимо установленныхъ учрежденій, заручиться предрѣшеніемъ дѣла, совсѣмъ отклонить отъ себя дѣло, затянуть его перепиской съ другими вѣдомствами и т. п. Въ-четвертыхъ, она направляетъ свои способности, знанія и таланты не къ достиженію наиболѣе полезнаго для народа и государства способа окончательнаго разрѣшенія дѣла, а къ выставленію его сегодня въ одномъ свѣтѣ и направленіи, а завтра въ другомъ, смотря по мѣняющимся вкусамъ мѣняющагося начальства, при чемъ достигаетъ виртуозности въ балансированіи взглядами на дѣло и въ придумываньи компромиссовъ, откладывающихъ полное разрѣшеніе его.

«Стараясь сбросить съ себя отвѣтственность или обойти законы, представители бюрократіи охотно доводятъ дѣло до верховной власти, подписью которой часто и покрывается то, что отвѣтственная власть должна была бы исполнить сама. Все это ведетъ къ тому, что никакая власть, уже не дѣйствуетъ самостоятельно за свой страхъ и совѣсть... Отсюда неимовѣрная волокита въ дѣлахъ. Явилось множество способовъ и пріемовъ, вошедшихъ въ плоть и кровь бюрократіи, какъ, напримѣръ, канцелярская отписка, разныя препирательства о подвѣдомственности дѣла, и всякая ненужная переписка, чтобы только столкнуть съ себя дѣло или отвѣтственность, заставивъ дѣло скитаться годами, безъ результата, по канцеляріямъ. При такихъ условіяхъ кто же считается «талантливымъ» чиновникомъ? Тотъ, который всего изобрѣтательнѣе въ лабиринтѣ способовъ свалить съ себя и начальства дѣло, или по крайней мѣрѣ отвѣтственность за принятую мѣру на другихъ, если бы даже для того потребовалось вовлечь въ эту отвѣтственность самого монарха, прикрывшись его санкціей...

«Одно изъ вреднѣйшихъ послѣдствій этого—то, что при такихъ условіяхъ часто нельзя въ мѣропріятіяхъ правительства разобрать, докуда вовлечена въ нихъ власть монарха, гдѣ кончается она и начинается власть правителя? Отсюда невозможность гласности и представленія публичнаго обсужденія дѣйствій правительства...

«Съ другой стороны послѣдствіемъ ослабѣвшей отвѣтственности является усиливающееся хищеніе... Виновныхъ въ большинствѣ случаевъ не оказывается, и рѣдко кто несетъ отвѣтственность за свои дѣйствія».

Современная постановка министерской власти не рѣдко характеризуется, какъ «расхищеніе верховной власти». Это «расхищеніе верховной власти правителями» приводитъ, по выводу П. Н. Семенова «къ худшей изъ формъ управленія, *къ подобію олигархіи*, да еще и не самостоятельной, изъ извѣстныхъ постоянныхъ лицъ, а изъ случайныхъ и часто мѣняющихся, гдѣ фактически правящіе олигархи, получивъ власть, укрываются однако, гдѣ и когда имъ нужно, за верховною властью, черпая въ ея санкціи безотвѣтственность для себя и этимъ компрометируя ее».

Таково положеніе на высшей ступени лѣстницы всевластной бюрократіи. А что получается снизу? Каждый низшій чинъ, по правилу, долженъ принимать приказанія отъ поставленнаго надъ нимъ старшаго и исполнять ихъ въ точности... И вотъ являются сценки «управленія» въ родѣ набросанныхъ г. Шараповымъ въ его перепискѣ съ редакторомъ «Гражданина», кн. В. Мещерскимъ, въ результатѣ которыхъ «человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, полный всякихъ либеральныхъ принциповъ, сначала мирится со сдѣлками съ совѣстью, знакомится съ угодничествомъ, отравляется ложью, затѣмъ втягивается и развращается, становясь почти *поэтомъ бюрократическаго творчества*» *).

---

*) „Позвольте привести примѣръ. Важная правительственная комиссія изъ большихъ чиновниковъ, почти сановниковъ. Дѣлопроизводитель новичекъ, взятый „для освѣженія воздуха“, толковый, честный, одушевленный желаніемъ послужить Родинѣ. Дѣло идетъ о крупномъ и безобразномъ хищеніи въ одномъ вѣдомствѣ, нѣсколько превосходительствъ коего сидятъ въ комиссіи. На первомъ же засѣданіи вся грязь всплываетъ наружу. Журналъ составленъ образцово. Предсѣдатель одобряетъ, но качаетъ головой.

— Что вы, ваше пр—во?

— Молоды вы очень... Ну, что же? Ничего. Пошлите для подписи членамъ.

Журналъ идетъ къ одному изъ членовъ того вѣдомства, гдѣ учинено хищеніе, самому главному. Возвращается въ такомъ видѣ: вся запись дѣлопроизводителя

XXXVI.

Политиканская узурпація.

Мы далеко не закончили обрисовки отрицательныхъ сторонъ бюрократической узурпаціи, и еще возвратимся къ этому предмету. Но предварительно необходимо остановиться нѣсколько на аналогичной болѣзни демократической государственности— на узурпаціи политиканской.

перечеркнута, рядомъ пришитъ новый листъ и на немъ написано нѣчто совершенно противоположное тому, что говорилось.

Бѣжитъ дѣлопроизводитель къ предсѣдателю. Тотъ улыбается:

— Ага! Ну, такъ и есть!

— Ваше пр—во, да вѣдь это же подлогъ?

— Такія слова не употребляются, милѣйшій,—смѣется тотъ.—Это „исправленіе редакціи". У насъ иначе не дѣлается.

— Ну, а какъ же дальше? Вѣдь и другія записи теряютъ смыслъ.

— Да вѣдь журналъ ко всѣмъ будетъ посланъ? Всѣ и исправятъ.

Когда черезъ нѣсколько недѣль журналъ вернулся и его пришлось вновь пересоставлять, оказалось, что получается нѣчто прямо противоположное. Къ министру попалъ журналъ радикально „исправленный". Составлялъ его уже другой чиновникъ...

Позвольте еще сценку: честный министръ, честнѣйшій директоръ департамента, честный и идеалистъ начальникъ отдѣленія. Люди подобраны чуть не спеціально для „искорененія хищеній". Идетъ докладъ начальника отдѣленія директору.

— Семенъ Павловичъ, по дѣлу такому-то ничего сдѣлать нельзя. Совсѣмъ противозаконно.

— Послушайте, голубчикъ! Это княгиня Теръ Адербейджанова лично министра просила. Въ добавокъ она привезла еще письмо отъ Икса Игрековича, вы понимаете? Чортъ ее побери, надо сдѣлать. Баба преподлая и напакостить можетъ страшно. Министръ очень проситъ. Ему сейчасъ нельзя ссориться. Мы проводимъ нашъ проектъ. Ради Бога, сдѣлайте какъ-нибудь.

Новичекъ-начальникъ отдѣленія не сдается.

— Семенъ Павловичъ! Ничего нельзя сдѣлать. Дѣло кричащее.

— Да ужъ какъ-нибудь. Пожалуйста! Министру это необходимо. Ну, поройтесь въ Строительномъ Уставѣ, въ Уставѣ о Промышленности. Чортъ съ ней, пусть подавится! Но вы намъ огромную услугу окажете...

Вы, князь, достаточно хорошо знаете нашъ бюрократическій міръ, чтобы не назвать такіе примѣры чѣмъ-либо исключительнымъ, каррикатурою".

(С. Шараповъ. „Опытъ русской политической программы". Москва, 1905г.).

Хотя явленіе политиканства относится къ совершенно иному государственному строю, оно важно для монархической политики въ томъ отношеніи, что показываетъ общераспространенность узурпаціи, производимой передаточными управительными властями.

Классическое сочиненіе Брайса *), обслѣдовавшаго американскія демократическія учрежденія, особенно ярко рисуетъ эту узурпацію, развившуюся несмотря на то, что въ Соединенныхъ Штатахъ широчайше развито самоуправленіе, которое составляетъ лучшее средство охраны народнаго самодержавія въ демократіи.

Для незнающихъ дѣла кажется невѣроятнымъ, какимъ образомъ у народа, всевластнаго въ принципѣ и «самостоятельно» избирающаго должностныхъ лицъ, могутъ выхватывать власть? **).

Причиною является то, что, во-первыхъ, демократія способна къ *прямому* управленію только въ самыхъ узкихъ размѣрахъ, ровно постольку, поскольку для гражданъ возможно непосредственное общеніе. На все дальнѣйшее управленіе нужно кого-нибудь выбирать, передовѣряя ему свою власть. Во-вторыхъ, въ огромномъ большинствѣ дѣлъ и задачъ управленія «народной воли» совершенно нѣтъ, и ее нужно *создавать*. Этимъ долженъ кто-нибудь заниматься, и на этой функціи возникаютъ «партіи».

«Организація партій,—говоритъ Брайсъ—служитъ для органовъ управленія почти тѣмъ же, чѣмъ служитъ двигательная сила нервовъ для мускуловъ, жилъ и костей человѣческаго тѣла».

---

*) Джемсъ Брайсъ „Американская республика", переводъ Невядомскаго, часть II.

**) Мои личныя наблюденія надъ отношеніями „народнаго представительства" и политиканства изложены въ книжкѣ „Демократія либеральная и соціальная". Несмотря на всѣ различія въ происхожденіи и даже системѣ французскаго и американскаго парламентаризма, несмотря на различіе въ „бытовомъ" типѣ политикановъ—самый захватъ ими власти надъ теоретически „самодержавнымъ" народомъ совершается въ обѣихъ странахъ съ замѣчательно одинаковой полнотой, по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ, и совершенно аналогичными путями

Для организаціи партій, при помощи которыхъ вся правительственная власть переходитъ въ ихъ руки, являются профессіональные *политиканы* (*politicians*). Они ведутъ все управленіе за народъ, посредствомъ захвата всѣхъ должностей не только центральныхъ, федеральныхъ, но и мѣстныхъ, въ отдѣльныхъ штатахъ и округахъ. Они раздѣлены на партіи, но въ каждой партіи, при различіи программъ, роль и характеръ самихъ политикановъ одинаковы, и главнымъ мотивомъ дѣятельности ихъ является *добываніе средствъ къ существованію.*

«Политика сдѣлалась такой же прибыльной профессіей, какъ адвокатура, маклерство, торговля шерстяными матеріями, составленіе промышленныхъ компаній» (324). Политиканы, въ результатѣ своей борьбы, получаютъ должности на жалованьи. Сверхъ того, «всякій занимающій значительную должность на федеральной службѣ, въ штатѣ или муниципіяхъ, въ особенности же членъ конгресса, находитъ случай оказывать услуги богатымъ людямъ или компаніямъ, а за эти услуги его вознаграждаютъ втайнѣ деньгами» (324).

Насколько велики доходы политиканскаго чиновничества видно изъ громадныхъ суммъ, которыя они охотно уплачиваютъ своимъ партіямъ за получаемыя черезъ нихъ «выборныя» яко бы народомъ должности.

Избирательные расходы покрываются партійными сборами со всѣхъ политикановъ, сообразно выгодами мѣстъ, которыя они добиваются получить. Такъ, за должность судьи въ Нью-Іоркѣ политиканъ уплачиваетъ партіи около 15000 долларовъ, за окружного стряпчаго—15000 дол., за члена конгресса около 4000 дол. Въ 1887 г. демократическіе «кружки» Нью-Іорка потребовали за должность контролера 25000 дол., за назначеніе въ сенаторы (штата) 5000 дол. Между тѣмъ контролеръ получаетъ ежегодно жалованья 10000 дол., слѣдовательно за три года 30000, изъ коихъ онъ уплатилъ партіи 25000, такъ что ему остается «честнаго» дохода всего 5000 дол, на три года, по 1600 дол. въ годъ! Въ Америкѣ хорошій рабочій получаетъ больше, и конечно, не изъ-за этой жалкой суммы политиканъ добивается нѣсколько

лѣть дорваться хотя бы всего на три года до мѣста контролера... Сенаторъ же получаетъ всего по 1500 дол. въ годъ и выбирается на 2 года. Слѣдовательно, онъ на своемъ мѣстѣ, получитъ только 3000 дол., а уплачиваетъ за него 5000 дол. Ясно—что этотъ убытокъ покрывается очень недурными «доходами».

Какіе милліарды, въ общей сложности, выбираютъ политиканы изъ Америки, этого никто не знаетъ. Но вся страна жалуется на дороговизну чиновничества, даже по количеству получаемаго жалованья. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, мѣстное управленіе потребляетъ на жалованьяхъ 11 милліоновъ долларовъ. Но американскія должностныя лица постоянно смѣняются, вытѣсняемыя противными партіями, такъ что мѣста непрочны, и хороши только для того, чтобы наживаться на нихъ «въ запасъ». Вся Америка полна разсказами о безцеремонности чиновничества по части взятокъ, а эта прожорливая политиканская орда весьма внушительна по числу. «По всему вѣроятію, — говоритъ Брайсъ,—болѣе 200,000 людей занимаются исключительно политикой и добываютъ этимъ способомъ средства къ существованію» (т. II, стр. 327).

Число это получается по подсчету *оплачиваемыхъ* должностей, съ исключеніемъ гражданъ «безкорыстныхъ», занимающихся общественной дѣятельностью не за деньги. Но по даннымъ самого Брайса видно, что число политикановъ еще болѣе значительно, такъ какъ множество мелкихъ «работниковъ» партій, получаютъ вознагражденіе въ такихъ, не поддающихся учету должностяхъ, какъ швейцары, желѣзнодорожные рабочіе и т. п.

Весь слой этихъ «дѣятелей» пользуется въ Америкѣ общимъ презрѣніемъ порядочныхъ людей за свою безнравственность и безпринципность. Вопросы о долгѣ общественномъ, пользахъ отечества и т. п., для нихъ не существуютъ. Вся задача «политики»—въ полученіи мѣстъ и наживѣ. Въ политиканскихъ «кружкахъ», которые составляютъ самую душу партій, руководителями бываютъ даже иностранцы, такъ какъ «кружки», всѣмъ ворочающіе, составляютъ организацію почти

тайную, которая даже предпочитаетъ неизвѣстность, чтобы тѣмъ удобнѣе крутить по-своему партіями.

Политиканъ начинаетъ обыкновенно съ низкихъ мѣстъ. Ловкость и услуги возвышаютъ его, и могутъ довести до центральнаго комитета.

«Сдѣлавшись членомъ центральнаго комитета, онъ узнаетъ ту истину, что невелико число людей, которыми управляется міръ. Онъ принадлежитъ къ небольшому кружку, который заставляетъ весь городъ плясать по своей дудкѣ. Эта кучка людей, называемая «кружкомъ», наблюдаетъ за организаціей первоначальныхъ митинговъ, руководитъ дѣятельностью конвентовъ, подготовляетъ результаты выборовъ, ведетъ переговоры съ вожаками той же партіи въ другихъ мѣстахъ.

«Но эти полуконфиденціальные кружки составляютъ самую суть партіи. Они не только доставляютъ лучшія мѣста для своихъ членовъ, но стараются наложить свое иго на весь городъ, замѣщая городскія должности своими креатурами и, заставляя законодательное собраніе Штата издавать такіе статуты, которые нужны для кружка. Вліяніе ихъ громадно» (373—374).

Вождемъ кружка бываетъ тотъ, кто успѣлъ выбиться изъ ничего и доказать свою способность подчинять другихъ своему вліянію, завести связи съ крупными финансистами, желѣзнодорожниками и т. п., которые даютъ ему деньги, за оказываемыя имъ политическія услуги. Благодаря искусству и энергіи такой человѣкъ пріобрѣтаетъ господство надъ товарищами. Онъ раздаетъ должности, награждаетъ за преданность, наказываетъ за неповиновеніе, составляетъ планъ кампаніи, ведетъ переговоры о заключеніи трактатовъ. «Онъ обыкновенно избѣгаетъ гласности, предпочитая сущность власти ея блеску, и опасенъ для противниковъ особенно тѣмъ, что скрывается, какъ паукъ за паутиной. Это начальникъ кружка—Boss». (375).

Иногда случается, что весь Штатъ подчиняется вліянію одного такого интригана. Это всегда человѣкъ очень способный, почти всегда принадлежитъ къ числу членовъ конгресса, чаще всего членъ федеральнаго сената. Президенту респуб-

лики знакомо его имя, министры за нимъ ухаживаютъ, а между тѣмъ—это всегда самый отпѣтый въ нравственномъ отношеніи карьеристъ (376).

Но эти люди—«звѣзды» въ небѣ политиканства. Внизу партій гнѣздятся личности, которыхъ ужъ прямо никто на *порогъ не пуститъ*.

«Въ бѣдныхъ нью-іоркскихъ кварталахъ политическіе кружки нерѣдко состоятъ изъ преступниковъ, ихъ родственниковъ и сообщниковъ... Президентомъ одной сильной полу-политической ассоціаціи былъ воръ по профессіи» (446).

И вотъ организаціи такихъ людей владѣютъ самодержавнымъ американскимъ народомъ! Подъ флагомъ его власти они назначаютъ всѣхъ людей, управляющихъ его дѣлами. Здѣсь не мѣсто разъяснять технику этой узурпаціи, съ чѣмъ рекомендую ознакомиться у самого Брайса. Но не безполезно отмѣтить ея страшную силу.

Политиканы составляютъ заранѣе списки лицъ, которыхъ народъ долженъ избрать, и всегда достигаютъ этого. Митинги, которые должны санкціонировать избраніе своими голосами, подбираются такъ, что на нихъ попадаютъ только «свои» люди.

«Независимыхъ» избирателей не допускаютъ и хитростью, и нахальствомъ. Въ общей сложности, по вычисленію Брайса, политиканы такимъ образомъ фактически лишаютъ избирательныхъ правъ около *четырехъ пятыхъ* гражданъ американской республики. Изъ 58000 республиканскихъ избирателей Нью-Іорка только 6000 или 8000 были въ 1880 г. членами республиканской «организаціи» и имѣли право голоса на первоначальныхъ митингахъ. Въ 1888 г. въ различныхъ округахъ на первоначальныхъ митингахъ было только отъ 10% даже до 2% всѣхъ избирателей.

«Вся эта процедура, говоритъ Брайсъ есть ничто иное, какъ пародія на народные выборы. Въ ней только для виду соблюдается правило, что все должно зависѣть отъ голосованія избирателей, а на самомъ дѣлѣ избранія дѣлаются всецѣло политиканами».

Но какъ же народъ терпитъ ихъ узурпацію, надувательство и хищничество? Потому что онъ безсиленъ передъ ними. Дѣло въ томъ, что партіи дѣйствуютъ организованно, по превосходно (въ боевомъ смыслѣ) выработанной системѣ, съ строжайшей дисциплиной, съ огромными затратами денегъ на рекламу, газеты, подкупъ избирателей и т. д. А граждане—изолированы или представляютъ небольшіе кружки, и сверхъ того — никому изъ нихъ не хочется бросать свои дѣла, чтобы заниматься политикой съ той же энергіей. Въ обычное время граждане разсуждаютъ, что имъ выгоднѣе терпѣть плохой, дорогой и взяточническій управительный персоналъ, чѣмъ бросать свои дѣла. Народъ вступаетъ въ энергическую борьбу съ политиканами лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда тѣ становятся уже слишкомъ невыносимы, да и это—борьба очень не легкая...

Но, конечно, такія періодическія возстанія покореннаго народа противъ своихъ узурпаторовъ — все таки служатъ острасткой для политикановъ, которые тогда на время умѣряютъ свои аппетиты и смягчаютъ наглость, пока народъ не успокоится.

Вотъ какова дѣйствительность демократическаго самоуправленія.

Брайсъ—поклонникъ демократіи—утѣшаетъ себя надеждою, что, съ большимъ развитіемъ гражданъ, зло политиканства уменьшится. Но этого совершенно нельзя ожидать. Именно болѣе развитые и образованные американцы съ наибольшимъ отвращеніемъ отстраняются отъ политики. Да сверхъ того— какъ бы ни развивался народъ—политиканы тоже не остаются безъ прогресса, и всегда сумѣютъ приспособиться къ новымъ условіямъ, чтобы удержать свое господство надъ народомъ.

Задача настоящей книги не состоитъ въ изслѣдованіи демократіи, и я поэтому ограничусь простымъ заявленіемъ моего убѣжденія, что американская демократія непремѣнно кончитъ переходомъ *въ имперію*, которая одна въ состояніи будетъ обуздать политиканство, теперь все болѣе переходящее на

службу крупному капиталу въ ущербъ всему рабочему населенію.

Сама же по себѣ демократія не можетъ никогда справиться съ политиканами вслѣдстіе своей малой способности къ сочетанію управительныхъ властей, тогда какъ единственное средство избѣжать узурпаціи ихъ — это сочетаніе въ нихъ разнородныхъ принциповъ, которые въ этомъ случаѣ служатъ взаимной поправкой и сдержкой.

Но система сочетанія властей — лежитъ въ способностяхъ *только монархіи*, конечно, если она понимаетъ сама себя и разумныя основы свойственной ей политики.

ГЛАВА XXXVII.

Бюрократія и политиканы.

Итакъ мы видимъ, что совершенно неосновательно представлять себѣ «самоуправленіе» народной воли въ какомъ то идиллическомъ свѣтѣ. Узурпація служебныхъ властей вѣчно угрожаетъ всякой верховной власти, въ демократіи или монархіи, если противъ этого не принимается сознательныхъ и разумныхъ мѣръ.

Въ этомъ отношеніи средства монархіи богаче, нежели у демократіи. Но, если мѣръ противъ узурпаціи управительныхъ властей не принимается, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ— бюрократія еще вреднѣе чѣмъ политиканство. Бюрократія имѣетъ преимущества передъ политиканами въ смыслѣ внѣшняго приличія своего персонала, всегда старающагося усваивать обычаи высшаго общества, а также и въ смыслѣ лучшей выработки чисто спеціальной техники своей должности. Но зато бюрократія можетъ пасть до болѣе низкой степени въ отношеніи способностей и энергіи дѣйствія, чѣмъ политиканы. Причина этого заключается въ безпрерывной партійной борьбѣ, которую должны выдерживать политиканы за обладаніе властью, вслѣдствіе чего у нихъ слабые неизбѣжно погибаютъ и не годятся къ этой профессіи.

Бюрократія же, успѣвшая окружить своей стѣной верховную власть, и фактически подчинить ее — способна сама крайне понижаться въ смыслѣ способностей.

Это обстоятельство очень важно. Государство, захваченное хотя бы и мошенниками, но очень способными и энергичными—можетъ все таки существовать, такъ какъ его владѣтели изъ собственныхъ выгодъ стараются не довести его до паденія. Но бюрократія, по мѣрѣ увеличенія своего всевластія, сама понижается. Причины этого состоятъ въ томъ, что главное требованіе отъ чиновника состоитъ въ дисциплинѣ, исполненіи приказаній и знаніи формы. Все это совмѣстимо съ очень ограниченными умственными способностями, и даже лучше достигается у человѣка мало энергичнаго и не самостоятельнаго по природѣ. Что касается повышенія, чиновъ, увеличенія жалованья, вообще обезпеченія, все это достигается механически, простымъ «безупречнымъ» прохожденіемъ службы.

Итакъ, эти средніе, маленькіе люди могутъ жить, служить и выслуживаться, если не очень высоко, то достаточно для честолюбія маленькаго человѣка и для обезпеченія его старости и участи семьи.

У политикановъ энергія необходимо нужна, и, сверхъ того, человѣка очень способнаго и энергическаго, невозможно удерживать въ тѣни. Онъ—пробьется самъ. Поэтому политиканамъ выгоднѣе принимать такого человѣка, и давать ему ходъ, дѣлая изъ него полезное орудіе партіи. Сверхъ того, въ политиканствѣ есть еще одна особенность. Будучи вообще лишены нравственности, партійные дѣятели имѣютъ потребность держать въ партіи, на показъ народу, нѣсколько честныхъ людей. Когда мошенничество начинаетъ слишкомъ возмущать народъ, и онъ подымается на искорененіе зла, партія — спасается, выдвигая на время впередъ своихъ честныхъ людей.

Такимъ образомъ, политиканство хранитъ въ управительномъ аппаратѣ государства способности, и энергію и даже нѣкоторое количество честности, хотя обычно и непримѣняемой къ дѣлу.

Положеніе бюрократіи иное. Та борьба за существованіе, которая характеризуетъ ея высшія сферы (дошедшія до состоянія чиновной олигархіи)—основана не на побѣдѣ сильнѣйшаго, а на системѣ *монополіи* власти, на системѣ *недопущенія* до власти людей способныхъ, которые могли бы низвергнуть монополиста, уже захватившаго мѣсто. Еще болѣе эти монополисты опасаются допустить людей честныхъ, которые не пойдутъ на компромиссы, на запродажу себя. Эта разница въ способахъ дѣйствія бюрократіи и политикановъ зависитъ отъ того, что единоличную верховную власть можно сдѣлать совершенно недоступной для народа, и для освѣдомленія о совершающихся злоупотребленіяхъ. Народную же массу (въ демократіи) политиканы могутъ захватить въ свои руки, но не могутъ вполнѣ пресѣчь доступа къ народу. Кричать передъ народомъ, при демократіи, всегда возможно, тогда какъ голосъ протеста легко можетъ быть совершенно не допущенъ до царя. И вотъ почему система монополіи власти становится возможна при монархіи.

Но государственныя послѣдствія этого получаются самыя опасныя.

Дѣйствительно, способные и убѣжденные люди, ревниво оттираемые монополистами управленія, систематически задерживаются на низшихъ должностяхъ, или же совсѣмъ отстраняются, вслѣдствіе чего составъ правящихъ сферъ постепенно все болѣе понижается. Способные люди—обиженные и протестующіе, начинаютъ переходить въ разныя отрасли частной службы, и мало по мало *общество становится способнѣе правящихъ сферъ.* Это проявляется съ особенной опасностью при всякомъ революціонномъ движеніи, когда противъ своихъ враговъ убѣжденныхъ, энергичныхъ и способныхъ изыскивать средства борьбы—правительство уже не находитъ ни энергическихъ, ни умныхъ дѣятелей.

Тоже самое явленіе происходитъ и въ случаѣ международныхъ столкновеній.

Бюрократія ослабѣвшая въ смыслѣ способностей и энергіи—при всякомъ столкновеніи съ другими державами—ока-

зывается ниже международныхъ соперниковъ. Они постоянно находятъ средства обмануть и запугать ее, если даже не закупить. Духъ бюрократіи становится еще фатальнѣе, когда проникаетъ въ военныя сферы, а онъ, при общемъ господствѣ, неизбѣжно и туда долженъ проникнуть.

Онъ сказывается здѣсь въ чрезмѣрномъ развитіи іерархической дисциплины, и регламентаціи всей жизни войскъ. Лучшіе полководцы всегда заботились о развитіи личной инициіативы въ войскахъ. Требуя дисциплины, они не менѣе требовали смышлености и инициіативы, умѣнья самостоятельно сообразить, что и какъ нужно дѣлать. Это широкое развитіе инициіативы характеризовало, напримѣръ, армію Петра Великаго. Суворовъ только потому и могъ явиться на свѣтъ, что въ его время даже полковой командиръ могъ самостоятельно составлять уставъ для своего полка. Въ нашей арміи, долго хранился этотъ духъ инициіативы, выручавшій насъ въ самыя трудныя времена, и императрица Екатерина даже выдвинула принципъ «Побѣдителя не судятъ» *).

Но когда бюрократизмъ проникаетъ въ армію, самостоятельная работа офицера исчезаетъ. Все ему предписано свыше, всюду единообразно. Малѣйшіе пустяки, время обѣда солдатъ, прогулка, сонъ, ученье—все расписано. Офицеръ превращается въ простой винтикъ машины. Онъ ничего не можетъ сдѣлать самъ. Полковой командиръ точно также ничего не смѣетъ сдѣлать, не спросивъ дивизіоннаго и т. д. Войсковая канцелярщина развивается едва ли не сильнѣе гражданской. Въ этой канцелярской всепредписанности, въ привычкѣ о всемъ спроситься, и ничего не смѣть сдѣлать по своему соображенію, воспитывается офицеръ. Неспособные выдержать столь механическое существованіе или уходятъ, или затираются на низшихъ мѣстахъ. На верхъ выходятъ только люди, успѣшно прошедшіе горнило

*) При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, Вельяминовъ, на полученный Высочайшій приказъ о направленіи военныхъ дѣйствій, отвѣтилъ, что государь можетъ его казнить, но приказанія его онъ исполнить не находитъ полезнымъ, а долженъ поступить наоборотъ. Послѣдствія оправдали самовольный поступокъ Вельяминова, и государь горячо благодарилъ его за честную службу его интересамъ.

обезличенности, и — вотъ когда наступаетъ война — все это сказывается самымъ роковымъ образомъ. Всѣ ждутъ приказаній, никто ничего не позволяетъ себѣ разсудить, да и не умѣетъ, а начальство далеко, и пока успѣетъ отдать приказаніе—непріятель разбиваетъ войско...

Такимъ образомъ, въ критическую минуту внѣшняго или внутренняго испытанія, бюрократизированное государство обречено почти фатально на крушеніе. Въ этомъ отношеніи даже политиканы менѣе вредны, чѣмъ бюрократическая олигархія, такъ какъ въ средѣ политикановъ всегда найдутся умные и энергичные люди, которые сумѣютъ спасти отечество по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если не находятъ выгоднымъ продать его врагамъ.

XXXVIII.

Необходимость сочетанной системы управленія въ монархіи. Принципы общественнаго управленія.

Болѣе чѣмъ гдѣ-либо, въ самодержавной монархіи необходима система *сочетанія* бюрократіи и общественнаго управленія.

Монархъ вовсе не какой-то «первый изъ бюрократовъ», но власть верховная, единственный представитель націи. Его верховная власть охватываетъ всѣ силы и всѣ власти, какія порождаются соціальной жизнью націи. Онѣ всѣ для него одинаково близки, допустимы и одинаково находятся подъ его верховенствомъ.

Когда демократія назначаетъ управленіе изъ аристократіи, или выбираетъ диктатора—народное самодержавіе отъ этого не исчезаетъ. Такъ и Монархъ могъ бы хотя все государство поручить общественному управленію, и отъ этого не перестанетъ быть верховной властью.

Если здравая политика не можетъ рекомендовать монархіи построенія государственнаго управленія на почвѣ обществен-

наго управленія, то не изъ опасенія за верховность монархической власти, а потому, что это была бы очень плохая система управленія.

Общественное управленіе не во всемъ хорошо, а во многомъ даже совершенно непримѣнимо. Поэтому бюрократія является даже въ самыхъ крайнихъ демократіяхъ. Она развивается, напримѣръ, и въ земствѣ. Даже въ рабочихъ союзахъ— бюрократическій элементъ развивается неизбѣжно, и—съ пользой для дѣла. Итакъ монархія не можетъ не создавать, между прочимъ, системы бюрократическаго управленія. Но нѣтъ ни малѣйшихъ основаній не допускать рядомъ и общественнаго управленія, а напротивъ, есть всѣ основанія непремѣнно вводить его и сочетать съ бюрократическимъ.

Хорошая постановка управительной системы требуетъ привлеченія общественныхъ силъ въ государственное управленіе, повсюду, гдѣ это полезно. Польза же отъ участія общественныхъ элементовъ въ государственномъ управленіи можетъ проявляться въ трехъ направленіяхъ: 1—въ управленіи, допускающемъ *прямое* дѣйствіе народныхъ силъ (демократическихъ или аристократическихъ), 2—въ области *законодательной* дѣятельности государства, 3—въ области *контроля* за управленіемъ. Общественныя силы во всѣхъ этихъ случаяхъ могутъ оказывать монархической верховной власти драгоцѣннѣйшую помощь, ничуть не меньшую, чѣмъ учрежденія бюрократическія.

Сверхъ того, сочетаніе силъ бюрократіи и общественнаго управленія въ высшей степени полезно для правильности дѣйствій обѣихъ этихъ силъ, понятно — при томъ условіи, чтобы сама верховная власть не превращалась въ орудіе ни той, ни другой, но сохраняла свое природное положеніе верховенства, безпристрастнаго и справедливаго.

Разнородность принциповъ бюрократіи и общественнаго управленія не только не составляетъ помѣхи ихъ сочетанію, а наоборотъ, есть причина полезности сочетанія. Нѣкоторое соперничество между ними создаетъ взаимный ихъ контроль, взаимную поправку и обличеніе всякой ошибки и злоупотреб-

ленія. Сверхъ того, бюрократія, находясь въ связи съ общественными силами, не допускается ихъ вліяніемъ до того извращенія гражданскаго чувства, когда «чиновникъ» перестаетъ даже сознавать себя членомъ націи, сыномъ своего Отечества. Въ свою очередь дѣловитость чиновника даетъ полезный образчикъ для властей общественныхъ.

Присутствіе общественныхъ элементовъ въ управленіи государствомъ, въ мѣстныхъ дѣлахъ и около верховной власти (въ задачахъ законодательства и контроля), усиливаетъ средства самой верховной власти сохранять свой нормальный *верховный* характеръ. Окрѣпшій вслѣдствіе этого контроль верховной власти, вмѣстѣ съ присутствіемъ общественныхъ элементовъ въ государственномъ управленіи, не дозволяетъ и правительству превратиться во внѣнаціональную систему «вѣдомствъ». Это поддерживаетъ во всей системѣ бюрократіи національный духъ, мѣшаетъ «чиновнику» забывать, что онъ служитъ *Царю и Отечеству*, а не своему министру или начальнику департамента. Такимъ образомъ и сама бюрократія, благодаря сочетанію системѣ управленія, сохраняетъ гражданскій духъ, помнитъ долгъ передъ Царемъ и Отечествомъ, а не одни приказанія «начальства».

Участіе общественныхъ элементовъ въ государственномъ управленіи даетъ, наконецъ, верховной власти широкое освѣдомленіе о состояніи духа націи, и расширяетъ выборъ лицъ для достойнаго привлеченія къ государственной службѣ на бюрократическомъ поприщѣ.

Въ общей сложности, система сочетанія бюрократическаго и общественнаго управленія, всегда бывшая во всѣхъ процвѣтающихъ монархіяхъ, не только прямо вытекаетъ изъ смысла государства и монархическаго принципа, но составляетъ для верховной власти единственное средство создать дѣйствительно *хорошее* управленіе страной.

Введеніе общественныхъ силъ въ государственное управленіе имѣетъ двѣ главныя формы: 1—*созданіе учрежденій* на почвѣ общественнаго и сословно - классового управленія, и 2—*привлеченіе общественныхъ представителей* въ общій кругъ государственнаго управленія.

Общественное и сословное управленіе всегда было въ Россіи и сохранилось до сихъ поръ. Недостатки его уже характеризовались выше, но задача настоящихъ строкъ не въ критикѣ существующаго, и не въ выработкѣ схемы болѣе удовлетворительныхъ учрежденій, а въ установкѣ самыхъ *принциповъ*, на которыхъ разумно устанавливается общественное управленіе въ связи съ бюрократическими учрежденіями.

Мѣстное общественное управленіе полезно во всемъ, гдѣ возможно *прямое* управленіе народа, или передовѣріе его полномочій въ самой первой инстанціи. Народные выборные люди должны быть, по крайней мѣрѣ, хорошо извѣстны населенію, и вполнѣ доступны его контролю. Поэтому мѣстное общественное управленіе, какъ и сословно-классовое, удачно примѣняется только на территоріяхъ небольшого размѣра, или въ предѣлахъ непосредственнаго сплоченія соціальныхъ группъ. Во всемъ же, гдѣ народу приходится создавать сложную систему представительства, съ нѣсколькими инстанціями передаточныхъ выборныхъ властей—общественное управленіе уже *не существуетъ*, а составляетъ лишь фикцію, прикрывающую господство профессіональнаго политиканскаго слоя.

Итакъ, первое правило построенія общественнаго управленія составляетъ порученіе общественному управленію лишь того размѣра дѣлъ, *который ему по существу доступенъ*.

За этими предѣлами—тамъ, гдѣ общественному управленію, для своего функціонированія, неизбѣжно было бы создавать сложныя инстанціи передаточныхъ властей, для общественнаго управленія нѣтъ разумнаго мѣста, и *эти инстанціи управленія должно созидать изъ бюрократическихъ учрежденій*, усиленныхъ, если нужно, совѣщательнымъ голосомъ народа.

Второе правило общественнаго управленія требуетъ *сословности избраній* его довѣренныхъ людей.

Необходимо, чтобы каждая соціальная группа посылала въ общее управленіе *только своихъ* членовъ. Если мы допустимъ выборъ представителей на общегражданскихъ началахъ, то есть допустимъ, чтобы соціальные слои поручали свои дѣла лицамъ, стоящимъ внѣ даннаго слоя, то все мѣстное управле-

ніе неизбѣжно быстро узурпируется политиканами, и не будетъ уже имѣть никакихъ достоинствъ общественнаго управленія.

Конечно, въ политикѣ нѣтъ абсолютнаго примѣненія какихъ бы то ни было принциповъ. Ихъ обходятъ практическія условія жизни. Такъ, напримѣръ, невозможно помѣшать какому-либо интеллигентному разночинцу приписаться къ крестьянскому обществу, чтобы явиться затѣмъ представителемъ крестьянъ. Но уже и такая полуфиктивная приписка невольно сближаетъ этого человѣка, до извѣстной степени, именно съ даннымъ сословіемъ. Точно также должно сказать, что бываютъ исключительныя минуты опасности или общаго высокаго подъема, когда все рѣшаетъ только *духъ*, и всѣ формы теряютъ значеніе. Но въ обычное время, какъ общее правило — можно поставить несомнѣннымъ принципомъ, что только кровный членъ данной соціальной группы, связанный съ нею бытомъ, духомъ и интересами, способенъ явиться ея представителемъ, и что лишь при такомъ непосредственномъ участіи въ управленіи, въ лицѣ своихъ членовъ, національныя соціальныя силы предохраняются, въ мѣрѣ возможнаго, отъ порабощенія профессіональнымъ политиканствомъ.

Третье правило плодотворнаго мѣстнаго управленія, какъ и всѣхъ формъ общественнаго управленія, объединяющаго на одномъ дѣлѣ нѣсколько соціальныхъ группъ — состоитъ въ томъ, чтобы *всѣ онѣ имѣли свое представительство* въ общемъ управленіи, и ни одна не была отъ него оттираема.

Одна изъ задачъ общественнаго управленія, и связанныхъ съ нимъ бюрократическихъ учрежденій, должна состоять въ наблюденіи за этимъ. Дѣло въ томъ, что соціальный составъ населенія мѣняется. Въ мѣстностяхъ переселенческихъ, напримѣръ, на ряду съ привилегированными «старожилами», являются обездоленные «новожилы». Развивающаяся промышленность создаетъ, въ другихъ мѣстахъ, фабричное населеніе, или горнорабочее и т. п. Иногда обнаруживаются своеобразныя явленія, какъ, напримѣръ, весьма важный слой «дачепромышленниковъ» Московскаго уѣзда... Необходимо слѣдить за

всѣми подобными явленіями, чтобы не оставлять и новыя группы безъ участія въ мѣстномъ управленіи.

Четвертое правило требуетъ, чтобы количество представителей отъ разныхъ группъ находилось въ нѣкоторой пропорціональности съ численной, экономической и соціальной важностью ихъ. Тамъ—гдѣ требуется простое совѣщаніе—нѣтъ надобности искать никакой пропорціональности представительства. Но мѣстное управленіе—«рѣшаетъ» мѣры и приводитъ ихъ въ исполненіе. При этомъ немыслимо допускать, чтобы болѣе слабыя группы могли командовать болѣе сильными, чтобы громадная масса, напр., крестьянства была подавляема сотней семействъ «привилегированныхъ сословій», или, наоборотъ, численное большинство бѣдныхъ могло разорять богатое меньшинство тенденціозно раздутыми налогами и т. п. Для избѣжанія всего этого требуется искусная установка пропорціональности представительства отъ разныхъ группъ населенія, что составляетъ задачу весьма сложную, въ разрѣшеніи которой должны совмѣстно трудиться какъ мѣстныя общественныя силы, такъ и государственная власть.

Пятое правило разумной установки мѣстнаго или сословно-классового управленія, составляетъ непремѣнный *контроль государственной власти*, и право всякаго меньшинства, считающаго себя притѣсненнымъ—*аппелировать къ общегосударственной власти.*

Нельзя допустить идеи, будто бы у какого бы то ни было общественнаго управленія имѣются какія-либо исключительно *свои* дѣла, не подлежащія контролю государства. Это точка зрѣнія принципіально ложная. Идея сочетаннаго управленія допускаетъ, безъ различія, управительное дѣйствіе властей, назначаемыхъ правительствомъ, или выдвигаемыхъ самими общественными группами, только потому, что онѣ одинаково входятъ въ общегосударственный союзъ. Если же бы общественныя группы могли выходить изъ общегосударственнаго союза, чтобы замыкаться въ какихъ-то исключительно «своихъ» дѣлахъ—то онѣ не могли бы быть признаны способными къ участію въ государственномъ управленіи. Да, въ дѣйствитель-

ности, въ соціальныхъ группахъ націи и нѣтъ такихъ дѣлъ или интересовъ, которые бы не касались, такъ или иначе, всего государства. Съ точки зрѣнія верховной власти—все, что только происходитъ въ націи—*касается и ея самой*, верховной власти, и при надобности подлежитъ ея вмѣшательству.

Я уже указывалъ выше, что предѣлы дѣйствія государства опредѣляются вовсе не содержаніемъ интересовъ, подлежащихъ его охранѣ, а лишь обязанностью не дѣлать ничего, задушающаго самостоятельность личности и общества. Но въ «частныхъ», повидимому, дѣлахъ соціальныхъ группъ всегда могутъ быть такія стремленія, которыя требуютъ вмѣшательства государственной власти, именно для исполненія этой ея обязанности. Такъ, всевозможныя корпораціи и общество могутъ крайне давить на личность. Но монархическая верховная власть, какъ хранительница верховенства нравственнаго начала, не можетъ потерпѣть ни въ какихъ групповыхъ или частныхъ дѣлахъ торжества неправды и упраздненія этической идеи.

При соблюденіи этихъ принциповъ построенія общественнаго управленія, является мѣсто для еще одного правила всякому общественному управленію должна быть предоставлена *достаточно широкая компетенція.*

Основное правило въ отношеніи всякаго учрежденія требуетъ, чтобы ему поручалось лишь дѣло, по существу ему доступное. Но это правило необходимо дополняется требованіемъ давать учреждаемому управленію всю власть и всѣ права, необходимыя для исполненія порученнаго дѣла. Безъ этого нельзя работать успѣшно. Это касается и размѣровъ компетенціи, которая должна охватывать всѣ отрасли дѣлъ, естественно связанныхъ съ исполненіемъ задачи, указанной данному общественному управленію.

Въ заключеніе, должно упомянуть о мѣстѣ Церкви въ общественномъ управленіи. Я отмѣчалъ выше нежелательность построенія мѣстнаго управленія на почвѣ церковно-приходской. Но въ системѣ мѣстнаго управленія очень важно обез-

печить присутствіе церковнаго контролирующаго и нравственнаго вліянія. Для этого, во всѣхъ общественныхъ управленіяхъ весьма полезно спеціальное приходское и епархіальное представительство, не отъ духовенства, но отъ самыхъ церковныхъ организацій, то-есть прихода и епархіальнаго совѣта приходовъ.

Что касается духовенства, то каждому епископу слѣдовало бы предоставить право наблюденія надъ всѣми управительными учрежденіями, общественными и бюрократическими, и право вхожденія во всѣ учрежденія со своимъ «печалованіемъ» и «увѣщаніемъ», къ верховной же власти съ соображеніями по поводу общаго хода дѣлъ гражданскаго управленія и состоянія духа его. Въ очеркѣ византійской государственности уже указывалось, что такое право епископовъ никакъ не должно превращаться въ обязанность, и пользованіе имъ должно быть всецѣло предоставлено христіанской совѣсти епископа.

Переходимъ, за симъ, къ участію общественныхъ элементовъ въ общегосударственномъ управленіи.

XXXIX.

Монархическая система народнаго «представительства». Совѣтные люди.

Кромѣ общественнаго управленія, сочетаніе силъ бюрократическихъ и общественныхъ происходитъ и въ общегосударственныхъ учрежденіяхъ въ видѣ призыва такъ называемыхъ «народныхъ представителей».

По поводу этого должно прежде всего оговориться о смыслѣ термина «народное представительство», который совершенно перехваченъ конституціонной теоріей, и понимается исключительно въ смыслѣ представительства «народной власти» или «воли». Въ этомъ смыслѣ идея народнаго представительства совершенно несовмѣстима съ монархіей.

Однако, терминъ «представительство» націи или народа нельзя уступить въ пользованіе только демократическому понятію о немъ *). Безъ этого термина совершенно невозможно обойтись и при обрисовкѣ монархическаго общенія съ націей. Терминъ «народное представительство» приложимъ къ двоякаго рода понятію: 1—можетъ быть представительство народной власти и воли, 2—можетъ быть представительство народнаго духа, интересовъ, мнѣній и т. п.

Въ первомъ смыслѣ мы имѣемъ демократическую форму народнаго представительства, во второмъ—монархическую.

Народное представительство въ монархіи есть собственно орудіе общенія Монарха съ *національнымъ духомъ и интересами.* Эта идея общенія не только не имѣетъ ничего общаго съ идеей представительства *народной воли*, но даже съ ней несовмѣстима.

Идея представительства народной воли какими-либо выборными людьми сама въ себѣ содержитъ отрицаніе монархіи ибо органъ народнаго представительства въ этомъ смыслѣ есть самъ Монархъ.

Идея монархической верховной власти состоитъ не въ томъ, чтобы выражать собственную волю Монарха, основанную на мнѣніи націи, а въ томъ, чтобы выражать народный духъ, народный идеалъ, выражать то, что думала бы и хотѣла бы нація, если бы стояла на высотѣ своей собственной идеи.

Если бы «земля» способна была стоять на такой высотѣ, то монархическое начало власти не было бы и нужно для народовъ. Но оно нужно именно потому, что свойствами личности восполняетъ органическій, неустранимый другими способами недостатокъ соціальной коллективности.

Такимъ образомъ въ монархіи можетъ быть только вопросъ о способахъ *общенія съ націей*, но никакъ не о представительствѣ народной воли при Монархѣ.

---

*) Терминъ „представительство“ существуетъ не только въ политическомъ смыслѣ, но и въ гражданскомъ правѣ, и въ смыслѣ нравственномъ. Такъ у насъ есть судъ съ „сословными представителями“.

Но нравственное представительство націи необходимо для общенія Монарха съ народомъ. Оно нужно для того, чтобы верховная власть находилась въ атмосферѣ творчества народнаго духа, который проявляется иногда въ дѣятельности чисто личной, иногда въ дѣйствіи общественныхъ учрежденій и организацій и въ характерѣ представляющихъ ихъ лицъ. Монарху нужны и важны именно люди этого созидательнаго и охранительнаго слоя, цвѣтъ націи, ея живая сила.

Находятся ли эти люди собранными въ одной залѣ или нѣтъ, это, конечно, вопросъ второстепенный. Можетъ случиться что для верховной власти понадобится видѣть ихъ въ совокупности, можетъ случиться и наоборотъ, но во всякомъ случаѣ, нужны именно они. Они даютъ общеніе съ духомъ націи.

Въ нихъ верховная власть можетъ видѣть и слышать не то, что говоритъ толпа, но то, что масса народа говорила бы, если бы умѣла сама въ себѣ разобраться, умѣла бы найти и формулировать свою мысль. Въ идеяхъ, дѣйствіяхъ и настроеніяхъ нравственныхъ представителей народа монархія имѣетъ передъ собою то, что ведетъ за собою массу къ созидательной работѣ. Монархическая верховная власть, вся сущность которой и вся задача состоитъ въ представительствѣ самого идеала народной жизни, и въ направленіи государственной дѣятельности сообразно съ нимъ, а не со случайными криками и вѣчно заблуждающимися наличными желаніями толпы,— имѣетъ надобность въ общеніи именно съ лучшими людьми націи, выразителями ея современнаго и историческаго генія. Весь вопросъ объ общеніи сводится къ средствамъ окружить верховную власть этими людьми, выдѣлить ихъ, сдѣлать видными, легко находимыми и доступными для власти.

Эти-то общественные или «народные представители», въ монархіи, являются не какъ депутаты народной власти, или воли, а какъ «совѣтные люди». Для привлеченія ихъ на государственную работу можетъ практиковаться какъ система *выборовъ* населеніемъ, такъ и *призывъ* ихъ самой государственной властью, или наконецъ то и другое вмѣстѣ. Но

въ обоихъ случаяхъ самое существенное составляетъ та общая идея, которой должны руководиться выборы или призывъ.

Въ этомъ отношенiи *монархическая* идея народнаго представительства рѣзко отличается отъ *демократической*, что наблюдается какъ въ исторической практикѣ, такъ уясняется и самой идеей монархiи.

При демократическомъ представительствѣ задача состоитъ въ томъ, чтобы изъ народной воли создать государственное управленiе. Я уже говорилъ, что идея представленiя чужой воли вообще искусственна и фиктивна, за исключенiемъ очень рѣдкихъ случаевъ. Нормальный же результатъ этого псевдо-представительства народной воли состоитъ лишь въ томъ, что оно создаетъ властвующiй надъ страной правящiй классъ, прикрывающiйся фикцiей народной воли.

При всей фиктивности представительства народной воли—такой правящiй классъ однако необходимъ *для демократiи* ибо фикцiя представительства создаетъ реальную *правящую силу*, безъ которой было бы невозможно государство. Посему въ демократiи естественно является такое устройство голосованiй и выборовъ, которое бы, на видъ, возможно математичнѣе выражало измѣренiе предполагаемой народной воли. Такъ какъ народная воля, по этой фикцiи, въ равныхъ доляхъ разлита по всей нацiи, и у каждаго гражданина имѣется (согласно той же фикцiи) въ равномъ количествѣ, то начинаютъ считать сколько единицъ народной воли приходится на каждаго искателя представительства, и затѣмъ—тѣ лица, у которыхъ оказывается скоплена большая сумма этой «народной воли»—становятся, во имя этого, властью.

Здѣсь—все фиктивно. Въ большинствѣ вопросовъ правленiя народной воли совершенно не существуетъ, а когда она формируется—то складывается вовсе неравными долями въ каждомъ гражданинѣ, а въ высшей степени неравномѣрно—смотря по способностямъ и влiятельности этихъ лицъ. Одинъ генiально чуткiй человѣкъ можетъ выражать въ себѣ народную волю во сто тысячъ разъ больше, чѣмъ сотни другихъ; цѣлые миллiоны людей совершенно не содержатъ въ себѣ

никакой доли «народной воли», такъ какъ ровно ничего не понимаютъ въ данномъ вопросѣ и даже имъ не интересуются. Тѣмъ не менѣе—по демократической ариѳметикѣ, всѣ они, каждый считаются за одну единицу. За симъ—по подсчету суммы единицъ—опредѣляется какъ бы вѣсъ народной воли, и для удобства этихъ выкладокъ вводится всенародное голосованіе.

Вся эта система,—какъ она ни смѣшна съ точки зрѣнія государственнаго разума—совершенно необходима и практична въ демократіи. Ибо главная и первая задача политики состоитъ въ томъ, чтобы имѣть какую-нибудь неоспариваемую *власть*. Выборная ариѳметика демократіи даетъ ее, и правленіе становится возможнымъ. А воля народа прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы у него было какое-нибудь правленіе, и *въ этомъ*, только въ этомъ отношеніи, она исполняется системой всенародныхъ голосованій.

Но ничего подобнаго не требуется создавать при монархіи. Правительство въ ней уже есть. Государственная воля уже существуетъ въ лицѣ самого Монарха, который и есть представитель того внутренняго содержанія націи, изъ котораго проистекаетъ ея воля, каждый разъ когда народъ способенъ продумать свое содержаніе и опредѣлить—въ какомъ актѣ оно должно выразиться примѣнительно къ тому или иному текущему вопросу.

Это представительство единственно реальной народной воли, то-есть, такъ сказать—*воли народнаго духа* — принадлежитъ Монарху. Такимъ образомъ задача народнаго представительства въ монархіи уже совершенно не та, какъ въ демократіи.

Задача народнаго представительства здѣсь сводится къ тому, чтобы представительство Монархомъ народнаго духа, идеала, и его приложенія къ актамъ текущей политики *не было фиктивнымъ*.

Поэтому народное представительство въ монархіи имѣетъ цѣлью, во-первыхъ, объединить Монарха съ народнымъ умомъ, совѣстью, интересами и творческимъ геніемъ; во-вторыхъ, не допустить разъединенія основныхъ элементовъ государства,

то-есть Царя и народа, и подчиненія ихъ служебнымъ силамъ, каковыми являются у Царя его *чиновники*, а у народа его *выборные представители*.

Первые—перехватывая на себя выраженіе воли Царя—образуютъ бюрократію, вторые, перехватывая на себя выраженіе воли народа—образуютъ систему политиканскую. Оба слоя служебныхъ элементовъ, когда они допущены до такого разъединенія верховной власти и народа—являются поработителями ихъ обоихъ *).

Итакъ, задача народнаго представительства для монархіи состоитъ въ томъ, чтобы сохранить единство основныхъ элементовъ государства, Царя и націи, сохранить свободною волю государства (въ лицѣ Царя) и вооружить ее всей творческой силой національнаго генія; націю же, въ ея отдѣльныхъ слояхъ и въ совокупности приблизить къ верховной власти, и такимъ образомъ обезпечить государственное осуществленіе мысли, потребностей и желаній народа.

Для достиженія такихъ цѣлей—совершенно нѣтъ надобности въ подсчетѣ голосовъ народа. Нуженъ, такъ сказать, подсчетъ *силъ* ума, совѣсти, генія, имѣющихся въ націи, нуженъ подсчетъ *интересовъ*, существующихъ въ націи, и требующихъ удовлетворенія посредствомъ примѣненія къ нимъ работы національной совѣсти, ума и творческаго генія.

Ариѳметическій подсчетъ голосовъ не только не нуженъ для этихъ цѣлей, но даже вреденъ, ибо при такомъ подсчетѣ большинство всегда окажется на сторонѣ болѣе глупыхъ, менѣе совѣстливыхъ, менѣе творящихъ, и менѣе, наконецъ, вліятельныхъ въ народѣ.

Ариѳметическій подсчетъ всенароднаго голосованія вообще даетъ выраженіе не высоты націи, а ея низкаго состоянія,

---

*) Въ теоретическомъ смыслѣ — это разъединеніе верховной власти и народа—одинаково происходитъ въ бюрократіи и парламентаризмѣ (системѣ политиканства). Вся разница въ томъ только, что узурпаторская служебная сила въ одномъ случаѣ (при монархіи) обволакиваетъ собою конкретизированную народную волю (личность Царя), а въ другомъ случаѣ (въ демократіи) она обволакиваетъ народную волю внутри самой народной массы, отнимая у совѣсти, и ума народа его волю.

почему совершенно не имѣетъ смысла для задачъ монархическаго народнаго представительства.

Какова же система народнаго представительства, нужная для монархіи?

Такая система представительства требуетъ, чтобы нація была организована въ своихъ классахъ, сословіяхъ, вообще въ реальныхъ коллективностяхъ, изъ которыхъ она состоитъ, и въ средѣ которыхъ живутъ и дѣйствуютъ ея отдѣльные граждане. Чѣмъ лучше нація организована въ своихъ соціальныхъ группахъ, тѣмъ проще и легче исполнима монархическая система національнаго представительства. Чѣмъ болѣе нація дезорганизована — тѣмъ труднѣе создать ее. При дезорганизованности націи — ея творческія силы не видны. Ихъ трудно вызвать, если этого пожелаетъ верховная власть, ибо *неизвѣстно гдѣ они находятся. Ихъ трудно выбрать даже народу*, ибо онъ также ихъ не всегда видитъ. При дезорганизованности націи — приходится прибѣгать къ системѣ выборовъ по большинству голосовъ, то-есть къ системѣ слѣпыхъ выборовъ, къ системѣ опроса не высшихъ, а низшихъ элементовъ соціальной жизни.

Но когда нація организована, когда законъ предоставилъ гласное существованіе тѣмъ соціальнымъ группамъ, изъ коихъ нація состоитъ—то представительство ихъ одинаково легко и въ общественномъ управленіи, и въ государственномъ. Каждая группа—территоріальная или промышленная, или выражающая какую-либо отрасль умственной дѣятельности—хорошо знаетъ своихъ выдающихся людей и безъ труда ихъ выдвинетъ. Будучи организованной, каждая группа можетъ также и усмотрѣть за дѣятельностью своихъ представителей и понять—вѣрно ли они выражаютъ ея интересы и мысли, или измѣняютъ ей, и въ потребныхъ случаяхъ можетъ обличить или смѣнить ихъ *).

---

*) Если мы попробуемъ дать образчикъ того, въ какой системѣ могло бы явиться національное представительство даже въ современной соціально дезорганизованной Россіи, то можемъ назвать рядъ группъ, способныхъ выставить своихъ представителей въ царское совѣщаніе:

1—представительство отъ собора русскихъ епископовъ или даже св. Синода,

При этомъ должно соблюдаться очень важное правило, проистекающее изъ самой цѣли національнаго представительства. Всѣ представители должны принадлежать къ тому классу, къ той соціальной группѣ, которые ихъ посылаютъ выражать свои интересы и мысли передъ верховною властью, и въ задачахъ государственнаго управленія. Нужно чтобы они лично и непосредственно принадлежали тому дѣлу, которое представляютъ, лично и непосредственно были связаны именно съ тѣмъ соціальнымъ слоемъ, котораго мысль выражаютъ. Безъ этого представительство станетъ фальшивымъ, и перейдетъ въ руки политиканскихъ партій, которыя вмѣсто національнаго представительства дадутъ государству профессіоналовъ политики. Это разрушало бы самую цѣль національнаго представительства: связь Царя съ народными группами и національнымъ творческимъ геніемъ.

Здѣсь дѣло не въ томъ, конечно, чтобы представитель крестьянъ былъ наилучшимъ пахаремъ и т. п. Съ теченіемъ времени—безъ сомнѣнія, представитель, напримѣръ, рабочихъ механическаго производства, или крестьянъ земледѣльцевъ, специализируется на государственной работѣ и потеряетъ личныя качества хорошаго механика или пахаря. Но обязанный представлять свою соціальную группу, смѣщаемый ею, какъ только начинаетъ ей измѣнять, и вообще во всемъ отъ нея завися, онъ — хотя бы 30—40 лѣтъ специально занимался представительствомъ этой группы, останется ея членомъ; ея дѣла и весь ея духъ онъ изучитъ еще лучше, чѣмъ тогда, когда впервые былъ посланъ ею.

2—дворянскія общества, 3—крестьянскія волости: земледѣльческія разныхъ раіоновъ, культурныя, рыболовныя, 4—казачьи войска, 5—фабрично-заводскіе рабочіе разныхъ производствъ (механики, ткачи, горнорабочіе и т. д.), 6—городскія управленія, 7—земства, 8—различныя купеческія организаціи, 9—собранія фабрикантовъ различныхъ раіоновъ, 10—ремесленныя цеховыя организаціи, 11—университеты, 12—присяжные повѣренные и т. д. Не касаюсь представительства инородческаго, которое вообще легче создаваемо, чѣмъ русское. Всѣ указанныя группы даже и теперь могли бы безъ большихъ ошибокъ опознать своихъ представителей. А если бы эти группы уже имѣли организацію для участія въ мѣстномъ управленіи—то выборъ или вызовъ ихъ представителей былъ бы легче, чѣмъ при всякой другой системѣ.

Требуется лишь избѣгнуть той опасности, чтобы онъ не перешелъ на общеполитиканскую роль, не присоединился—вмѣсто своей соціальной группы—къ какимъ-либо политиканскимъ кружкамъ. Эта опасность устраняется тѣмъ основнымъ правиломъ, что выборъ представителя зависитъ не вообще отъ «гражданъ», а именно отъ членовъ данной соціальной группы, которая, конечно, отзоветъ обратно человѣка, почему-либо отставшаго отъ ея интересовъ и требованій.

Такая система представительства, поддерживая прямую связь верховной власти съ живымъ народомъ, съ его соціальными слоями и группами, есть единственное средство для охраненія свободы верховной власти и націи отъ узурпаціи служебныхъ силъ. Сверхъ того, эта система представительства вливаетъ въ работу государства все творчество націи—въ задачахъ экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ. Государство при этомъ дѣлается не просто техническимъ управительнымъ аппаратомъ, но становится органомъ, компетентно чувствующимъ потребности реальной жизни націи въ безпрерывныхъ измѣненіяхъ и усложненіяхъ ея эволюціи.

Что касается пропорціональнаго отношенія чиселъ «совѣтныхъ людей», то это вопросъ не имѣющій никакого значенія для монархіи. Въ демократіи, гдѣ нужно создавать самую власть—можно увлекаться фантастической задачей выразить въ численности депутатовъ соотношеніе народныхъ слоевъ. Для монархіи эта неисполнимая фантазія нисколько не нужна. Численность крестьянъ или количество капиталовъ въ той или другой отрасли промышленности—извѣстны по статистикѣ гораздо лучше, чѣмъ по числу депутатовъ. Не этотъ вопросъ должно разъяснять представительство. Если бы въ палатѣ находился всего одинъ депутатъ отъ крестьянъ и десять отъ купечества, то они всѣ знали бы тѣмъ не менѣе, что у перваго стоитъ за плечами 80 милліоновъ населенія, а у послѣднихъ, взятыхъ вмѣстѣ—всего нѣсколько сотъ тысячъ. Для верховной власти и для задачъ государства въ депутатахъ требуется не графическая таблица населенія, а нужно,

чтобы интересы и мысли всѣхъ слоевъ населенія *напоминали* о себѣ и *выясняли* себя.

При этомъ необходимо, чтобы *никто* не былъ забытъ въ мысли верховной власти и въ задачахъ государства: ни сотни милліоновъ людей, ни сотни тысячъ. Задача верховной власти—всѣмъ дать справедливость, никѣмъ не пожертвовать, никого не погубить, но всѣхъ объединить въ справедливомъ соотношеніи ихъ интересовъ и потребностей.

Итакъ, въ монархическомъ національномъ представительствѣ важно не число депутатовъ и не пропорціональность чиселъ, а *доброкачественность представительства*, его неподдѣльность, его компетентность и его всеобъемлемость.

Съ такимъ представительствомъ—и только съ такимъ—Монархъ можетъ дѣйствительно пребывать въ общеніи и единомысліи съ народомъ, а Царь и народъ могутъ совмѣстно влагать въ государственныя управительныя власти должное содержаніе и направленіе ихъ дѣятельности.

XL.

Бюрократическія учрежденія.

Точное распредѣленіе мѣста, которое можетъ быть предоставляемо управленіямъ общественнымъ, и какое, напротивъ, должно быть сохранено за учрежденіями бюрократическими—составляетъ задачу практическаго законодательства. Въ теоретическомъ разсужденіи можно и должно лишь отмѣтить, что бюрократическія учрежденія составляютъ, во всякомъ случаѣ, совершенно необходимое средство управленія. Со стороны техническаго совершенства—они, конечно, превосходятъ всѣ другія. Такимъ образомъ, чѣмъ лучше сочетанная система успѣваетъ предохранить государство отъ опасности бюрократической узурпаціи, тѣмъ болѣе увѣренно можно и должно пользоваться этой формой учрежденій во всемъ, гдѣ онѣ приложимы. А приложеніе ихъ весьма обширно.

Такъ, законное мѣсто бюрократіи—прежде всего тамъ, гдѣ безъ нея угрожала бы развиться политиканская узурпація, то-есть повсюду, гдѣ общественныя учрежденія уже неспособны дѣйствовать безъ сложныхъ передаточныхъ органовъ. Бюрократія, такимъ образомъ, естественно должна занимать, такъ сказать, всѣ промежутки между общественными учрежденіями, служа нѣкоторымъ звеномъ между ними.

Бюрократическія учрежденія совершенно незамѣнимы на чисто исполнительныхъ функціяхъ, гдѣ единоличность дѣйствія, дисциплина, іерархичность и, наконецъ, спеціальная выработка персонала—особенно важны. Есть, сверхъ того, такія общегосударственныя потребности, которыя было бы опасно передавать въ руки общественныхъ учрежденій. Это касается тѣхъ дѣлъ, гдѣ эгоистическіе интересы мѣстныхъ жителей способны порождать небрежность къ общегосударственному интересу.

Въ общей сложности, въ рукахъ бюрократическихъ учрежденій неизбѣжно (для пользы дѣла) должна быть сосредоточена очень большая часть управительныхъ функцій. Можно представить такую общую схему распредѣленія функцій общественныхъ учрежденій и бюрократіи:

1) Управленіе мѣстное, сословное, профессіональное—находятся по преимуществу въ рукахъ общественныхъ учрежденій, и бюрократія здѣсь является органомъ по преимуществу лишь контролирующимъ; 2) все среднее государственное управленіе сосредоточивается по преимуществу въ рукахъ бюрократическихъ учрежденій, и общественныя силы здѣсь являются лишь съ совѣщательнымъ и контролирующимъ значеніемъ; 3) въ высшемъ государственномъ управленіи — всѣ исполнительныя функціи естественно принадлежатъ бюрократическимъ учрежденіямъ, функціи же законодательныя и контрольныя—представляютъ сочетаніе силъ общественныхъ и бюрократическихъ.

Мы отмѣчали выше (глава XXXII) общіе принципы совершенства дѣйствія управительныхъ учрежденій, и здѣсь достаточно сказать, что они наиболѣе полно осуществляются именно

въ учрежденіяхъ бюрократическаго типа, которыя наиболѣе допускаютъ механичность дѣйствія. Если присутствіе общественныхъ элементовъ въ государственномъ управленіи, и обезпеченіе независимости верховной власти, предохраняютъ бюрократію отъ потери гражданскаго духа, то она и по личному составу можетъ стать нетолько не ниже, но даже выше общественныхъ учрежденій. Но для поддержанія высоты своего дѣйствія—бюрократія болѣе чѣмъ какая-либо система требуетъ *контроля* и *отвѣтственности*.

Это особенно касается высшихъ бюрократическихъ учрежденій, духъ которыхъ съ чрезвычайной чуткостью передается всему составу низшихъ инстанціи.

Сознаніе необходимости контроля за бюрократическими учрежденіями подсказало Петру Великому его мысль—заимствовать *коллегіальную* систему учрежденій. Въ настоящее время, подъ вліяніемъ нѣкотораго ужаса передъ современной бюрократіей, у иныхъ снова появляется мысль о возвращеніи къ Петровской коллегіальности. Но эта мысль совершенно ошибочная. Непригодность коллегіальной системы ярко показана практикой XVIII вѣка. Бюрократическія учрежденія XVIII вѣка были ниже всякой критики, и если Россія при нихъ не доходила до такого ужаснаго состоянія, какъ при бюрократической «олигархіи», развившейся съ 1861 года, то причина этого заключается не въ коллегіальности учрежденій XVIII вѣка, а въ томъ, что бюрократія тогда вообще не была единственной правящей силой, но была ограничиваема соціально политической силой дворянства, и лучшей системой царскаго контроля. Сама же по себѣ коллегіальность бюрократическихъ учрежденій вовсе не обезпечиваетъ контроля, и сверхъ того фактически уничтожаетъ отвѣтственность, не говоря уже о медленности дѣлопроизводства. Уничтожая зло, обнаружившееся въ наше время, нѣтъ никакихъ основаній возвращаться къ тому злу, отъ котораго освободила Россію реформа Александра I, какъ и вообще отрѣшаться отъ доказанныхъ основъ энергіи дѣйствія учрежденій.

Вообще правильность дѣйствія управительныхъ учрежденій

находится въ прямой зависимости отъ того, правильно ли опредѣлено мѣсто дѣйствія самой верховной власти, какъ механика, наблюдающаго, направляющаго и исправляющаго дѣйствіе пущеннаго имъ механизма. Посему-то особеннаго вниманія политики управленія требуетъ постановка высшихъ государственныхъ учрежденій, представляющихъ ближайшее орудіе верховной власти.

XLI.

Высшія правительственныя учрежденія. Земскіе Соборы.

Организація средняго и низшаго управленія имѣетъ цѣлью, кромѣ непосредственныхъ задачъ управленія, дать возможно лучшую почву для хорошей установки высшаго управленія.

Организація высшаго управленія, кромѣ непосредственныхъ цѣлей управленія, должна имѣть задачею—подготовить наилучшую обстановку для дѣйствія верховной власти. Оно должно доставить ей наилучшія орудія управленія, привлечь въ ея распоряженіе наилучшія силы страны, расположить ихъ взаимно такъ, чтобы онѣ парализовали недостатки одна другой и гармонически дополняли взаимно свою силу. Наконецъ, высшія государственныя учрежденія должны быть таковы, чтобы при нихъ вопросъ о личныхъ способностяхъ носителя верховной власти не могъ получать рокового для государства значенія. Ничѣмъ не стѣсняя личнаго дѣйствія Монарха великихъ талантовъ и предпріимчивости, высшія государственныя учрежденія должны послужить опорою Монарху слабому, дать ему всю помощь національнаго генія, и удобство освѣдомленія и критики, для предупрежденія той узурпаціи, къ которой столь склонны какъ отдѣльные государственные дѣятели, такъ и учрежденія, какъ только замѣчаютъ лазейки для пріобрѣтенія вліянія на верховную власть.

Только строжайшее раздѣленіе властей въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ способно дать имъ хорошее дѣй-

ствіе и обезпечить независимость самой верховной власти. Учрежденія законодательнаго (т.-е. точнѣе законосовѣщательнаго и законосообразовательнаго характера) должны стоять въ полномъ авторитетѣ и силѣ, обезпеченные отъ узурпаторской практики со стороны власти судебной или исполнительной. Судебная власть должна быть обезпечена въ своей независимости и отъ нарушенія предѣловъ своей компетенціи властью исполнительной. Исполнительная же власть, сохраняя самостоятельность дѣйствія своего въ закономъ данныхъ предѣлахъ, должна быть вполнѣ подчинена властямъ законодательной и судебной, въ смыслѣ предѣловъ дѣйствія, контроля и отвѣтственности.

Учрежденія законодательной власти не должны быть обходимы и приводимы къ формѣ декорацій путемъ изданія, помимо ихъ разныхъ «временныхъ правилъ» и слишкомъ распространительной практики Высочайшихъ повелѣній *), министерскихъ циркуляровъ внѣ законнаго характера, или произвольнаго «толкованія законовъ» судебными установленіями. Точно также судебная власть не должна быть проводима къ бездѣйствію практикой «административныхъ взысканій». Каждый отдѣлъ спеціализированной власти долженъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ подобныя вторженія въ область его компетенціи, и подвергаться за подобную вину строжайшей отвѣтственности.

Сама верховная власть находится среди этихъ спеціализированныхъ властей, какъ единственная универсальная, сохраняющая въ себѣ всѣ функціи (законодательную, судебную, исполнительную).

Въ верховной власти нѣтъ никакой спеціализаціи, и нельзя ея допустить, не искажая верховную власть. Единственное различіе, какое есть въ ея дѣйствіяхъ—это то, что нѣкото-

*) Мнѣ кажется, что даже Высочайшее повелѣніе не всегда можетъ *безусловно* покрывать вину министра, его испросившаго внѣ законнымъ путемъ. Хотя воля верховной власти есть источникъ закона, но при этомъ иногда возможенъ вопросъ о томъ, не подлежитъ ли министръ отвѣтственности за *злоупотребленіе довѣріемъ* верховной власти.

рыя части ихъ она производитъ самолично, *прямо*, другія посредствомъ *передаточныхъ* властей.

По обстоятельствамъ, верховная власть можетъ прямо взять въ свои руки всякое дѣйствіе. Но обычный нормальный порядокъ, требуемый здравой политикой, указываетъ какъ прямое дѣло верховной власти—направленіе всего управленія и контроль за нимъ. Совершенство же управительныхъ учрежденій состоитъ въ томъ, чтобы возможно больше освободить силы верховной власти на это ея прямое дѣло.

Высшіе специализированные органы правительства—законодательный, судебный, исполнительный, имѣя отъ верховной власти извѣстныя полномочія на свое дѣло, всѣ одинаково должны подлежать ея контролю. Что касается ихъ рѣшеній—то въ нѣкоторыхъ случаяхъ они допустимы, подъ отвѣтственностью данной власти, на ея собственное усмотрѣніе, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ—обязательно подлежатъ утвержденію верховной власти.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда судебной или исполнительной власти предоставлено окончательное рѣшеніе, это не отмѣняетъ права безграничной апелляціи подданныхъ къ верховной власти. Безъ сомнѣнія—верховная власть можетъ дѣйствительно разсмотрѣть лишь незначительнѣйшую долю этихъ жалобъ, но принципіально она не можетъ снять съ себя обязанности, по мѣрѣ силъ, провѣрить дѣйствіе своихъ передаточныхъ органовъ и не можетъ отнять у подданныхъ ихъ естественнаго права искать защиты у верховной власти. Впрочемъ, какъ бы ни была мала доля разсмотрѣнныхъ и удовлетворенныхъ жалобъ—во всякомъ случаѣ это даетъ могущественную силу царскому контролю, и наказаніе, постигающее управительныя власти за неправое рѣшеніе, становится могущественнымъ средствомъ противъ ихъ злоупотребленій или небрежности.

Въ наибольшей степени личнаго участія Монарха требуетъ власть законодательная, ибо законъ, какъ указаніе общей постоянной нормы, необходимо требуетъ непосредственнаго утвержденія верховной власти.

Собственно законъ есть выраженіе *воли верховной власти.* Но изъ-за этого нельзя задавать вопросъ: для чего нужны особые органы законодательства въ монархіи? Вѣдь Монархъ могъ бы знать свою волю и безъ нихъ? Это мысль наивности или невѣжества. Въ Монархѣ, какъ человѣкѣ, конечно всегда имѣются какія-либо желанія, и въ этомъ смыслѣ какая-нибудь «воля». Но есть огромная разница между этой частной волей *человѣка* («аще и порфиру носитъ», какъ выражался Іоаннъ Грозный) и волей Монарха, какъ *Государя*, какъ *верховной власти.*

Величайшая обязанность и искусство Монарха именно и состоятъ въ томъ, чтобъ не смѣшивать своихъ *личныхъ* наклонностей и пожеланій со своей *государственной* волей.

Поэтому правильные органы законодательной дѣятельности въ монархіи—едва ли не болѣе необходимы чѣмъ всѣ остальные. Правильный порядокъ въ проявленіи законодательной воли Монарха есть дѣло наибольшей важности.

Воля Монарха, какъ верховной власти, должна выражать въ себѣ величайшую освѣдомленность, обдуманность, разумъ, соотвѣтствіе съ обстоятельствами и съ духомъ націи. Монархъ, какъ человѣкъ, можетъ не знать, и даже иногда не можетъ знать и сотой доли того, что необходимо знать для установленія даннаго закона. Монархъ, какъ человѣкъ, можетъ даже не догадываться о томъ, что извѣстный законъ необходимъ, а другой требуетъ отмѣны. Но государственный механизмъ для того и существуетъ, чтобы силу Монарха, какъ человѣка, увеличивать содѣйствіемъ всей, по возможности, силы національнаго разума и знанія. Правильныя законодательныя учрежденія должны достигать именно этой цѣли. Ими должна быть обезпечена чуткая законодательная инищіатива, всестороннее освѣдомленіе относительно всего, говорящаго за и противъ даннаго закона, обдуманность рѣшенія и, наконецъ, удачная редакція закона.

Посему-то, въ монархіяхъ, законосовѣщательная дѣятельность должна быть обставляема присутствіемъ наилучшихъ силъ страны, какія только можно найти.

Среди нихъ, въ исторіи, находили мѣсто и народные представители. Дѣйствительно, по смыслу своихъ задачъ, законодательныя учрежденія нуждаются въ присутствіи не однихъ представителей службы, не однихъ спеціалистовъ юристовъ, но и представителей національной мысли и совѣсти. Среди высшихъ государственныхъ учрежденій—это именно то мѣсто, гдѣ особенно желательны и потребны «совѣтные люди» самого управляемаго народа, его сословій или общественныхъ учрежденій.

Относительно высшей судебной власти должно замѣтить, что сохраняя необходимую свою независимость, она никакъ не можетъ быть ни безконтрольною, ни распространять идею своей независимости на отношенія къ самой верховной власти. Эта послѣдняя претензія, хотя весьма распространенная, рѣшительно ничѣмъ не оправдывается и ведетъ только къ деспотизму и деморализаціи суда. Независимость спеціализированныхъ властей необходима и разумна только въ отношеніи другихъ спеціализированныхъ же властей, но верховная власть—есть общая владычица, и не можетъ искажать себя отсѣченіемъ отъ своей компетенціи цѣлой важной отрасли спеціализированнаго управленія. Право апелляціи къ верховной власти, посему, не можетъ быть уничтожено, хотя и долженъ быть установленъ срокъ, послѣ котораго рѣшеніе суда, неопротестованное верховною властью, приводится въ исполненіе.

Нельзя также признать правильности идеи, которая придаетъ суду значеніе контрольнаго органа управительныхъ учрежденій. Судебное вѣдомство есть, конечно, хранилище законности, но, во-первыхъ, всѣ вообще вѣдомства должны сохранять и охранять законность, во-вторыхъ, одного охраненія законности недостаточно для органа контроля. Въ Россіи Сенатъ, получивъ функцію хранителя законности, являлся и высшей судебной инстанціей, и органомъ царскаго контроля. Это было, конечно, лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго контроля, но никакъ не можетъ быть признано достаточнымъ.

Учрежденіе, контролирующее управленіе съ точки зрѣнія одной законности, не можетъ охватить всей области царскаго

контроля. Въ дѣйствіяхъ частныхъ властей, при полномъ соблюденіи законности, могутъ проявляться столь неудобныя качества, какъ вялость, небрежность, неспособность и т. д. Эти качества могутъ отражаться на ходѣ управленія не менѣе вредно, чѣмъ незаконность. Съ другой стороны, могутъ быть дѣйствія юридически «незаконныя», но составляющія прямой долгъ служащаго, какъ гражданина, исполняющаго свой долгъ въ отношеніи верховной власти.

Было бы невозможно допускать судъ входить въ оцѣнку такихъ дѣйствій, въ отношеніи которыхъ приходится оставлять почву строгой законности и становиться на точку зрѣнія общественной пользы и высшей правды. Это значило бы деморализировать судъ и подрывать такимъ образомъ въ системѣ управительныхъ властей необходимый органъ охраны и воспитанія законности. А въ то же время—судебная власть, въ сферѣ такихъ «внѣзаконныхъ» оцѣнокъ, вовсе не подготовлена къ правильному рѣшенію и не вооружена надлежащей для этого универсальностью компетенціи. Судъ—для того чтобы быть хорошимъ судомъ, долженъ оставаться самимъ собою, властью судебною, а не контрольною. Его дѣло—сфера законной справедливости.

Такое же искаженіе идеи судебныхъ учрежденій составляетъ присвоеніе имъ права истолкованія смысла законовъ. Дѣло суда—примѣненіе закона, а не его истолкованіе. Если законъ не ясенъ, и его точнаго смысла или соотношенія съ другими узаконеніями приходится доискиваться, то это вина законодательныхъ учрежденій, которая ими же должна быть исправлена. Обязанность суда въ подобныхъ случаяхъ — потребовать разъясненія смысла закона у законодательныхъ учрежденій, и довести до свѣдѣнія верховной власти о замѣченной неисправности дѣйствія законодательной власти. Но право самостоятельнаго истолкованія смысла закона судебными учрежденіями, при малѣйшей распространительности, можетъ вести за собою лишь неизбѣжный произволъ суда и создавать въ концѣ концовъ не разъясненіе закона, а, наоборотъ, безвыходную путаницу противоположныхъ способовъ его пониманія.

Но отстраняя присвоенія судомъ власти, ему не принадлежащей, должно тѣмъ незыблемѣе упрочивать его обязанность неукоснительно примѣнять власть ему свойственную. Обязанность судебной власти привлекать къ отвѣтственности нарушителей закона не должна быть парализуема въ отношеніи самыхъ высшихъ лицъ правительственныхъ вѣдомствъ. Генералъ-прокуратура для сношеній по этому предмету должна имѣть прямой доступъ къ верховной власти, небрежность же ея въ отношеніи возбужденія преслѣдованія противъ высшихъ должностныхъ лицъ должна быть поставлена въ разрядъ самыхъ тяжкихъ преступленій по должности.

Переходя къ исполнительной власти, должно замѣтить, что ея надлежащая постановка чаще всего встрѣчаетъ въ монархіи препятствія, проистекающія отъ самыхъ достоинствъ единоличнаго принципа, обладающаго особенными способностями къ исполнительному дѣйствію, а посему легко приводящему къ нѣкоторымъ въ этомъ отношеніи увлеченіямъ.

А между тѣмъ проистекающій отъ этого вредъ столь великъ, что именно отъ чрезмѣрнаго пользованія монархомъ исполнительной властью чаще всего подрывалось значеніе монархіи, какъ власти верховной.

Исполнительная власть, какъ извѣстно, расчленяется по предметамъ вѣдѣнія въ систему отдѣльныхъ самостоятельныхъ министерствъ, но всѣ они все-таки ведутъ одно общее дѣло, а потому должны объединяться въ одно правительство.

Монархическая власть при этомъ очень легко превращается въ центральный объединяющій органъ министерствъ, то-есть становится тѣмъ, что въ конституціонныхъ странахъ представляетъ первый министръ, канцлеръ кабинета. Но это положеніе въ концѣ концовъ и создаетъ ту «бюрократическую олигархію», которая выше обрисована, и представляетъ столь дефектную правительственную систему. Монархъ, поставленный въ положеніе «премьера», лишается возможности отправленія своихъ прямыхъ функцій верховной власти, а въ то же время фактически не можетъ не только исполнять, но даже точно узнать дѣйствительнаго содержанія безчисленныхъ дѣлъ,

подносимыхъ на его рѣшеніе каждымъ изъ министровъ. Между тѣмъ все прикрывается именемъ Монарха, и это снимаетъ съ министровъ всякую дѣйствительную отвѣтственность. Въ результатѣ управленіе начинаетъ идти со множествомъ недосмотровъ и злоупотребленій, представители исполнительной власти, по своей близости къ верховной власти, приводятъ въ разстройство власть законодательную и судебную, да и сами болѣе занимаются взаимною борьбой за власть, чѣмъ внимательнымъ исполненіемъ ввѣренныхъ имъ дѣлъ.

Для предупрежденія такого ненормальнаго положенія дѣлъ исполнительныя власти должны имѣть, въ закономъ указанной сферѣ, право (и обязанность) *самостоятельнаго* дѣйствія, за *собственной отвѣтственностью*. Необходимо, чтобы они не имѣли возможности прятаться за верховную власть, что, понятно, избавляетъ ихъ отъ отвѣтственности. Что касается непосредственнаго участія верховной власти въ исполнительномъ управленіи—оно должно проявляться лишь въ строго необходимой сферѣ.

Задача совершенства управленія, слѣдовательно, сводится теоретически къ тому, чтобы сфера дѣйствія исполнительной власти была правильно раздѣлена на двѣ области, въ одной изъ которыхъ — министры ведутъ дѣла самостоятельно, а въ другой должны испрашивать Высочайшаго разрѣшенія.

Это можно поставить какъ общее правило монархическаго управленія.

Совершенно къ тому же выводу приходитъ и П. Н. Семеновъ въ своей критикѣ русскихъ учрежденій, оговариваясь впрочемъ, что это должно сопровождаться существованіемъ очень сильнаго органа контроля за министерствами и возможнымъ сокращеніемъ единоличныхъ докладовъ *) министровъ Государю.

---

*) Въ цѣляхъ моей книги, разсматривающей монархическій принципъ вообще, а не спеціально русскую практику, нѣтъ надобности входить въ такія тонкости управительной техники. Но значеніе единоличнаго доклада, какъ орудія бюрократической узурпаціи, представляетъ и общій теоретическій интересъ. Нельзя не обратить поэтому вниманія на то, что господство единоличныхъ докладовъ теперь обличается, какъ источникъ множества золъ, всѣми критиками русскихъ

Считая (едва ли правильно), что такимъ органомъ долженъ быть именно Сенатъ, онъ говоритъ:

«Самодержавная власть должна оградить себя какъ можно лучше отъ опасности быть недостаточно освѣдомленной по дѣлу, требующему ея разрѣшенія, или быть умышленно или неумышленно введенной въ заблужденіе единоличными докладами. Поэтому въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ министры должны дѣйствовать по полномочію, за свой страхъ и отвѣтственность передъ верховной властью черезъ посредство Сената, въ другихъ случаяхъ они должны представлять въ Сенатъ о предполагаемой мѣрѣ... въ третьихъ — испрашивать разрѣшенія Монарха», докладывая ему, какъ общее правило, въ присутствіи цѣлой коллегіи и лишь въ исключительныхъ случаяхъ единолично.

Но при всей необходимости достигнуть самостоятельности и отвѣтственности исполнительной власти, нельзя думать, чтобы эта цѣль вполнѣ достигалась разграниченіемъ области ихъ

бюрократическихъ учрежденій. Такъ объ этомъ очень сильно и настойчиво говоритъ генералъ А. А. Кирѣевъ. П. Н. Семеновъ формулируетъ противъ нихъ цѣлый обвинительный актъ:

„*Единоличными докладами*, говоритъ онъ, *подрывался главный устой самодержавія*—законность и порядокъ въ управленіи, когда 1) докладами обманывали верховную власть или неумышленно вводили ее въ заблужденіе, 2) докладами покрывалось нарушеніе закона и злоупотребленія, 3) докладами измѣнялись законы, и такія Высочайшія повелѣнія публиковались Сенатомъ, получая этимъ силу закона, или не опубликовывались и дѣйствовали какъ бы втайнѣ, 4) докладами предрѣшались государственныя мѣры и умалялось значеніе учрежденій, законно уполномоченныхъ къ обсужденію ихъ, 5) докладами обходились государственныя учрежденія и установленный порядокъ, 6) докладами, несогласованными между вѣдомствами, верховная власть приводилась къ опасности противорѣчія своихъ дѣйствій, 7) докладами верховная власть вовлекалась въ неподлежащую сферу дѣйствія, гдѣ министры обязаны были принимать мѣры на свой страхъ, не прикрываясь верховной властью.

Такія обвиненія выставляются противъ единоличныхъ докладовъ теперь, послѣ столѣтней практики министерскихъ учрежденій. Но Сперанскій, и при самомъ началѣ ихъ, не допускалъ единоличныхъ докладовъ и предполагалъ необходимыми три собранія: 1) собраніе министровъ въ Сенатѣ для дѣлъ текущихъ, 2) собраніе министровъ въ Сенатѣ же для дѣлъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія, 3) особый докладъ министровъ въ кабинетѣ Его Величества для дѣлъ чрезвычайныхъ и требующихъ тайны.

непосредственнаго рѣшенія отъ дѣлъ, требующихъ Высочайшаго рѣшенія, тѣмъ болѣе, что разграниченіе это легче установить на бумагѣ, чѣмъ на практикѣ.

Здѣсь прежде всего является вопросъ: чѣмъ будетъ поддерживаться необходимое единство дѣйствія всей совокупности министерствъ, цѣлаго правительства? Если это единство поддерживается самимъ Императоромъ, то трудно ждать самостоятельности министровъ даже въ дѣлѣ отведенномъ на ихъ рѣшеніе. Если единство поддерживается коллегіей министровъ, то министръ, несущій личную отвѣтственность, можетъ ли подчиниться коллегіи, требующей чего-либо, по его мнѣнію, неудобнаго или совершенно вреднаго?

Эти сложности, можетъ быть, могутъ быть рѣшены учрежденіемъ кабинета министровъ, съ однимъ премьеръ-министромъ (канцлеромъ), который явится отвѣтственнымъ лицомъ. Но и въ этомъ случаѣ вопросъ о томъ, насколько отвѣтственность будетъ фактически дѣйствительна, всецѣло зависитъ отъ силы контроля, имѣющагося надъ дѣйствіемъ исполнительной власти.

Такимъ образомъ, при самомъ разумномъ рѣшеніи вопроса о районѣ самостоятельности дѣйствій министровъ или кабинета министровъ, — главное вниманіе приходится всё таки посвятить вопросу объ организаціи надъ ними *сильнаго контрольнаго учрежденія.*

Какова же должна быть его организація для того, чтобы оно было не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ орудіемъ контроля и привлеченія къ отвѣтственности? Это одинъ изъ основныхъ вопросовъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Русская практика съ Петра Великаго и по настоящій моментъ даетъ очень важныя въ этомъ отношеніи указанія.

Петръ Великій установилъ правительствующій Сенатъ, какъ органъ объединенія всѣхъ властей около верховной власти, и какъ орудія ея контроля. При преобразованіяхъ Александра I, мысль о необходимости такого контроля не была оставлена, и Сенатъ былъ вооруженъ для того весьма широкими на видъ правами. П. Н. Семеновъ цитируетъ весьма назидательныя въ этомъ отношеніи мѣста Манифеста 8 сент. 1802 г.

«Слѣдуя... внушеніямъ сердца Нашего, слѣдуя великому духу Преобразителя Россіи, Петра Перваго, Мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ Нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться... На правительствующій же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ Нашимъ, въ сей день даннымъ, утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность *разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ ихъ управленію ввѣреннымъ* и по надлежащемъ сравненіи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшимъ, *дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ*».

Въ этихъ цѣляхъ Сенатъ былъ вооруженъ самыми широкими правами. Но что же получилось въ результатѣ? Самъ П. П. Семеновъ констатируетъ, что министерская власть быстро побѣдила Сенатъ и всѣ его контрольныя права остались мертвой буквой. Да современники учрежденія министерствъ и тогда не вѣрили въ дѣйствительность контроля Сената. Въ этомъ отношеніи особенно вѣско мнѣніе Сперанскаго, высказанное не апріорно, а черезъ нѣсколько лѣтъ практики новыхъ учрежденій.

«Графъ Сперанскій, въ планѣ государственнаго образованія, предоставленномъ императору Александру въ 1809 г., въ такихъ глубоко вѣрныхъ и пророческихъ словахъ характеризовалъ слишкомъ поспѣшно введенное учрежденіе министерствъ. По его мнѣнію надо было установить *государственное сословіе, передъ которымъ министерская власть была бы фактически отвѣтственна.* Онъ полагалъ, что и Сенатъ не удовлетворитъ этому требованію. Если бы даже сами министры, говоритъ онъ, пожелали у насъ утвердить свою отвѣтственность, они не могли бы въ томъ успѣть: ибо *гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать передъ нимъ нельзя.* Отъ сего недостатка происходитъ, что всѣ дѣйствія министерскаго установленія приняли видъ произвола».

Отчего получается такой результатъ? Отчасти отъ того, что учрежденіе, по существу относящееся къ судебной власти, какъ Сенатъ, не можетъ быть сильнымъ контролеромъ исполнительной власти, такъ какъ его природная компетенція недостаточно для этого многообъемлюща *).

Облеченіе высшаго органа судебной власти правами общаго контроля составляетъ даже нарушеніе принципа взаимной независимости спеціальныхъ властей.

Въ парламентарныхъ странахъ высшимъ органомъ контроля являются законодательныя палаты, что все-таки болѣе естественно, такъ какъ непосредственное дѣйствіе верховной власти (которой надлежитъ общій контроль), изъ числа раздѣленныхъ властей, наиближе слито съ дѣйствіемъ власти законодательной. Впрочемъ высшая контрольная власть законодательныхъ палатъ въ конституціонныхъ странахъ проистекла не изъ какихъ-либо глубокихъ соображеній, а изъ того факта, что законодательныя палаты состоятъ изъ народныхъ депута-

*) Въ отношеніи Сената я также не могу согласиться съ мыслями П. Н. Семенова, какъ и покойнаго Юзефовича. Не отрицая извѣстнаго значенія Петровскаго Сената, какъ органа объединенія властей, я не замѣчалъ въ Исторіи, чтобы онъ былъ когда бы то ни было достаточно удачнымъ орудіемъ даже и этого. Что касается его контролирующей способности, ея быть можетъ хватало при плохомъ построеніи исполнительной власти, при ея безсиліи, но со времени ея преобразованія при Александрѣ I, Сенатъ оказался уже самъ передъ ней безсиленъ, какъ это прекрасно обрисовываетъ и П. Н. Семеновъ. Но покупать силу контроля цѣной безсилія исполнительной власти—невозможно. Исполнительная власть не менѣе нужна и важна, чѣмъ всякая другая, и то негодованіе, которое она возбуждаетъ теперь въ критикахъ, вслѣдствіе превращенія въ бюрократическую узурпацію и „олигархію министровъ“, не должно закрывать наши глаза на необходимость сильной, іерархической, централизованной исполнительной власти. Для того же, чтобы она не превращалась въ олигархію и узурпацію, имѣются иныя средства, а не порча исполнительной власти, не ея обезсиленіе. Такое средство состоитъ въ томъ, чтобы верховная власть не приходила къ фактическому сліянію съ министерствами, но оставалась на высотѣ *всѣхъ* полномочій верховной власти.

Для этого высшій органъ совѣщанія и наблюденія верховной власти долженъ представлять сочетаніе *всѣхъ* властей, и дополненъ непремѣннымъ участіемъ въ немъ *общественныхъ* силъ. Пока же этого нѣтъ—верховная власть не можетъ фактически сохранить самостоятельности дѣйствія и контроля, какъ бы мы ни портили управительныя власти.

товъ, претендующихъ на представительство верховной власти.

Въ монархіи, которая можетъ въ особѣ Монарха дѣйствительно дать законодательнымъ учрежденіямъ постоянное присутствіе верховной власти, органъ высшаго контроля болѣе логично, чѣмъ въ парламентарномъ государствѣ, могъ бы быть слитъ съ высшимъ органомъ законодательства. Но было бы еще правильнѣе имѣть для того особый органъ, при особѣ Монарха, въ видѣ какой-либо царской думы или царскаго совѣта. Такое учрежденіе, конечно, для того, чтобы явиться сильнымъ органомъ контроля надъ всѣмъ специализированными властями, должно имѣть универсальную компетенцію, а для этого и въ личномъ составѣ имѣть представителей всѣхъ высшихъ властей: законодательной, судебной и исполнительной, но ни въ какомъ случаѣ не состоять исключительно изъ нихъ. Именно Сенатъ Петра Великаго вполнѣ и очень быстро показалъ, что будучи составленъ изъ представителей исполнительныхъ коллегій того времени, онъ совершенно лишенъ стремленія и способности къ ихъ контролю.

Для контроля должно быть создано нѣчто аналогичное тому «государственному сословію», о которомъ мечталъ Сперанскій. Оно должно непремѣнно имѣть значительное число членовъ, избранныхъ или вызванныхъ изъ среды самихъ общественныхъ силъ, такъ какъ общественные элементы представляютъ драгоцѣннѣйшій факторъ контроля. Члены этой царской думы, конечно, должны быть поставлены совершенно независимыми, въ непосредственномъ общеніи съ верховной властью, и самое это учрежденіе, имѣя права законодательной инициативы, должно быть также мѣстомъ обычныхъ докладовъ министровъ, и облечено правомъ запросовъ имъ, и представленія верховной власти заключеній относительно той или иной степени отвѣтственности министровъ, до преданія ихъ суду.

Въ парламентарныхъ странахъ аналогичные органы обыкновенно раздѣляются на двѣ палаты, изъ коихъ одна представляетъ народныхъ представителей, другая же или такъ или иначе—назначенныхъ «пэровъ», или представителей «Шта-

товъ», или вообще лицъ несмѣняемыхъ, и болѣе независимыхъ. Всѣ эти сочетанія могутъ имѣть смыслъ въ демократіи, особенно въ цѣляхъ придать высшимъ государственнымъ учрежденіямъ нѣсколько болѣе консервативности, создать сдержку чрезмѣрному легкомыслію и увлеченіямъ «представителей народа». Едва ли все это имѣетъ какой-либо смыслъ въ монархическомъ государствѣ.

Элементы служебной опытности, непосредственнаго знанія дѣйствія управительнаго механизма, и народные «совѣтные люди», вызванные или избранные, являются скорѣе взаимнымъ дополненіемъ, и ихъ совѣщанія и рѣшенія наилучше могутъ происходить въ полномъ общеніи ихъ всѣхъ. Не имѣло бы никакого смысла разбивать на какія-то враждующія части тотъ органъ, котораго цѣль составляетъ объединеніе всѣхъ государственныхъ и національныхъ силъ около верховной власти.

Таковой представляется, въ общей сложности, система управленія и контроля, въ которой извѣстное мѣсто находятъ и «совѣтные люди» самого народа. Но важность возможно большаго общенія верховной власти съ націей такъ велика, что несмотря на присутствіе «совѣтныхъ людей» въ государственныхъ учрежденіяхъ, періодическіе совѣщательные Земскіе Соборы не теряютъ своего значенія.

Относительно ихъ должно лишь замѣтить, что польза ихъ всецѣло зависитъ отъ того—выражаютъ ли они мнѣнія дѣйствительно соціальныхъ слоевъ, или—представляютъ простое собраніе политикановъ? Во второмъ случаѣ—конечно, они бы представили только орудіе тенденціозной оппозиціи во что бы то ни стало, и теряютъ всякое разумное значеніе. Полезная практика Земскихъ Соборовъ поэтому тѣсно связана съ развитіемъ внутренней организаціи національныхъ слоевъ, при достиженіи чего Земскіе Соборы, какъ представительство этихъ организованныхъ соціальныхъ группъ, имѣютъ огромное значеніе, незамѣнимое никакимъ частнымъ участіемъ «совѣтныхъ людей» въ государственныхъ учрежденіяхъ.

XLII.

Цѣли разумной организаціи управленія.

Мы говорили о нормальномъ *мѣстѣ* Верховной Власти среди учрежденій, долженствующихъ обезпечить ей способы благотворнаго дѣйствія. Но недостаточно приготовить мѣсто для нея: необходимо, чтобы это мѣсто было ею дѣйствительно *занято*.

Наилучше поставленныя учрежденія могутъ быть приведены къ ничтожеству дѣйствія, если власть забываетъ или теряетъ свой духъ, сознаніе смысла своего существованія.

Собственно, приложеніе системы управленія къ дѣлу управленія составляетъ предметъ политическаго *искусства*, котораго разслѣдованіе не введено въ предметъ моей книги. Но уясненіе смысла управительной системы относится къ области политики, какъ науки. И въ этомъ отношеніи должно помнить ту *цѣль*, къ которой имѣетъ привести разумная система управительныхъ учрежденій.

Цѣль эта состоитъ въ созданіи власти, дѣйствительно обладающей свойствами, безъ которыхъ она теряетъ свой смыслъ и право на существованіе, какъ не способная къ исполненію обязанностей. Свойства же эти суть:

1) *Сила.*

2) *Разумъ.*

3) *Законность.*

Первое и необходимѣйшее свойство власти есть сила. Это почти синонимъ власти. Власть безсильная—это все равно, что невѣжественный ученый, невѣрующій священникъ и т. п.—внутренне абсурдное явленіе, лживое изображеніе формы безъ содержанія. Въ первой части книги уже объяснялось значеніе силы и принужденія для общественности. Какъ бы ни было благодѣтельно общество, съ какой горячей любовью ни относятся къ нему его члены,—но оно держится прежде всего силою, принудительнымъ поддержаніемъ принятыхъ въ немъ условій общежитія.

Дѣло въ томъ, что, живя въ совокупности съ другими людьми, человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ ежеминутно сдерживать себя, дѣлать не то, что ему лично хочется, а то что *обязательно*. Даже съ радостью подчиняясь этому долгу, человѣкъ все-таки испытываетъ извѣстное стѣсненіе, и всегда имѣетъ наклонность отъ него освободиться, если не совсѣмъ, то хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ. Когда же всѣ начинаютъ удовлетворять этому желанію, въ обществѣ исчезаетъ порядокъ, коллективное дѣйствіе нарушается и подрывается, становится менѣе осмысленнымъ, и какъ только это обнаруживается, у всѣхъ людей появляется еще болѣе поводовъ (все болѣе и болѣе оправдываемыхъ) поступать по своему. Это въ свою очередь еще болѣе усиливаетъ безпорядокъ, и въ концѣ-концовъ—общество впадаетъ въ анархію, и уничтожается.

Только вѣчное бодрствованіе силы—предохраняетъ общество отъ гибели. Мы сейчасъ упомянули о невинныхъ или даже добрыхъ побужденіяхъ къ нарушенію правилъ совмѣстной жизни. Но въ обществѣ всегда есть множество людей злыхъ, эгоистичныхъ, безнравственныхъ, готовыхъ для эксплуатаціи другихъ воспользоваться всякой представившейся фактической возможностью. Только сила сдерживаетъ все это множество людей въ добропорядочности. Сила должна быть разумна и благожелательна, но прежде всего, необходимѣе всего—*единая сила*. Даже господство одного эксплуататора, тирана, позволяющаго себѣ всѣ беззаконія, но силой своей не допускающаго другихъ до тѣхъ же беззаконій, все-таки лучше для общества, чѣмъ анархія, беззаконіе всѣхъ мелкихъ силъ, которыя неожиданно, на всякомъ мѣстѣ, готовы обидѣть и уничтожить человѣка. Посему-то общество не уничтожается и способно существовать даже при самой страшной тираніи, обладающей силой, но погибаетъ при благодушномъ безсиліи.

Итакъ, первая обязанность Верховной Власти (одинаково въ Монархіи, или въ Республикѣ, демократической и аристократической)—есть обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы власть была сильна, чтобы никто и ничто не осмѣливалось ей сопро-

тивляться, чтобы всякое сопротивленіе было непремѣнно раздавлено, и чтобы въ обществѣ была тверда и незыблема увѣренность въ силѣ власти, т. е. другими словами,—увѣренность въ томъ, что *власть дѣйствительно существуетъ.*

Система разумныхъ учрежденій прежде всего, поэтому, и нужна, чтобы дать власти полный притокъ силы, чтобы власть безсильная стала невозможною, и при появленіи такой уродливости была немедленно замѣняема дѣйствительной, т.-е. сильной, властью.

Но въ содержаніе силы власти необходимо входитъ ея *разумность.* Власть безумная можетъ быть сильною лишь недолго, до тѣхъ поръ, пока ея безуміе не замѣчено подданными. Ибо какъ только оно будетъ замѣчено, начнутъ являться люди, которые пробуютъ обойти безумную власть и этимъ эксплуатировать ее въ свою пользу. Этимъ путемъ снова развивается нарушеніе правилъ общественнаго существованія, и является таже анархія, что и при безвластіи.

Что такое разумность власти правительственной,? Это не есть разумность отвлеченная, философская... Верховная Власть должна обладать и этой послѣднею, но собственно въ области дѣйствія управительныхъ силъ требуется разумность практическая, реальная, то-есть проникновеніе реальными интересами, существующими въ данномъ положеніи вещей.

Такъ, напримѣръ, даже тиранъ, узурпаторъ, во имя своихъ интересовъ опершійся на какую либо сильную шайку эксплуататоровъ, имѣетъ больше этого практическаго разума, чѣмъ правительство Людовика XVI, или вообще всѣ правительства, пытающіяся удержаться путемъ умилостивленія своихъ принципіальныхъ враговъ, и принесеніемъ для этого въ жертву тѣхъ силъ, которыя привержены къ данному принципу власти. Такое правительство, каковъ бы ни былъ его отвлеченный разумъ,—въ практическомъ отношеніи его не имѣетъ, а потому самый совершенный по формѣ правительственный аппаратъ ни къ чему не послужитъ, и власть, становящаяся безсильной, дающая дѣйствіе не своей силѣ, а силѣ противниковъ, неизбѣжно приводитъ страну къ анархіи, и сама погибаетъ.

Правительственный разумъ состоитъ въ томъ, чтобы объединять въ Правительствѣ реальныя силы, существующія въ обществѣ, не въ отвлеченіи, не въ философской формулѣ, а въ томъ обществѣ, какое дѣйствительно существуетъ. Объединивъ же въ себѣ эти силы, власть должна уже всѣхъ заставить исполнять велѣнія своей силы.

Совершенство управительнаго строя состоитъ въ томъ чтобы, во-первыхъ, сдѣлать Власть какъ бы резервуаромъ всенародной силы, и тѣмъ обезпечить могущество приказа Власти; во-вторыхъ,—чтобы наполнить этотъ резервуаръ разумнымъ содержаніемъ, т. е. выраженіемъ дѣйствительныхъ интересовъ народа. По сему то и необходимъ широкій приливъ народной мысли и запросовъ къ власти.

Когда во власти оказываются эти два необходимѣйшія свойства: сила и разумность, онѣ должны быть дополнены *законностью*. Законность есть непремѣнное условіе для того, чтобы Правительственная сила могла быть поддерживаема всей массой населенія.

Законъ есть воля Верховной Власти, прочно установившаяся и всѣмъ извѣстная, а потому удобоисполняемая всѣми тѣми, кто не бунтуетъ преднамѣренно. Это всеобщее однообразное исполненіе той же самой воли, которая поддерживается правительственными учрежденіями, даетъ Правительству необоримую силу. Но если Правительство начинаетъ подрывать дѣйствіе закона внезапными особыми распоряженіями, то оно производитъ разладъ между дѣйствіемъ своихъ учрежденій и дѣйствіемъ общественныхъ силъ всего народа. Для всѣхъ становится темнымъ вопросъ о томъ, что же именно должны дѣлать граждане, какія права ихъ дѣйствительны и какія иллюзорны? Этой неясностью установленнаго пути жизни совершенно исключается возможность содѣйствіе власти массой гражданъ, ибо является даже сомнѣніе въ томъ, какое изъ приказаній Правительства выражаетъ Высшую волю? Лишаясь этой главнѣйшей своей поддержки дѣйствіе Правительства ослабляется, перестаетъ быть яснымъ для народа и начинаетъ производить совершенно такое же вліяніе, какъ если

бы оно было лишено разумности, ибо разумность, непонятная для народа, имѣетъ для него то же значеніе, какъ отсутствіе разумности.

Такимъ образомъ совершенство учрежденій должно измѣряться тѣмъ, посколько онѣ обезпечиваютъ: 1) *силу власти*, не допуская ее становиться безсильною, 2) *практическую разумность власти*, не допуская ее отрѣшаться отъ реальныхъ интересовъ и мысли націи и 3) *законность дѣйствія власти*, не допуская ее до сколько нибудь замѣтныхъ отклоненій отъ обдуманно установленныхъ, и объявленныхъ во всеобщее свѣдѣніе путей дѣйствія, одинаковыхъ для Правительства и подданныхъ.

Направляющая задача Верховной Власти въ отношеніи управительномъ, ея «царственная» роль, состоитъ именно въ томъ, чтобы, занявъ надлежащее для этого мѣсто среди правительственныхъ учрежденій, направлять ихъ всѣ по пути власти сильной, разумной и закономѣрной.

Эта общая задача всякой Верховной Власти съ особой силой и ясностью должна представляться власти Монархической. Какъ единоличная, она особенно ярко несетъ нравственную отвѣтственность, которая при другихъ формахъ власти разбивается между многими и становится менѣе уловима. Какъ единоличная, она даетъ наибольшую возможность сосредоточеннаго и разумнаго дѣйствія. Поэтому уклоненія правительственнаго механизма отъ нормальнаго пути (сила, разумность и законность)—компрометируютъ Монархическую власть быстрѣе чѣмъ всякую другую, со всѣми пагубными послѣдствіями, какія даетъ народное сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи власти.

ОТДѢЛЪ VI.

Личность, свобода и право.

XLIII.

Государство и личность.

До сихъ поръ мы говорили объ учрежденіяхъ групповыхъ или государственныхъ, и о задачахъ верховной власти въ ихъ установкѣ.

Но въ подкладкѣ всѣхъ учрежденій, въ основѣ всѣхъ коллективностей, находится *личность человѣка*, которая въ государственныхъ отношеніяхъ является какъ личность *гражданина*. Всѣ коллективности порождаются ею и въ концѣ счета существуютъ только для нея.

Личность человѣка въ политикѣ есть основная реальность. Политика часто не думаетъ о личности, погруженная въ судьбы коллективности, но эта точка зрѣнія близорукая, не замѣчающая сущности за формой.

Тутъ политикѣ можно сказать: какая тебѣ польза, если пріобрѣтешь весь міръ, а душу утратишь? Всѣ коллективности, общество, государство—все это имѣетъ смыслъ только какъ среда развитія и жизни личности. Всѣ коллективности—всегда таковы, какими ихъ можетъ создать личность, и если мы ослабляемъ ея силу и способность творчества — мы губимъ всѣ коллективности, и всѣ на видъ стройнѣйшія и глубочайше обдуманныя формы отношеній государственныхъ будутъ фак-

тически гнилы и ничтожны. Даже съ точки зрѣнія политика, которому дорого только великое государство, его геніемъ устраиваемое — нѣтъ пользы, если онъ, для пріобрѣтенія міра, погубитъ личность. Не создастъ онъ безъ нея ничего великаго, и, истративъ накопленные до него запасы силы и творчества личности, быстро приведетъ государство къ ничтожеству и распаденію.

Такимъ образомъ вопросъ о личности прямо входитъ въ политику. Устраивая общественныя и государственныя учрежденія, разсматривая условія ихъ совершенства, политика никогда не должна забывать при этомъ вопроса: какъ они сообразуются съ личностью и какъ на ней отражаются ихъ дѣйствія? Если окажется, что создавая огромную коллективную силу, эти учрежденія подрываютъ силу личности — это ихъ осуждаетъ, служитъ указаніемъ, что ихъ кажущееся совершенство—есть иллюзія.

Однако политика часто относится къ этому важнѣйшему вопросу съ полнымъ невниманіемъ и даже иногда съ нѣкоторою враждебностью. Если, въ общей сложности, во всѣхъ государствахъ дѣлаются кое-какія, такъ сказать, «уступки» въ пользу личности, то часто это дѣлается какъ бы невольно, вслѣдствіе протеста личности и ея противодѣйствія государственнымъ планамъ, ее задушающимъ. Отсюда между личностью и государствомъ возникаетъ борьба, въ которой для блага самаго государства приходится иногда желать ему какъ можно больше пораженій, такъ какъ всякая побѣда личности надъ удушающимъ ее строемъ служитъ къ развитію и совершенству этого послѣдняго.

Это—*борьба за индивидуальность* *), одно изъ величайшихъ

*) У насъ этимъ вопросомъ занимался извѣстный писатель Н. К. Михайловскій, сдѣлавшій впрочемъ гораздо меньше, чѣмъ позволяли надѣяться его блестящія способности. Могу засвидѣтельствовать, что эта сила, когда-то довольно близко мнѣ знакомая, въ другой странѣ много бы создала для политической философіи. Но у насъ давленіе общества по-истинѣ ужасно для свободной работы ума. Мѣркой развитости общества вообще служитъ уваженіе къ индивидуальности, къ свободной работѣ личности. Въ Русскомъ образованномъ обществѣ такого уваженія меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Наше общество понимаетъ

и наименѣе обслѣдованныхъ явленій соціологіи. Общество необходимо для личности, какъ среда коопераціи, но при этомъ неизбѣжно является давленіе среднихъ рамокъ существованія, которыя, именно потому, что онѣ «среднія», подавляютъ индивидуальность, то-есть самую суть личности. Такимъ образомъ, борьба личности и коллективности — неизбѣжна, но горе коллективности, если она успѣваетъ при этомъ совсѣмъ подчинить себѣ личность: это начало смерти коллективности.

Въ государственной политикѣ пренебреженіе или враждебность къ «личности», «индивидуальности», проявляется очень легко, потому что основные законы творчества государства и личности противоположны. Государство дѣйствуетъ принудительно и общими мѣрами. Личность творитъ только свободно и индивидуально. Эта противоположность принциповъ существованія и творчества естественно можетъ приводить къ столкновеніямъ, если только они не устраняются дѣйствіемъ *политической сознательности*, которая должна внушить политикѣ, что государство, для собственной выгоды, обязано беречь личность и сообразоваться въ отношеніи ея не со своими, а и съ ея внутренними законами. Дѣло въ томъ, что личность требуетъ именно самостоятельности, независимости, свободы, иначе она не можетъ развивать творческой силы. Это — антитеза государственному творчеству. Но политическая сознательность должна понудить государство признать свободу, которая появляется въ обществѣ только изъ-за личности, и только въ тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ необходима дѣятельность личности.

Такимъ образомъ, въ связи съ личностью, въ политикѣ являются вопросы о свободѣ и правѣ, при чемъ эти вопросы

только „партіи“, и отъ всѣхъ требуетъ непремѣнно „партійной работы“. Оно не представляетъ себѣ, чтобъ человѣкъ могъ быть „самимъ собой“, и не сознаетъ, что лишь работа такого человѣка вноситъ нѣчто въ сокровищницу развитія самого общества. Отъ этого безплодны наши таланты: покорившійся обществу тѣмъ самымъ перестаетъ быть творческой силой; а упорствующій въ сохраненіи своей личности, становится „изгоемъ“, и его сила гибнетъ не въ творческой работѣ, а въ простомъ „сопротивленіи“ деспотизму „общественнаго мнѣнія“.

проявляются трояко: 1) въ отношенiи личности *человѣка*, 2) въ отношенiи *члена соцiальныхъ группъ*, 3) въ отношенiи *гражданина*, то-есть члена государства.

Потребности коллективности, на ряду съ этими свободами и правами, выдвигаютъ противоположныя требованiя *обязанностей*.

Мы видимъ отсюда, что въ личности и черезъ личность психологiя связывается съ государственностью, и внутреннiя психологическiя силы связываются съ государственными учрежденiями. Все, что называется въ политикѣ правомъ и свободою—свобода и права гражданскiя и политическiя—все это вытекаетъ изъ психологическаго факта самостоятельности личности, ея прирожденной свободы. Чѣмъ выше развита эта психологическая сила личности, тѣмъ могущественнѣе отражается это на свободѣ гражданской и политической. И наоборотъ—отношенiе къ личности есть критерiй государственной способности къ совершенству.

Изъ различныхъ формъ власти—выше та, которая съ наибольшимъ вниманiемъ относится къ личности, испытываетъ наибольшее ея влiянiе, даетъ ей наибольшiй просторъ творчества. Способность государства къ великому развитiю, въ основѣ своей зависитъ отъ его отношенiя къ личности, къ допущенiю ея свободнаго творчества, особенно въ сферѣ соцiальной, на которой держится государство. Поэтому мы и видимъ такiе историческiе примѣры, что государство съ очень сравнительно высоко и тонко развитыми управительными учрежденiями, какъ Византiя, оказалось гораздо менѣе жизнеспособнымъ, чѣмъ очень грубыя, полуварварскiя государства германскiя, которыя имѣли только то преимущество, что давали свободу личному творчеству и создаваемому этимъ соцiальному строю.

Въ этомъ отношенiи должно однако различать очень важные оттѣнки условiй.

Въ самой личности можетъ проявляться высокiй психологическiй типъ, то-есть личность даннаго племяни по самымъ своимъ психологическимъ свойствамъ можетъ быть очень сильна,

способна развивать большую силу самостоятельности, хотя бы при этомъ была и неразвита, не сознавала своихъ силъ и не умѣла еще ихъ реализировать. Можетъ случиться наоборотъ, что личность данной національности, по природнымъ силамъ, довольно хила, но уже развита, то-есть реализировала всю сложность своихъ способностей бытія и дѣйствія. Государственность, развивающаяся на почвѣ перваго психологическаго типа, конечно, имѣетъ данныя на болѣе великую жизнь, чѣмъ государство, имѣющее почвою слабый психологическій типъ личности. Высшей же степени благопріятныхъ условій государство достигаетъ, когда имѣетъ личность не только природно сильную, но и развитую. Все это должно принимать во вниманіе какъ въ нашихъ историческихъ оцѣнкахъ государственности, такъ и въ дѣлѣ политическаго искусства.

То государство, которое умѣетъ дать личности, какъ явленію психологическому, какъ «человѣку», возможность увеличивать свою силу, укрѣплять и развивать ее—имѣетъ передъ собою великое будущее. Можно даже сказать, что если государство, по самымъ несовершенствамъ своихъ органовъ, оказывается, по крайней мѣрѣ, хоть неспособнымъ, вопреки желанію, задушать личность—человѣка, то и оно имѣетъ большую будущность, нежели то, которое успѣшно развило, на свою гибель, средства задушать и ослаблять личность.

Въ отношеніяхъ государства къ личности должно также различать два момента.

Основой является отношеніе къ личности, какъ къ «психологическому явленію», какъ къ человѣческому существу, разумному, этическому, чувствующему, желающему. Степень уваженія къ личности, какъ такому самобытному психологическому существу, сознаніе «естественнаго права» этого существа, могутъ быть различны, хотя всегда до нѣкоторой степени существуютъ. Органъ государства, въ которомъ проявляется это отношеніе—есть сама верховная власть, ибо власти управительныя имѣютъ отношеніе лишь къ гражданину, или если человѣку, то не самому по себѣ, а уже поставленному подъ охрану государства. Только верховная власть опредѣляетъ эту охра-

ну или терпимость государства въ отношеніи самого «человѣка», независимо отъ его отношенія къ государству.

Въ способности оцѣнить «личность человѣка», ея самобытность, ея естественное право, проявляется степень чуткости верховной власти, ея способности къ гуманитарному, культурному творчеству. Отъ степени этой же способности зависитъ и способность данной верховной власти къ государственной жизнедѣятельности вообще.

Но человѣческая личность, кромѣ своего чисто человѣческаго существованія, входитъ еще въ государство, какъ членъ его, гражданинъ и подданный. Отсюда рождается та или иная система гражданской свободы и права, то или иное отношеніе государства къ гражданской свободѣ и праву, то или иное ихъ пониманіе и установка. Это есть дѣло развитости и искусства государственной мысли. Это есть область дѣйствія законодателя и политика.

Понятно, что природная чуткость власти къ естественному праву можетъ сопровождаться неразвитостью политическаго государственнаго сознанія и, наоборотъ, при средней природной чуткости, можетъ быть значительной развитость законодательной мысли и политическаго искусства. Наибольшая высота государственной дѣятельности получается, конечно, въ томъ случаѣ, если оба эти необходимыя условія (т. е. чуткость Верховной Власти и развитость ея мысли) — соединяются. Но при историческихъ оцѣнкахъ нашихъ необходимо помнить возможность несовпаденія этихъ условій, чтобы не приписывать формѣ государственной власти того, что создано ея практической опытностью, и наоборотъ.

XLIV.

О правахъ «человѣка».

Необходимость извѣстныхъ правъ «личности», даже не какъ гражданина, а какъ *человѣка*, составляетъ аксіому для сколько нибудь развитого юридическаго сознанія. Государственное законодательство признаетъ за личностью нѣкоторыя юридическія права и налагаетъ на нее извѣстныя юридическія же обязанности. И конечно, съ точки зрѣнія «управительной» государственной власти, человѣкъ имѣетъ только тѣ права и тѣ обязанности, которыя дарованы и возложены на него закономъ. Но съ точки зрѣнія *верховной власти*, устанавливающей законъ, требуется имѣть болѣе глубокій критерій человѣческихъ правъ и обязанностей, такъ какъ безъ него нельзя имѣть никакихъ основаній для установки юридическаго права.

Долженъ же въ самомъ дѣлѣ чѣмъ нибудь руководиться самъ законодатель, давая или не давая личности права или опредѣляя какія либо дѣйствія, какъ ея обязанность?

Съ этой точки зрѣнія, необходимо ясно сознавать, что права и обязанности личности вытекаютъ, въ первичномъ источникѣ, изъ *естественнаго права*, прирожденнаго, связаннаго съ самой природою личности, общества и государства. Этотъ, повидимому, отвлеченный «философскій» вопросъ настолько реаленъ, что въ Исторіи то или иное его пониманіе порождало законодательства самыхъ различныхъ характеровъ, и производило цѣлыя революціи, измѣнявшія формы правленія. Человѣческое законодательство только тогда разумно, полезно и прочно, когда оно сообразовано съ дѣйствительными природными силами и отношеніями въ соціально-политическомъ мірѣ явленій. Неправильное пониманіе природныхъ правъ и обязанностей личности отражается фальшью законо-

дательныхъ полномочій или требованій, а такимъ образомъ извращаетъ практическую политику и общественную жизнь.

Какъ уже выше замѣчено, теорія «общественнаго договора», по существу совершенно вѣрно проникла въ основу соотношеній личности и общества. Этотъ «общественный договоръ» должно понимать не въ смыслѣ акта юридическаго, но какъ явленіе *психологическое*, а потому то именно и основное, неистребимое, такъ какъ сама наша общественность есть тоже явленіе психологическое *).

Конечно, государство исторически возникаетъ въ такое время, когда нѣтъ личности внѣ общества, и когда, стало-быть, обязанность и право уже связаны неразрывно. Но *работа нашего духа* сообразуется не съ исторической эволюціей фактовъ а съ ихъ *внутреннимъ смысломъ*. Личность могла фактически никогда не существовать внѣ общества. Договора между личностью и обществомъ, какъ историческаго конституціоннаго акта, могло никогда не быть. Но личность какъ прежде, такъ и теперь, непрерывно *сознаетъ* себя существующею не только въ обществѣ, но и *внѣ* его; личность теперь, какъ и всегда, каждую минуту заключаетъ въ своемъ сознаніи договоръ съ обществомъ, то *одобряя* свои отношенія къ обществу и общества къ себѣ, то *возмущаясь* противъ нихъ и пытаясь ихъ измѣнить. Это фактъ психологическій и въ этомъ смыслѣ всеміріно-историческій, подъ вліяніемъ котораго создается и измѣняется юридическое право.

По прямому смыслу его—государство существуетъ для личности, для ея потребностей, такъ что личность, входя въ государство, не уничтожается, не перестаетъ быть сама собою, но наоборотъ—только для обезпеченія своей самобытности и поддерживаетъ государство. Такое отношеніе личности къ государству создаетъ обязанность государства не дѣлать ничего, задушающаго самобытное, самостоятельное существованіе личности, по ея внутреннимъ законамъ, опредѣляемыхъ самою природою личности. Поэтому личность имѣетъ нѣкоторыя

---

*) См. „Мон. Гос.“, часть первая, отдѣлъ 1-й.

естественныя права *человѣка*, на которыя государство не можетъ посягнуть, устанавливая права гражданина и обязанности подданнаго.

Эти права человѣка опредѣляются сознаніемъ нашимъ, которое не всегда представляетъ одинаковую степень ясности и проницательности. Степень развитости личности точно также неодинакова. Дикій Папуасъ сознаетъ свои права человѣка не совсѣмъ такъ, какъ современный Англичанинъ. Государство, для руководства своихъ органовъ, можетъ стараться дать юридическую формулировку правамъ человѣка, признаваемымъ въ данное время, но эта формулировка по необходимости явится весьма измѣнчивой. Въ общей же философской формулѣ «сверхъ-государственнымъ» правомъ человѣка можно опредѣлить его *право на самостоятельное бытіе, какъ существа нравственно разумнаго, чувствующаго, обладающаго способностью осуществлять стремленія своего нравственно разумнаго бытія.*

Съ этимъ правомъ, человѣкъ вступаетъ въ область государственности, и въ ней не можетъ допустить для него ограниченій, ибо это «право» вытекаетъ изъ его «обязанности» въ области духовной природы.

Дѣйствительно, та концепція природы личности, которая утверждаетъ ея самобытность, связываетъ ее съ высшимъ источникомъ бытія—Богомъ. Личность создана Богомъ съ извѣстными свойствами, и существуетъ въ мірѣ только съ миссіей — реализировать самостоятельной работой потенціально данныя ей нравственно разумныя свойства. Это, въ существѣ, не есть право а *обязанность*. Если личность не можетъ подчиниться никакой силѣ, не допускающей ея жизненной миссіи, и вслѣдствіе этого сознаетъ свою независимость, какъ право, *то право это вытекаетъ изъ обязанности* быть силою самостоятельной.

Это право, какъ всѣ естественныя права, есть чисто нравственное. Оно не поддается юридической формулировкѣ, и не подлежитъ суду и ограниченію иначе, какъ на той же нравственной почвѣ. Но должно сказать, что оно все таки,

съ нравственной же точки зрѣнія, можетъ быть и обсуждаемо и ограничиваемо.

Право личности, какъ «человѣка», существуетъ съ этой точки зрѣнія постольку—поскольку человѣкъ исполняетъ обязанность своей миссіи *нравственно разумнаго существа.* Если онъ покидаетъ почву этики и разума—этимъ его право само собою упраздняется. Если бытіе личности начинаетъ становиться извращеніемъ природы личности, и создавать вмѣсто нравственно разумнаго существа нѣкоторую антиэтическую и безумную силу—нашъ нравственный судъ не только можетъ, а даже обязанъ не признавать «естественнаго права» этого извращеннаго бытія на существованіе и проявленіе своего извращеннаго существа.

Но этотъ судъ—повторяю—можетъ быть только судомъ нравственнымъ, судомъ на той же почвѣ «естественнаго права» нравственно разумныхъ существъ, причемъ существо нравственно разумное никогда не можетъ и не должно забывать, какъ велика должна быть осторожность этого суда. На почвѣ его осужденъ былъ на смерть Сократъ, какъ оскорбитель боговъ и развратитель народа. На этой же почвѣ былъ осужденъ Самъ Богъ, явившійся спасти людей...

XLV.

О правахъ и обязанностяхъ.

Непредписуемая и неуничтожимая природная самостоятельность личности, въ общественномъ сочетаніи, пораждаетъ различнаго рода права, охраняющія различныя стороны свободы члена общества и государства. Такъ являются «личныя» права, имѣющія задачей опредѣлить отношеніе свободы человѣка къ государственной власти, и права «политическія», опредѣляющія степень и форму участія гражданина во власти. Ихъ опредѣляетъ верховная власть государства, и въ томъ или

иномъ построеніи ихъ отражается типъ верховной власти, которая то болѣе, то менѣе благопріятствуетъ осуществленію тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Но въ общей сложности права, гарантирующія личную и политическую свободу, перечисляются приблизительно въ такомъ видѣ:

Личныя права:

1. Личная свобода (то-есть, напримѣръ, отъ какого-либо незаконнаго задержанія).

2. Неприкосновенность жилища, какъ огражденіе личной свободы.

3. Право собственности.

4. Свобода труда и занятій.

5. Свобода совѣсти.

6. Свобода слова (печати, преподаванія, пропаганды).

7. Права семейныя.

8. Свобода собраній, и союзовъ или обществъ.

9. Право требовать защиты власти.

10. Право сопротивляться незаконнымъ требованіямъ власти *).

Чичеринъ присоединяетъ къ этому «право прошеній», неприкосновенность «бумагъ и переписки»... Такихъ мелочей можно насчитать не мало, но они вытекаютъ изъ болѣе общихъ правъ. Важнѣе было бы назвать права брачнаго союза... Во всякомъ случаѣ—всѣ эти права имѣютъ свои ограниченія закономъ и законными распоряженіями власти. На этой почвѣ вмѣшательства власти они могутъ быть и чрезвычайно расширены, и сведены къ весьма узкому фактическому пользованію свободою.

Политическія права, принадлежащія гражданамъ, какъ участникамъ власти, суть:

1. Участіе во всѣхъ рѣшеніяхъ, которыя закономъ предоставлены въ области причастія гражданъ къ власти.

2. Доступъ къ государственнымъ должностямъ.

3. Контроль надъ дѣйствіями власти.

---

*) Чичеринъ съ сомнѣніемъ относится къ праву сопротивленія. Однако его допускаетъ не только Англійское, но и Прусское законодательство.

Въ отношеніи этихъ правъ имѣются тѣ же оговорки «законности», вслѣдствіе чего широта правъ, при однихъ и тѣхъ же наименованіяхъ, можетъ быть въ высшей степени неодинакова.

Взамѣнъ правъ, даруемыхъ государствомъ своему члену, какъ гражданину, онъ несетъ, какъ подданный, рядъ обязанностей, которыя Чичеринъ излагаетъ такъ:

Личныя обязанности гражданъ:

1. Повиновеніе, но законное. Когда власть преступаетъ предѣлы закона, обязанность повиновенія прекращается.

2. Вѣрность государству, т. е. образъ мыслей и дѣйствій, клонящійся къ сохраненію государства и къ поддержанію существующей власти. Нарушеніе этого есть измѣна.

3. Доставленіе государству необходимыхъ средствъ (подати и пр.).

Политическія обязанности:

1. Военная повинность.

2. Исправленіе должностей (присяжные, полиція и т. д.).

Мы можемъ не входить въ разсмотрѣніе полноты этой классификаціи правъ и обязанностей, такъ какъ для общей обрисовки свободы личности въ государствѣ достаточно и схематическаго перечисленія достигающихъ этой цѣли правъ.

Гораздо важнѣе обратить вниманіе на то, что всѣ права уравновѣшены обязанностями, и сверхъ того ограничены всѣми оговорками, которыя приноситъ къ нимъ законъ т. е. воля верховной власти. Очевидно, что дѣйствительная широта свободы личности въ государствѣ зависитъ существеннѣйшимъ образомъ отъ того, насколько глубоко верховная власть признаетъ ту естественную свободу человѣка, которая служитъ первоисточникомъ его гражданскихъ и политическихъ правъ. Степень такого признанія зависитъ, во-первыхъ, отъ силы личности, отъ напряженности ея потребности къ самостоятельности, неспособности ею поступаться, иначе какъ по совершенной необходимости; во-вторыхъ признаніе правъ личности зависитъ отъ свойствъ самой верховной власти, которыя, при различныхъ формахъ или типахъ ея, не одинаковы.

Всякая верховная власть, во всякомъ государствѣ, до извѣстной степени установляетъ и охраняетъ всѣ проявленія права, но въ различныхъ степеняхъ и въ не одинаковомъ построеніи.

XLVI.

Система построенія права.

Задачи государственной науки состоятъ въ томъ, чтобы проникнуть въ самые законы политическихъ явленій, опредѣлить внутреній смыслъ ихъ, и указать политическому искусству возможность дѣйствія примѣнительно къ желательнымъ человѣку цѣлямъ. Такъ и въ отношеніи монархической системы права мы должны понять, прежде всего, логику самой идеи данной верховной власти, и средства ея внутренняго содержанія, хотя бы эти средства и не были исчерпаны въ исторической практикѣ.

Выше указывалось, какое огромное значеніе въ политикѣ имѣетъ сознательность, а въ исторіи государственности мы чаще всего имѣемъ примѣры не столько политической сознательности, какъ безсознательнаго дѣйствія ощупью, на глазомѣръ. Отъ этого-то основные типы верховной власти—монархія, аристократія и демократія—постоянно являются въ исторіи не только въ чистомъ своемъ видѣ, но и въ извращенномъ, и выше было уже указано, что основныя разновидности монархіи, (самодержавіе, абсолютизмъ и деспотизмъ) представляютъ лишь идеальные типы, а въ исторической дѣйствительности никогда не замѣчаются въ полной чистотѣ, но всегда въ нѣкоторомъ смѣшеніи чертъ этихъ различныхъ разновидностей, съ преобладаніемъ какого-либо изъ нихъ какъ основного *).

Задача науки выяснить свойства высшаго, идеальнаго принципа, чтобы указать политическому искусству способы пре-

---

*) „Монарх. государственность“, часть I, стр. 80—118.

дохраненія его отъ деградаціи въ извращенныя разновидности, а этимъ послѣднимъ—средства подняться изъ деградаціи. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы, не забывая историческаго конкрета, будемъ анализировать, главнымъ образомъ, логику внутренняго содержанія чистаго монархическаго принципа, т. е. то что онъ имѣетъ, оставаясь самимъ собой, вѣрнымъ своему собственному содержанію.

Если мы обратимъ вниманіе на природу какой-либо власти, то можно сказать, что чѣмъ болѣе чутка она къ естественному праву человѣка, тѣмъ болѣе она склонна охранять *личныя права* въ государствѣ. Въ этомъ отношеніи монархическая власть обѣщаетъ болѣе, чѣмъ демократическая.

Въ опредѣленіи и построеніи правъ *политическихъ*—наоборотъ—демократическая власть болѣе обѣщаетъ, нежели монархическая.

Монархическая власть сама есть созданіе этическаго принципа, и черезъ это въ самой себѣ не можетъ не сознавать государственнаго значенія личности, какъ носительницы этическаго начала. Демократія, напротивъ, выражаетъ верховную власть всенародной воли, власть силы, власть самодовлѣющую, а потому не связанную обязательно съ этическимъ началомъ, и вообще не зависящую ни отъ чего, кромѣ безапелляціоннаго безотвѣтственнаго народнаго самодержавія. Поэтому демократія не имѣетъ природной чуткости къ самостоятельности и правамъ личности. Но зато она неразрывно связана съ политическимъ правомъ личности, которая составляетъ одну изъ единицъ самодержавной народной воли.

Однакоже, если мы возьмемъ охрану права во всей ея полнотѣ, то-есть въ совокупности правъ личныхъ и политическихъ, то по природнымъ способностямъ къ этому монархія имѣетъ преимущество передъ демократіей.

Какова бы ни была степень сознательности доктрины права, но въ дѣйствіяхъ различныхъ принциповъ верховной власти не можетъ не сказываться фактически ихъ внутренняя природа. Поэтому чуткость монархіи къ личнымъ правамъ составляетъ общее историческое явленіе. Демократія, напротивъ,

столь же извѣстна своимъ фактическимъ невниманіемъ къ нимъ. Въ наилучше поставленныхъ республикахъ постоянны жалобы на стѣсненія личности, на деспотизмъ большинства и его нетерпимость ко всякому своеобразію въ жизни человѣка. Въ монархіи же личность человѣка затирается только при извращеніи этого принципа власти въ деспотизмъ. Даже при абсолютизмѣ подавленіе личности относится по преимуществу къ области правъ политическихъ, что касается личныхъ правъ, то по развитію и охранѣ ихъ абсолютная монархія очень много сдѣлала въ исторіи какъ, въ Римѣ, такъ и въ Европѣ.

Но истинная монархія въ своей идеѣ заключаетъ всѣ данныя и для охраны политическихъ правъ. Только для этого нужно сильное развитіе ея *политическаго самосознанія*, или, за слабостью его, благопріятныя историческія условія.

По внутреннему смыслу власти, построеніе правъ и обязанностей въ монархіи и демократіи идетъ не одинаковыми путями и это отражается на охранѣ свободы и права.

Въ демократіи верховной властью является масса народа, большинство, сила количественная. Отдѣльный гражданинъ входитъ членомъ въ эту массу, но все-таки съ нею не отождествляется. Онъ составляетъ частичку верховной власти, но только частичку, остальная же совокупность верховной власти—есть для него нѣчто постороннее, которому онъ долженъ подчиняться, хотя бы и противъ воли. Вслѣдствіе этого личность, входя въ государство, сознаетъ себя чѣмъ-то отдѣльнымъ, находящимся въ договорѣ съ государствомъ, но не слитымъ съ нимъ. Ея естественное право не сливается съ государствомъ, и для самой личности остается высшимъ, нежели власть государства. При своихъ отношеніяхъ къ государству (въ договорѣ съ нимъ) личность имѣетъ источникъ правъ внѣ его, въ самой себѣ, но частичку ихъ уступаетъ въ пользу государства, для полученія отъ него обезпеченія остальныхъ правъ. Во всемъ объемѣ этой уступки своего естественнаго права, личность принимаетъ на себя обязанности въ отношеніи государства. Такимъ образомъ, ея обязанности являются элементомъ производнымъ изъ права. Право

составляетъ основу, обязанность истекаетъ изъ него. Поскольку государство обезпечиваетъ права личности, постольку личность соглашается принять на себя обязанности.

Въ монархіи отношеніе права и обязанности, въ идеѣ, прямо противоположно.

Здѣсь верховная власть (Монарха)—есть власть *того же самаго* этическаго начала, которое составляетъ сущность личности. Посему въ Монархѣ для личности является верховная власть не посторонняя, а какъ бы ея собственная. Въ монархіи личность ставитъ верховной властью не свою волю, а волю своего идеала. Такимъ образомъ и въ монархіи личность гражданина входитъ въ составъ верховной власти, но не такъ, какъ въ демократіи, не въ видѣ одной частички этой власти, а всѣмъ своимъ существомъ. Личность становится причастна верховной власти, какъ носительница того же самаго нравственно разумнаго элемента, который, въ лицѣ Монарха, поставленъ верховной государственной властью. Но этотъ нравственно разумный элементъ составляетъ не *волю* личности, а ту сторону ея существа, которой она подчиняетъ свою волю. Это источникъ ея *долга*, ея обязанности, для исполненія которой личность требуетъ себѣ необходимыхъ правъ. Совершенно таково же положеніе и самой верховной власти Монарха.

Онъ тоже не есть власть самоисточная, самодовлѣющая, но власть, делегированная отъ Бога, для исполненія обязанности поддерживать въ государствѣ верховенство этическаго начала. Для исполненія этой обязанности, Монархъ получаетъ свои права верховной власти. Такимъ образомъ, въ самомъ источникѣ власти, какъ и въ сознаніи личности, право вытекаетъ изъ обязанности. Такое построеніе права на обязанности монархія, оставаясь вѣрной своему смыслу, только и можетъ вести въ порученномъ ей государствѣ, попадая въ этомъ отношеніи въ полную гармонію съ самосознаніемъ личности, которая точно также ощущаетъ свое право лишь постольку, поскольку исполняетъ свою жизненную миссію нравственно разумнаго существа.

На первый взглядъ можетъ казаться, что основывая обязанность на правѣ, признавая право основой, а обязанность производнымъ элементомъ, мы лучше и сильнѣе охранимъ право. Но это несомнѣнная ошибка. М. Н. Катковъ прекрасно выразилъ психологію права, сказавъ:

«*Плодотворно только то право, которое видитъ въ себѣ не что иное какъ обязанность.* Мало проку въ тѣхъ правахъ, которыя не чувствуютъ себя обязанностями. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльнымъ пузыремъ; ничего не выходитъ изъ него, и ни къ чему не ведетъ оно. Такое право есть не сила, а слабость. Общественное мнѣніе можетъ быть полезно и плодотворно, если мыслящіе люди проникнуты чувствомъ долга, и дѣйствуютъ не столько въ силу права, сколько въ силу обязанности. Нѣтъ пользы въ томъ, что я имѣю право то и то дѣлать, если я не чувствую себя обязаннымъ сдѣлать то, что можно».

Почему же «плодотворно», т. е. приводитъ къ дѣйствію только то право, которое чувствуетъ себя обязанностью? Потому, что такова дѣйствительная, реальная природа личности. Человѣкъ, какъ существо разумное, нравственное и волевое, не есть первоисточное существо, но истекаетъ изъ божественнаго начала, которое помѣстило его въ міръ именно съ миссіей самостоятельно развивать данныя ему духовныя силы. Человѣкъ, по природѣ, это чувствуетъ, и твердо требуетъ необходимой свободы и права тогда только, когда это необходимо для исполненія обязанности его миссіи. Никакого «права» въ противномъ случаѣ личность за собою не чувствуетъ, и даже получая его не практикуетъ. Совершенно справедливо говоритъ Катковъ: «Нѣтъ пользы въ томъ, что я имѣю право, если я не чувствую себя обязаннымъ сдѣлать то, что дозволяетъ оно сдѣлать». Это право мертвое, бездѣйственное, пользованіе которымъ личность сознаетъ простымъ «самодурствомъ».

Монархическій принципъ великъ и силенъ тѣмъ, что его государственная идея совпадаетъ съ психологической реальностью. Государственная власть основана на психологической природѣ личности, а эта психологическая природа такова,

что личность имѣетъ право лишь какъ послѣдствіе своей міровой обязанности. Право, поэтому, сильно и реально только тогда, когда, въ государственной области, воспроизводитъ общій психологическій законъ бытія личности. Полной отчетливости это достигается въ монархическомъ принципѣ, который поэтому, *по природѣ*, въ потенціи, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ данныя для наиболѣе полнаго осуществленія *разумной свободы и права*. Если политическая безсознательность людей мѣшаетъ реализаціи этой возможности, то мы не должны приписывать принципу монархіи того, что создается непониманіемъ этого принципа.

XLVII.

Осуществленіе права.

Наблюдая историческія проявленія государственности, мы видимъ, что нигдѣ и ни при какой формѣ власти не было государства, въ которомъ бы совсѣмъ не существовало вободы и осуществленія права. Въ этомъ отношеніи монархическая государственность имѣетъ въ исторіи блестящіе образчики правового творчества, и въ общей сложности едва ли другія государства могутъ похвалиться, чтобы осуществляли право и охраняли свободу, въ общей сложности, лучше чѣмъ монархіи. Но, вообще говоря, допущеніе свободы и охрана права всегда и вездѣ были ниже того, что мы ставимъ своею идеальною цѣлью, и нерѣдко даже представлялись нестерпимо недостаточными, что и вызывало протесты личности и создавало государственные перевороты.

Причиною недостаточности общественной свободы и охраны права всегда является, въ основѣ, то обстоятельство, что задача права весьма сложная, такъ что на ея разрѣшеніе не хватало политическаго сознанія и искусства, а между тѣмъ человѣческія злоупотребленія весьма чутко пользуются всѣми

прорѣхами, которыя обнаруживаются въ каждомъ политическомъ строѣ. Осуществленіе же свободы и права не зависитъ даже отъ однихъ политическихъ условій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но требуетъ всей совокупности дѣйствія тѣхъ факторовъ, которыми создается и держится человѣческое общество.

Этого обстоятельства часто не хотятъ знать умы, воспитанные исключительно на юридическихъ понятіяхъ, а между тѣмъ—заботясь о свободѣ и правѣ въ обществѣ, мы должны поставить на первомъ же мѣстѣ, выше всѣхъ политическихъ условій, *выработку личности, способной къ свободѣ.*

Кто понимаетъ значеніе *права* въ государствѣ, долженъ заботиться прежде всего о силѣ и самостоятельности личности, объ ея способности къ самодѣятельности, объ ея творческихъ способностяхъ, при которыхъ личность дорожитъ своей дѣятельностью и не хочетъ ею поступаться. Эта выработка самостоятельной личности достигается цѣлымъ рядомъ условій ея воспитанія, въ которыхъ закаляется характеръ. О нихъ уже упоминалось раньше: правильная и искренняя вѣра, вооружающая человѣка самостоятельностью, какъ ничто другое, крѣпкая семья, дающая внимательное воспитаніе, развитой соціальный строй, дающій личности и практику ея общественныхъ способностей, и опору противъ подавляющихъ случайностей, а потому укрѣпляющій самоувѣренность личности:—вотъ рядъ воспитывающихъ условій, подготовляющихъ въ государствѣ самостоятельнаго гражданина.

Весьма достойно замѣчанія, что во всѣхъ этихъ факторахъ, вырабатывающихъ личность, способную къ свободѣ,—ея сознаніе *права* повсюду вытекаетъ изъ сознанія *обязанности* долга. Это относится къ религіи, къ семьѣ, къ соціальной роли человѣка. Правомъ самодовлѣющимъ—человѣкъ можетъ легко поступаться и легко поступается. Долгомъ же своимъ онъ не властенъ поступаться, почему не уступитъ и тѣхъ правъ, которыя необходимы какъ средства исполненія долга. Таковъ нормальный и здоровый путь выработки крѣпкой личности, которая не поступается нравственно разумнымъ своимъ содержаніемъ, то-есть самой основой свободы.

Эта личность является затѣмъ въ обществѣ и государствѣ опорой свободы и права, и основой контроля ихъ.

Не поступаясь своимъ правомъ, такая крѣпко выработанная личность не допускаетъ и злоупотребленія правомъ, создавая въ этомъ отношеніи общественную дисциплину, безъ которой невозможны ни свобода, ни право.

Но если выработка личности составляетъ необходимое условіе, безъ котораго ничего не значатъ и разсыпаются, какъ карточный домикъ, всѣ юридическія условія; то и эти послѣднія, въ свою очередь, необходимы для выработки личности.

Законодательное опредѣленіе ширины свободы, и объема правъ, требуемыхъ личностью даннаго общества, составляетъ, такимъ образомъ, второй рядъ условій, необходимыхъ для осуществленія права. Законодательство должно быть для этого чутко, отзывчиво и прозорливо, а слѣдовательно и постановка создающихъ его учрежденій должна быть такой, чтобы обезпечивать въ законодательствѣ эти свойства.

Но это само собою подымаетъ вопросъ о государственныхъ учрежденіяхъ, и вводитъ вопросъ о свободѣ и правѣ въ область политическую, указывая зависимость всякаго права отъ политическихъ правъ гражданина.

Выше отмѣчено, что политическія права гражданъ сами собой подразумѣваются въ демократіи, но иногда совершенно отрицаются въ монархіи. Это бываетъ фактически, но совершенно противорѣчитъ истинному смыслу монархической идеи, которая точно такъ же какъ и демократическая, не можетъ не признавать гражданъ участниками власти, что предполагаетъ облеченіе ихъ соотвѣтственными политическими правами.

Каждый членъ государства, при всѣхъ формахъ власти, является гражданиномъ въ отношеніи государства и подданнымъ въ отношеніи самой верховной власти. Гражданинъ республики также есть подданный въ отношеніи верховной власти самодержавнаго народа, и свои политическія права имѣетъ не какъ составная часть верховной власти, а какъ гражданинъ государства, гдѣ онъ такъ или иначе причастенъ власти.

Такое же отношеніе члена государства къ верховной власти и къ самому государству имѣется и въ монархіи. Правда, въ демократіи гражданинъ есть въ извѣстной степени носитель самой верховной власти. Но и монархіи, какъ сказано, не чуждъ этотъ элементъ.

Монархія есть верховенство нравственнаго идеала. Но онъ живетъ и въ душѣ подданныхъ, становясь государственно верховнымъ только потому, что каждый гражданинъ признаетъ его верховенство въ душѣ своей. Такимъ образомъ, каждый гражданинъ есть какъ бы создатель верховной власти Монарха, сходно съ тѣмъ, какъ въ демократіи каждый гражданинъ есть частичка верховной власти самодержавнаго народа. Гражданинъ монархіи даже болѣе интимно связанъ съ верховною властью, потому что слитъ съ нею всецѣло, поскольку является носителемъ того же идеала, котораго верховенство создаетъ Монарха.

Отсюда у подданнаго монархіи являются политическія *обязанности*, которыя сами собою предполагаютъ политическія *права*. Такой тонкій выразитель монархическаго духа, какъ М. Н. Катковъ, не даромъ сказалъ, что «у русскаго есть больше чѣмъ политическія права: у него есть политическія обязанности». Это замѣчаніе тѣмъ болѣе характеристично, что и у самого Монарха его верховная власть составляетъ не право, а обязанность, въ силу которой онъ имѣетъ верховныя права. Духовная близость, родственность личности подданнаго съ монархической верховной властью, проявляется въ требованіи отъ него *содѣйствія* верховной власти, которое формулировано геніальнѣйшимъ носителемъ русскаго самодержавія, Петромъ Великимъ.

Это не одно требованіе повиновенія, но принципіальнаго содѣйствія. Оно выражено въ присягѣ на вѣрность государю обязательно приносимой не тѣмъ, кто этого хочетъ, а именно по обязанности подданнаго. Присягаютъ, во-первыхъ, въ вѣрности и повиновеніи. Но каждый сверхъ того обязуется клятвенно: по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять всѣ права и преимущества, принадлежа-

щія самодержавію, силѣ и власти государя. Но и это еще не все: обязуются споспѣшествовать всему, что можетъ касаться вѣрной службѣ государю и государственной пользѣ. Обязуются не только благовременно объявлять обо всемъ, что можетъ принести вредъ, убытокъ и ущербъ интересамъ государя, но все это «всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися». Здѣсь подданный, повинующійся, и гражданинъ, дѣятельный участникъ, не раздѣляются, а неразрывно сливаются. Присяга прямо объясняетъ, что именно «такимъ образомъ» поступать, значитъ «вести себя и поступать какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ». Именно въ томъ, такимъ ли образомъ поступалъ подданный, онъ дастъ отвѣтъ «передъ Богомъ и Его судомъ Страшнымъ».

Такъ гласитъ это замѣчательное произведеніе Петра, произведеніе, въ которомъ онъ былъ вдохновленъ уже не теоріями Гуго Гроція, не Гоббсомъ, а чисто царскимъ проникновеніемъ въ духъ своего принципа власти.

«Вѣрноподданническая присяга—вотъ наша русская конституція», замѣтилъ по этому поводу Катковъ, и это совершенно вѣрно, если только прибавить, что «конституція» эта *не дописана*, ибо въ ней не обозначены тѣ *права*, которыя необходимы для исполненія указанныхъ подданному *обязанностей*.

Политическія права вообще не чужды гражданамъ монархическихъ государствъ. Они имѣютъ право на должности управительной службы, до извѣстной степени имѣютъ право контроля надъ дѣйствіями властей. Такъ нашъ законъ допускаетъ критику законовъ, Высочайшій указъ 13 января 1895 года ввелъ какъ принципъ, что посвященіе дарованій и усиленныхъ трудовъ на поприщѣ науки, словесности и *повременной печати*—есть служеніе Государю и Отечеству, а стало быть само собою подразумѣваетъ связанныя съ этимъ права. Уставъ Государственной Думы 6 -августа 1905 г. даетъ ей право запросовъ министрамъ. Право Всеподданнѣйшихъ прошеній вообще ничѣмъ не ограничено, и у насъ извѣстно

немало случаевъ Всеподданнѣйшихъ записокъ съ личными совѣтами верховной власти въ отношеніи самыхъ важныхъ дѣлъ управленія...

Но нельзя не признать, что политическія права, которыя гражданинъ монархическаго государства необходимо долженъ имѣть по смыслу своихъ обязанностей подданнаго—совершенно нигдѣ не разработаны, не регламентированы, не санкціонированы законодательствомъ и не обезпечены практическими способами пользованія.

Вина этой недописанности «монархической конституціи» всецѣло падаетъ на абсолютизмъ, который повсюду затуманиваетъ истинный смыслъ монархіи. Самъ по себѣ монархическій принципъ несомнѣнно допускаетъ рядъ политическихъ правъ, совершенно тѣхъ же, что и въ демократическомъ государствѣ. Фактическое осуществленіе этихъ правъ имѣло бы послѣдствіемъ упроченіе и расширеніе сферы личныхъ правъ, дающихъ способы политическаго дѣйствія. По неразвитости же политическихъ правъ, рядъ личныхъ правъ естественно ограничивается тамъ, гдѣ политическія права гражданъ кажутся, по абсолютистскимъ вліяніямъ, несовмѣстимыми съ обязанностями подданныхъ монархіи. Таковы, напримѣръ, свобода печати, право союзовъ и собраній, сопротивленіе незаконнымъ требованіямъ власти и т. д.

Но для того, чтобы политическія права гражданъ монархіи, даже по признаніи закономъ, не остались пустымъ звукомъ— необходима та управительная система, о которой выше говорилось, и которая вводитъ гражданъ монархіи въ составъ управительнаго механизма, путемъ сочетанія силъ общественныхъ и бюрократическихъ.

Подводя итоги условіямъ, при которыхъ можетъ быть осуществляема свобода и право въ монархическомъ государствѣ, мы видимъ, что для этого необходимы:

1) Правильная выработка личности, 2) развитой соціальный строй, 3) сочетанная система управительныхъ учрежденій и высшихъ правительственныхъ учрежденій, 4) разумная законодательная регламентація личныхъ и политическихъ правъ.

Это—условія, требуемыя не одной монархіей. Для дѣйствительнаго осуществленія личныхъ и политическихъ правъ совершенно тѣ же условія необходимы и въ демократическомъ государствѣ, и за отсутствіемъ ихъ, становятся и въ республикѣ мертвою буквой. Но монархія, осуществившая эти усломія, обѣщаетъ болѣе твердое обезпеченіе правъ личности и гражданина. Въ области чисто личныхъ правъ, какъ уже сказано, единоличная верховная власть вообще болѣе чутка чѣмъ демократія. Что же касается правъ политическихъ, то въ демократіи фактическое пользованіе ими до того перехватывается партіями и политиканами, что становится для гражданъ почти не имѣющимъ ни смысла, ни интереса. Монархія, же, правильно построенная, наоборотъ, легко можетъ не допустить ни бюрократической, ни политиканской узурпаціи правъ, даруемыхъ ею гражданамъ.

ОТДѢЛЪ VII.

Историческія судьбы націи.

XLVIII.

Національныя цѣли политики.

Мы разсматривали различные способы устроенія государственныхъ силъ для того, чтобы достигнуть сильнаго, разумнаго и благодѣтельнаго дѣйствія ихъ. Но въ чемъ мѣрило этой разумности и благодѣтельности? Съ какой общей цѣлью должно сообразоваться дѣйствіе государства, а стало быть и его верховной власти?

Какъ у личности, такъ и у народа есть задачи текущаго дня, есть задачи цѣлой жизни. Не всегда онѣ совпадаютъ, и то, что разумно въ цѣляхъ дня, можетъ быть гибельно въ цѣляхъ жизни.

Нѣкоторые дикіе народы настолько непредусмотрительны, что, имѣя пищу въ данную минуту, неспособны подумать даже о завтрашнемъ днѣ и, пожирая все случайно добытое сегодня—подвергаютъ себя въ ближайшіе дни опасности не имѣть силъ даже для новаго добыванія пищи. Ту же непредусмотрительность обнаруживаютъ маленькія дѣти. Гдѣ нѣтъ разума—тамъ люди вообще живутъ минутой и днемъ. Съ появленіемъ разума, наоборотъ, является мысль о цѣлой жизни, и чѣмъ тоньше разумъ, тѣмъ болѣе долгій періодъ будущаго онъ

охватываетъ своею предусмотрительностью. Высшее состояніе разума человѣка заставляетъ его думать даже о томъ, что ждетъ его послѣ конца земной жизни, и онъ, въ своей заботѣ разумнаго существованія, связываетъ цѣли своего дня съ мыслью о жизни всего міра и съ цѣлой непостижимой для него вѣчностью...

Разумъ въ политикѣ связываетъ государственные вопросы дня съ вопросомъ о цѣлой жизни націи, о ея *историческихъ судьбахъ.*

Бываетъ политика, которой представители говорятъ: «Наша задача—благополучно провести государство черезъ заботы настоящаго момента. Завтрашній день принадлежитъ тѣмъ, кто будетъ жить завтра. Пусть они сами позаботятся о своемъ днѣ, какъ мы заботимся о своемъ». Это—политика—ничтожная, незаслуживающая названія политики. Она и нечестна, и неразумна. Тѣ историческіе моменты, когда она появляется—суть предвѣстники гибели правительства или государства, или даже націи. Люди, неспособные въ задачахъ дня помнить задачи будущаго—не имѣютъ права быть у кормила правленія, ибо для государства и націи будущее не менѣе важно, чѣмъ настоящее, иногда даже болѣе важно. То настоящее, которое поддерживаетъ себя цѣной подрыва будущаго — совершаетъ убійство націи.

Государство и нація живутъ не одинъ день, а неопредѣленно долгій періодъ, который, по мѣркѣ дня, является «вѣчностью». Мы даже не можемъ сказать, есть ли срокъ жизни государства и народа. Есть народы, государственно существующіе въ теченіе всей извѣстной намъ исторіи человѣчества. Китай и Японія имѣютъ свои государства въ теченіе многихъ тысячелѣтій, и едва ли кто рѣшится сказать, что Китай не выступитъ завтра на еще болѣе широкую міровую жизнь, чѣмъ при древнихъ династіяхъ своихъ. Японія уже выступила на это поприще, и обнаруживаетъ при этомъ такую свѣжесть силъ, такую энергію, которая ничѣмъ не уступаетъ ея доисторической энергіи при покореніи своихъ острововъ, или въ историческія времена китайскихъ походовъ

Тайко Сама. Мы не можемъ знать — есть ли какой предѣлъ жизни націи и ея государства, и наша политика должна быть разсчитываема не на срокъ, а на вѣчность.

Безъ сомнѣнія—все рано или поздно кончается. Но цѣли разумнаго существованія должны быть разсчитаны на возможно долгую жизнь, и если онѣ разсчитываются именно такъ, то жизнь оказывается дѣйствительно долгою. При политикѣ же дня, съ девизомъ «apres nous—le deluge», мы жертвуемъ будущимъ настоящему, и тѣмъ подрываемъ силы націи и государства, такъ что оно разрушается преждевременно, вмѣсто того чтобы жить еще столѣтія или тысячелѣтія. Такая политика, стало быть, во всякомъ случаѣ, есть преступленіе противъ государства и націи, подготовка, изъ своихъ эгоистическихъ цѣлей дня—гибели всего государства и націи.

Такимъ образомъ, говоря о политикѣ, нельзя включать въ понятіе о ней то презрѣнное проволакиваніе существованія день за день, которое прикрывается девизомъ «довлѣетъ дневи злоба его». Изреченіе Спасителя относится къ мелкимъ матеріальнымъ цѣлямъ жизни, которымъ Онъ же противопоставляетъ вѣчныя цѣли, говоря именно, что должно думать не о мелкихъ цѣляхъ дня, а о цѣляхъ вѣчнаго существованія.

Политика ни какъ наука, ни какъ искусство—не имѣютъ ничего общаго съ проволакиваніемъ кое-какъ текущаго дня. Для такого жалкаго существованія нѣтъ политическихъ правилъ. Оно держится тѣмъ, что губитъ государство и націю въ цѣляхъ личнаго существованія правителей. Вмѣсто того, чтобы развивать производительныя силы націи—набрать денегъ въ долгъ, пользуясь кредитомъ, созданнымъ предками; вмѣсто защиты и расширенія территоріи—продавать и уступать провинціи; вмѣсто мужественнаго отраженія врага путемъ созданія могучей арміи—спасать себя позорнымъ миромъ, цѣной отдачи непріятелю народныхъ денегъ и земли; вмѣсто разумной организаціи государственныхъ учрежденій—лгать направо и налѣво, успокаивая неизбѣжное недовольство, подкупать вожаковъ противныхъ партій, еще болѣе развращать народъ и т. д... Такими способами правитель нерѣдко успѣваетъ протя-

нуть кое-какъ свою жизнь, чтобы оставить своимъ преемникамъ государство истощенное, обремененное долгами, лишенное кредита, съ развращеннымъ населенiемъ, потерявшимъ всякую вѣру въ правительство, съ общимъ убѣжденiемъ въ лживости самаго торжественнаго слова его и т. д.., Счастлива нацiя, если послѣ такой «политики» она сохранитъ жизненную силу хоть для революцiи, которая возродитъ государство. Но не всегда истощенная и развращенная нацiя можетъ надѣяться даже на этотъ исходъ, хотя и онъ очень печаленъ. Для того ли, дѣйствительно, создавалось государство, чтобы привести нацiю къ необходимости строить новое? Созданiе государства есть дѣло трудное, требующее отъ народа огромной траты силъ, средствъ и энергiи. Создавать его по нѣсколько разъ—не хватитъ жизненности ни у какой нацiи...

А посему-то государство, разъ возникшее, обязано смотрѣть на себя какъ на *окончательное*, обязано быть такимъ, чтобы служить нацiи во всѣхъ ея нуждахъ, при всѣхъ моментахъ ея будущей эволюцiи. Къ этому должны приспособляться усилiя государства, его учрежденiя, его способъ дѣйствiй, короче говоря: *его политика*.

Только для такой государственной жизни существуетъ политика, какъ наука, то-есть выраженiе политическаго разума, и политика, какъ искусство. Ибо политическое искусство не есть искусство фокусника, мороченьемъ и обиранiемъ публики добывающаго себѣ средства къ жизни, но искусство государственнаго человѣка, имѣющаго цѣлью поддерживать вѣчную жизнь государства, разумно пользуясь средствами, накопленными для него, и подготовляя еще болѣе средствъ своимъ преемникамъ.

Политическая наука относится только къ цѣлостной исторической жизни государства и нацiи. Политическое искусство состоитъ въ служенiи тѣмъ же вѣчнымъ цѣлямъ ихъ жизни. Общiя цѣли политики, такимъ образомъ, могутъ быть только нацiональныя, и, въ своемъ разумномъ и благородномъ смыслѣ, политика можетъ быть только *нацiональною*.

Это не значитъ, чтобы она имѣла эгоистически нацiональ-

ныя цѣли. Вопросъ о томъ, насколько цѣли жизни націи эгоистичны, зависитъ отъ ея внутренняго содержанія. Всякая великая нація служитъ человѣчеству и такъ или иначе осуществляетъ различныя стороны общечеловѣческаго блага. Политика, какъ созданіе человѣческаго разума и совѣсти, не можетъ не принимать во вниманіе этихъ общечеловѣческихъ цѣлей жизни націи. Но для того, чтобы служить человѣчеству— нація должна жить не день, а вѣка и тысячелѣтія. Политика и указываетъ для этого средства, т. е. способы осуществленія государственныхъ цѣлей въ непрерывной связи съ историческими судьбами націи.

Именно въ этомъ смыслѣ политика должна быть *національною* *), *имѣть своимъ объектомъ цѣлостную историческую жизнь націи.*

Это требованіе разумной политики особенно обязательно для монархіи.

Всякій случайный сбродъ людей можетъ образовать государство на демократическихъ началахъ. На извѣстныхъ Желтугинскихъ золотыхъ промыслахъ всевозможные изгнанники, бѣглые каторжники, поселенцы, смѣсь различныхъ племенъ, въ томъ числѣ и множество китайцевъ, на памяти нашего поколѣнія, образовали «желтугинскую республику», которая создала себѣ власть, спасшую этотъ сбродъ отъ прежней взаимной рѣзни и грабежа, установила судъ, опредѣлила правила дѣлежки золотоносной земли и т. п. Поддержанная силой, воля большинства совершенно достаточна для приспособленія любого табора къ текущимъ потребностямъ самаго разношерстнаго люда, принужденнаго жить вмѣстѣ. Но монархіи въ такомъ сбродѣ не можетъ быть. Если бы Желтуга не была разрушена, а спокойно просуществовала сотню, другую лѣтъ, среди этого разноплеменнаго сборища постепенно установились бы общія привычки, явилась бы нѣкоторая общая привычная философія жизни, общая культура, и тогда, даже при сохраненіи племенныхъ различій, явилась бы одна нація, съ

---

*) Не „націоналистической“, а „*національною*“.

общимъ духомъ, общими одинаковыми понятіями «должнаго» (основа «правды»). Тогда бы могла явиться здѣсь и монархія.

Монархія возможна лишь въ *націи*, т.-е. въ обществѣ съ установившейся внутренней логикой развитія, съ извѣстной преемственной традиціей, съ тѣмъ, что и составляетъ «духъ народа». Монархія возможна лишь въ обществѣ, уже пріобрѣвшемъ внутреннюю логику развитія. Ея политика поэтому только и можетъ быть основана на осуществленіи цѣлей этого преемственно развивающагося цѣлаго, то-есть необходимо должна стать національною, и если не будетъ такою, то монархія становится ненужною данному обществу и даже невозможною для него.

Все что политика дѣлаетъ для развитія народнаго благосостоянія, умственнаго развитія, нравственной крѣпости, усиленія соціальнаго строя, правильныхъ государственныхъ учрежденій, свободы и права личности и т. д. — все это связано не только съ потребностями текущаго дня, но и съ историческими судьбами націи. Истинно полезнымъ для настоящаго дня можетъ быть только то, что полезно для историческихъ судебъ націи и, наоборотъ—все полезное для историческихъ судебъ націи—непремѣнно такъ или иначе полезно для текущаго дня. Иногда въ интересахъ будущаго какому-либо поколѣнію приходится приносить въ настоящемъ большія жертвы... Но если это составляетъ для него жертву въ смыслѣ матеріальномъ, то въ нравственномъ это не жертва, а пріобрѣтеніе, ибо на этой жертвѣ народъ развиваетъ силу духа.

Солидарность отдѣльныхъ поколѣній въ цѣлостной жизни націи—есть основа политики, потому что чувство это есть душа націи. Пока этого чувства солидарности цѣлаго съ отдѣльными поколѣніями—не существуетъ въ людяхъ—они еще не народъ, не нація. Если это чувство было, но исчезло—это нація умершая, или разлагающаяся. Политика ничего не можетъ предложить такому разлагающемуся трупу: она не для мертвыхъ. Но политика знаетъ, что если что либо способно еще пробудить замершую жизнеспособность въ такихъ падшихъ

націяхъ—то развѣ какія-нибудь страшныя коллективныя несчастія, которыя наглядно покажутъ развратившейся толпѣ—что жить въ одиночку—поколѣніе не можетъ, и что оторвавшись отъ солидарности съ дѣдами и внуками—оно неизбѣжно погибаетъ и само.

XLIX.

Консерватизмъ и прогрессъ. Жизнедѣятельность.

Самое существо «націи», какъ коллективнаго цѣлаго, живущаго преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, предопредѣляетъ нѣкоторую «традицію» въ ходѣ ея жизни, сохраненіе нѣкоторыхъ основъ ея жизни. Отсюда въ политикѣ является идея *консерватизма*. Но необходимое измѣненіе условій жизни націи, имѣющее или характеръ дѣйствительнаго улучшенія, или по крайней мѣрѣ хоть кажущагося (ибо вводя его, люди имѣютъ намѣреніе улучшить прежнее положеніе) — создаетъ идею *прогресса*. Въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ эти двѣ идеи порождаютъ идею *реакціи*, съ одной стороны, идею *революціи*—съ другой. Всѣ онѣ способны переходить у людей въ систему и утверждаться въ принципъ политики. Но всѣ онѣ въ этомъ смыслѣ ложны, и представляютъ близорукое обобщеніе отдѣльныхъ явленій жизни, въ цѣлости своей имѣющей совершенно иные законы.

Дѣйствительная жизнь націи, какъ всякаго коллективнаго цѣлаго, имѣющаго преемственное существованіе, движется по законамъ «органическимъ», которые выражаютъ дѣйствіе сочетанія множества «воль», складывающихся въ извѣстныя среднія, устойчивыя соединенія. Сложившись въ данномъ поколѣніи, эти среднія сочетанія воль, даютъ извѣстныя нормы существованія для всѣхъ и каждаго, предопредѣляютъ для всѣхъ «необходимыя», непроизвольныя дѣйствія, создаютъ логику положенія вещей. Всякія новыя усилія отдѣльныхъ людей приспособить соціальную среду къ своимъ новымъ по-

требностямъ, должны считаться съ раньше созданнымъ положеніемъ, дѣйствовать въ его рамкахъ, пользуясь тѣми средствами, которыя въ немъ имѣются, и такимъ образомъ не создавать совершенно новаго положенія, а только измѣнять прежнее. При этомъ всякое измѣненіе естественно происходитъ только въ тѣхъ сторонахъ прежняго положенія, которыя и требуютъ и допускаютъ его, на тѣхъ пунктахъ, гдѣ уже накопились средства измѣненія, подобно тому какъ растетъ новая вѣтвь дерева, или изъ листка развивается лепестокъ. Такимъ образомъ въ обществѣ является *развитіе* прежняго положенія, его *эволюція*.

Это явленіе и неизбѣжное, и необходимое. Во всякомъ положеніи общества имѣются извѣстныя данныя для созданія силы умственной, промышленной, возможности развитія личности или дѣйствія учрежденій. Но когда всѣ эти данныя реализированы и исчерпаны, то получается само собою положеніе нѣсколько иное, чѣмъ прежде: въ обществѣ оказывается больше силы, больше развитости, и по требованіямъ новаго положенія прежнія учрежденія оказываются недостаточными. Они уже или стѣсняютъ болѣе развитую личность и болѣе сложное положеніе промышленныхъ силъ, или не вполнѣ удовлетворяютъ ихъ запросы. Является потребность измѣненія общаго положенія и приспособленія его къ новому состоянію общественныхъ силъ. Удерживать прежнее положеніе при этомъ и нелѣпо, потому что оно уже стало общественно-вреднымъ, и невозможно, потому что на всѣхъ пунктахъ накопленія новой силы является требованіе измѣненія, а стало быть за измѣненіе стоитъ *сила*, за сохраненіе же прежняго положенія—могутъ стоять лишь уже ослабѣвшіе элементы. Старое положеніе поэтому необходимо замѣняется новымъ, путемъ добровольной уступки требованіямъ новыхъ условій. Иногда же это происходитъ посредствомъ насилія новаго надъ старымъ.

Нѣкоторая степень насилія даже неизбѣжна, потому что, обыкновенно, только оно является доказательствомъ *необходимости* измѣненія для недальновидныхъ и своекорыстныхъ хранителей отжившаго стараго. Изъ этого факта насильственнаго,

быстраго измѣненія и явилась идея революціи, «переворота», какъ принципа развитія: философски это одна изъ наиболѣе слабыхъ идей.

Оставляя пока въ сторонѣ революцію, какъ принципъ, должно замѣтить, что ни консерватизмъ, ни прогрессъ не могутъ быть положены въ основу разумной политики, то-есть политики, исходящей изъ обязанности государства служить развитію національной жизни. Въ органической жизни есть элементъ консерватизма въ совершенно такой же степени, какъ и прогресса. Сохраненіе общества и его устоевъ безусловно необходимо, но должно мотивироваться какими-либо цѣлями жизни націи. Сохранять то, что не нужно для ея жизни, или даже вредно—было бы, конечно, дѣломъ нелѣпымъ и означало бы только какое-то странное (съ точки зрѣнія національнаго разума) насиліе надъ націей. Но и измѣненіе должно имѣть разумную цѣль и причины, иначе становится такой же безсмысленной ломкой жизни націи. Какія-либо теоретическія, личныя и партійныя истолкованія «прогресса», и рекомендація, на этомъ основаніи, измѣненія общества—вполнѣ допустимы, какъ дѣло проповѣди, но для того, чтобы ввести измѣненіе въ программу правительственнаго дѣйствія, недостаточно такого личнаго пониманія. Для правительственнаго дѣйствія нужно, чтобы *сама нація* находила потребность въ данномъ измѣненіи. Иначе государство превращается въ органъ не служенія національной жизни, а насилія надъ нею. Должно сверхъ того замѣтить, что тѣ измѣненія, которыя дѣйствительно подсказываются эволюціей національной жизни, всегда проявляются въ національномъ сознаніи, и для произведенія такихъ измѣненій въ націи нарастаютъ также необходимыя средства.

Если бы государство, не обращая вниманія на голосъ самой націи, пользовалось своей властью для проведенія такой произвольной политики «прогресса», по своему усмотрѣнію, оно бы становилось на путь чисто революціонный.

Что касается революціи, какъ принципа политическаго дѣйствія—то это идея, наиболѣе далекая отъ политической сознательности.

Революція, то-есть быстрое и насильственное измѣненіе стараго и замѣна его новымъ, несомнѣнно бываетъ въ исторіи, и иногда неизбѣжна, но совсѣмъ не имѣетъ того смысла, который ей придали люди, возведшіе быстрое насильственное измѣненіе въ принципъ. Они пришли къ заключенію, будто бы развитіе міра идетъ именно «переворотами», тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти перевороты составляютъ лишь частичное и даже весьма незначущее явленіе въ ходѣ эволюціи.

Дѣйствительное измѣненіе происходитъ только посредствомъ указаннаго нарастанія и ослабленія силы различныхъ сторонъ прежняго положенія. Ясно, что при усиленіи однихъ элементовъ и ослабленіи другихъ—измѣненіе неизбѣжно совершается, постепенно и мирно, или быстро и насильственно. При какихъ же условіяхъ становится неизбѣженъ послѣдній исходъ? Только тогда, когда ослабѣвшія силы стараго положенія не видятъ своей слабости, не видятъ силы требованій новаго, а потому не уступаютъ своевременно. При этомъ требованіе измѣненія накопляется до страстности, упорство стараго вызываетъ негодованіе, и дѣло кончается потасовкой, въ которой побѣждаютъ сильнѣйшіе. Это называется «революціей».

Но что же *измѣнила* революція? Только то, что было уже измѣнено эволюціей. Революція имѣла только тѣ силы, которыя созданы эволюціей, и нашла противниковъ неспособными къ сопротивленію только потому, что они одряхлѣли вслѣдствіе хода эволюціи. Революція, слѣдовательно, сыграла только чисто исполнительную роль. Нужно ли при этомъ было непремѣнно быстрое и насильственное дѣйствіе? Въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Но это никакъ не правило, не принципъ. Напротивъ—какъ способъ дѣйствія, какъ способъ исполненія, революція есть способъ убыточный, и во всякомъ случаѣ создаетъ много совершенно ненужнаго зла. Быстрое насильственное измѣненіе, во всякомъ случаѣ, происходитъ безпорядочно, а потому со множествомъ жертвъ. Насиліе, производимое безпорядочно и подъ дѣйствіемъ страсти, обращается не только противъ невиновныхъ, но даже губитъ особенно много *лучшихъ* людей, неспособныхъ или нерасположенныхъ къ угод-

ничанью толпѣ, тогда какъ наихудшіе прекрасно пристраиваются къ новой силѣ, и по безпорядочности революціи становятся даже вожаками «движенія», и всегда отнимаютъ у него значительную долю пользы. Французская революція XVIII вѣка истребила такимъ образомъ множество наилучшихъ людей Франціи, вслѣдствіе чего устроителями новаго порядка явились худшіе, умѣвшіе воспользоваться насиліями въ своихъ интересахъ. Эта гибель лучшихъ людей составляетъ *общее явленіе* всѣхъ революцій.

Въ результатѣ безпорядочности дѣйствія и гибели лучшихъ людей, во всѣхъ революціяхъ общее правило составляетъ то, что онѣ производятъ не только *необходимое* измѣненіе, а еще больше совершенно ненужной и вредной ломки, и такъ запутываютъ дѣло реформы, что вслѣдъ за тѣмъ является реакція, по мѣрѣ возможности уничтожающая все, сдѣланное революціей.

Въ общей сложности это самый худшій, убыточный способъ реформы, наименѣе достигающій разумной цѣли. Конечно, при политической и умственной неразвитости общества—онъ иногда бываетъ единственно возможнымъ. Но—какъ способъ дѣйствія—онъ все-таки наихудшій, и Чичеринъ совершенно правъ, ставя правиломъ, что «революціонныя стремленія *менѣе всего служатъ признакомъ политической способности»* *) реформаторовъ. Люди, прибѣгающіе къ революціи, вмѣсто того, чтобы измѣнить положеніе мирнымъ путемъ, поступаютъ такъ только потому, что въ нихъ говоритъ недовольство и страсть, а не политическій разумъ, вслѣдствіе чего они и самыя цѣли измѣненія понимаютъ плохо, и дѣлаютъ не то, или не вполнѣ то, что нужно.

Когда же идея революціи возводится въ *принципъ*, она становится источникомъ величайшихъ золъ. Съ такимъ «принципомъ» всякое недовольное меньшинство позволяетъ себѣ пытаться насильственно заставить всю страну устраиваться не такъ, какъ хочетъ она сама, а такъ какъ желательно меньшинству. Въ развитой странѣ—подобныя попытки узурпаціи не могутъ

---

*) Б. Чичеринъ. „Курсъ государственной науки“, часть I, стр. 82.

удаваться, и приводятъ только къ взаимной рѣзнѣ и растратѣ національныхъ силъ на междуусобицы, вмѣсто творческой работы. Но въ странѣ политически неразвитой дѣло оказывается еще хуже, ибо узурпаторскіе захваты возможны и приносятъ полностью всѣ свои гибельные плоды. Нація, порабощаемая революціонными партіями, какъ бы ее ни устраивали, во всякомъ случаѣ отупляется и принижается, пріучается жить и дѣйствовать не по своему разуму, а по командѣ захватчика власти. Понижаясь такимъ образомъ, народъ становится неспособенъ къ политическо-соціальному творчеству, ибо оно возможно только тогда, когда человѣкъ творитъ изъ себя, изъ своего разума и совѣсти.

Въ основу разумнаго политическаго дѣйствія, такимъ образомъ, не могутъ быть положены ни принципъ консерватизма, ни принципъ прогресса, ни менѣе всего принципъ революціи.

Разумная политика можетъ быть основана только на принципѣ эволюціи, то есть *развитія силы націи изъ ея же содержанія.* Въ этомъ процессѣ есть всегда извѣстный консерватизмъ, и извѣстный прогрессъ, и если является революція, какъ частный случай, то никогда не съ цѣлью созданія чего либо такого, чего эволюціонно не заключается въ обществѣ.

Формулируя, на основаніяхъ дѣйствительнаго хода жизни, руководящій принципъ національной политики, мы должны его опредѣлить, какъ *поддержаніе жизнедѣятельности націи.*

Политика тѣмъ разумнѣе, чѣмъ болѣе даетъ средствъ для жизнедѣятельности націи, чѣмъ меньше допускаетъ препятствій и помѣхъ для этого, откуда бы онѣ ни шли. Имѣя такой руководящій принципъ, политика не задержитъ ни «прогрессса», гдѣ онъ дѣйствительно появляется, не будетъ лишена и «консерватизма» во всемъ, гдѣ элементы прежняго положенія продолжаютъ быть свѣжи и здоровы; наконецъ такая политика чужда «революціонности», потому что заботится всегда имѣть способы къ своевременному измѣненію всего отжившаго, революціонной же узурпаціи не допускаетъ, какъ и всякаго другого посягательства на права и судьбы свободно развивающагося народа.

Этотъ принципъ «жизнедѣятельности» націи есть единственный разумный основной принципъ политики, понимающей цѣль и обязанность государства быть органомъ жизни націи.

Задачи такой политики состоятъ въ вѣчномъ созиданіи націи. Какъ всякая живая коллективность, нація, разъ сложившись, не становится неподвижною, но должна постоянно поддерживать и развивать свои жизненные элементы, постоянно отбрасывать все умирающее, замѣнять все засыхающее свѣжими ростками новой жизни. Процессъ всякого существованія— есть вѣчная борьба жизни и смерти. Въ этой борьбѣ все больше развиваются силы націи, реализируется ея внутреннее содержаніе. Жизнедѣятельность такимъ образомъ есть процессъ, способный совершаться только при самостоятельности развивающейся коллективности. Основанная на независимости и свободѣ творчества націи, жизнедѣятельность дѣйствуетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ полнѣе нація развиваетъ внутреннія силы свои.

Различныя формы верховной власти не въ одинаковой степени обладаютъ природной способностью сообразоваться съ эволюціонной логикой развитія.

Аристократія, въ качествѣ носителя верховной власти,— имѣетъ тенденцію неподвижности, консерватизма. Демократія, получая верховную власть, напротивъ приноситъ въ нее свойства ума толпы, подвижность, увлеченіе, склонность слѣдовать «по линіи наименьшаго сопротивленія». Монархическое начало, по природнымъ способностямъ, въ наибольшей степени привноситъ въ веденіе дѣлъ страны качество уравновѣшеннаго ума.

Помимо историческихъ примѣровъ (впрочемъ очень обильныхъ) само-собою ясно, что государь не можетъ имѣть ничего противъ полезныхъ преобразованій. Напротивъ, всѣ интересы его, всѣ нравственныя побужденія, всё честолюбіе даже способны скорѣе привести къ исканію улучшеній. Увлеченіе преобразованіями даже болѣе свойственно личности, нежели увлеченіе неподвижнымъ status quo. Но при этомъ въ монархіи сильно свойство сохранять націю на ея *историческомъ* пути развитія.

Народъ, подъ вліяніемъ стихійной заразительности массо-

выхъ движеній, подъ дѣйствіемъ подражательности, увлеченія, безсознательной гипнотизаціи чужой нервностью,—весьма способенъ сходить *временно* съ историческаго пути развитія, хотя именно въ такомъ состояніи менѣе всего способенъ къ разумному преобразованію. Въ этихъ случаяхъ монархическая власть, легче какой другой можетъ становиться поперекъ дороги увлеченію. По династическому характеру и нравственной отвѣтственности, носитель монархической власти, въ эти эпохи общаго увлеченія, является силою наиболѣе способною противустать случайному теченію, а за симъ его примѣръ, его голосъ, *пробуждаетъ* въ націи ея природное историческое содержаніе и возбуждаетъ такимъ образомъ стремленіе къ вѣрности историческимъ основамъ. Монархическое начало, такимъ образомъ, наиболѣе способно являться орудіемъ, помогающимъ націи не впадать въ застой, но и не забывать основъ своего развитія, т. е. именно оставаться въ состояніи *жизнедѣятельности*, здороваго развитія своихъ силъ и обдуманнаго приспособленія къ новымъ условіямъ. Консерватизмъ и прогрессивность, сравнительно говоря, наиболѣе уравновѣшены въ этомъ началѣ власти.

L.

Общія задачи созиданія націи. Развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ.

Выше уже говорилось, что всѣ общественныя явленія создаются психологической природой человѣка. Но человѣкъ лично и коллективно живетъ въ матеріальной обстановкѣ, и его общественность возникаетъ и развивается подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ условій экономическихъ, то есть условій добыванія матеріальныхъ средствъ къ существованію. Общество можно сравнить съ личностью, въ которой взаимодѣйствіе души и тѣла неразрывно, и для которой необходимо сочетаніе здороваго духа со здоровымъ тѣломъ.

Теорія экономическаго матеріализма, будучи одностороннею, заставляетъ однако обратить вниманіе на дѣйствительно важный факторъ общественной жизни и исторіи. Экономика составляетъ почву, на которой развиваются общественность, какъ явленіе психологическое. Она не пораждаетъ общественности, но заставляетъ послѣдиюю сообразоваться съ экономическими условіями и приспособляться къ нимъ.

Въ свою очередь однако соціальные законы (по существу психологическіе) могуче вліяютъ на экономику, такъ какъ естественныя матеріальныя условія допускаютъ для существованія много различныхъ способовъ, задача же ихъ выбора и утилизаціи зависитъ, въ основѣ, отъ способности и склонностей личности, а въ общественномъ состояніи человѣка отъ формъ его общественности.

Для того, чтобы благополучно и достойно совершать свое жизненное теченіе, создавая для себя и для человѣчества все, что заключено потенціально въ ея типѣ,нація должна умѣть развить всю доступную ей духовную и матеріальную силу. Основу и движущую силу развитія и въ націи, какъ въ человѣкѣ, составляетъ при этомъ ея духовная сила.

Чичеринъ прекрасно характеризуетъ это основное положеженіе развитія націи.

«Кромѣ государственнаго сознанія и воли, нужна еще достаточная *сила* чтобы сохранить свою самостоятельность и свое мѣсто въ ряду другихъ. Каждый самостоятельный народъ призванъ быть историческимъ дѣятелемъ. Надъ народами нѣтъ высшей власти, которая бы ограждала слабыхъ. Каждый долженъ стоять за себя, а на это нужна сила. Кто не обладаетъ достаточной силой для самостоятельной дѣятельности, тотъ долженъ отказаться отъ самостоятельности. Это высшій историческій законъ, который даетъ право на участіе въ судьбахъ міра только народомъ *способнымъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ.* Но и здѣсь, такъ же какъ въ отношеніи къ верховной власти къ подданнымъ, *матеріальная сила держится нравственной.* Это сила духовная основанная на высшемъ сознаніи и

волѣ. Сила народа вытекаетъ изъ его государственнаго сознанія» *).

«Надъ народами, замѣчаетъ онъ, нѣтъ высшей власти. Каждый долженъ умѣть стоять за себя. Для этого нужна сила. А важнѣйшимъ условіемъ внутренней силы является *способность организоваться*. Однихъ духовныхъ стремленій мало для практической дѣятельности. Надобно чтобъ народъ, ищущій политической независимости, во первыхъ, *умѣлъ драться*, а во вторыхъ умѣлъ образовать болѣе или менѣе *прочное правительства*, соединяющее вокругъ себя лучшія силы страны. *Народъ лишенный военныхъ способностей не можетъ имѣть притязаній на государственное существованіе*» (стр. 84).

Эта способность организоваться точно также необходима и для развитія экономической силы, матеріальныхъ средствъ, безъ которыхъ невозможно построить великое государство, да невозможно и во внутренней жизни націи развить и содержать множество учрежденій, необходимыхъ для ея соціальной и политической жизни, невозможно наконецъ и отдѣльной личности достигать достаточной степени развитія.

На этомъ пути передъ государствомъ является вопросъ о производительности національнаго труда, или—что то же самое—объ разумной системѣ національной экономики. Фридрихъ Листъ, у насъ такъ мало оцѣненный, прекрасно показалъ, что эта задача находится въ тѣсной связи съ умственной и нравственной силой націи.

Существуетъ ходячая сентенція, что «богатство развращаетъ народы»... Это совершенно вѣрно, если подъ богатствомъ подразумѣвать обиліе даромъ достающихъ матеріальныхъ средствъ. Ученіе о задачахъ экономики въ смыслѣ накопленія богатства, по принципу «enrichissez vous», указанному буржуазной школой—ведетъ дѣйствительно къ развращенію и людей. и народовъ. Но истинные экономическіе принципы состоятъ не въ накопленіи «богатства», а въ развитіи *производительной силы*, т. е. между прочимъ въ развитіи высоты человѣка, такъ

*) Курсъ Гос. Н., часть I, стр. 83.

какъ въ общей системѣ національной производительности огромное значеніе имѣетъ не только умственная, но и нравственная сила.

Эту тему прекрасно развилъ Фр. Листъ *), противопоставивъ свою «теорію производительныхъ силъ» «теоріи цѣнностей», буржуазной политической экономіи. «Способность создавать богатство говоритъ онъ, важнѣе самаго богатства... Испанія среди полнаго мира, но подавленная деспотизмомъ и духовенствомъ, погружалась все глубже въ нищету... Сѣверо американская война за независимость стоила сотенъ милліоновъ, но производительныя силы Америки, благодаря пріобрѣтенію національной самостоятельности, усилились неимовѣрно». «Странно заблуждалась школа, дѣлая предметомъ изслѣдованія лишь матеріальныя богатства или мѣновыя цѣнности, и считая производительнымъ лишь физическій трудъ. По ея мнѣнію тотъ кто воспитываетъ свиней—производительный членъ общества, а кто воспитываетъ людей—непроизводительный. Врачъ, спасающій жизнь паціента, не принадлежитъ къ классу производителей, а аптекарскій мальчикъ принадлежитъ, хотя изготовляемые имъ мѣновые цѣнности или пилюли существуютъ лишь нѣсколько минутъ»!..

Въ дѣйствительности, создатели *производительныхъ силъ* несравненно важнѣе создателей *мѣновыхъ цѣнностей* *).

Съ этой же точки зрѣнія—намъ, въ помышленіяхъ о матеріальныхъ силахъ націи—приходится болѣе всего подумать о ея духовныхъ силахъ.

«Всякое богатство создается посредствомъ работы тѣла и ума... но что влечетъ эту голову и эти ноги и руки къ производству? Можетъ ли быть что либо иное, какъ духъ оживляющій людей, и ихъ соціальное устройство, обезпечивающее плодотворность ихъ дѣятельности? Чѣмъ больше понимаетъ человѣкъ, что онъ долженъ заботиться о своемъ будущемъ, чѣмъ больше его взгляды и чувства заставляютъ его обезпе-

*) Фридрихъ Листъ, Система Національной Политическ. экономіи. Спб. 1891 г. стр. 194.

чивать будущность и счастье близкихъ ему лицъ, чѣмъ больше онъ съ юношескихъ лѣтъ привыкъ къ размышленію и дѣятельности, чѣмъ болѣе воспитывались его благородныя чувства, чѣмъ больше онъ видѣлъ съ юности хорошихъ примѣровъ, чѣмъ менѣе ограниченъ онъ въ своей дѣятельности, чѣмъ болѣе обезпечены результаты его труда, чѣмъ менѣе замѣчается въ немъ предразсудковъ, суевѣрій, ложныхъ взглядовъ и невѣжества,—тѣмъ болѣе онъ будетъ напрягать свой умъ и тѣло, тѣмъ будетъ лучше его производство, тѣмъ болѣе онъ создастъ и тѣмъ лучше распорядится плодами своего труда».

«Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ главное значеніе имѣетъ соціальное положеніе, среди котораго человѣку приходится воспитываться и дѣйствовать. Тутъ важно — процвѣтаютъ ли государственными учрежденіями и законодательство, религіозныя чувства, нравственное и умственное развитіе, личная и имущественная обезпеченность, свобода и право, развиваются ли въ странѣ равномѣрно и гармонически всѣ факторы матеріальнаго благосостоянія—земледѣліе, промышленность и торговля, достаточно ли могущество націи для того, чтобы изъ поколѣнія въ поколѣніе обезпечивать населенію успѣхи въ благосостояніи и образованіи, и дать имъ возможность пользоваться во всемъ объемѣ естественными силами страны, а посредствомъ внѣшней торговли и колонизаціи заставить служить имъ естественныя силы и другихъ странъ»...

«Христіанство, единоженство, уничтоженіе рабства и крѣпостного права, престолонаслѣдіе, изобрѣтеніе книгопечатанія, пресса, почта, монетная система, мѣры вѣса и длины, календарь и часы, полиція безопасности, введеніе свободнаго землевладѣнія, пути сообщенія—вотъ богатые источники производительныхъ силъ», говоритъ Листъ. «Современное состояніе народовъ является результатомъ накопившейся массы всевозможныхъ открытій, изобрѣтеній, улучшеній, усовершенствованій и усилій всѣхъ жившихъ до насъ поколѣній. Все это образуетъ *умственный капиталъ живущаго человѣчества*, и каждая отдѣльная нація является производительною лишь настолько,

насколько она сумѣла усвоить это наслѣдіе отъ прежнихъ поколѣній, и увеличить его собственными пріобрѣтеніями, и затѣмъ—насколько естественные источники, пространство и географическое положеніе ея территоріи, количество населенія и политическое могущество—даютъ ей возможность развивать въ высокой степени и гармонически всѣ отрасли труда, и распространять свое нравственное умственное, промышленное торговое и политическое вліяніе на другія отсталыя націи и вообще весь свѣтъ». (100—191 стр.)

LI.

Территоріальная политика.

При всей первенствующей важности силы духа, мы не станемъ теперь спеціально останавливаться на политикѣ имѣющей предметомъ развитіе духовныхъ силъ націи, ея просвѣщенія, нравственности и т. д., потому что всѣ основы ея достаточно выяснены въ предшествовавшихъ отдѣлахъ книги. Но политика территоріальная и экономическая требуетъ спеціальныхъ объясненій.

Территорія составляетъ необходимое условіе существованія государства, такъ какъ племя не можетъ стать націей безъ полноты развитія различныхъ сторонъ своей жизни и безъ полной независимости. Но племя, или группа племенъ, получаютъ на это возможность только при обладаніи опредѣленной территоріей. Какъ сказано уже въ I части книги, обладаніе территоріей считается въ числѣ основныхъ условій государственности.

Поэтому территоріальная политика должна быть одной изъ главныхъ заботъ государства.

«Важнѣйшая задача территоріальной политики, говоря словами Чичерина, состоитъ въ томъ, чтобы государство получило *естественныя границы*. Онѣ даютъ ему и защиту противъ внѣшнихъ враговъ, и внутреннюю замкнутость, и связь

частей *). При этомъ государство не можетъ играть міровой роли, если не имѣетъ *морскихъ границъ*... Ни въ чемъ не выразился такъ политическій геній Петра, какъ въ томъ, что онъ поставилъ себѣ главною цѣлью осуществленіе этой жизненной задачи».

Впрочемъ эта задача была сознана русскимъ государствомъ немедленно по его сформированіи, и уже при Іоаннѣ Грозномъ привела къ борьбѣ за Балтійское побережье.

Естественныя границы, хорошо отдѣляющія отъ другихъ государствъ, необходимы для возможности той замкнутости, которая требуется для единства и силы государства. Морскія границы—имѣютъ значеніе противоположное: онѣ даютъ легкость общенія съ міромъ и внутренне замкнутую націю вводятъ въ международную жизнь. Эти условія сохраняютъ все свое значеніе, несмотря ни на какіе успѣхи искусственныхъ путей сообщенія.

Однако въ понятіе «естественныхъ границъ» входятъ не только тѣ условія, которыя обезпечиваютъ внутреннее сплоченіе и внѣшнюю отграниченность. Задачи внутренняго сплоченія и независимости тѣсно соединены съ возможностью внутренняго экономическаго самоудовлетворенія. Государство должно, поэтому, охватить естественными границами всѣ пространства, которыя даютъ націи возможность добывать достаточно разнообразные продукты и перерабатывать ихъ. Въ тѣхъ государствахъ, для которыхъ особенно важное значеніе имѣетъ море и сношенія съ дальними странами—въ государственную территорію должны быть включаемы иногда очень дальніе клочки земли или острова, необходимые, какъ опорные пункты для морскихъ сношеній.

Всѣ эти условія требуютъ не только естественности границъ, но также ихъ *законченности*. До тѣхъ поръ пока государство не достигло законченныхъ границъ, его территоріальная политика должна считаться не завершенной, не достигшей тѣхъ окончательныхъ цѣлей, по закрѣпленіи которыхъ

---

*) Чичеринъ. Курсъ, часть III, стр. 55.

она можетъ ограничиваться простымъ поддержанiемъ достигнутаго.

Впрочемъ у нацiи, живущей и развивающейся, полной законченности территорiальной политики совсѣмъ не бываетъ. Внутреннее развитiе страны и ея мiровыя сношенiя съ другими нацiями, время отъ времени, вызываютъ необходимость измѣненiй и дополненiй территорiи. Причины этого весьма разнообразны.

Обладая идеальными естественными, совершенно завершенными границами, съ которыми она жила цѣлые вѣка, Японiя — какъ только вошла въ соприкосновенiе съ европейской культурой, немедленно заявила требованiя на новое расширенiе территорiи. Это зависитъ не отъ того, какъ у насъ нѣкоторые полагаютъ, будто бы размножившееся населенiе Японiи «задыхается» на своей территорiи. Японское населенiе многiя столѣтiя тому назадъ было равно 25 миллiонамъ, а между тѣмъ лишь въ послѣднее время стало перебираться на островъ Матсмай, который до сихъ поръ очень плохо заселило *). Количество населенiя Японiи возросло за эру «Мэй-цзи» всего на 4 миллiона, и его съ каждымъ годомъ увеличивающiйся % размноженiя ясно показываетъ, что оно отнюдь не «задыхается» въ матерiальномъ смыслѣ на своихъ островахъ. Но оно задыхается нравственно. Оно почуяло въ себѣ запросъ на мiровую роль, а для этого матерiальныхъ средствъ старой территорiи недостаточно. И вотъ Японiя весь свой притокъ силы, полученной отъ причастiя европейской культурѣ, пустила на неукротимую внѣшнюю завоевательную политику, которой и конца не предвидится...

Иной примѣръ расширенiя задачъ территорiальной политики представляютъ Американскiе Соединенные Штаты. Ихъ традицiонная политика прежде состояла въ достиженiи «естественныхъ границъ», указываемыхъ окружающими океанами. Доктрина Монроэ гласила «Америка для американцевъ». Но вотъ

*) Очень плохо, конечно, съ точки зрѣнiя своей (то-есть китайской) интенсивной культуры земли.

американская промышленность достигла высшей степени развитія, затребовала огромныхъ рынковъ, и Соединенные Штаты уже начинаютъ «имперіалистскую», какъ у нихъ говорятъ, политику захвата чужихъ земель. Они кругомъ обираютъ ослабѣвшую Испанію берутъ у ней не только Антиллы, гдѣ прикрывались «освободительными» предлогами, но захватываютъ Филиппины уже на правахъ чистаго завоеванія, съ полнымъ презрѣніемъ даже къ нежеланію самихъ филиппинцевъ быть подъ властью Штатовъ. Вслѣдъ затѣмъ является подготовка захвата Панамскаго перешейка, стремленіе занять Сахалинъ выразилось тоже очень недвусмысленно. Вообще трудно теперь и сказать, гдѣ остановятся Штаты въ этой «имперіалистской» политикѣ...

Естественно, что такія измѣненія въ территоріальной политикѣ однихъ государствъ необходимо отражаются и на другихъ, которымъ, смотря по силѣ ихъ и обстоятельствамъ, приходится въ отвѣтъ на стремленіе сосѣдей, или сокращать по возможности свои границы до удобозащитимости, или, наоборотъ, расширять.

Такъ, въ настоящее время, русская манджурская политика, закончившаяся войной съ Японіей, была вызвана именно новой территоріальной политикой самой Японіи, какъ способъ защитить русскіе владѣнія противъ неизбѣжныхъ послѣдствій притязаній Японіи на Китай и Корею *).

Въ основѣ своей естественность и законченность государственныхъ границъ опредѣляется свойствами территоріи первоначальнаго заселенія націи. Въ странахъ горныхъ или рѣзко очерченныхъ морями, естественныя границы обыкновенно достижимы при меньшихъ размѣрахъ государства, чѣмъ на тер-

*) Наша манджурская политика полна огромныхъ ошибокъ, но въ своемъ основаніи, то-есть по сознанію необходимости активной защиты противъ японскихъ завоевательныхъ тенденцій—она совершенно права. Въ этомъ отношеніи мысль русскаго общества, относящаяся отрицательно къ самымъ задачамъ манджурской политики, обнаружила самую прискорбную политическую незрѣлость, и рѣдкое незнаніе положенія какъ дальневосточныхъ дѣлъ, такъ и содержанія самыхъ кровныхъ интересовъ Россіи, несмотря на то, что опасность японскаго захвата стала ясна уже съ начала 90-хъ годовъ.

риторіяхъ равнинныхъ. Отсюда проистекаетъ то, что одни государства естественно имѣютъ меньшіе размѣры, и скорѣе завершаютъ задачи территоріальной политики, другія государства принуждены разрастаться на огромныя пространства и задачи ихъ территоріальной политики растягиваются на тысячелѣтіе, какъ это вышло, напримѣръ, въ Россіи.

Русская территоріальная политика, въ достиженіи естественности и законченности границъ, началась съ Рюриковыхъ временъ, и до сихъ поръ не закончена. Со времени укрѣпленія Россіи на Уссури и Сахалинѣ, наши границы на Тихомъ Океанѣ можно было считать очень близкими къ завершенности, такъ какъ имъ недоставало только нѣкотораго исправленія по правому берегу Амура, и нѣкоторыхъ станцій, обезпечивающихъ свободное сообщеніе Амурскаго края и Сахалина съ Океаномъ и морской путь изъ Европейской Россіи къ русскимъ Тихоокеанскимъ прибрежьямъ. Но война, начатая противъ насъ Японіей — теперь страшно запутала дѣло опредѣленія границъ, и, быть можетъ, предрѣшила теперь для Россіи на долгій періодъ такую же упорную борьбу на Тихомъ Океанѣ, какую нѣкогда пришлось вести на прибрежьяхъ Балтійскаго моря *).

---

*) Въ этомъ отношеніи тяжелая отвѣтственность передъ исторіей лежитъ какъ на ошибкахъ нашей дальневосточной политики, такъ и на современныхъ поколѣніяхъ русской интеллигенціи, сдѣлавшей или допустившей все возможное, чтобы, въ моментъ вооруженнаго столкновенія съ Японіей, окончательно обезсилить и безъ того мало энергичныя дѣйствія Россіи, деморализовать армію, создать правительству тысячи помѣхъ внутри страны и т. д. Только политической неразвитостью интеллигенціи нашей объясняется возможность того, чтобы она могла губить русскія историческія задачи на самомъ важномъ пунктѣ современныхъ международныхъ счетовъ,—и это въ цѣляхъ достигнуть внутреннихъ реформъ!

Конечно, безусловная необходимость внутреннихъ реформъ особенно уяснилась для Русскихъ именно японской войной, которая показала непригодность нашихъ учрежденій на всѣхъ пунктахъ, гдѣ имъ былъ произведенъ „экзаменъ“. Но князь Бисмаркъ справедливо говорилъ своему парламенту, что задачи внѣшней политики иногда требуютъ временнаго пожертвованія какими бы то ни было внутренними интересами, потому что внутренніе вопросы могутъ быть рѣшены всегда, когда только этого захочетъ страна, а во внѣшней политикѣ есть независящіе отъ насъ моменты. Пропустить такой моментъ—это значитъ ино-

Тѣ націи, которымъ приходится такъ долго отыскивать естественныя границы своего государства, и находить ихъ лишь охвативъ огромныя территоріи, имѣютъ передъ собой или великую міровую роль, или осуждены на быстрое истощеніе своихъ силъ. Сложность установки естественныхъ границъ требуетъ крупныхъ государственныхъ способностей. Въ этихъ условіяхъ особенно справедливы прекрасныя слова Чичерина, которыя имъ произносятся относительно вообще образованія государства.

гда навѣки погубить задачи своей страны, или даже её саму. Такой моментъ сталъ теперь передъ Россіей на Дальнемъ Востокѣ. Если Россія допуститъ Японію побѣдить себя, изгнать русскихъ изъ Манджуріи, опозорить ихъ передъ всѣмъ дальневосточнымъ міромъ, а ужъ тѣмъ болѣе отнять у Россіи Сахалинъ, безъ котораго—Сибирь беззащитна,—то это такой историческій разгромъ, что только дѣти могутъ утѣшаться полученіемъ за это какихъ бы то ни было внутреннихъ реформъ.

И какія „реформы" помогутъ Россіи, отброшенной отъ Тихаго Океана, когда она при этомъ совершенно не въ состояніи организовать даже своей экономики, и осуждена на вѣчную экономическую эксплуатацію со стороны сосѣдей? Какія реформы помогутъ, когда разгромивъ и опозоривъ Россію, Японія быстро захватитъ протекторатъ надъ Китаемъ, и черезъ десятокъ лѣтъ—будетъ повелительницей десятимилліонныхъ армій?.. Что ждетъ Россію послѣ этого? Если она даже не испытаетъ новаго монгольскаго ига, то во всякомъ случаѣ должна будетъ сносить все, что ей предпишетъ побѣдоносный Монгольскій Востокъ. А что скажетъ еще магометанскій міръ, убѣдившись въ безсиліи Россіи? Если же русской силы другихъ поколѣній, возвратившихъ себѣ политическій разумъ, чувство чести и сознаніе дѣйствительности,—даже и хватитъ на сокрушеніе страшнаго врага—объединеннаго Монгольскаго міра, то сколько же милліоновъ человѣческихъ жизней и какихъ десятковъ милліардовъ рублей потребуетъ эта титаническая борьба будущаго?

А между тѣмъ, чтобы предохранить Россію отъ этого страшнаго будущаго, *теперь* достаточно было бы только продолжать борьбу, хотя бы даже и не блестящую, для того чтобы Японія черезъ два, три года была совершенно истощена, и послѣ всѣхъ побѣдоносныхъ сраженій принуждена была отступиться отъ своихъ притязаній. Такъ съумѣлъ поступить, въ войнѣ съ Японіей, даже Китай во времена побѣдоноснаго Тайко Сама.

Что же скажетъ исторія о поколѣніи, которое не умѣло этого разсудить, и не имѣло духа даже на это, подорвавъ будущее Россіи изъ-за какихъ-то „реформъ", которыя мало-мальски порядочный народъ можетъ произвести рѣшительно въ каждую минуту, когда только этого захочетъ, и которыя у насъ не произведены были до сихъ поръ только потому, что Россія ихъ не сознавала и не требовала.

«Не всякій народъ способенъ устроить изъ себя государство. Для этого нужно *высшее политическое сознаніе* и *государственная воля*, которая находится не у всякаго. Народъ, который неспособенъ разумно и добровольно *подчиниться верховной власти и поддерживать ее всѣми силами*, никогда не образуетъ государства, и если въ немъ образуется нѣчто похожее на государственный порядокъ, онъ будетъ всегда непроченъ... Народъ способный къ государственной жизни долженъ прежде всего проявить *уваженіе къ законному порядку*» *). Кромѣ всего этого, прибавляетъ онъ, народу нужна *сила*, и ее нужно умѣть развить и сохранить.

Но если у націи хватаетъ силъ для постановки своего государства на путь, достойный развитія великаго міроваго дѣятеля, то должно сказать, что сама величина территоріи, создавая для государственнаго творчества много сложностей, доставляетъ для него и особыя средства.

Сошлюсь снова на Чичерина въ перечисленіи выгодъ большихъ государствъ.

«Они имѣютъ большую возможность отстоять свою независимость. Большія государства способны играть несравненно болѣе значительную историческую и политическую роль, чѣмъ мелкія. Они обладаютъ большими матеріальными средствами для устройства своей внутренней жизни. При разнообразіи естественныхъ условій, они имѣютъ въ себѣ все нужное для ихъ существованія и потому менѣе зависимы отъ другихъ. Значительныя средства естественно даютъ возможность для болѣе обширныхъ предпріятій. Большое государство располагаетъ даже болѣе значительнымъ числомъ способныхъ людей для разныхъ отраслей управленія. Выгодное условіе представляютъ также обиліе и ширина всевозможныхъ поприщъ дѣятельности. Интересы въ большомъ государствѣ — крупнѣе и возвышеннѣе, люди не погружены въ мелочи ежедневной жизни, они выводятся изъ тѣсной сферы мѣстныхъ отношеній, предразсудковъ и взглядовъ. Вопросы въ странѣ ставятся

*) Чичеринъ, Курсъ Гос. Науки, часть I, стр. 82.

болѣе общіе и сложные, и обширность поприща даетъ высшее значеніе самой политической жизни. Цѣли мелкаго честолюбія и тщеславія въ націи заслоняются общечеловѣческими интересами, къ участію въ которыхъ призываются граждане. Этимъ подымается самый народный характеръ, въ которомъ обширность предстоящихъ задачъ вызываетъ высшую энергію и способности. Люди чувствуютъ себя членами великаго тѣла, призваннаго играть значительную роль въ исторіи. Этимъ не только возвышается сознаніе національнаго достоинства, но облагораживается душа, устремленная на высшія цѣли» *).

Большое государство, въ силу болѣе разнообразныхъ условій, волей неволей имъ охватываемыхъ, и приводимыхъ къ общей организаціи и соглашенію, служитъ *всемірной общественности*. Въ этомъ его особенно великая роль.

Государства малыя, собственно для своихъ обитателей, имѣютъ свои удобства, и въ отношеніи выработки культурнаго матеріала (науки, искусства, способовъ жизни) также могутъ служить общечеловѣческому развитію. Но между малыми и великими государствами въ этомъ отношеніи та разница, что первыя способны вырабатывать только «матеріалъ», которымъ человѣчество можетъ пользоваться. Вторыя же осуществляютъ утилизацію всякого такого матеріала въ сложной обстановкѣ, которая аналогична всемірной жизни, а потому ведутъ за собою все человѣчество.

Какъ бы то ни было, общая политика государства должна сообразоваться съ тѣми условіями, которыя ей диктуетъ этотъ первичный факторъ государственной жизни—то-есть условія *созиданія территоріи*, естественной, завершенной, обезпечивающей націи независимое существованіе и полноту развитія ея силъ.

Для націи природно малой, съ природно небольшой территоріей, неразумно усиливаться разыгрывать политику великаго мірового государства. Но, если уже сами естественныя условія указали націи построеніе великаго государства,—то она во что-

*) Чичеринъ, ib. часть III, стр. 62.

бы то ни стало должна быть на уровнѣ такой роли, должна все сдѣлать для этого, ибо если окажется духовно ниже того, чѣмъ естественныя условія предписываютъ ей быть, то она осуждена на полное государственное уничтоженіе.

LII.

Экономическая политика.

Подобно территоріальной политикѣ, экономическая политика государства имѣетъ цѣлью такую завершенность производственныхъ силъ націи, которая бы обезпечивала самостоятельность ея въ удовлетвореніи своихъ нуждъ.

Въ государствахъ малой территоріи—эта цѣль можетъ быть достигаема одностороннимъ развитіемъ наиболѣе сильныхъ сторонъ производства, допускаемаго мѣстными естественными условіями, и хорошей организаціей обмѣна съ другими странами, при чемъ главной заботой политики должно являться закрѣпленіе за собою многочисленныхъ рынковъ, такъ чтобы страна не была въ чрезмѣрной зависимости ни отъ одного изъ нихъ. Нерѣдко малыя государства спеціализируются на международной комиссіонной торговлѣ, лишь до нѣкоторой степени поддерживая ея устойчивость развитіемъ собственныхъ фабрикъ.

Нѣкоторыя государства съ малой природной территоріей рѣшаютъ вопросъ своей экономической политики высокимъ развитіемъ обрабатывающей промышленности, добывая все остальное имъ нужное торговымъ обмѣномъ. Высочайшій типъ этого рода представляетъ Англія. Для такой экономической политики требуются въ особенной степени обширные, надежные рынки, въ связи съ чѣмъ становится необходима колоніальная политика, какъ для выселенія избытка жителей, такъ и для обезпеченія рынковъ. Этотъ способъ экономики даетъ огромныя выгоды, но лишь при условіи, что данная страна имѣетъ слабыхъ конкурентовъ.

На этотъ путь, постепенно, вслѣдъ за Англіей, вышли почти всѣ Европейскія страны, и теперь выходятъ Соединенные Штаты Америки. Но мы уже видимъ и въ настоящее время, что это далеко не прочная постановка національной экономики. Всѣ страны постепенно начинаютъ стараться избавится отъ экономической эксплуатаціи промышленныхъ государствъ, усиленно развивая собственную обрабатывающую промышленность, и по мѣрѣ успѣха—сами тоже стараются завладѣть рынками странъ еще отсталыхъ. Отсюда является между ними жестокое соперничество, понижающее выгоды, а въ концѣ концовъ—при постепенномъ промышленномъ развитіи всѣхъ странъ земного шара — такимъ государствамъ, какъ Англія, дошедшимъ въ промышленной односторонности до уродливости—сдѣлается или невозможно самостоятельное существованіе, или явится необходимость, съ тяжкими усиліями и пожертвованіями, передѣлывать строй своего производства на болѣе разносторонній и гармоническій.

Еще болѣе не выгодна спеціализація экономики на одномъ земледѣліи, ибо такія страны, въ теченіе столѣтій — безпрерывно вывозя свои продукты въ обмѣнъ на обработанные—постепенно «выгрызаютъ» свою почву, не имѣютъ возможности поддерживать ея плодородія, истощаютъ ее, и параллельно съ этимъ—возрастаетъ ихъ бѣдность и зависимость отъ странъ промышленныхъ.

Въ основѣ всѣхъ системъ спеціализированнаго хозяйства лежитъ идея *меркантильная*, та самая, которая создала теорію цѣнностей, какъ основу народнаго богатства.

Это—идея ума, не проникнувшаго въ основу экономики, та самая, которую такъ сильно опровергаетъ Фридрихъ Листъ. Дѣйствительная, прочная система экономики страны можетъ воздвигаться лишь на идеѣ *развитія производительныхъ силъ*. Это—система экономической самостоятельности страны, завершенности всѣхъ ея силъ, добывающихъ и обрабатывающихъ, гармонически другъ друга дополняющихъ и дающихъ въ результатѣ страну экономически *самоудовлетворяющуюся*, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ необходимости.

Эта система, по внутреннему смыслу, вполнѣ совпадаетъ съ той идеей независимости, которая проникаетъ собою цѣли и смыслъ государства вообще.

При ней нація достигаетъ не только наивысшаго экономическаго обезпеченія, но ведетъ и наиболѣе благородное экономическое существованіе, чуждое эксплуатаціи чужого труда менѣе развитыхъ странъ, чуждое и своего порабощенія со стороны болѣе развитыхъ націй. Но система экономическаго самоудовлетворенія возможна только для великихъ государствъ, которыхъ территорія содержитъ въ себѣ средства достаточно разнообразныя. Таковы Соединенные Штаты Америки, уже осуществившіе эту систему. Такова Россія, которая, напротивъ, доселѣ не можетъ выбраться на эту торную дорогу экономическаго развитія.

Система гармоническаго развитія производительныхъ силъ требуетъ, во-первыхъ, согласованія производства различныхъ частей національной территоріи, и во-вторыхъ, согласованія промышленности добывающей и обрабатывающей, «земли» и «фабрики».

Цѣли территоріальнаго согласованія состоятъ въ томъ, чтобы разныя части государства могли экономически поддерживать и защищать одна другую, дополняя одна другую своими средствами. Въ отношеніи самой промышленности задачи гармоническаго производства состоятъ въ томъ, чтобы всѣ отрасли естественныхъ богатствъ страны не лежали втунѣ, а энергически разрабатывались, и перерабатывались своей же фабрично-заводской промышленностью. Въ торговомъ отношеніи промышленность должна имѣть въ виду *внутренній* рынокъ, т.-е. добывать то, что нужно для страны и перерабатывать на собственныхъ фабрикахъ и заводахъ продукты своего добыванія. Тогда промышленность добывающая и обрабатывающая, земледѣліе, лѣсоводство, скотоводство, рыбные промыслы, горная и фабрично-заводская промышленность, взаимно поддерживаются въ своихъ отрасляхъ, населеніе получаетъ разнообразные способы добыванія средствъ, въ странѣ получается возможность самой тонкой спеціализаціи труда, земледѣльче-

ское населеніе получаетъ обширный рынокъ среди населенія фабрикъ и городовъ, и въ свою очередь обрабатывающая промышленность получаетъ рынокъ въ зажиточномъ сельскомъ населеніи.

Внутренній рынокъ, какъ я это развивалъ въ другомъ мѣстѣ *)—есть рынокъ экономически наивыгоднѣйшій и въ то же время наиболѣе обезпеченный отъ случайностей. Сверхъ того—онъ можетъ быть наилучше изучаемъ промышленностью и торговлей, а потому наиболѣе обезопашенъ отъ кризисовъ перепроизводства.

Система внутренняго рынка требуетъ, какъ своего необходимаго послѣдствія, заботы о его *покупательной способности* и о *національномъ характерѣ капитала.*

Первое условіе сводится къ прочности благосостоянія массы народа, совпадая отчасти съ задачами разумнаго соціальнаго строя, отчасти съ разумной постановкой самого производства.

Дѣйствительно, въ области земледѣльческаго труда прочность народнаго благосостоянія требуетъ того же построенія землевладѣнія, какое нужно и для силы земледѣльческаго производства. Землевладѣніе естественно представляетъ три формы: мелкое (сферы личнаго труда), крупное — съ участіемъ капитала, и государственное. Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ

*) См. „Земля и фабрика", Москва, 1899 г. и „Вопросы экономической политики", Москва, 1900 г. Выгодность внутренняго рынка зависитъ, между прочимъ, отъ того, что мѣсто добычи продукта и его обработки наиболѣе сближены, а потому расходы по перевозкѣ доводятся до минимума. Теперь мы видимъ такія, напримѣръ, нелѣпыя явленія, что ленъ, добываемый въ Псковской губерніи, отвозится въ Лондонъ, и тамъ превращается въ полотна, которыя обратно идутъ на продажу въ Псковъ. Это тасканье товара по свѣту—дѣло экономически безсмысленное, безплодно удорожающее стоимость продукта. Въ то же время Псковскій хозяинъ безусловно не предвидитъ размѣровъ спроса въ Лондонѣ, тогда какъ состояніе спроса на фабрикахъ псковскихъ ему могло бы быть извѣстно гораздо лучше. Мнѣ приходилось доказывать все это противъ г. Федорова, руководителя офиціальнаго органа Министерства Финансовъ (временъ С. Ю. Витте), съ пѣной у рта защищавшаго отсталую меркантильную идею, которая, если когда-нибудь имѣла смыслъ въ Англіи, то никогда не могла его имѣть для Россіи. Подъ такими то ветхими знаменами послѣднее 10-лѣтіе расшатывалось русское производство, и отдавалось на захватъ „иностраннаго капитала"!

свои экономическія преимущества и слабыя стороны, но всѣ три необходимы. Крупное землевладѣніе—является источникомъ хозяйственнаго прогресса, легко соединимо съ первоначальными формами обработки продукта, и потому даетъ массѣ народа подсобные заработки. Казенное землевладѣніе даетъ единственное средство сохраненія лѣсовъ, признанныхъ необходимыми, какъ «защитные», и тѣхъ полосъ земли, на которыхъ необходимо сохраненіе болотъ, питающихъ рѣчки и т. п. Будучи хранителемъ цѣлаго ряда земель, имѣющихъ охранительное климатическое и почвенное значеніе, государственное землевладѣніе въ то же время служитъ населенію доставкой необходимаго топлива, подсобныхъ угодій, выгоновъ, сѣнокосовъ и т. п. которыхъ въ крестьянскомъ землевладѣніи, склонномъ къ распашкѣ, не можетъ сохранятся. Земли же собственно крестьянскія въ экономическомъ отношеніи — суть земли наиболѣе энергичнаго приложенія труда, наиболѣе охотнаго и упорнаго.

Отсюда у Государства должна возникать политика, стремящаяся надѣлить все земледѣльческое населеніе землею, но въ правильномъ чередованіи земель крестьянскихъ съ землями крупновладѣльческими и казенными, въ близкомъ сосѣдствѣ, для того чтобы обезпечить всѣ виды землевладѣнія взаимною поддержкою.

Прочно поставленное землевладѣніе крестьянъ составляетъ основное средство для накопленія крестьянскихъ сбереженій, и обезпеченія покупательной способности деревни, которая при этомъ даетъ для фабрикъ рынокъ, несравненно болѣе широкій и прочный, нежели заграничные рынки.

Такое же упроченіе благосостоянія массы народа должно составлять предметъ заботливости политики въ средѣ фабрично заводскихъ рабочихъ. Здѣсь эта цѣль достигается развитіемъ кассъ взаимопомощи и сберегательныхъ, мелкаго или коллективнаго рабочаго домовладѣнія и т. д. Обезпеченная отъ тягостей промышленныхъ кризисовъ и безработицъ—масса рабочаго населенія даетъ столь же устойчивый внутренній рынокъ.

Такимъ образомъ система экономіи, разумная въ основѣ,

сама собою приводитъ къ частностямъ, благодѣтельнымъ для народа.

Другое условіе промышленности, разсчитанной на внутренній рынокъ, составляетъ національный характеръ капитала. Это значитъ, что для производства требуется имѣть капиталъ, принадлежащій самимъ гражданамъ данной страны, съ возможнымъ сокращеніемъ *иностраннаго капитала*, въ ней оперирующаго.

Причина этого заключается въ крайней дороговизнѣ иностранныхъ капиталовъ. Являясь въ чужую страну, иностранный капиталъ естественно старается получить процентъ непремѣнно высшій, чѣмъ на своей родинѣ, и слѣдовательно создаетъ товаръ во всякомъ случаѣ болѣе дорогой, чѣмъ тотъ, который можно было бы прямо купить за границей. Выбирая этотъ свой %, иностранный капиталъ является всегда въ сопровожденіи значительнаго количества служащихъ изъ-за границы, и слѣдовательно платитъ мѣстнымъ гражданамъ гораздо меньшую сумму, чѣмъ платилъ бы національный капиталъ. Всѣ сбереженія этихъ иностранцевъ уходятъ за границу. Такимъ образомъ сбереженія страны и ея жителей, при этой системѣ, гораздо меньше, а это отнимаетъ у производства его полезное значеніе. Наконецъ — извлекая изъ страны такіе двойныя доходы въ пользу чужой страны, иностранный капиталъ все же остается вѣчной собственностью этой послѣдней, и ни на волосъ не увеличиваетъ размѣровъ мѣстнаго капитала. Такимъ образомъ иностранный капиталъ составляетъ лишь орудіе эксплуатаціи страны, допускающей его къ себѣ, и если это допущеніе иногда неизбѣжно, то лишь въ томъ случаѣ, когда правительство не въ состояніи произвести иностраннаго займа для національной постановки даннаго производства. Иностранные займы, какъ ни изнурительны они для страны, все таки менѣе ее истощаютъ (такъ какъ обходятся дешевле, и рано или поздно погашаются), чѣмъ допущеніе внутри страны операцій вѣчно эксплуатирующаго и никогда не уничтожающагося иностраннаго капитала.

Таковы раціональныя основы національной экономической

политики, поставленной на почву внутренняго самоудовлетворенія. Имѣя основой внутренній рынокъ, такая промышленность обращается на внѣшній рынокъ лишь въ мѣрѣ необходимаго, и выходитъ на внѣшній рынокъ съ созрѣвшими силами, не позволяя себя эксплуатировать.

Но, какъ сказано, система экономическаго самоудовлетворенія гармоничнаго и завершеннаго, возможна лишь для странъ великихъ, со сплошной территоріей, обезпеченной хорошими границами и выходомъ къ морю. Изъ существующихъ государствъ Соединенные Штаты вышли давно на этотъ путь. Начавъ свое существованіе, какъ рядъ странъ земледѣльческихъ, обращенныхъ къ одному лишь Атлантическому океану, Соединенные Штаты, съ практическимъ чутьемъ, характеризующимъ американцевъ, быстро сознали невыгоды экономической зависимости отъ промышленныхъ странъ, и ихъ развитіе оперлось на три основы: во-первыхъ, Америка добилась выхода ко всѣмъ окружающимъ ее морямъ, развила береговыя страны свои и связала берега сквозными желѣзными дорогами черезъ всю страну. Во-вторыхъ, въ то же время, шло энергичное заселеніе земледѣльческихъ областей. Въ третьихъ, энергической покровительственной системой, Америка быстро развила свою обрабатывающую промышленность. Въ результатѣ создалась такая огромная экономическая сила, что Америка начала дополнять свою систему и колоніальной политикой, впрочемъ доселѣ еще не опредѣлившейся.

На Россію, напротивъ, тяжело легла ея общая малая умственная и научная развитость. Вмѣсто преслѣдованія совокупности условій экономическаго развитія, она всегда хваталась за какую нибудь одну сторону дѣла. Въ новѣйшее время все вниманіе было обращено на развитіе обрабатывающей промышленности, что дѣлалось съ чрезвычайнымъ забвеніемъ интересовъ добывающей промышленности (особенно земледѣлія). А въ то же время мы очень мало думали о заселеніи своихъ огромныхъ пустыхъ пространствъ, съ особенной невнимательностью къ Тихоокеанскимъ берегамъ. Въ то время какъ въ

Америкѣ Калифорнія быстро выросла въ многолюдную, высоко развитую страну, связанную съ восточными штатами желѣзною дорогою, русскій Амурскій край въ теченіе 50 лѣтъ заселялся горстями народа, со стѣснительной регламентаціей (какъ, напримѣръ, воспрещеніе частнаго землевладѣнія). Желѣзная дорога черезъ Сибирь, поздно рѣшенная, затѣмъ еще 25 лѣтъ не строилась, и начата была постройкой лишь въ виду явной опасности, угрожавшей со стороны Японіи. Такимъ образомъ не экономическая, а стратегическая забота побудила къ исполненію предпріятія, которое давно безусловно необходимо для того, чтобы Россія могла быть экономически достроена. Безъ экономически сильныхъ прибрежій Тихаго океана, восточная часть Европейской Россіи и вся Сибирь осуждены были оставаться полудикой страной, которая своимъ существованіемъ мѣшала качественному развитію фабричной промышленности. Работая на захудалыя части Россіи, да на дикія страны Азіи, вродѣ Монголіи, наша фабричная промышленность, огражденная здѣсь отъ всякой конкуренціи, не могла имѣть побужденій качественно развиваться.

Разумная экономическая политика должна бы, съ того самаго момента, какъ задалась мыслью развить нашу промышленность— озаботиться созданіемъ экономически развитого края на берегахъ Тихаго океана, для того чтобы дѣйствовать на среднія пространства съ обоихъ концовъ, и прикрывать Россію отъ экономическаго захвата Америки. Но этого совсѣмъ не понимали, и оживленіе Амурскаго края все время оставалась дѣломъ почти непопулярнымъ. «Нація, говорилъ Ф. Листъ, должна жертвовать матеріальными средствами и переносить эти лишенія для развитія производительныхъ силъ». У насъ же каждая тысяча рублей на развитіе Тихоокеанскаго прибережья вызывала въ обществѣ жалобы, какъ «безполезный расходъ»...

Только отсутствіемъ въ Россіи серьезной экономической науки, а отсюда недостаткомъ общественнаго пониманія задачъ національной экономики, объясняется возможность того, что теперь находится столько людей, спокойно допускающихъ мысль объ изгнаніи Россіи изъ Манчжуріи и даже отдачу

японцамъ Сахалина. Для будущихъ поколѣній современное поведеніе въ отношеніи японскихъ притязаній на дальневосточное господство будетъ казаться совершенно невѣроятнымъ.

Если современные поколѣнія не приведутъ Россію къ полной гибели, задачей ближайшаго будущаго неизбѣжно явится борьба на смерть за Тихоокеанское прибрежье и особенно за прикрывающій его Сахалинъ *). Безъ нихъ русское экономическое развитіе не можетъ быть поставлено самостоятельно, а безъ правильной экономики не могутъ существовать ни нація, ни государство.

LIII.

Національно-племенныя отношенія.

Одним изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторической политики являются внутреннія отношенія различныхъ племенъ и національностей въ одномъ государствѣ. Это вопросъ по преимуществу великихъ государствъ, хотя въ исторіи не было даже и малыхъ, которыя совсѣмъ не принуждены были бы считаться съ нимъ. Въ великихъ же государствахъ онъ пріобрѣтаетъ огромное и, при неудачномъ рѣшеніи, роковое значеніе.

Государство требуетъ единства духа населенія и солидарности его матеріальныхъ интересовъ, которая также укрѣпляетъ стремленіе не разрывать совмѣстной жизни. Такимъ единствомъ духа обладаетъ болѣе или менѣе каждое племя, почему госу-

---

*) Сахалинъ по природѣ настоящій „влади-востокъ" для Россіи. Безъ него— Владивостокъ, какъ морская крѣпость, не имѣетъ никакого значенія. Но у насъ, за все время владѣнія островомъ, не подумали, что крѣпость нужно строить *прежде всего* въ Корсаковскѣ, и у бухты Буссе съ заливомъ Мордвинова... Въ минуту же, когда я пишу эти строки, Россія уже отдала Японцамъ эти свои единственные опорные пункты на Океанѣ, вмѣстѣ со всѣмъ Южнымъ Сахалиномъ.... Потеря невознаградимая!

дарство и возникаетъ обычно на племенной основѣ. Но уже самые первые шаги на пути территоріальной политики вводятъ въ государство, такъ или иначе, добровольно или вынужденно, другія племена, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой духъ, свои особенности, и даже способности или поползновенія къ государственности. Въ теченіе долгой исторической жизни великія государства вводятъ въ предѣлы своей территоріи не только различныя племена, но и цѣлыя національности, нерѣдко обломки былой государственности, весьма отличной отъ той, въ область мощи которой привела ихъ потомъ историческая судьба. Все это вводитъ въ государственную жизнь множество элементовъ разномыслія, раздоровъ и даже внутренней борьбы.

Задачею національной политики является — справиться съ этимъ затрудненіемъ и побѣдить его созданіемъ внутренняго единства.

Это обстоятельство особенно важное въ монархической политикѣ, такъ какъ безъ существованія единаго духа въ націи, составляющей государство, истинная монархія невозможна. Идея имперская, выдвигающая единовластителя надъ рядомъ соединенныхъ, различныхъ по духу, государствъ, создаетъ скорѣе нѣкотораго диктатора, чѣмъ монарха. Монарху, какъ человѣку, невозможно быть одновременно православнымъ, католикомъ, протестантомъ, магометаниномъ, буддистомъ, Русскимъ, Полякомъ, Татариномъ и т. д., чтобы выражать духъ различныхъ своихъ народовъ. Чтобы въ такомъ разноплеменномъ государствѣ возможна была монархія—необходимо *преобладаніе* какой-либо одной націи, способной давать тонъ общей государственной жизни, и духъ которой могъ бы выражаться въ верховной власти.

Само по себѣ существованіе племенныхъ особенностей не только не вредитъ единству государства, а даже служитъ полезнымъ источникомъ разнообразія національнаго и государственнаго творчества. Но необходимо, чтобы при этомъ была нѣкоторая общая сила, сдерживающая племенныя и вообще партикуляристскія тенденціи. Къ такой роли преобладаю-

щая нація должна быть, конечно, способна по своимъ свойствамъ.

Изъ исторіи мы видимъ, что государственными способностями обладаютъ сравнительно немногія націи. Онѣ всегда, по происхожденію, имѣютъ довольно смѣшанный составъ, который, вѣроятно, и сообщаетъ имъ оттѣнокъ универсализма, необходимый для успѣшнаго властвованія надъ другими племенами.

Присутствіе въ государствѣ различныхъ племенъ вообще не представляетъ вреда для единства, но смѣшеніе ихъ для того чтобы обладать государственными качествами, должно быть не механическимъ, а органическимъ, представлять срощеніе въ нѣчто цѣлое по духу.

Это духовное единство дается *общностью культурныхъ основъ развитія*, что и должна имѣть въ виду политика, преслѣдуя цѣль единенія составныхъ частей имперіи.

Но для дѣйствительнаго достиженія этой цѣли прежде всего необходимо поддержаніе силы, создавшей государство. Подобно тому какъ въ самомъ искусномъ сочетаніи управительныхъ учрежденій одно изъ важнѣйшихъ условій ихъ дѣйствія составляетъ *сила власти*, такъ и въ единеніи разноплеменнаго государства важнѣйшее условіе составляетъ сила основного племени, его создавшаго. Никогда, никакими благодѣяніями подчиненнымъ народностямъ, никакими срествами культурнаго единенія, какъ бы они ни были искусно развиваемы—нельзя обезпечить единства государства, если ослабѣваетъ сила основного племени. Поддержаніе ея должно составлять главнѣйшій предметъ заботливости разумной политики.

Это правило обычно склонны забывать абсолютистскія правительства, которыя даже стараются купить благосклонность наиболѣе враждебныхъ государству племенъ всевозможными ихъ благодѣяніями, насчетъ того племени, которымъ создалось и держится государство *). Это — политика саморазрушенія.

---

*) Въ этомъ отношеніи справедливые упреки возбуждаетъ и Русская политика.

Обязанность развитія производительныхъ силъ націи лежитъ на государствѣ болѣе всего по отношенію къ племени или племенамъ, его создавшимъ. Какъ бы ни было данное государство полно общечеловѣческаго духа, какъ бы ни было проникнуто идеей міровоговаго блага, и даже чѣмъ больше оно ею проникнуто, тѣмъ болѣе твердо оно должно памятовать, что для осуществленія этихъ цѣлей необходима *сила*, а ее даетъ государству та нація, которая своимъ духомъ создала и поддерживаетъ его верховную власть. Остальныя племена, вошедшія въ государственный составъ по историческимъ случайностямъ, и даже иногда противъ воли—уважаютъ правительство даннаго государства только по уваженію къ силѣ основной національности, и если почувствуютъ её захирѣвшей—не могутъ не получить стремленія создать себѣ иное правительство, болѣе сродное ихъ духу.

Не имѣя твердаго основанія въ силѣ господствующей націи—разумная политика совершенно невозможна. Всѣ ея планы, какъ бы ни были они возвышены и преисполнены гуманитарныхъ цѣлей,—будутъ простымъ фантазированіемъ, воздушными замками нищаго, не имѣющаго средствъ сохранить для своего жительства даже жалкаго шалаша.

Общественный и государственный дѣятель, забывающій первенствующее значеніе національной силы, способной заставить осуществить его планы — въ политическомъ дѣлѣ способенъ лишь вести государство къ разрушенію.

Безъ силы—нѣтъ ни политики, ни культуры, потому что нѣтъ и самой жизни.

Но, обезпечивъ себя со стороны силы, то есть поддерживая мощь основного племени (или племенъ) — политика засимъ должна развивать всѣ средства культурнаго единенія всѣхъ народностей государства.

Начало этому единенію кладетъ *общеніе*, на которомъ должны выростать *единомысліе* и *общность интересовъ*. Въ отношеніи средствъ общенія первое мѣсто занимаетъ языкъ.

«Сильнѣе и рѣзче всего соединяетъ и раздѣляетъ націи духъ языка, говоритъ Блюнчли. Общность языка есть вѣр-

нѣйшій признакъ національной общности. Она выражаетъ единство духовной культуры». Но языкъ есть не только признакъ единенія, а также могучее орудіе его, такъ какъ общеніе различныхъ племенъ государства безъ какого либо единаго для всѣхъ языка—почти невозможно. Поэтому въ разноплеменномъ государствѣ необходимо установленіе одного *государственнаго языка*, каковымъ можетъ быть, понятно, только языкъ основного племени.

Есть государства, въ которыхъ признано нѣсколько равноправныхъ государственныхъ языковъ. Это возможно лишь тогда, когда такихъ племенъ очень немного: два, три. Да и это—исходъ крайній, при полномъ отсутствіи націи, способной быть господствующей. Въ государствахъ же великихъ, включающихъ множество разноязычныхъ народностей—невозможно допускать такой системы, и единство государственнаго языка безусловно необходимо. Безъ этого не можетъ быть ни администраціи, ни суда, ни вообще самыхъ элементарно необходимыхъ для государства органовъ.

Въ мѣстностяхъ сплошь инородческихъ, въ дополненіе къ государственному языку, можетъ быть допускаемъ какъ дополнительный—также и мѣстный языкъ, но и это имѣетъ разумный смыслъ только до тѣхъ поръ, пока все населеніе не успѣло изучить государственнаго языка. Но такое незнаніе гражданами языка, безъ котораго они могутъ быть только провинціалами—составляетъ тяжкую ошибку политики и недостатокъ школы.

Въ Румыніи лица, не знающіе хорошо государственнаго языка (румынскаго), по закону, не допускаются къ пользованію политическими правами. Это законъ вполнѣ разумный, ибо дѣйствительно невозможно себѣ представить причастія къ власти такого лица, которое не умѣетъ даже объясниться со всѣми остальными гражданами своего государства.

Въ Россіи и до сихъ поръ въ число, напримѣръ, присяжныхъ допускаются лица, не знающіе русскаго языка. Это можетъ лишь компрометировать задачи правосудія, ибо присутствіе переводчика никакъ не можетъ замѣнить для присяж-

наго засѣдателя личнаго пониманія рѣчей подсудимаго, адвоката и прокурора.

Общность одного государственнаго языка не только однако не заключаетъ въ себѣ требованія подавленія языковъ мѣстныхъ *)—но даже, наоборотъ, дополняется ихъ развитіемъ.

Развитіе мѣстныхъ языковъ полезно для самого же государственнаго языка. Мѣстные языки не остаются безъ вліянія на него, передавая ему отдѣльныя слова, обороты и даже формы, придающіе ему большее богатство и гибкость, а потому дѣлающіе его болѣе сильнымъ орудіемъ культуры, общей для всего государства.

Единство государственнаго языка упомянуто на первомъ мѣстѣ, какъ самое элементарное и легко достижимое орудіе внѣшняго политическаго общеія. Но внутреннее единеніе различныхъ народностей создается только совмѣстной ихъ дѣятельностью на различныхъ поприщахъ существованія. Первое мѣсто въ этомъ случаѣ занимаетъ высшая духовная жизнь—отысканіе и усвоеніе истины. Вѣра и знаніе, религія и наука: вотъ два фактора объединенія людей, какъ бы они ни были различны по характеру, склонностямъ и предыдущимъ историческимъ судьбамъ.

Истина — преклоняетъ передъ собою людей, и, совмѣстно признавая истину, они тѣмъ самымъ видятъ себя связанными общностью важнѣйшей стороны своей жизни.

Великое орудіе государственнаго единенія составляетъ въ этомъ отношеніи *общность вѣры.* Посколько государственная политика способна помочь этому—ея прямая обязанность не

---

*) Въ Русской политикѣ въ этомъ отношеніи совсѣмъ не замѣтно опредѣленной и выдержанной мысли. У насъ не принимали мѣръ къ развитію школы, способной дать возможность всѣмъ знать государственный языкъ, и въ то же время принимали репрессивныя мѣры противъ русскихъ же нарѣчій, напримѣръ, противъ малорусскаго языка, который составляетъ исторически одинъ изъ главныхъ источниковъ нашего литературнаго языка, и впредь можетъ служить его обогащенію. Вмѣсто того, чтобы достигать единенія усиленіемъ централизующей, единящей силы, у насъ старались достигнуть этого ослабленіемъ мѣстныхъ. Такая политика—есть политика безплодной внутренней борьбы, а не внутренняго единенія.

упустить такихъ случаевъ. Но это задача, которая принадлежитъ болѣе всего церкви, такъ что со стороны государства требуется лишь поддержаніе условій, благопріятныхъ ей въ этой задачѣ, о чемъ уже достаточно сказано выше, въ отдѣлѣ вѣроисповѣдной политики.

Другое важнѣйшее средство государственнаго единенія составляетъ *наука*. Культура въ основѣ своей имѣетъ науку, которая даетъ средства создавать прикладные способы развитой и вооруженной внѣшними средствами жизни. Если эти прикладныя созданія научной мысли могутъ представлять различія, по вкусамъ той или иной народности, то сама наука, изысканіе истины и обладаніе ею, столь же общечеловѣчна, какъ вѣра, и можетъ быть общимъ дѣломъ совершенно различныхъ народностей.

Такимъ образомъ, какъ въ задачахъ развитія вообще силы государства, такъ и въ задачахъ единенія различныхъ народностей его, созданіе національной науки—должно входить въ основную задачу политики. Но—аналогично съ истиной религіозной — истина научная можетъ вырастать лишь самостоятельно. Истиннаго дѣятеля науки нельзя ни назначить, ни выбрать, ни заказать: онъ создается самъ, своими способностями, своей любовью къ истинѣ. Такой свободной дѣятельностью свободнаго призванія только и создается наука. Надъ научной мыслью нѣтъ судьи, кромѣ ея самой, и она можетъ развиваться только свободно.

Государство, для помощи націи въ выработкѣ научной мысли, должно доставить лишь внѣшніе способы удобнѣйшаго развитія, а затѣмъ—должно поставить себѣ незыблемымъ принципомъ: *«наука и ея ученія—свободны»*...

Не легко дался человѣчеству этотъ принципъ, и не легко выдержать его передъ лицомъ множества лживыхъ памфлетовъ или рекламъ, обманно поддѣлывающихся подъ «научность». Нерѣдко подобныя поддѣлки являются угрозой государственному порядку или общественной нравственности, и слѣдовательно неизбѣжно привлекаютъ вмѣшательство власти. Но какъ бы ни трудно было различеніе поддѣлки отъ самой науки—

какъ бы ни были неизбѣжны въ этомъ случаѣ иногда ошибки власти,—сознательнымъ принципомъ въ отношеніи науки должна быть ея безусловная свобода.

Только стараясь соблюсти этотъ принципъ, государственная политика можетъ способствовать остальными, внѣшними мѣрами быстрѣйшему и обширнѣйшему развитію научной работы. Но чѣмъ лучше будутъ поставлены условія для этого въ данномъ государствѣ—тѣмъ легче высшія умственныя силы всѣхъ народностей его будутъ сливаться на совмѣстной дѣятельности, связывая своей мыслью и плодами своего труда всѣ народности государства въ нѣчто цѣлое, совмѣстно вѣрящее въ нѣкоторую общую истину, и находящее въ предметѣ этого «культа» созданіе общаго ума всѣхъ племенъ.

Огромное объединительное значеніе имѣетъ также *совмѣстный матеріальный трудъ* народностей, входящихъ въ составъ государства.

Выше указывались основы разумной экономической политики. Но помимо непосредственной цѣли—умноженія матеріальныхъ производительныхъ силъ страны, организація національнаго труда имѣетъ величайшее объединительное значеніе. Если высшія области истины объединяютъ умы и совѣсти, создавая въ многоразличныхъ народностяхъ *единую душу*, то разумная экономическая организація націи вырабатываетъ въ ней *единое тѣло.*

Связанныя въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, дополняя трудомъ однихъ провинцій трудъ другихъ, срастаясь въ общемъ трудѣ, различныя народности государства, во-первыхъ, пріучаются видѣть другъ въ другѣ не враговъ, а сотрудниковъ, отчего между ними развиваются дружелюбныя чувства. Во-вторыхъ, всякая попытка разрыва причиняетъ имъ столько разоренія, лишеній и страданій—не отдаленныхъ, а мгновенно чувствуемыхъ даже наименѣе развитыми людьми, что противъ такихъ попытокъ развивается самостоятельный протестъ всѣхъ племенъ.

Необходимо лишь, чтобы связующая сила основной націи не давала возможности центробѣжнымъ силамъ инородныхъ

племенъ подорвать общегосударственный союзъ раньше, чѣмъ благодѣтельное объединеніе, которое онъ несетъ съ собою, принесетъ плоды свои. Если разумная политика верховной власти твердо хранитъ силу націи, основавшей государство, то продолжительное существованіе, связанное общностью разумнаго управленія, единеніемъ работы совѣсти и разума, единеніемъ труда промышленнаго—естественно кончается слитіемъ всѣхъ *народностей* государства въ одну великую *націю*.

Такимъ образомъ, государство, созданное одной основной націей, въ свою очередь становится могущественнымъ орудіемъ созданія еще болѣе великаго національнаго цѣлаго, реализируя, въ этомъ процессѣ объединенія, созидательныя способности какъ націи основательницы, такъ и собранныхъ ею около себя націй сотрудницъ.

LIV.

Международное и міровое существованіе націи. Всеміроное государство.

Тотъ же процессъ междуплеменныхъ столкновеній, вражды и сотрудничества, который государство видитъ внутри своихъ предѣловъ, происходитъ и по ту сторону его рубежей. Но здѣсь—всѣ націи замкнуты въ такія же державныя государства, какъ оно. Внутри своихъ границъ государство можетъ властно регулировать соотношеніе племенъ и народностей. По ту сторону границы—оно не имѣетъ никакого права, никакой власти, кромѣ силы. Здѣсь всѣ равны, по праву, ибо каждое государство создало себѣ верховную власть, которая есть источникъ всѣхъ правъ.

Однако эти державные союзы, равноправные, независимые, не признающіе надъ собой никакой власти, кромѣ своей собственной, не живутъ изолированно. Они вліяютъ другъ на друга и силой, и нравственно. Сверхъ того каждый государственный союзъ состоитъ изъ человѣческихъ существъ, съ одинаковыми психологическими свойствами и матеріальными

потребностями, такъ что творчество одного государства имѣетъ непосредственное значеніе для всѣхъ другихъ. Внутренняя дѣятельность верховной власти одного государства отражается не только на его подданныхъ, но и на подданныхъ другихъ государствъ. Такимъ образомъ, каждое государство живетъ, волей-неволей, міровой жизнью. А въ то же время оно среди тѣхъ же націй и государствъ представляетъ нѣчто особенное, замкнутое. Оно ведетъ свою индивидуальную жизнь между другими государствами, а въ то же время, какъ и всѣ они, составляетъ частичку единаго процесса міровой жизни.

Такимъ образомъ жизнь націи, замкнутой въ государство, имѣетъ два, весьма различныя проявленія: государство имѣетъ существованіе *международное* и существованіе *міровое*. Они по внѣшности весьма противоположны, хотя по внутреннему смыслу тѣсно связаны.

Въ своемъ международномъ существованіи, государство имѣетъ цѣлью сохранить и развить самого себя, союзъ своей націи (или націй). Международная политика его, поэтому, направляется на осуществленіе блага и интересовъ исключительно своего союза. Но это не противорѣчитъ міровой роли его. Какъ уже сказано выше *), высочайшій смыслъ государства состоитъ въ томъ, что оно осуществляетъ въ себѣ условія существованія не корпоративнаго, не сословнаго, не какого-либо другого, замкнутаго въ своихъ частныхъ групповыхъ цѣляхъ, но условія существованія *общечеловѣческаго*. Все, чего государство достигаетъ въ этомъ отношеніи для себя, а также и всѣ его ошибки или проступки—отражаются на человѣчествѣ, повышаютъ его или понижаютъ. Живя внутренней жизнью, государство тѣмъ самымъ живетъ жизнью міровой. Его внутренняя замкнутость является средствомъ міровой жизни. Подобно тому, какъ личность, чѣмъ крѣпче выращиваетъ свои внутреннія силы ихъ сосредоточеніемъ, самоопредѣленіемъ и самосознаніемъ, тѣмъ болѣе является источникомъ повышенія всего окружающаго, такъ и государство, внутренне сосредото-

*) См.: часть I, стр. 30.

чивъ силы огромнаго союза личностей, дѣлается орудіемъ міровой всечеловѣческой жизни тѣмъ сильнѣе, чѣмъ крѣпче эти милліоны личностей срослись между собою, самоопредѣлились и реализировали свою совмѣстную творческую способность къ коллективной жизни.

Такой способъ участія людей въ міровой жизни не удовлетворяетъ, однако, человѣческаго духа. Невольно является мысль, почему же людямъ, вмѣсто того чтобы разбиваться по отдѣльнымъ, нерѣдко враждующимъ государствамъ, не слиться въ одно государство? Почему той внутренней солидарности, которая реализируется внутри каждаго изъ отдѣльныхъ государствъ, не проявиться въ одномъ общемъ для людей всемірномъ государствѣ?

Эта идея *всемірнаго государства* прельщаетъ человѣческій умъ, хотя остается спорною. Одни считаютъ эту идею мечтою (между прочимъ нашъ Чичеринъ) *). Другіе — неизбѣжнымъ выводомъ исторіи. Возражая Лорану (отрицавшему всемірное государство), Блюнчли пишетъ:

«Всемірное государство есть идеалъ человѣческаго прогресса. Человѣкъ, какъ отдѣльное лицо, и человѣчество, какъ цѣлое—вотъ первоначальныя и постоянныя противоположности творенія. На нихъ, въ сущности, основывается различіе частнаго и государственнаго права. Правда, сознаніе общности человѣчества находится на степени мечты. Оно еще не пробудилось со всею ясностью и не дошло до единства воли»... но стремленіе къ такому организованному жизненному общенію существуетъ и, утверждаетъ онъ, «позднѣйшіе вѣка будутъ свидѣтелями осуществленія всемірнаго государства»...

---

*) Вообще русскіе, представляющіе такъ много универсальности въ своемъ характерѣ, сильнѣе всего выдвигали, въ наиболѣе національномъ творчествѣ своемъ, идею особыхъ національныхъ типовъ, существенно отличныхъ, откуда, конечно, слѣдуетъ выводъ противъ всемірнаго государства. Идея коренной особенности національныхъ типовъ, лежащая въ ученіи славянофиловъ, особенно рѣзко развивалась Данилевскимъ и К. Леонтьевымъ. Очень не часты въ русской литературѣ такія мечты, какъ Пушкина

...О временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся...

Если мы посмотримъ историческіе факты, то увидимъ два ряда противоположныхъ явленій, которыя возбуждаютъ эти двѣ противоположныя оцѣнки идеи всемірнаго государства.

Въ человѣческомъ духѣ неудержимо стремленіе къ всечеловѣчности и всемірности. Но въ то же время мы видимъ, что націи, создающія государства, закладываютъ въ нихъ *различныя* основныя идеи власти, изъ которыхъ каждая имѣетъ характеръ универсальности, а потому онѣ не могутъ органически слиться. Напротивъ, по мѣрѣ успѣшности развитія, онѣ все болѣе противополагаются одна другой. Во всякомъ союзѣ людей, какъ результатъ сочетаннаго дѣйствія множества индивидуальностей, слагаются нѣкоторыя среднія линіи дальнѣйшаго развитія, которыя получаютъ органическій характеръ, то-есть внутреннюю тенденцію къ развитію сложившагося типа совмѣстнаго существованія, по внутренней логикѣ его, до послѣднихъ выводовъ.

При этомъ, различные національно-государственные типы—чѣмъ выше развиваются, тѣмъ менѣе способны переходить одинъ въ другой. Мы постоянно наблюдаемъ въ исторіи, что націи и государства, разъ прочно вступивъ на тотъ или иной путь развитія, уже какъ бы неспособны измѣнить его. Ихъ прошлое опредѣляетъ будущее. Онѣ способны дѣйствовать только тѣми путями, которые заложены въ ихъ прошломъ. Quibus mediis fundantur, iisdem retinentur—гласитъ старинное правило эмпирической политики. Новый типъ иногда появляется, но только цѣною смерти прежняго государства. И такихъ различныхъ, устойчивыхъ, неспособныхъ къ слiянію типовъ государства мы видимъ постоянно нѣсколько, одновременно существующихъ въ мірѣ.

Но при такой упорной устойчивости отдѣльныхъ несливающихся типовъ національностей и государствъ, неспособныхъ отступиться отъ своей индивидуальности и державности, тѣмъ не менѣе въ человѣчествѣ *) несомнѣнно развивается и усиливается объединеніе.

---

*) Я говорю о „человѣчествѣ" не въ смыслѣ фантастической „коллективной личности", Être Supreme l'Humanité, въ которомъ невѣрующая мысль создала себѣ суррогатъ Божества. Ни „человѣчество", ни нація, ни государство—не

Человѣческій родъ не составлялъ доселѣ одного союза. Но нѣкоторое взаимодѣйствіе между этими сотнями милліоновъ разрозненныхъ личностей всегда существовало, такъ что нашему уму представляется даже «исторія человѣчества». Люди, въ своемъ земномъ существованіи, даже и не зная другъ друга, идутъ къ нѣкоторой общей цѣли, обусловленной единствомъ ихъ психологической и матеріальной природы.

Идея «міровой исторіи», имѣющей нѣкоторый общій провиденціальный смыслъ и цѣль для всего человѣчества, по происхожденію своему есть идея религіозная, и даже «Богооткровенная». Ее принесъ въ міръ Израиль, еврейскій народъ, и она тѣсно соединена съ идеей связи человѣка съ Божествомъ. Въ христіанствѣ «міровая исторія», исторія всего человѣческаго рода — еще болѣе уяснилась, а въ пророческихъ видѣніяхъ ветхозавѣтныхъ тайнозрителей и въ Апокалипсисѣ—представила даже общую картину существованія человѣчества отъ его созданія, до конца міра. Конечно единеніе человѣчества въ общихъ міровыхъ судьбахъ не есть единеніе государственное. Но тѣмъ не менѣе самый фактъ единства природы личностей, которыя, какъ люди, какъ дѣти Отца небеснаго, несравненно ближе между собою, нежели какъ члены политическихъ союзовъ — это единство сближаетъ психологически каждаго человѣка со всѣмъ человѣчествомъ болѣе, чѣмъ съ его собственнымъ государствомъ. Съ государствомъ его сближаетъ общая власть, общіе интересы, совмѣстная съ гражданами дѣятельность. Съ человѣчествомъ же—самая природа личности. Это такой могущественный фактъ психологіи, что, разъ обнаруженный передъ людьми религіей, онъ уже остался неистребимымъ для сознанія даже при утратѣ религіи.

составляютъ „личности“. Единственная реальная личность есть самъ „человѣкъ“. Человѣчество въ этомъ смыслѣ не существуетъ, такъ что оно есть понятіе отвлеченное, а не „предметъ“. Но родъ человѣческій, какъ совокупность индивидуумовъ, существуетъ. Онъ не есть „политическая реальность“ только потому, что не сложился въ одинъ общій союзъ. А такое соединеніе—логически мыслимо, если бы только люди нашли общій принципъ власти, на которомъ могли бы объединиться.

Въ теченіе исторической жизни эта психологическая близость человѣка со всѣми прочими людьми сдѣлала огромные успѣхи. А не должно забывать, что всѣ наши общественные союзы—суть явленія въ основѣ психологическія. Слѣдовательно, растущее сознаніе близости людей между собою можетъ вести и къ единству внѣшняго союза. Кромѣ этого внутренняго психологическаго факта, развивающагося въ исторіи, въ ней развиваются и фактическія сношенія между всѣми частями рода человѣческаго.

Исторія есть процессъ сближенія народовъ. Сначала они жили, даже не зная о взаимномъ существованіи. Теперь они всѣ знаютъ другъ друга. Они прежде не имѣли никакихъ сношеній внѣ круга ближайшихъ сосѣдей. Нынѣ постоянно тѣснѣющія связи охватываютъ весь Земной Шаръ. Прежде люди считали чужестранцевъ врагами, варварами, «нѣмцами» (не говорящими). Теперь въ человѣкѣ всѣхъ племенъ общепризнано одинаковое внутреннее достоинство, и презрѣніе къ другимъ народамъ чрезвычайно сократилось. Идея всечеловѣческаго братства распространена христіанствомъ даже между нехристіанами. Общность науки стала фактомъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Матеріальныя связи точно также разрастаются между различнѣйшими народами не по днямъ, а по часамъ. Короче говоря: фактическое сближеніе народовъ, за время теченія исторіи, сдѣлало огромные успѣхи, и въ этомъ отношеніи міръ до христіанскій и міръ по христіанскій различаются до неузнаваемости. Внѣшнія средства—умственныя, нравственныя и матеріальныя, для объединенія всѣхъ народовъ въ нѣкоторыя союзныя отношенія развились до чрезвычайности. Общая тенденція этихъ фактовъ, разумѣется, усиливаетъ возможность объединенія людей и въ одно всемірное государство.

Но дѣлать отсюда заключеніе относительно возникновенія всемірнаго государства—нельзя. Все это сближеніе различныхъ племенъ, государствъ и странъ свѣта создаетъ въ общечеловѣческой жизни извѣстную культурное единеніе. Это еще не означаетъ—государственнаго единенія.

Единеніе духовное, умственное, промышленное—все это формы *свободнаго* общенія людей. Но явленія общественныя, и особенно государственныя—немыслимы безъ *общей власти.*

Свобода есть природный элементъ личности. Но общество держится *подчиненіемъ.* Это есть его природный элементъ. Для того чтобы возможно было государство—необходима власть, а стало-быть сила, способная заставить дѣлать то, что поставлено условіемъ человѣческаго общенія. Нравственное единеніе людей не можетъ создать государства, пока не создастъ для этого единой силы.

Это происходитъ отъ того, что нравственное единеніе свободно. Оно держится тѣми, которые этого хотятъ и нарушается всѣми, которые не хотятъ. Именно природная свобода личности ставитъ для общественности непремѣнное условіе— силы и подчиненія. Если бы личность могла переродиться такъ, чтобы утратить свою свободу, то мыслимо было бы общество безъ принужденія, подобное растительнымъ процессамъ. Но природная свобода личности не допускаетъ общества безъ силы, власти, принужденія. Такая власть необходима и для всемірнаго государства.

Но то культурное единеніе, на основаніи котораго и возникаютъ надежды на всемірное государство будущаго—не создаетъ именно самаго необходимаго элемента—*общей власти.*

Пока этого элемента нѣтъ, послѣдствія культурнаго сближенія всѣхъ народовъ совсѣмъ иныя. Развитіе идеи общечеловѣческаго единства, братства, умноженіе духовныхъ и матеріальныхъ связей между государствами, имѣютъ лишь то значеніе что повышаютъ и облагораживаютъ идеалы всѣхъ націй. Онѣ все болѣе проникаются идеей общечеловѣческаго блага, какъ мѣриломъ блага, осуществляемаго каждымъ государствомъ внутри сферы его мощи. Но это нимало не подрываетъ мотивовъ индивидуальнаго существованія каждаго отдѣльнаго государства.

Напротивъ — чѣмъ выше идеалъ общественности, тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ люди желаютъ его осуществить, тѣмъ больше дорожатъ орудіемъ его осуществленія. А для

общественнаго осуществленія идеала — необходима сила, организованная, проникнутая конечно, нравственнымъ элементомъ, но обладающая и всей матеріальной мощью принужденія. Такая сила принужденія есть только въ государствѣ. Чисто же нравственное единство личностей хотя бы всего Земного шара не создаетъ между ними такой общей организаціи съ правами принудительной силы. Оно поэтому не создаетъ и всемірнаго государства.

Итакъ, проникаясь идеей всечеловѣческаго блага—люди все таки осуществляютъ его силами своихъ отдѣльныхъ государствъ. Ихъ патріотизмъ *) становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе они увѣрены, что ихъ государство является орудіемъ всечеловѣческаго блага.

Но, организуя свои отдѣльныя государства, люди при этомъ не одинаковыми путями осуществляютъ идею общечеловѣческаго блага, а между тѣмъ — чѣмъ лучше государство осуществляетъ идею своей націи, тѣмъ менѣе оно склонно поступиться своимъ созданіемъ. Его граждане цѣнятъ и понимаютъ свое творчество лучше, чѣмъ чужое, выражающее иные оттѣнки всечеловѣчности. Граждане никакъ не согласны допустить уничтоженіе державности своей страны, ибо только при полнотѣ Верховенства она можетъ доводить свое созданіе до конца. И чѣмъ выше это творчество — тѣмъ труднѣе націи отказаться отъ державности своего государства. На это несравненно болѣе способны племена дикія и неразвитыя. Подъ вліяніемъ общаго повышенія идеаловъ—всѣ націи и государства развиваются, между ними усиливается соревнованіе творчества, и чѣмъ успѣшнѣе работаетъ каждая нація—тѣмъ замѣтнѣе становится различіе между ними, и тѣмъ труднѣе для каждаой отступиться отъ своей самостоятельности, отъ безусловной свободы національно государственной работы.

Вотъ почему идея общечеловѣческая развивается въ родѣ человѣческомъ отдѣльными самостоятельными государствами. Для того чтобы объединить ихъ въ одно — нужно чтобы

*) Яркій образчикъ составляетъ Французскіе „патріоты" XVIII вѣка, которые по направленію идей были вполнѣ „всечеловѣками".

всѣ почуяли въ объединяющемъ необоримую для нихъ силу. Эта сила должна имѣть, конечно, огромную степень универсализма въ своемъ содержаніи, для того чтобы подчиняющіеся ей чувствовали, что ихъ спеціальное творчество не будетъ уничтожено, лишаясь державности, а потому готовы были уступить силѣ объединителя. Но тѣмъ не менѣе безъ силы невозможно объединить различныя государства.

Если суждено возникнуть когда-либо одному всемірному государству, то только путемъ выработки, среди самыхъ сильныхъ государствъ, одного сильнѣйшаго, которое могло бы пріобрѣсти *всемірную гегемонію*, и ея путемъ объединить всѣхъ въ единое государственное цѣлое.

Не слѣдуетъ впрочемъ преувеличивать благотворности идеи всемірнаго государства. Въ тотъ моментъ, когда оно возникло бы, быть можетъ—оно бы и осуществило многое выработанное и подготовленное работой отдѣльныхъ, національныхъ государствъ. Но за симъ оно явилось бы тормазомъ дальнѣйшаго человѣческаго прогресса, допуская его лишь въ частностяхъ, но не въ цѣломъ построеніи общественности, ибо для этого послѣдняго нужна державность союза, пробующаго каждое новое построеніе. А такіе союзы уже станутъ невозможны.

Нѣтъ сомнѣнія, что по истеченіи извѣстнаго времени—если бы человѣчество еще не дошло до конца существованія, всѣ ростки прогрессивнаго творчества направились бы къ разрушенію этого всемірнаго государства и къ возстановленію серіи «вольныхъ» государствъ...

Общечеловѣческая идея вырабатывается и осуществляется въ значительной степени именно благодаря соперничеству нѣсколькихъ равноправныхъ государственныхъ типовъ, которые не даютъ другъ другу застыть, почить на лаврахъ и погрузиться въ «Китайскую» неподвижность.

Единая на весь міръ власть — это сила страшная, которая можетъ положить конецъ всякому дальнѣйшему развитію человѣчества, а стало быть положить начало его прогрессивному замиранію и отупленію. Противъ «всемірнаго государ-

ства» некому бороться, а историческій судъ борьбы—есть великая сила развитія, и великая угроза всѣмъ «лѣнивымъ и лукавымъ рабамъ», перестающимъ развивать свой талантъ.

LV.

Международныя права государства.

По самой идеѣ своей государство въ международной жизни ничѣмъ юридически не ограничено. Будучи высшимъ человѣческимъ союзомъ, достигшимъ созданія Верховной Власти, оно имѣетъ въ отношеніи окружающихъ государствъ *право* дѣйствовать, какъ заблагоразсудитъ. Міровая жизнь націи и государства, проникновеніе ихъ общечеловѣческой идеей, нимало не измѣняютъ этой юридической полноты независимости государства, такъ какъ общечеловѣческая идея создаетъ для каждаго государства въ отношеніи другихъ только чисто *нравственныя* обязанности.

Вслѣдствіе одинаковой державности всѣхъ государствъ, какія бы то ни было *обязательныя* отношенія между ними могутъ возникать только посредствомъ свободнаго договора. Даже признаніе существованія какого-либо государства и его независимости не обязательно для другого и дѣлается или не дѣлается только по его собственному соображенію и рѣшенію. Вообще государство, какъ союзъ, состоящій подъ руководствомъ Верховной власти, имѣетъ юридически всѣ права въ отношеніи всего внѣшняго міра, и только само ограничиваетъ себя посредствомъ договоровъ. А міровая жизнь государства вноситъ и въ его международныя отношенія нѣкоторыя правила, нравственно для него обязательныя, какъ вошедшія въ идеакратическое содержаніе его Верховной власти.

Содержаніе договоровъ, и эти нравственныя правила, даютъ основу для такъ называемаго *международнаго права.* Но твердость принциповъ международнаго права очень невелика, такъ какъ въ международной жизни нѣтъ силы, способной поддержать право.

Наиболѣе твердое основаніе международнаго права могутъ составлять общечеловѣческія нравственныя правила, которыя признаны всѣми державами въ ихъ внутреннемъ законѣ, въ отношеніи отдѣльныхъ личностей и ассоціаціи личностей. Эти правила соблюдаются каждой державой въ отношеніи чужихъ подданныхъ не въ силу «правъ» чужой державы (если они еще не признаны договоромъ), а въ силу собственнаго чувства справедливости. Но и въ этомъ отношеніи много условнаго. Такъ напримѣръ въ международномъ правѣ доселѣ не признано даже: можно ли начинать войну, безъ предварительнаго ея объявленія?

Человѣческая порядочность, возстающая противъ всякаго вѣроломства, всякаго нарушенія довѣрія, требуетъ предварительнаго объявленія войны. Это требованіе, казалось бы, тѣмъ сильнѣе, что по внутреннимъ законамъ всѣхъ культурныхъ странъ ни полиція, ни войска не начинаютъ насильственныхъ дѣйствій противъ толпы безъ предупрежденія. Итакъ, всѣ культурныя государства признаютъ, что при разрывѣ мира, — обязательно предварительное объявленіе войны, но въ международныхъ отношеніяхъ право настолько мало существуетъ, что даже это правило соблюдается только тѣми, кто связанъ нравственнымъ закономъ. Японія напала на Россію безъ объявленія войны, точно такъже поступала неоднократно Англія. Чисто нравственныя побужденія въ обѣихъ странахъ, очевидно, недостаточно сильны, чтобы побѣдить соблазнъ той выгоды, какую даетъ нападеніе врасплохъ.

И какая же сила поддержитъ въ данномъ случаѣ право, и накажетъ за нарушеніе обязанности? Такой силы нѣтъ *).

*) Въ настоящемъ столкновеніи съ Россіей, напротивъ, „виновная“ Японія получила всѣ награды, всю гегемонію на Дальнемъ Востокѣ, и Россія отдала ей не только престижъ и огромныя имущества (въ Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, желѣзную дорогу, аренду, права рыбной ловли), но даже свою собственную территорію, Южный Сахалинъ, не возвративъ себѣ даже Курильскихъ острововъ, въ обмѣнъ на которые въ 1875 г. получила Южный Сахалинъ. Виновная сторона никакого наказанія не потерпѣла только потому, что Японское Правительство оказалось сильнѣе Русскаго Правительства. Это яркій примѣръ того, что въ международныхъ отношеніяхъ все рѣшаетъ *сила державы*. Россія, какъ нація,—втрое или вчетверо

Необходимость сношеній вызываетъ договоры между державами. Въ нихъ государство само ограничиваетъ свое полноправіе и принимаетъ на себя извѣстныя обязательства въ отношеніи другой державы. Договоръ до нѣкоторой степени аналогиченъ закону, но между ними есть также коренное различіе. Законъ есть предписаніе, договоръ простое соглашеніе. Законъ не можетъ быть отмѣненъ подданнымъ. Договоръ можетъ быть прекращенъ каждой стороной простымъ заявленіемъ о нежеланіи его дальнѣйшаго соблюденія. Принято соблюдать до конца срочные договоры, но никто не помѣшаетъ государству прекратить договоръ и до срока, если оно находитъ для того достаточно серіозныя побужденія.

Власти, которая бы помѣшала этому нѣтъ, ибо силы — нѣтъ. Только оружіе другой стороны можетъ вынудить къ соблюденію договора, но и при этомъ побѣждаетъ не право, а сила.

Болѣе значительной силы международному праву и невозможно придать, потому что въ международныхъ отношеніяхъ возможно лишь соглашеніе, а не законъ.

Причины такого положенія вещей заключаются въ томъ, что каждое государство руководится державною, верховною властью, имѣющей всю полноту права, а въ то же время и полноту обязанностей въ отношеніи своего государства и націи. Обязанность Власти заботиться исключительно *объ интересахъ своего государства.* Въ отношеніи другихъ—ему никто не давалъ ни правъ, ни обязанностей. Соглашенія (договора), вреднаго для государства, Правительство даже не имѣетъ права заключать, исключая случаевъ force majore, но въ такомъ случаѣ обязано немедленно прекратить вынужденное соглашеніе, какъ только это ему дозволятъ соотношенія силъ.

Вообще верховная власть государства въ отношеніи дру-

сильнѣе Японіи, но держава Россіи оказалась слабѣе Японской, и въ результатѣ „право силы“ рѣшило споръ противъ Русской націи. Отсюда видно, что въ международной политикѣ всю заботу націи должна составлять *сила* государства (матеріальная, умственная и духовная), ибо исключительно этой силой рѣшается въ международныхъ процессахъ *все.*

гихъ державъ не имѣетъ права отказываться отъ своей независимости, не имѣетъ права поставить какую-нибудь международную власть выше себя. Это значило бы отнять у себя Верховенство и передать его кому то другому, на что государство не имѣетъ права. Это была бы его измѣной передъ націей, которая создала верховную власть для своей независимости, а не для того, чтобы эта верховная власть подчинила націю чуждой власти.

Даже участіе націи и государства въ общечеловѣческой жизни, налагающее на Верховную Власть извѣстныя нравственныя обязанности въ отношеніи общечеловѣческаго интереса, хотя бы онъ проявлялся и по ту сторону границы,— даже и это не ограничиваетъ державности и независимости государства въ отношеніи другихъ державъ, но наоборотъ усиливаетъ эту независимость, и ослабляетъ значеніе международныхъ договоровъ. Такъ, напримѣръ, невмѣшательство во внутреннія дѣла чужого государства составляетъ одно изъ наиболѣе признанныхъ правилъ международныхъ отношеній. Но это правило нарушается (съ полнымъ правомъ) какъ во имя интересовъ своей страны, такъ и во имя интересовъ общечеловѣческихъ. Во имя человѣчности—Европейскія державы вмѣшивались во внутреннія дѣла Турціи и требовали у Султана внутреннихъ реформъ. Во время греческаго возстанія, Европейскія державы не только вмѣшались во внутреннія дѣла Турціи, но безъ объявленія войны истребили Турецкій флотъ. Послѣднее обстоятельство было вынуждено тѣмъ, что Турецкая армія, поддержанная флотомъ, начала поголовную рѣзню грековъ, и союзному флоту, чтобы попытаться силою прекратить безчеловѣчіе, не было времени дожидаться форменнаго объявленія войны.

Болгарія составляла часть Турецкой Имперіи, но Россія не усумнилась силою заставить Турцію дать этой провинціи самостоятельность и т. д.

Такимъ образомъ государства считаютъ *общечеловѣческіе интересы* выше международнаго права. Но и внутренніе интересы державы совершенно достаточны, чтобы нарушать то,

что другія державы считаютъ своимъ неотъемлемымъ правомъ. Если бы, напримѣръ, Россія оказалась несостоятельной поддержать порядокъ въ Польшѣ и это угрожало бы переносомъ волненій въ Познань, то конечно Германія ни минуты не стѣснилась бы передъ оккупаціей русскаго Привислинья...

Вообще для государства мѣрило всѣхъ дѣйствій составляетъ интересъ своей націи, а права или интересы другихъ державъ приходится охранять ихъ самимъ.

Такое соотношеніе государствъ лежитъ въ самой природѣ ихъ, какъ верховныхъ державныхъ союзовъ. Только сила можетъ понудить державный союзъ отрѣшиться отъ обязанности осуществлять интересъ *своей* націи, и это—тѣмъ въ большей степени, чѣмъ сильнѣе данная нація проникнута интересомъ общечеловѣческимъ.

Поэтому, когда двѣ державы сталкиваются въ своихъ кровныхъ интересахъ, то единственное средство разрѣшить споръ представляетъ *сила*, война. *Право на войну* составляетъ прямое послѣдствіе обязанности государства защищать интересы своей націи и общечеловѣческіе интересы.

Разумѣется, война есть явленіе тяжкое, и благоразуміе побуждаетъ государство попытаться рѣшить дѣло мирнымъ соглашеніемъ. Но для очень серьезныхъ интересовъ его не можетъ быть. Такъ, напримѣръ, для Англіи, при независимости Южно-Африканскихъ республикъ, невозможна была бы установка законченной экономической политики въ Африкѣ. А потому Англичане готовы были дать «Африкандерамъ» всѣ гражданскія права, всѣ обезпеченія личности, труда, самоуправленія... Одно было несовмѣстимо съ интересами Англіи: державность Южной Африки, и раздавить ее Англійское правительство сочло обязанностью передъ своей страной.

Такъ было и будетъ до тѣхъ поръ, пока не существуетъ Всемірнаго государства, которое бы сосредоточило у себя *всемірную силу принужденія.* Пока верховными державными союзами являются отдѣльныя національныя государства, сила ихъ была и останется ultima ratio въ рѣшеніи того, чей интересъ долженъ восторжествовать, и чей уступить.

А потому государство обязано имѣть способность развить военную силу, иначе же не должно и существовать. Безъ этого оно есть фальсификація власти, не способно къ обязанностямъ власти, а стало быть не имѣетъ и права на власть и на государственное существованіе.

У людей, какъ извѣстно, есть мечта обойти эту логику вещей, замѣнивъ войну международнымъ рѣшеніемъ споровъ между государствами. Но эта идея чужда сознанія политической реальности. Она истекаетъ изъ мысли о міровой жизни націи. Но—какъ сказано уже, міровое, общечеловѣческое существованіе націй и международное ихъ существованіе—имѣютъ совершенно различные законы. Міровое существованіе развиваетъ силу нравственную, но не власть, способную къ принужденію.

Въ дѣлахъ мелочныхъ—конечно возможенъ международный судъ, въ качествѣ третейскаго, добровольно выбраннаго. Но даже и въ этомъ случаѣ было бы гораздо раціональнѣе выбирать третейскимъ судьей отдѣльное *частное лицо*, которое можно предположить незаинтересованнымъ, а потому безпристрастнымъ. Въ отношеніи же какихъ-либо державъ такое предположеніе совершенно чуждо сознанія дѣйствительности. Споры однихъ державъ всегда такъ или иначе касаются интересовъ другихъ державъ. Безпристрастія тутъ ни у одной, яко бы «посторонней» державы не можетъ быть и не бываетъ.

Сверхъ того обязанность каждаго Правительства состоитъ въ томъ чтобы достигать осуществленія интереса своей страны, а вовсе не отвлеченной справедливости, для которой въ междугосударственныхъ столкновеніяхъ не существуетъ никакого прочнаго и безспорнаго мѣрила.

Въ чемъ оно? Право національности на независимость—есть совершенно произвольное положеніе. Нельзя даже опредѣлить что такое «національность»? Права тѣхъ или другихъ народовъ на ихъ территоріи тоже *всѣ* спорны. Съ общечеловѣческой, нравственной, точки зрѣнія нельзя даже утверждать, будто бы племя, случайно занявшее богатую область, имѣетъ исключительное право на нее, а племя, слу-

чайно загнанное исторіей въ безплодную тундру, обязано вѣчно ею довольствоваться, не имѣя права требовать себѣ у счастливыхъ сосѣдей частички доставшихся имъ благъ природы... Нельзя также отрицать, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, чтобы государство, умѣвшее развить культуру и высокую, благородную жизнь, не имѣло права силой подчинить себѣ другое государство, создавшее строй дикій и развращающій народы...

Весьма часто нѣтъ такого ума, кромѣ Божьяго, который бы способенъ былъ рѣшить, на чьей сторонѣ высшая справедливость въ международныхъ спорахъ. Всякое же правительство должно въ этихъ случаяхъ помнить свой долгъ передъ собственной націей. Націи создаютъ себѣ верховную власть не для другихъ, а для себя. Эта верховная власть, и ея государство, обязаны заботиться объ интересахъ своей націи, и о поддержаніи этихъ интересовъ въ мірѣ, среди другихъ народовъ. Отдавать же судьбу интересовъ своего народа въ чужія руки, подчинять его рѣшенію чужихъ державъ, правительство не имѣетъ права. Это идея не государственная, а вотчинная, чуждая сознанія *обязанностей* передъ націей и государствомъ. Но такое Правительство не можетъ долго существовать, такъ какъ сомкнувшаяся въ государство нація не допуститъ столь произвольнаго распоряженія своими судьбами.

Такимъ образомъ, идея упразднить личное рѣшеніе государствами спорныхъ пунктовъ своихъ интересовъ не только теоретически не состоятельна, но и практически неисполнима, за отсутствіемъ силы, способной ее осуществить.

Общее заключеніе.

LVI.

Судьбы монархическаго принципа.

Исторія государствъ міра была, въ теченіе тысячелѣтій, связана по преимуществу съ монархическимъ принципомъ. Въ настоящее время положеніе дѣлъ и фактически, и въ представленіяхъ людей весьма измѣнилось. Будущее человѣчества, по мнѣнію современниковъ, связано съ принципомъ демократіи. Если число республикъ въ Европѣ доселѣ не велико, и изъ числа прежнихъ монархій, за XIX вѣкъ, только Франція и Бразилія превратились въ республики, то во всѣхъ остальныхъ монархіяхъ культурныхъ странъ введены *ограниченія* Верховной Власти монарха. Это, конечно, есть шагъ къ превращенію его въ наслѣдственнаго Президента Республики. Между тѣмъ за то же время не было ни одного случая усиленія Королевской или Императорской власти *).

Но смысла историческаго процесса нельзя опредѣлять только на основаніи наблюденія тенденцій одной какой либо эпохи. Человѣчество вовсе не всегда правильно догадывается, къ чему оно идетъ. Исторія Греціи, по общему убѣжде-

*) Усиленіе Монархической власти произошло только въ Японіи, но и здѣсь усилилось не значеніе Микадо, какъ Верховной Власти, а только его управительная власть. До Императора Муцухито, Микадо были совсѣмъ лишены управительной власти, которая принадлежала всецѣло Сёогуну. Теперь въ Японіи есть Парламентъ, но съ гораздо меньшими правами, чѣмъ прежніе Сёогуны.

нію всѣхъ ея политическихъ людей и гражданъ, была процессомъ развитія демократіи. А между тѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ завершился всемірной монархіей Александра Македонскаго, который явился представителемъ культурнаго дѣла, подготовленнаго предшествовавшимъ періодомъ развитія демократіи. Такого исхода не ждали Греки ни при Ѳемистоклѣ, ни при Периклѣ. Не представляли себѣ и доблестные республиканцы Рима, временъ Пуническихъ войнъ, грядущаго появленія Цезаря и Августа.

Для возможности предположеній о судьбахъ политическихъ принциповъ власти несравненно больше даетъ ихъ внутренняя политическая способность, въ связи съ задачами развитія націй. Властвующимъ принципомъ будущаго всегда явится тотъ, который наиболѣе способенъ осуществить задачи органическаго развитія націи, и, разсматривая современный историческій процессъ культурныхъ странъ, весьма вѣроятно ожидать возрожденія монархическаго принципа.

Прежде всего, то, что было осуждено эволюціей государственности Европы съ XVIII вѣка,—вовсе не было дѣйствительной *монархіей*. Не монархія въ ней была упразднена, или ограничена, а *абсолютистскій произволъ*, оказавшійся не способнымъ служить организаціи усложнившихся соціальныхъ силъ и охранять свободу личности. Но для сужденія о будущемъ очень важно то обстоятельство, что и демократія оказалась весьма мало состоятельной для осуществленія той потребности, которой не былъ способенъ удовлетворить низвергнутый абсолютизмъ.

Ни въ одной странѣ демократія не могла создать другихъ орудій управленія, кромѣ своего «представительства», которое повсюду, гдѣ достаточно развилось, обнаружило неудержимыя стремленія къ узурпаціи народной власти въ рукахъ новой своего рода «аристократіи» профессіональныхъ политикановъ. Ни довольства этой формой правленія, ни довѣрія къ ней, нѣтъ нигдѣ у народовъ; насущныя задачи новаго общества — примирительная организація его расчленившихся соціальныхъ словъ, — нигдѣ не осуществлена, и вну-

тренняя соціальная борьба, производящая революціи, и грозящая окончательной «соціальной ликвидаціей»—повсюду только разгорается.

Итакъ, политическія способности демократическаго принципа, въ новыхъ условіяхъ современныхъ обществъ, оказались также недостаточными. Предположить возникновеніе какихъ-либо прочныхъ аристократическихъ силъ, которыя бы сумѣли удовлетворить современное общество—почти невозможно*).

А между тѣмъ монархическая власть, *по свойствамъ* своимъ, могла бы за это взяться, если бы народное чувство снова дало ей на это возможность.

Значеніе государства состоитъ въ томъ, что оно даетъ мѣсто сознательному человѣческому творчеству. Это же творчество имѣетъ своимъ источникомъ силы частныя, которыя тѣмъ болѣе дѣятельны, чѣмъ болѣе вѣрны каждая сама себѣ, своему основному принципу. Общее творчество, стало быть, тѣмъ болѣе широко, чѣмъ свободнѣе и сложнѣе творчество частныхъ силъ. Государство поэтому тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе оно допускаетъ въ *общемъ* творчествѣ существованіе и дѣйствіе силъ частныхъ, составляющихъ націю. Болѣе *совершеннымъ* принципомъ *верховной власти* является тотъ, который въ наибольшей степени допускаетъ, въ коллективномъ единствѣ, существованіе и жизнедѣятельность силъ частныхъ. Съ этой стороны *монархія*, въ идеѣ, имѣетъ всѣ преимущества передъ *демократіей* и *аристократіей*.

Монархія основана на верховной власти *идеальнаго объединяющаго* принципа. Но верховная власть идеальнаго объединяющаго принципа не исключаетъ, а даже требуетъ дѣйствія частныхъ подчиненныхъ принциповъ. Наоборотъ, другіе принципы верховной власти имѣютъ естественное стремленіе исключать дѣйствіе другихъ. Демократія, основанная на вер-

---

*) Это было бы легче представить себѣ въ соціалистическомъ строѣ, какъ я говорилъ въ „Демократіи либеральной и соціальной". Но само соціалистическое государство — такая невѣроятность, что почти равна невозможности, по крайней мѣрѣ если за это не возьмутся какіе-нибудь „Сіонскіе мудрецы" (если они не миѳъ).

ховной власти количественной силы—по существу враждебна влiянiю *нравственной* силы, какъ въ ея аристократическихъ формахъ, такъ и въ формахъ единоличнаго влiянiя. Монархическое самодержавiе свободно отъ такой тенденцiи. Оно, конечно, не допускаетъ *преобладанiя* численной силы надъ *нравственной*, но, подчиняя значенiе большинства господству *идеала*, самимъ большинствомъ раздѣляемаго, монархическiй принципъ не уничтожаетъ значенiя этого большинства, а только отнимаетъ у него возможность быть тормозомъ развитiя цѣлаго общества. Такимъ образомъ, государство при монархической верховной власти наилучше обезпечиваетъ *качественную* сторону коллективнаго творчества.

Но монархiя наилучше обезпечиваетъ также и *количественное* коллективное творчество, ибо особенно способна къ объединенiю большихъ и разнородныхъ массъ.

Давая и количественно и качественно болѣе возможности развитiя нацiи, монархiя въ такой же степени превосходитъ демократiю въ установленiи прочности и единства правленiя. Единства народной воли почти никогда не существуетъ, а потому *верховная власть* въ демократическомъ государствѣ, *какъ правило*, имѣетъ тѣ недостатки (шаткость, перемѣнчивость, неосвѣдомленность, капризы, слабость), которые въ монархiи являются *какъ исключенiе*. Единство воли въ отдѣльной личности столь же нормально, какъ рѣдко и исключительно въ массѣ народа. Въ организацiи же самаго управленiя монархiя единственно способна охранить *самостоятельность* народной массы.

Вслѣдствiе этихъ природныхъ преимуществъ монархiи,—она и составляла до сихъ поръ обычную норму государственной жизни человѣчества. Въ исторiи чаще всего мы встрѣчаемъ именно ее, и величайшiя эпохи нацiональнаго творчества, въ большинствѣ случаевъ, отмѣчаются именами монарховъ. Весьма вѣроятно предположенiе, что и *современные* запросы народовъ не будутъ на самомъ дѣлѣ удовлетворены, пока не дорастутъ до всенародной ясности, при которой среди потомковъ нашихъ нацiй получитъ возможность снова явиться *монархiя* и совершить то, что не удается сдѣлать демократiямъ.

Въ настоящее время вражда классовъ затмеваетъ въ народахъ сознаніе ихъ солидарности, а теорія «общегражданскаго строя» мѣшаетъ государству явиться объединяющей ихъ силою. Абсолютизмъ же повсюду скомпрометировалъ монархическую идею, и испортилъ семыя династіи. Но вражда классовъ когда-нибудь обнаружитъ свою зловредность для всѣхъ, научная мысль прійдетъ къ болѣе счастливымъ концепціямъ государственности. Тяжкіе вины абсолютизма будутъ забыты народами, среди страданій отъ политиканской узурпаціи, и политическая жизнь выдвинетъ фамиліи, достойныя поднять знамя всенароднаго идеала... Тогда—вѣроятнѣе всего, монархія снова и явится всемірной дѣятельницей прогресса.

Трудность возникновенія и поддержанія монархіи состоитъ лишь въ томъ, что она требуетъ присутствія въ націи живого и общераздѣляемаго *нравственнаго идеала.*

Поэтому будущее монархическаго принципа въ современныхъ культурныхъ странахъ опредѣляется болѣе всего тѣмъ, какое окончательное направленіе возобладаетъ въ міросозерцаніи культурнаго міра. Въ этомъ общемъ процессѣ выработки міросозерцанія свою значительную роль можетъ имѣть *политическая наука.* Если ея усилія направятся на серьезное изученіе основныхъ формъ власти—монархическое начало, по всей вѣроятности, будетъ ею со временемъ снова выдвинуто, какъ лучшее орудіе развитія культуры.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ:

Отдѣлъ I.—Источники власти въ обществѣ.

Главы: I. Психологическія основы общественности.—II. Психологическія основы власти.—III. Цѣли общественной власти. Порядокъ. Осуществленіе правды.

Отдѣлъ II.—Государство и верховная власть.

Главы: IV. Государство, какъ завершеніе общества и охрана свободы. Неизбѣжность государственности.—V. Содержаніе государственности.—VI. Структура государства и его составные элементы.

Отдѣлъ III.—Власть верховная.

Главы: VII. Власть верховная и управительная.—VIII. Простота принципа верховной власти. — IX. Единство верховной власти и раздѣленіе властей управительныхъ.—X. Причина необходимости управительныхъ властей. Законъ предѣльности дѣйствія и раздѣленія труда. Дѣйствіе прямое и передаточное.—XI. Принципъ представительности верховной власти. Классъ политикановъ. Бюрократія.—XII. Принципы власти и образы правленія.—XIII. Основныя формы власти суть типы, а не фазисы эволюціи власти.—XIV. Внутренній смыслъ основныхъ типовъ власти.

Отдѣлъ IV.—Общія основы монархіи.

Главы: XV. Общія соображенія.—XVI. Значеніе религіозныхъ представленій. — XVII. Реальность религіозныхъ вліяній.—XVIII. Религіозный элементъ въ единоличной верховной власти.—XIX. Нравственный отпечатокъ религіозной идеи. — XX. Монархическое начало въ связи съ явленіями соціальнаго строя.—XXI. Вліянія внѣшней и внутренней политики.—XXII. Политическая сознательность. — XXIII. Разновидности монархической власти.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ:

Отдѣлъ I.—Римскій абсолютизмъ.

Главы: I. Римская историческая идея. Первоначальный строй республики. — II. Паденіе патриціата. Господство узурпаціи.—III. Императорская идея. — IV. Юлій Цезарь.—V. Римская Имперія, какъ делегація народнаго верховенства единому лицу, лично почитаемому богомъ.—VI. Абсолютизмъ Римской Имперіи. Конечный переходъ его въ идею восточной деспотіи.—VII. Эволюція Римской государственности.

Отдѣлъ II.—Теократія прямая и делегированная.

Главы: VIII. Идея теократіи.—IX. Подготовка соціальнаго строя.—X. Народное требованіе власти.—XI. Царь, какъ Божественная делегація.

Отдѣлъ III.—Византійская государственность.

Главы: XII. Конецъ Римскаго абсолютизма.—XIII. Константинъ Великій.—XIV. Соединеніе христіанской и Римской идеи.—*XV*. Церковь и Государство.—XVI. Смѣшеніе націи и церкви.—XVII. Отношеніе автократора къ церкви. — XVIII. Византійская идея двухъ неразрывныхъ властей.—XIX. Жизненность Византійскаго церковнаго строя.—XX. Значеніе союза церкви для государства. Остатки абсолютизма.—XXI. Недостатки соціальнаго строя.—XXII. Государственныя обязанности церкви.—XXIII. Византійская бюрократія.—XXIV. Непрочность наслѣдственности. Недостатокъ легитимности.—XXV. Идея личной заслуги.—XXVI. Борьба за власть.—XXVII. Исчезновеніе патріотизма.—XXVIII. Причины гибели Византіи.

Отдѣлъ IV.—Церковная идея въ Европейской монархіи.

Главы: XXIX. Общая почва Европейской монархіи.—XXX. Римская идея церкви. Борьба церкви и государства.—XXXI. Протестантская идея церкви. Возрожденіе абсолютизма.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Отдѣлъ I.—Выработка типа верховной власти.

СОДЕРЖАНІЕ. Главы: I. Общія благопріятныя условія. — II. Древне-русскій князь.—III. Борьба демократическаго и аристократическаго началъ.—IV. Національная борьба за существованіе.—V. Вліяніе церкви.—VI. Вліяніе религіозной идеи.—VII. Ростъ Царской идеи.—VIII. Андрей Боголюбскій, идея самодержавія.—IX. Выработка престолонаслѣдія.—X. Московскій Царь.

Отдѣлъ II.—Единеніе верховной власти и націи.

Главы: XI. Единство идеаловъ царя и народа. Ученіе Іоанна Грознаго. — XII. Единеніе народнаго идеала съ царскимъ.—XIII. Правильный ростъ государственныхъ учрежденій.—XIV. Общеніе царя и народа въ управленіи. Боярская Дума. Земскіе соборы.—XV. Общеніе государства и народа въ церковномъ управленіи.—XVI. Царскій судъ.—XVII. Единеніе царя и народа въ управительной области (самоуправленіе).

Отдѣлъ III.—Слабыя стороны русской государственности.

Главы: XVIII. Недостатокъ сознательности.—XIX. Шаткость политическаго строенія.—XX. Появленіе бюрократіи. — XXI. Кризисъ московскаго міросозерцанія.—XXII. Банкротство сознательности. Появленіе абсолютизма.—XXIII. Европейское умственное иго.—XXIV. Петръ Великій, какъ русскій человѣкъ.—XXV. Противорѣчія принциповъ Петровской эпохи.

Отдѣлъ IV.—Самосознаніе Петербургскаго періода.

Главы: XXVI. Сложность работы самосознанія. — XXVII. Инстинктъ и сознаніе. — XXVIII. М. Н. Катковъ.—XXIX. И. С. Аксаковъ.—XXX. А. Кирѣевъ, М. Юзефовичъ и др.—XXXI. К. Н. Леонтьевъ.—XXXII. Неясность научнаго сознанія.

Отдѣлъ V.—Управительная система и связь съ націей.

Главы: XXXIII. Подражательность управительной системы. Коллегіальная бюрократія. Петръ I. Екатерина II. — XXXIV. Бюрократія отъ Петра I до Александра II.—XXXV. Бюрократія въ церкви.—XXXVI. Связь верховной власти съ націей. Идеократическій элементъ.—XXXVII. Значеніе дворянства. — XXXVIII. Сохраненіе типа верховной власти.

Отдѣлъ VI.—Современный моментъ Русской государственности.

Главы: XXXIX. Неясность момента. — XL. Историческая идея въ концѣ ученичества.—XLI. Революціонный духъ періода.—XLII. Соціальныя условія новаго періода.—XLIII. Состояніе народной массы.—XLIV. Историческій моментъ. Разобщеніе власти и народа.—XLV. Разслабленіе національныхъ силъ.—XLVI. Разслабленіе государственнаго управленія.—XLVII. Заключеніе.